

З. Г. Абдуллаев

ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

I

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства

З. Г. Абдуллаев

ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

I

ФОНЕТИКА

МОСКВА "НАУКА"

1993

Рецензенты:

кандидаты филологических наук *К.С. Кадыраджиев, М.-Ш.А. Исаев,*
К. Микаилов, Н.Д. Сулейманов, А. Абдусаламов,
доктор филологических наук *Г.Х. Ибрагимов*

З.Г. Абдуллаев.

А 13 Даргинский язык. I. Фонетика — Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН. — 1993 г. 286 с.

ISBN 5-02-011531-2

В первой книге из трехтомного "Даргинского языка" З.Г. Абдуллаева рассматриваются основные вопросы фонетической системы даргинского языка. Характеристика гласных и согласных современного даргинского языка отличается от работ предыдущих исследователей добротностью анализа и достаточной аргументацией, направленной на развитие и обновление фонетики и фонологии не только даргинской, но и других дагестанских языков.

Для всех изучающих даргинский язык и интересующихся проблемами фонетики дагестанских языков.

А 4602020200—093 Заказное
042(02)—93

ББК 81-1 Даг

ISBN 5-02-011531-2

© Абдуллаев З.Г., 1993 г.

© Российская академия наук, 1993 г.

*Памяти выдающихся
общественно-политических деятелей,
ученых, просветителей и педагогов Дагестана,
замечательных представителей даргинской интеллигенции*

АЛИБЕКА АЛИБЕКОВИЧА ТАХО-ГОДИ

(1892—1937)

МАГОМЕДА МЕДЖИДОВИЧА МЕДЖИДОВА

(1910—1991)

посвящается эта книга

В работе рассматриваются звуковой состав и морфонологические процессы современного даргинского языка. Все теоретические положения и выводы вытекают из анализа конкретных языковых фактов. В этой связи можно заметить, что мирового языкознания как единого целого, как всеохватывающей теории не существует, так как не существует единого мирового языка. Языкознание имеет своим объектом разные языки, поэтому и теория языкознания должна различаться. Нет и не может быть единой теории для разных языков. "Попытки некоторых лингвистов строить общелингвистические концепции, *пригодные для любых методологий*, претенциозны и бесплодны" [Филин 1978, 25]. Это касается и фонетики вообще, и теории фонемы в частности.

Не будет большого риска ошибиться в утверждении, что в даргинском языке звук и фонема — понятия тождества. Здесь нет морфонологически нерелевантных вариаций или вариантов гласных и согласных фонем. При должном учете связи смысловразличительной функции звуковых единиц с морфемным строем языка понятие фонемы вполне могло бы быть заменено понятием морфемы. Представляется возможным и закономерным полагать, что в узуальной системе своего функционирования каждая фонема даргинского языка — конкретный звук, а каждый звук — конкретная фонема (морфонема). В словесных формах хюркилинского диалекта, например, *бжъыс* 'сделать' (инф., сов.) ~ *бикъыс* 'делать' (инф., несов.) ~ *бакъа* 'сделай' (имп., сов.) гласные *э, и, а*, предшествующие корневому согласному *къ*, не являются вариантами какой-то общей фонемы. Все три гласные — самостоятельные фонемы (морфемы). Одна из них без ущемления морфонологического значения данной конкретной категориальной формы не может быть заменена другой. У данных гласных нет ни фонологической вариантности по отношению друг к другу, ни общей (единой) фонемной субстанции, каждый из них наделен самостоятельным значением и имеет свой статус фонемы (морфемы). В хюркилинских словесных формах *ник^о* 'ноготь' ~ мн. *никуби* ~ ген. *ник^{о̄}* - *к^{о̄}они* 'живот' ~ мн. *кумми* (← *кунби*) ~ ген. *к^{о̄}онё*, *гъуни* 'дорога' ~ ген. *гъ^{о̄}*, *хъу* 'пашня' ~ ген. *хъ^{о̄}* и т.д. наблюдается противопоставление: *о ~ у, о ~ о̄, у ~ о̄, и ~ ё̄*. Каждый член оппозиции представляет собой самостоятельную морфему. Гласные *о ~ о̄* не являются составляющими признаками некоего мыслительного конструкта, а представляют собой реальные звуковые единицы со своими индивидуальными морфемными субтанциями.

Еще более разительны свидетельства согласных даргинского языка относительно своей морфонологической природы и смысловозначительного функционирования. Все подмножество согласных образует единую систему. Эта система состоит из фонем (морфем) и их дивергентов (аллофон и алломорф). В акушинских словесных формах, например, *вакIес* 'прийти' (инф., сов.) ~ *вашес* 'приходить' (инф., несов.) представлено противопоставление корневых согласных *кI* ~ *ш*. Акушинской форме *вакIес* в цудахарском диалекте соответствует *вачIуз*, а акушинской форме *вашес* в хайдакском диалекте — *вахъара*. Следовательно, в общностных словесных формах даргинских диалектов *вакIес* ~ *вашес*, *вакIес* ~ *вачIуз*, *вашес* ~ *вахъара* представлено противопоставление согласных *кI* ~ *ш*, *кI* ~ *чI*, *ш* ~ *хъ*. Никакими фонетическими законами это противопоставление корневых согласных объяснено быть не может. В языке нет ни соответствующих аналогий, ни параллелей. Очевидно, что имеет место не фонетическое чередование согласных, а дивергенция корневых морфем. Анализ происхождения корневых морфем глагола приводит к предположению, что из четырех представленных морфемных согласных *ш* является исходным, а *кI*, *чI*, *хъ* — дивергентами. Исходная корневая морфема *ш* генетически восходит к дейктонимическому корню лица *ш*. Очевидность дейктонимического происхождения данных глагольных форм делает возможным прийти к выводу: согласные звуки — это исторически корневые морфемы. Морфемы древнее звуков (фонем). Вопрос о том, соединяются звуки для образования полифонемных морфем или же морфемы расчлениются на составные звуки, решается в пользу первичности морфем. Поэтому исторически справедливо было бы говорить о "морфемном языке", а не о "звуковом". Морфонеми, аллофоны и алломорфы в даргинском языке — единицы морфонологического уровня анализа.

Звуковая система даргинского языка состоит из двух подмножеств. Одно подмножество образуют гласные, а другое — согласные. Исторически согласные представляют собой корневые морфемы. Это касается согласных всех видов аффиксальных морфем — корневых, префиксальных, инфиксальных и суффиксальных. Сюда входят все согласные категориальных морфем — падежных, классовых, личных, временных, пространственных, целевых, каузальных, вопросительных, отрицательно-запретительных и др., одним словом, морфемные согласные всех грамматических категорий имени и глагола. Сказанное утверждает идею происхождения грамматических элементов из лексических. Уровень лексических единиц предшествует уровню грамматических единиц. Поскольку малое количество исходных лексических единиц лежит в основе образования большого количества грамматических единиц (категориальных морфем), в формировании и становлении грамматической структуры действует закон дисперсности первичных корней. Если функционально и генетически согласные представляют собой корневые морфемы лексических единиц, то смысловозначительное и морфонологическое функционирование гласных — явление вторичного порядка. Гласные первоначально выполняли, очевидно, роль огласовок корневых согласных,

лишь впоследствии, в процессе образования грамматической парадигматики словесных форм, они получили различительные функции морфонологических единиц.

В работе исследованием охватываются такие языковые единицы и понятия, которые не характерны для даргинской литературной нормы, а являются специфической особенностью того или иного диалекта или группы диалектов, но имеют, на наш взгляд, важное научное значение как для решения отдельных общезыковых вопросов, так и для наиболее полного представления общей картины морфонологической системы даргинского языка в целом. К таким единицам относятся, в частности, долгие и фарингальные гласные, лабиализованные и напряженные согласные, которые характерны для отдельных диалектов, но отсутствуют в литературном даргинском языке. Анализом затрагиваются и такие единицы, которые хотя и не характерны для литературного даргинского языка, но имеют в научной литературе довольно противоречивую и подчас ошибочную трактовку, причем недоразумение простирается на целый ряд смежных вопросов, так или иначе связанных с анализируемыми величинами. В этом отношении характерно толкование природы гласного *o* и связанных с ним морфонологических явлений или лабиализованных согласных и искусственно связываемых с ними квазидифтонгов. Освещение и целого ряда других морфонологических процессов оставляет желать большей точности и должного соответствия языковым фактам. К сожалению, ряд работ по даргинскому языку, особенно работы в области фонетики и диалектологии, страдают одним весьма существенным недостатком — отсутствием должной точности в фиксации языковых фактов. Наблюдается пренебрежение необходимостью тщательной проверки и перепроверки привлекаемых к анализу языковых фактов. Иные авторы даже в местах полемики умудряются допустить неточные записи, искажая чужие воззрения и анализируемые материалы. Нетрудно себе представить уровень качества и научной ценности положений и выводов, построенных на базе таких записей. Нередки случаи, когда языковые факты подбираются и подгоняются к заранее подготовленной научной версии (примером может послужить экземплификация концепции о всеобщей глухости напряженных согласных, функционирования развитой системы восходящих и нисходящих дифтонгов с участием в их составе широкого круга согласных, в том числе и классных показателей, теории распада смычных лабиализованных согласных и образования на этой базе билабиальных спирантов и т.д.). Даргинское языкознание, к сожалению, полно такими надуманными концепциями и теориями. Вдобавок ко всему, в последнее время некоторые специалисты, увлекающиеся моделированием фонологической системы (по западному образцу, разумеется), факты даргинского и других дагестанских языков стали привлекать для иллюстрации фонологической теории моделирования по образцу американских и других западных специалистов. Здесь тоже не обходится, к сожалению, без искажения фактов, не говоря уже о том, что морфонологические элементы языков одной артикуляционной базы не могут подтвердить и иллюстрировать теоретические постулаты,

построенные на базе материалов языков иной артикуляционной базы. Моделирование единой фонологической системы для разных языков — это дематериализация конкретного языка. "Попытки дематериализовать язык, представленные как общий принцип языкознания, для нас неприемлемы" [Филин 1978, 24].

По ходу освещения того или иного конкретного вопроса и по мере необходимости установления или восстановления научной истины некоторые ошибочные концепции и положения специалистов подвергаются критическому анализу независимо от того, относятся они к литературному даргинскому языку или же к тому или иному отдельному диалекту или группе диалектов данного языка.

Перед работой ставятся две общие цели: 1) по возможности преодолеть существующие в специальной литературе по даргинскому языку разногласия и ошибочные положения в трактовке анализируемых языковых явлений, 2) установить статус подлинных признаков функционирования рассматриваемых языковых величин и снабдить их соответствующими иллюстрациями. В плане первом работа в определенной степени носит полемический характер. Достижение же второй цели зависит от взглядов самого автора, от его наблюдательности и понимания специфических свойств языковых фактов, от его умения их анализировать.

Обе цели представляют собой удобные мишени для критического обстрела. Автор руководствовался мыслью: "Неоспоримое *право* принципиальной критики в науке неотделимо от *обязанности* точно изложить анализируемое воззрение и верно его понять" [Чикобава 1959, 4]. К этому же призывает он и своих возможных оппонентов. Вместе с тем многим из них он глубоко благодарен за высказанные ими пожелания и замечания в ходе подготовки работы.

Изданием этой книги автор обязан благотворительной помощи регионального коммерческого банка "Кавказ—Кредобанк" и его руководителя М.М. Меджидова, которому я приношу свою сердечную признательность.

Дать историю изучения системы гласных звуков даргинского языка на первый взгляд представляется довольно несложным делом. Такое представление объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что эта система значительно проще системы согласных звуков и в науке описанию её уделено относительно незначительное место. Тем не менее представляется небезынтересным дать по ходу анализа краткий обзор мнений и точек зрения специалистов относительно как системы гласных в целом, так и природы и функциональных особенностей отдельных гласных звуков — в частности.

В литературном даргинском языке система гласных звуков представлена пятью единицами: *a, э, e, и, у*. Общей характеристикой всех этих гласных является фонологическая дистинктивность их функционирования. В этом отношении все эти гласные характерны не только для литературного даргинского языка, но и для всех без исключения диалектов данного языка. Поэтому все, что в науке сказано относительно того или иного из указанных гласных, в одинаковой мере касается как диалектов даргинского языка, так и литературной нормы, т.е. если тот или иной исследователь так или иначе характеризует природу, скажем, гласного *э* в хюркилинском диалекте, то эта характеристика в одинаковой степени касается данного звука как в других диалектах, так и в литературной норме.

Отметим сразу же, что для обозначения гласных звуков литературного даргинского языка в данной работе мы будем пользоваться в основном буквами практического алфавита: *a, e, и, у*. Исключение составляет только одна буква *э*, употребляемая нами для отражения фарингального гласного. Буквы *a, e, и, у* для отражения соответствующих гласных используются и в других научных исследованиях по даргинскому языку. Что же касается буквы *э*, то она имела употребление в даргинской письменности на базе латинской графики до 1938 г. После перевода письменности на русскую графику (1938) фарингальный гласный (*э*) до 1967 г. стал обозначаться то буквой *я*, то буквой *a*. В 1967 г. орфографическая комиссия приняла решение в новых орфографических правилах обозначать данный звук только буквой *я*. Таким образом, в современном практическом алфавите литературного даргинского языка фарингальный гласный, обозначаемый нами здесь буквой *э*, передается буквой *я*. В научной же литературе для передачи данного звука используются еще и такие буквы: *æ, ä, аь, al*.

Из всех семи указанных символов (*æ, ä, аь, al, a, я, э*), употреб-

ляемых для передачи одного и того же фарингального гласного, нам представляется наиболее удачным символ *ə*. Символы *æ*, *ä*, *аь*, *аІ* технически сложны и в то же время весьма близки к букве *а*, что нередко приводит к путанице обозначаемых ими гласных. В качестве знака фарингального гласного буква *а* вовсе не подходит хотя бы в силу того, что она уже употребляется для передачи соответствующего ей другого обычного гласного. Для этой цели букву *я* также нельзя считать удачной, так как в даргинском языке она употребляется еще для передачи разных звуковых комплексов: *йа*, *йә*. Все эти обстоятельства послужили основой нашего предпочтения букве *ə*.

Итак, в литературном даргинском языке система гласных представлена пятью звуковыми единицами: *а*, *ə*, *е*, *и*, *у*.

В литературном языке нет ни долгих гласных, ни специфических фарингальных (не считая фарингального *ə*) или фарингализованных гласных, характерных для отдельных даргинских диалектов (сирхинского, арбукского, цудахарского). Нет также гласного *о*, ни в дистинктивной, ни в аллофонической функции. Но в работе речь ведется обо всех этих гласных, так как в ней делается попытка представить по возможности полную картину звуковой системы не только литературной нормы, но и всего даргинского языка в целом, где наличие указанных гласных является несомненным фактом языковой действительности.

* * *

П.К. Услар (1816—1875), положивший начало подлинному научному изучению даргинского языка, описал один из его диалектов по речи аула *ХІурихъи* или *ХІурхъила ши* "селение хюруков". В своем труде, соответственно названном "Хюркилинским языком", П.К. Услар представил систему гласных в составе десяти звуковых единиц. Шесть из них являются простыми гласными: *а*, *ə*, *е*, *и*, *о*, *у*, четыре — долгими гласными: *ā*, *ē*, *ē̄*, *ī̄*. Гласные *о* и *у* не имеют своих соответствующих долгих коррелятивов (морфем). "За исключением *о* и *у*, они могут быть долгие и короткие", — пишет П.К. Услар [1892, 6].

Л.И. Жирков (1885—1963) в своей "Грамматике даргинского языка", написанной по хюркилинским материалам книги П.К. Услара, отмечает те же простые гласные, что и П.К. Услар: *а*, *ə*, *е*, *и*, *о*, *у*. Но в отличие от П.К. Услара, среди долгих гласных он отмечает и гласные *ō* и *ū̄*² [Жирков 1926, 10]. Стало быть, по мнению Л.И. Жиркова, система гласных по материалу хюркилинского диалекта состоит из двенадцати звуковых единиц (шесть простых: *а*, *ə*, *е*, *и*, *о*, *у*, шесть долгих: *ā*, *ē*, *ē̄*, *ī̄*, *ō*, *ū̄*). По материалу же арбукского диалекта Л.И. Жирков засвидетельствовал систему простых гласных в составе четырех звуковых единиц: *и*, *е*, *а*, *у*. Вместе с тем автор указывает, что в данном диалекте "все гласные" могут являться краткими или долгими, таким образом, имеем: *ī̄*, *ē̄*, *ā̄*, *ū̄*. Л.И. Жирков [1930, 260] отмечает также наличие в арбукском диалекте "комбинаторных вариантов", которыми являются "гласные особого оттенка

в соседстве с гортанными согласными (*ɣI, xI*)", т.е. соответствующих фарингальных гласных. Таким образом, в арбукском диалекте Л.И. Жирков засвидетельствовал систему гласных в составе двенадцати звуковых единиц: четырех простых (*и, е, а, у*), четырех фарингальных (*э, ё, ү, ь*) и четырех долгих (*ĩ, ē, ā, ŷ*). По материалам же обоих диалектов (хюркилинского и арбукского) общая система гласных даргинского языка, по Л.И. Жиркову, состоит из пятнадцати звуковых единиц: пяти простых (*а, е, и, о, у*), четырех фарингальных (*э, ӱ, ё, ь*) и шести долгих (*ā, ẽ, ē, ŷ, ȳ, ȷ*).

А.А. Магомедов [1958; 1963], исследователь и представитель арбукского диалекта, отмечает в данном диалекте ту же систему гласных из двенадцати звуковых единиц, что и Л.И. Жирков: четыре простых (*а, е, и, у*), четыре фарингальных (*э, ё, ӱ, ь*), четыре долгих (*ā, ē, ŷ, ȷ*).

С.Н. Абдуллаев (1903—1952) в литературном даргинском языке отмечает пять исконных гласных (*и, е, а, э, у*) и две гласных, вошедших с русскими заимствованиями (*о, ы*) [1954, 25]. Вместе с тем автор указывает, что в хюркилинском и арбукском диалектах имеются также долгие гласные. Среди долгих гласных хюркилинского диалекта он, в частности, отмечает: *ĩ, ē, ā, ẽ, ȳ* [Там же, 31]. В авторских примерах на долгие гласные арбукского диалекта наблюдается также гласный *ȷ*, но нет долгих *ȳ, ẽ* [1954, 33]. Впрочем, автор не указывает конкретно, какие долгие гласные характерны для арбукского диалекта. Вообще о долгих гласных хюркилинского и арбукского диалектов автор ведет речь в плане их происхождения и функционирования, не ставя перед собой цели выявить их общее количество и систему.

Фарингальные гласные в арбукском и цудахарском диалектах даргинского языка С.Н. Абдуллаев не подвергал специальному исследованию. Между тем автор делает довольно любопытную запись относительно некоторых фарингальных гласных. Причем относится эта запись не к указанным диалектам даргинского языка, которые характеризуются наличием фарингальных гласных, а к акушинскому диалекту, легшему в основу литературной нормы и характеризующемуся отсутствием фарингальных гласных: "В акушинском диалекте (в устной речи) имеются также глоттизированные гласные *о, и*, а также *у* переднего ряда огубленный. В этом отношении, возможно, акушинский диалект испытал влияние цудахарского" [С. Абдуллаев 1954, 30]. К сожалению, положение автора осталось неиллюстрированным какими-либо примерами с указанными "глоттизированными" гласными и поэтому трудно их себе представить в акушинском диалекте. Тем не менее, по мнению С.Н. Абдуллаева, общая система гласных даргинского языка (по материалам акушинского, хюркилинского и арбукского диалектов) состоит из четырнадцати звуковых единиц: четырех простых гласных (*и, е, а, у*), четырех фарингальных гласных (*э, ӱ, ё, ь*) и шести долгих гласных (*ĩ, ē, ā, ẽ, ȳ, ȷ*).

Ш.Г. Гаприндашвили (1915—1968) уделил много внимания описанию и экспериментальному анализу фонетической системы даргинских диалектов, однако допустил немало серьезных противоречий и

неточностей в анализе звуковой системы даргинского языка. Система гласных в его работах представлена довольно сложно и запутанно как в количественном, так и в качественном отношении.

В цудахарском диалекте даргинского языка Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 108] отмечает семь гласных: *и, е, а, э, о, у, ħ*. По мнению автора, гласный *э* является палатальным вариантом гласного *а*, гласный *ħ* — продуктом фонетических изменений гласных *и* и *у*, гласный *о* — продуктом упрощения дифтонга *wa* [там же].

В литературном даргинском языке Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 11] отмечает шесть гласных: *и, е, а, э, о, у*. Причем, по мнению автора, "гласный *о* в литературном даргинском произношении представляет собою лабиализованный вариант гласного *а*", а гласный *э* также является "фонетическим вариантом гласного *а*".

"В отличие от литературного даргинского языка, — пишет Ш.Г. Гаприндашвили, — в диалектах последнего встречаются и другие гласные, как, например, индифферентный гласный *ɔ*, фарингализованные *ï* и *ʏ*" [1955, 112].

Артикуляционные особенности "индифферентного гласного *ɔ*" Ш.Г. Гаприндашвили характеризует так: "Индифферентный гласный *ɔ* в диалектах цудахарского типа является гласным слегка заднего образования, чем гласный *а*. Одновременно указанный гласный является гласным довольно нижнего подъёма: спинка языка доходит только до вершушек коронок верхних латеральных зубов, нигде не соприкасаясь с твёрдым или с мягким небом" [там же, 143]. "Гласный *ɔ*, в основном, встречается в диалектах цудахарского типа на месте ожидаемого *у*" [там же, 144]. "Индифферентный гласный *ɔ*" является фонетическим вариантом гласных *у* и *а*" [Гаприндашвили 1956, 11].

Как видно из приведённых положений, Ш.Г. Гаприндашвили в цудахарском диалекте обнаруживает доселе неизвестные гласные звуки *ħ* и *ɔ*, характерные только для диалектов цудахарского типа. Причем гласный *ħ* — продукт фонетических изменений гласных *и* и *у*, а "индифферентный гласный *ɔ*" — фонетический вариант гласных *у* и *а*, так что гласные *ħ* и *ɔ* по отношению друг к другу являются, надо полагать, самостоятельными звуковыми единицами.

На гласный *ħ* Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 108—109] приводит такие цудахарские примеры: *нħишаб* 'нам', *ħр* 'потом', *лахħмцлала* 'зеркало', *лахħишкани* 'висок', *дахънħиша* 'лекарь', *хħли* 'колесо', *ħħиша* 'вы', *хħхħħ* 'ржание'; на "индифферентный гласный *ɔ*": *эħиша* 'вы', *эħраба* 'войско'. Вместе с этими цудахарскими примерами на "индифферентный гласный *ɔ*" автор приводит и такой акушинский пример: *эħр* 'после', забыв о своем же указании, что данный гласный характерен только для диалектов цудахарского типа [Гаприндашвили 1955, 186].

В приведенных примерах обращает на себя внимание тот факт, что одно и то же местоимение (дейктоним) 2 л. 'вы' автор фиксирует двояко: в одном случае как *ħħиша*, а в другом — как *эħиша*, т.е. в одном и том же слове фиксируются разные гласные *ħ* и *ɔ*, не говоря уже о разной фиксации одного и того же начального фарингального согласного: *ħ* и *ɛ*. Следует также отметить, что в приведенных

примерах *эҗиша*, *эҗраба*, *эҗр* начальные согласные, обозначаемые автором одной и той же буквой *э*, фактически представляют собой разные фонемы.

В даргинском языке Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 42] обнаруживает еще один особенный гласный. Автор обозначает его буквой *ы*. По его мнению, "гласный *ы* в диалектах даргинского языка встречается позиционно, в соседстве с предыдущими фарингальными спирантами *э* и *хI*". "...По укладу активных органов *ы* больше сближается с *у*, чем с *и*" [там же]. Но, как полагает автор, по ряду артикуляционных признаков гласный *ы* сближается и с гласными переднего ряда образования [там же, 43]. По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, гласный *ы* характерен для кебах-мулебкинского* и хайдакского диалектов, но примеры на этот гласный приводятся автором почему-то только из арбукского и цудахарского диалектов [там же, 191—195], причем в них гласный *ы* фиксируется не только "в соседстве с предыдущими фарингальными спирантами *э* и *хI*", но и в соседстве: а) с предыдущими фарингальными *кь*, *кь^в*, *хъ*; б) с последующим фарингальным *хI*; в) с предыдущим ларингальным *гI*; г) с нефарингальными: *бым* 'лица', *х^вы* 'собака', *ухыб-жила* 'с тех пор, как нахожусь' и т.д. Следует отметить также, что фарингальный спирант *э* Ш.Г. Гаприндашвили фактически фиксирует только в примерах цудахарского диалекта и с этим согласным нет ни одного примера из "кебах-мулебкинского" или хайдакского диалекта, хотя наличие гласного *ы* после данного спiranта он полагает не только в цудахарском диалекте, но и в этих диалектах.

Обращает на себя внимание и тот факт, что гласный *ы*, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, представляет собой результат фарингализации гласного *у*, причем в том случае, если эта фарингализация

* В монографии "Фонетика даргинского языка" Ш.Г. Гаприндашвили постоянно ссылается на "кебах-мулебкинский диалект", а во введении в качестве осведомителя упоминается аспирант тбилисского университета (1963 г.) "житель села Кебах-Мулебки" или "кебах-мулебкинец А.А.", на произношении которого в основном построен анализ звуковой системы даргинского языка в книге автора. Между тем, насколько нам известно, никогда никакой "кебах-мулебкинец" не был ни аспирантом тбилисского университета, ни осведомителем автора. В действительности же имеется в виду не "кебах-мулебкинец" (т.е. не "верхне-мулебкинец"), "убях-мулебкинец", (т.е. "нижне-мулебкинец"), ныне заведующий кафедрой родных языков и литератур Института повышения квалификации педагогических кадров Министерства народного образования Дагестана, кандидат филологических наук, доцент А.А. Абдусаламов. Это обстоятельство можно было бы не подчеркивать, если бы речи этих аулов (Кебах-Мулебки Акушинского района и Убах-Мулебки Сергокалинского района) не были существенно различны своей фонетической системой и по этой причине не относились бы к разным диалектным группам даргинского языка.

Заодно следует также заметить, что во введении книги Ш.Г. Гаприндашвили осведомителем при кимографии хюркилинского материала значится и автор этих строк. Но в работе Ш.Г. Гаприндашвили хюркилинский материал настолько искажен, впрочем как и материалы других диалектов, что приходится сомневаться и в достоверности анализа результатов кимографии этого материала, поскольку в книге не приведены ни кимограмма, ни осциллограмма какой-либо звуковой единицы хюркилинского диалекта.

не сопровождается умлаутизацией. Если же фарингализация гласного у сопровождается умлаутизацией, то имеем гласный *ү*. Процитируем соответствующее положение автора. Ш.Г. Гаприндашвили приводит цудахарские формы единственного и множественного чисел слова 'заяц' (*gIyра*, во мн.ч. *gIyрме*) и пишет: "Гласный *у* в соседстве с *gI* подвергся фарингализации и перешел в *ы* (Буквой *ы* обозначаем результат фарингализации гласного *у* в том случае, если фарингализация не сопровождается умлаутизацией. В иных случаях мы используем знак *ү*") [Там же, 194].

Как видно из сказанного, гласные *ы* и *ү* — умлаутизированный и неумлаутизированный варианты фарингализованного *у*. Гласные *һ* и *г* также являются фонетическими вариантами гласного *у*. Стало быть, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, гласный *у* имеет четыре фонетических варианта: *ы*, *ү*, *һ*, *г*. Автор указывает наличие в даргинском языке и фарингализованных гласных *й* и *ө*. В слове *mIyixIме* 'ноги' автор фиксирует и фарингализованный гласный *й*. [Там же, 190, 195]. Но в отличие от фарингализованного *ы* — фонетического варианта гласного *у*, фарингализованный *й* является, по мнению автора, фонетическим вариантом гласного *а*: *mI^{ax}axI* 'нога' — *mIyixIме* 'ноги'. Наряду с простыми и фарингализованными гласными в даргинском языке Ш.Г. Гаприндашвили признает и наличие долгих гласных: *ā*, *ē*, *ū*, *ү*.

Как видно, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, система гласных в даргинском языке состоит из семнадцати звуковых единиц. Пять из них являются простыми гласными: *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, восемь — фарингализованными гласными: *э*, *һ*, *г*, *ы*, *й*, *й̄*, *ө*, *ү*, четыре — долгими гласными: *ā*, *ē*, *ū*, *ү*. Все фарингализованные и долгие гласные, по мнению автора, являются фонетическими вариантами простых гласных и не играют сигнификативной роли.

Таким образом, исследователи даргинского языка в количественном отношении обнаруживают в нем разный состав гласных: П.К. Услар отмечает десять гласных, Л.И. Жирков — пятнадцать, С.Н. Абдуллаев — четырнадцать, А.А. Магомедов — двенадцать, Ш.Г. Гаприндашвили — семнадцать. В качественном отношении характеристика гласных звуков даргинского языка также не отличается единством взглядов исследователей, а наоборот, содержит немало разноречий и противоречий, доходящих порою до абсурда. Особенно это касается взглядов относительно гласных *э*, *о*, *у* и связанных с ними морфонологических явлений. Не будем, однако, забегать вперед в оценке того или иного мнения, а остановимся на них по порядку.

ПРОСТЫЕ ГЛАСНЫЕ

Гласный *и*. При образовании гласного *и* язык продвигается вперед и вверх, сближаясь с верхними зубами своими корнями и оставляя по средней полости рта свободный проход. Губы при этом оттягиваются назад и в стороны.

В характеристике артикуляционных особенностей гласного *и* между исследователями даргинского языка нет особых расхождений. Соб-

ственно интерес исследователей вызвали в основном не артикуляционные, а функциональные особенности гласного *и*, в частности, его участие в образовании различных звуковых единиц и комплексов.

Довольно подробно описывает артикуляционные данные гласного *и* Ш.Г. Гаприндашвили, по мнению которого, "рентгенограмма *и* свидетельствует о значительной узости этого гласного". "Губы при артикуляции *и* чуть приоткрыты и раздвинуты в стороны". "Артикуляция губ при *и* в даргинском языке заключается в разведении их в стороны и в плотном прижатии к верхним и нижним резцам" [Гаприндашвили 1966, 28, 29].

Гласный *и* в даргинском языке является дистинктивной единицей речи. Его фонематическое значение не вызывает сомнения. Встречаясь в соседстве с другими гласными на стыке морфем, гласный *и* участвует в образовании комбинаторных аллофонов; участвует в аблаутных чередованиях, с предшествующим согласным выступает в морфемной функции, играя определенную грамматическую роль в различных словесных формах. Все эти особенности гласного *и* будут рассмотрены в соответствующем разделе о функционировании гласных.

Гласный *е*. П.К. Услар [1892, 7] гласный *е* характеризует следующим образом: "*Е* встречается весьма редко в виде коренной гласной: всего чаще образуется она от слияния *и* и *а*".

Действительно, в хюркилинском диалекте гласный *е* встречается гораздо реже, чем другие гласные. Там, где в литературном языке или акушинском диалекте представлен гласный *е*, в хюркилинском диалекте ему обычно соответствует гласный *и*: *бецI* (акуш.) — *бицI* (хюрк.) 'волк', *децI* (акуш.) — *дицI* (хюрк.), 'горе', 'печаль', *дех* (акуш.) — *дих* (хюрк.) 'груз', *нерх* (акуш.) — *нирх* (хюрк.) 'масло', *нергъ* (акуш.) — *ниргъ* (хюрк.) 'слеза'; 'суп', *белчлес* (акуш.) — *билчI'ис* (хюрк.) 'написать', *белчлес* (акуш.) — *билчI'ис* (хюрк.) 'прочитать' и т.д. В этом отношении хюркилинский диалект можно было бы назвать *икающим*, а акушинский — *экающим*.

Свойства гласного *е* в хюркилинском диалекте П.К. Услар, казалось бы, подметил правильно: 1) как фонема гласный *е* в данном диалекте встречается редко; 2) как аллофона, образованная слиянием *и* и *а*, гласный *е* встречается гораздо чаще. Но в последнем случае мы имеем дело не с простым гласным *е*, а с долгим гласным *ē*, так что особенности гласного *ē*, образованного в результате слияния *и* и *а*, мы будем рассматривать в разделе о долгих гласных. Что же касается положения о весьма редком употреблении гласного *е* в виде коренного гласного, т.е. в виде фонемы, то в этом случае у П.К. Услара имеются определенные упущения и неточности. Дело в том, что в хюркилинском диалекте гласный *е* имеет довольно широкое фонематическое функционирование в составе определенных грамматических единиц. В частности, гласный *е* широко представлен в качестве компонента морфемы в формах деепричастий, удостоверительного наклонения, родительного падежа (ед. и мн. чисел), в выражении вопроса и т.д. Во всех этих случаях гласный *е* П.К. Услар отмечает в виде долгого гласного *ē*, т.е. так же, как долгий гласный *ē*, образованный в результате слия-

ния *и* и *а*. Между тем в морфемной функции гласный *е* является фонематической единицей, морфонологически чередующейся с гласным *и*. Стало быть, П.К. Услар смешивает аблаутную гласную фонему *е* с аллофоническим долгим гласным *ē*, полученным в результате слияния гласных *и* и *а*.

Для наглядности сказанного сравним два усларовских примера. Образование гласного *ē* путем слияния *и* и *а* автор иллюстрирует формой *дзѣгули* 'без соли' (← *dzi* 'соль' + *агули* 'не имея') [Услар 1892, 8], отмечая долготу гласного *ē* надбуквенной черточкой. Аналогичным образом отмечается им гласный *ē* и в деепричастиях со значением 'с тех пор как...': *ирухlē* 'с тех пор как бывал', *италгьухlē* 'с тех пор как делался', *илзухlē* 'с тех пор как показывался', *иухlē* 'с тех пор как достигал', *хьалхьухlē* 'с тех пор как спускался', *икьхlē* 'с тех пор как делал', *икIухlē* 'с тех пор как говорил', *лугьухlē* 'с тех пор как давал' и т.д.

Во всех этих формах гласный *е* апофонически, морфонологически чередуется с гласным *и*. Это становится очевидным при сравнении данных деепричастных форм с деепричастными формами со значением 'в то время как...': *ирухIили*, *италгьухIили*, *илзухIили*, *иухIили*, *хьалхьухIили*, *икьухIили*, *икIухIили*, *лугухIили* и т.д.

В деепричастных формах со значением 'с тех пор как...' гласный *е* не образован слиянием *и* и *а*, как это имеет место в форме *дзѣгули*. Но, несмотря на это, П.К. Услар в обоих случаях одинаково фиксирует его как долгий *ē* (*бзѣгули*—*ирухlē*), т.е. как образование в результате слияния гласных *и* и *а*, что трудно признать правильным. Такая неточность у автора наблюдается не только в формах деепричастий со значением 'с тех пор как...', но и в ряде других грамматических форм, в которых гласный *е* фактически выступает как фонематическая единица, морфонологически чередующаяся с гласным *и*, но автором фиксируется как долгая аллофона, полученная в результате слияния гласных *и* и *а*.

Л.И. Жирков [1930, 260] гласному *е* в хюркилинском диалекте не дает характеристики, в арбукском склонен считать вариантом гласного *и*: "Гласный *е* является вариантом к *и* в определенной позиции, именно в конечном открытом слоге, но и в этой позиции он допускает чередование с *и*".

К сожалению, Л.И. Жирков не иллюстрирует свое положение о вариантном чередовании гласного *е* с гласным *и*, но дает целый ряд примеров, в которых "в конечном открытом слоге" фиксируется гласный *е*: *жагьилте* 'молодые', *мукачне* 'рога', *гуле* 'мальчики', *йуссбе* 'девушки', *кьуле* 'коровы', *хьулбе* 'дома', *итте* 'они', *диге* 'на меня', *дицце* 'ко мне', *иже* 'на тебя', *ицце* 'к тебе', *хьаллиже* 'на дом', *дислиже* 'на нож', *кьанилже* 'на сундук', *шинниже* 'на воду' и т.д.

Во всех этих примерах гласный *е* представлен как компонент морфемы — числового или падежного суффикса. При изменении этих форм в определенных условиях с соответствующим изменением значения гласный *е* чередуется с гласным *и*. Но такое чередование не

является фонологическим и ни в коем случае не говорит о вариантности гласного *е* к гласному *и*, а представляет собой морфонологическое, аблаутное чередование.

А.А. Магометов пишет: "Окончанию *и* в именах существительных большинства даргинских диалектов в кубачинском диалекте соответствует *е* (← *и*). Последний при встрече с формантами или перед начальным согласным последующего слова (в речи) переходит в *и*:

уцце 'брат', ср. послел. п. *уцци-л-же* 'на брата';

диже — направит. п. 'на меня', ср. локат. п. *дижиб* 'на мне';

къ^аане 'коробка', ср. в связном тексте: *къ^аани биц^аай* 'наполнил коробку' [Магометов 1958, 318; 1963, 39].

Как видно, А.А. Магометов уточняет условия перехода *е* в *и*, но не высказывается о сущности этого перехода, является ли он обуславливающим вариантность гласного *е* к гласному *и*, как утверждает об этом Л.И. Жирков, или же представляет собой апофоническое, аблаутное чередование. Между тем имеются определенные основания полагать солидарность автора с мнением Л.И. Жиркова о вариантности гласного *е* к гласному *и*. Во-первых, ссылаясь на вышеприведенное положение Л.И. Жиркова, автор ничем ему не возражает, не вносит какие-либо уточнения и принимает его как должное. Во-вторых, говоря о соответствии гласному *и* других даргинских диалектов гласного *е* в арбукском, автор в скобках стрелочкой — общепринятым знаком, определяющим вторичное происхождение того, на что она направлена — указывает, что гласный *е* происходит от гласного *и*, т.е. является вторичным явлением, вариантом *и*.

Мы не склонны полагать, что А.А. Магометов в арбукском диалекте отрицает фонемную дистинктивность гласного *е*, хотя указанные доводы и отсутствие прямого утверждения о наличии такой дистинктивности дают основание толковать положение автора в ином плане.

Мнение Ш.Г. Гаприндашвили [1955, 112] относительно природы гласного *е* довольно оригинально и своеобразно: "Гласным *э* передается комплекс *Je* как в начале, так и в середине слова; следовательно, нет оснований считать его самостоятельным звуком"* . Отметим, что знаком *l* автор обозначает ларингальный абруптив, для передачи которого в орфографии литературного языка принят знак *ъ*. В связи с утверждением автора, что гласный *е* передает комплекс *ье* в начале слова, а компонентом этого комплекса представлен ларингальный абруптив *ъ*, заметим, что в даргинском языке, как в литературной норме, так и в диалектах, в начале слова ларингальный абруптив *ъ* встречается довольно широко, но это только потому, что для языка нехарактерен открытый в левую сторону слог. Использование гласного *е* в сочетании с предшествующим ему ларингальным абруптивом *ъ* отнюдь не означает, однако, что он используется для передачи этого сочетания. Не фиксируя ларингальный абруптив, т.е. допуская открытый в левую сторону слог, выносится заключение, что *е* в начале и середине слова используется якобы для передачи комплекса

* В монографии Ш.Г. Гаприндашвили 1966 г. это положение отсутствует.

ье. Например, слово 'осел' фиксируется в форме *эмхIе*, т.е. без ларингального абруптива ь в начальной позиции, и делается вывод, что здесь э передает комплекс ье. Такое заключение само собой отпадает, если это слово фиксировать в виде *ьемхIе*, т.е. с ларингальным абруптивом ь. В даргинском языке в какой бы то ни было позиции гласный *е* не передает звуковой комплекс с участием в его составе ларингального абруптива ь. Вообще в анализе фарингальных и ларингальных согласных в научной литературе допускаются довольно существенные неточности. Особенно они характерны для взглядов Ш.Г. Гаприндашвили. Для восстановления научной истины потребуется более обстоятельное рассмотрение взглядов ученых относительно фарингальных и ларингальных согласных в разделе о данных звуках. Здесь же хочется вкратце обратить внимание на путаницу и смешение этих согласных, допущенные Ш.Г. Гаприндашвили в связи с анализом гласного *е*.

В своей диссертационной (докторской) работе на ларингальный спирант *гь* (*h*) Ш.Г. Гаприндашвили приводит ряд примеров из разных диалектов даргинского языка (хюркилинского, акушинского, цудахарского). Среди этих примеров как акушинские представлены формы *вагь* 'хозяин' и *хьайгьи* 'в дом' (точнее будет: 'домой'). Между тем в акушинском диалекте фактически эти формы представлены так: *вегI* и *хьайгIи*. Но автор пишет далее: "Как последние два примера показывают (имеются в виду формы *вагь* и *хьайгьи* — *З.А.*), в ряде случаев данный спирант (т.е. спирант *гь* — *З.А.*) выступает на месте ожидаемого резкого смычно-взрывного ь" [Гаприндашвили, 1955, 174].

Таким образом, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в акушинских формах со значением 'хозяин' и 'домой' представлен ларингальный спирант *гь*, причем вместо ожидаемого ларингального абруптива ь. Но фактически в указанных акушинских формах нет не только фиксируемого автором ларингального спиранта *гь*, но и якобы "ожидаемого" ларингального абруптива ь, а представлен ларингальный звонкий *гI*: *вегI* 'хозяин', *хьайгIи* 'домой'. В работах автора эти звуки постоянно путаются как в анализе, так и в фиксации языковых фактов.

Что касается утверждения о передаче гласным *е* комплекса ье, то ни в начальной, ни в срединной позиции, ни вообще в даргинском языке нет этого явления. Гласный *е* употребляется для передачи другого звукового комплекса, а именно комплекса *йе*. Но следует отметить, что такое использование гласного *е* ограничено лишь несколькими примерами: *ерили* 'совсем' (правильнее было бы: *йерили*), *ери-юрт* 'дом, имение' (правильнее было бы: *йери-йурт*). За исключением этих нескольких примеров гласный *е* в даргинском языке представлен как фонологически дистинктивная звуковая единица. Такой единицей он выступает во всех позициях. В начальной позиции гласный *е* дает некоторый повод для положения о якобы имеющей место передаче им комплекса ье лишь при фиксации слов без ларингального абруптива ь: *эгер* 'если', *эмхIе* 'осел', *эркиндейш* 'изобилие', *эс* 'сказать' и т.д. При фиксации же ларингального абруптива ь такое положение оказывается ложным: *ьегер*, *ьемхIе*, *ьеркиндейш*, *ьес*.

Гласный *е* в даргинском языке является самостоятельной смысло-

различительной и фонологически дистинктивной единицей речи. В артикуляционном отношении он характеризуется тем, что при его образовании язык по степени своего подъема занимает менее высокое положение, чем при образовании гласного *и*, но по месту подъема язык отодвигается несколько дальше назад. Губы при образовании *е* более оттянуты назад и в стороны, чем при образовании *и*.

Далее Ш.Г. Гаприндашвили [1955, 126; 1956, 11] пишет, что "гласный *е* в диалектах даргинского языка заметно палатализован". Но поскольку, по его мнению, гласный *е* представляет собой только реализацию звукового комплекса и нет в даргинском языке такой фонологической звуковой единицы, то по логике вещей следовало бы ожидать от автора разговора не о палатализации гласного *е*, а о палатализации якобы передаваемого этим гласным звукового комплекса. Но почему-то речь идет не о палатализации звукового комплекса *ʲе*, а о палатализации гласного звука *е*. К тому же на палатализованный гласный *е* у автора нет никаких примеров.

Гласный *а*. Относительно природы гласного *а* в научной литературе нет особых разногласий и противоречий. П.К. Услар в хюркилинском диалекте отмечает лишь свойство гласного *а* участвовать в образовании различных звуковых единиц и комплексов. Артикуляционные особенности гласного *а* не получили какой-либо характеристики у П.К. Услара. В этом отношении Л.И. Жирков последовал П.К. Услару и также обошел молчанием артикуляционные особенности данного гласного. Не счел нужным характеризовать их и А.А. Магомедов. С.Н. Абдуллаев ограничился тем, что дал лишь таблицу гласных, где звук *а* представил как гласный среднего ряда и среднего подъема.

Довольно обстоятельно описал артикуляционные свойства гласного *а* Ш.Г. Гаприндашвили. Проведенный автором экспериментальный анализ гласного *а* показал, что "этот гласный в даргинском языке является самым широким", при его образовании "губы плотно прилегают к верхним и нижним резцам, что свидетельствует об отсутствии лабиализации". Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 32] приводит и ряд других экспериментальных данных, характеризующих своеобразие артикуляционных органов речи при образовании гласного *а*.

Если к характеристике гласного *а* подойти в сравнении с гласным *э*, то он, в отличие от последнего, не имеет элемента фарингальности. Губы при его образовании в некоторой степени удаляются друг от друга в вертикальном направлении, открывая рот как бы вверх-вниз. Движение их при этом минимальное, они находятся в пассивном положении, что дает основание полагать отсутствие заметного элемента лабиальности, хотя весьма нелегко утверждать об их "плотном прилегании к верхним и нижним резцам".

Фонематическое значение гласного *а* никем из исследователей даргинского языка не оспаривается и не подвергается сомнению. Что же касается апофонического функционирования гласного *а*, то оно в сущности своей должно научному анализу еще не подвергалось.

Надо отметить, что гласный *а* в аблаутных чередованиях играет

важную грамматическую роль, являясь единицей оппозиции к разным гласным (и, е, э, у) и участвуя в морфемах в качестве их компонента. В научной литературе немало случаев, когда в анализе и фиксации языковых материалов гласным *a* подменяются другие гласные (э, о), считая их его манифестацией или выдавая морфонологическое чередование за фонологическое.

Гласный э. Природу данного гласного П.К. Услар [1892, 6—7] характеризует следующим образом: "э имеет совершенно самостоятельное значение; это есть звук, промежуточный между *a* и *e* и соответствующий английскому *a* в словах *and, fat*; сочегания *gla* и *йа после согласной*, которые приняли мы для других кавказских языков, не соответствуют хюркилинскому э, *gla* имеет особый гортанный звук, весьма явственно отличающийся от э; слог *glə* не может встретиться в хюркилинском языке; при *йа* предполагается, что гласной *a* предшествует полугласная *й*, таким образом, напр. слог *вйа* соответствует русскому *вя*, но в хюркилинском слог *вэ* вовсе не слышится полугласной *й*. Хюркилинская буква *xI* имеет то же значение, что и аварская *xI*, в обеих слышится присутствие *й*, но в хюркилинском языке после *xI* могут встречаться и *a* и э. Так, напр., *xIamxIa* — осел, *xIərxIə* — пуля. Буквы *a* и э иногда заменяют одна другую: *дэ́кьис* — сделать, будущее допускаемое *дакьас*, повелительное *дакьа*, отглагольное *дакьни*. Можно бы подумать, что гласная последующего слога оказывает влияние на изменения *a* и э, но сличение примеров не обнаруживает постоянного правила в этом отношении".

Таким образом, по мнению П.К. Услара, звук э с одной стороны, "имеет совершенно самостоятельное значение", т.е. является смысло-различительным или фонологически дистинктивным, с другой — может быть заменён звуком *a* без изменения значения слова (основы). Следовательно, звуки *a* и э могут образовывать как смысло-различительные, так и несмысло-различительные оппозиции. Эти оппозиции, однако, далеко не равнозначны. Смысло-различительная оппозиция э ~ *a* — явление фонологическое, в то время как несмысло-различительная оппозиция э ~ *a* — явление морфонологическое, апофоническое. Кстати, апофоническая оппозиция э ~ *a* — довольно редкое явление в даргинском языке, причем встречается оно лишь в ограниченном количестве хюркилинских примеров. К приведенному уже усларовскому примеру *дэ́кьис*—*дакьа* можно добавить еще такие: *бэххэ́'ис* 'разрушить' — *баххэ́'о* (повелит.), *kləlgIə* 'дворец' — *kləlgInI* (мн.), *təxlər* 'способ, прием' — *təxIyrtI* (мн.).

В литературном даргинском языке, а также в других диалектах (за исключением хюркилинского) мы не встречали примеров апофонической оппозиции э ~ *a*. Поэтому данная оппозиция в даргинском языке является индивидуальной, а не общезначимой.

Таким образом, хюркилинский диалект противопоставляется другим диалектам, хотя и в небольшом количестве примеров, морфонологической оппозиции э ~ *a*. Поскольку речь идет о звуке э и его оппозиционном функционировании, можно отметить, что литературный язык, в свою очередь, противопоставляется хюркилин-

скому диалекту наличием широко развитой апофонической оппозиции $\text{э} \sim \text{у}$. Примерами такой оппозиции в литературном могут служить: *дэгI* 'ветер' — *дугIби* (мн.), *бэтI* 'утка' — *бутIри* (мн.), *бэхI* 'склон' — *бухIри* (мн.), *кьэм* 'тарелка' — *кьумри* (мн.), *чэл* 'лента' — *чулри* (мн.), *хьэб* 'шея', 'перевал' — *хьубри* (мн.), *хIэз* 'игра' — *хIуэзри* (мн.), *дэжь* 'тропинка' — *дукьби* (мн.), *кьэл* 'корова' — *кьули* (мн.), *сэхI* 'мерка в 2,5 кг' — *сухIри* (мн.) и т.д.

В хюркилинском диалекте, в отличие от литературной нормы, мы не встречали примеров апофонической оппозиции $\text{э} \sim \text{у}$, но встречается оппозиция $\text{у} \sim \text{э}$. Ср.: *дзугIэла* 'нужда, дело' — *дз'эгIлуми* (мн.), *ьухIэл* 'гость' — *ь'эхIли* (мн.). Впрочем, вообще говоря, аблаут (апофония) — характерное и широко распространенное явление даргинского языка (диалектов и литературной нормы), на котором мы остановимся ниже специально и более обстоятельно.

В приведенных положениях П.К. Услара о звуке э обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследователь искал объяснение оппозиции $\text{э} \sim \text{а}$ в словесных формах *дэжьис*—*дакья* во влиянии гласного последующего слога: "Можно бы подумать, что гласная последующего слога оказывает влияние на изменения а и э , но сличение примеров не обнаруживает постоянного правила в этом отношении". Во-первых, в книге П.К. Услара кроме вышеприведенного (*дэжьис*—*дакья*) нет других примеров на оппозицию $\text{э} \sim \text{а}$, так что трудно себе представить, какие именно примеры автор сличал для установления закономерности этой оппозиции. Во-вторых, поскольку автор искал объяснение этой оппозиции ($\text{э} \sim \text{а}$) во влиянии гласного последующего слога, можно полагать, что П.К. Услар видел в ней (в оппозиции $\text{э} \sim \text{а}$) фонологическое явление — аллофоническую манифестацию фонемы. Между тем мы уже знаем, что оппозиция $\text{э} \sim \text{а}$ (*дэжьис* — *дакья*) в действительности представляет собой морфонологическое, апофоническое явление, а не фонологическое. Это обстоятельство приходится подчеркивать в силу того факта, что в научной литературе по даргинскому языку рядом исследователей впоследствии было настойчиво выдвинуто положение, согласно которому гласный э в данном языке представляет собой не самостоятельную фонему, а вариант фонемы а . Но прежде чем рассмотреть это положение, хочется обратить внимание еще на одно утверждение П.К. Услара.

Как известно, П.К. Услар писал: "Слог *гIэ* не может встретиться в хюркилинском языке". Это утверждение трудно признать правильным. В хюркилинском диалекте немало примеров, в которых наличие слога *гIэ* не вызывает никакого сомнения. Немало таких слов и в книге самого П.К. Услара. Но беда в том, что автор во всех этих случаях вольно или невольно звук э подменяет звуком а , и таким образом вместо действительного слога *гIэ* фиксируется слог *гIа*. Надо отметить, что П.К. Услар гласный э подменяет гласным а не только после простого ларингального *гI*, но и после лабиализованного ларингального *гIʷ*, так что вместо действительного слога *гIʷэ* в его работе также представлен ложный слог *гIʷа*. Приведем некоторые примеры из словаря П.К. Услара [1892, 414—418], где гласный э после ларингальных *гI* и *гIʷ* подменен гласным а и, таким образом, вместо

слов *гIэ* и *гI'э* представлены слоги *гIа* и *гI'а*: *главадиш* — 'маслянистость', *гладабдиш* — 'затруднительность', *глажаубдиш* — 'удивление', *глазаб* — 'мучение', *глайа* — 'двор', *глайиб* — 'упрек', *глайир* — 'охота', *глалим* — 'ученый', *гламал* — 'нрав, средство', *гIанджи* — 'земля', *гIанкла* — 'кора', *гIакьлу* — 'ум', *гIагIни* — 'надобность', *гIараб* — 'араб', *гIатIа* — 'лягушка', *гIашиць* — 'влюблённый', *гI'абул* — 'твоя', *гI'ахьдиш* — 'низкости', *гI'ами* — 'отверстие', *гI'амру* — 'жизнь', *гI'анила* — 'подушка' и т.д. Во всех этих примерах при их точной записи после ларингальных *гI* и *гI'* должен быть фиксирован гласный *э* и ни в одном из них в указанной позиции гласный *а* не должен иметь место. Ср.: *гIэвадиш*, *гIэдабдиш*, *гIэжжегIибдиш*, *гIэзаб*, *гIэйа*, *гIэйиб*, *гIэйир*, *гIэлим*, *гIэмал*, *гIэнджи*, *гIэнкла*, *гIэкьлу*, *гIэгIни*, *гIэраб*, *гIэтIа*, *гIэшиць*, *гI'эбул*, *гI'эхьдиш*, *гI'эми*, *гI'эмру*, *гI'энила*.

Указанные противоречия и неточности П.К. Услара относительно гласного *э* в определенной степени нашли свое отражение во взглядах ряда исследователей даргинского языка. Проф. Л.И. Жирков [1926, 10], в частности, писал: "Гласный *э* (*э*) не является особой фонемой, а лишь палатальным вариантом *а* (*ā*) и встречается почти исключительно в соседстве с гортанными согласными".

Положение сформулировано довольно категорически, но не очень убедительно. Нет никакой аргументации, согласно которой отрицается существование фонемы *э*, если не считать не совсем верное, точнее, вовсе неверное указание о почти исключительном соседстве гласного *э* с гортанными согласными. Очевидно, можно полагать, что под этими гортанными согласными Л.И. Жирков имеет в виду звуки *гI* и *хI*, упоминаемые П.К. Усларом в связи со звуком *э*. Но гласный звук *э* в хюркилинском диалекте (указанный труд Л.И. Жиркова является конспектом "Хюркилинского языка" П.К. Услара и содержит материал именно этого диалекта) встречается в соседстве со всеми согласными (за исключением ларингальных *ь* и *гь*), причем соседство с гортанными *гI* и *хI* наблюдается не чаще, чем соседство с другими согласными. Примеров, доказывающих и подтверждающих сказанное, можно привести множество, но ограничимся несколькими: *вэв* 'крик', *дэв* 'война', *лэв* 'ласка', *шэв* 'бельмо', *хэв* 'груша', *лэьир* 'беседа', *лэжи* 'щека', *гэьм* 'лай', *кэьли* 'ветка', *кэьла* 'комок', *нэьа* 'круг', *цIэбдиш* 'темнота', *цIэр* 'крик, вопль', *тэй* 'жеребец', *тI'эхI* 'нога', *бэхI* 'склон', *бэлихь* 'рыба', *хэьм* 'захват', *кэьчI* 'щель', *хэьчI* 'толчок' и т.д.

Во всех этих и множестве других примеров гласный *э* не может быть заменен гласным *а* без изменения значения слова, ср.: *хэв* 'груша' — *хэар* 'вершина'; *кэьла* 'комок' — *кэьала* 'крепость'; *бэхI* 'склон, лицо (III кл.)' — *бахI* 'кончик, край' и т.д.

В указанной "Грамматике..." Л.И. Жиркова приводятся лишь около десяти слов с гласным *э*: *вэхI* 'лицо (I кл.)', *бэьыс* 'сделать', *эьэхьыс* 'перейти' (у Жиркова: *эхьыс*), *дурхIэ* 'дитя, ребенок' (у Жиркова неточно: *дурхI'э*), *укьэс* 'идти', *архIэ* 'путь, путешествие', *хIэбал* 'три'. Ни в одном из них гласный *э* нельзя заменить гласным *а*, причем в двух из этих семи слов (*бэьыс*, *укьэс*) в соседстве с гласным *э* нет ни фарингального *хI*, ни ларингального *гI*. Наличие фарингаль-

ного кь в этих словах также не играет никакой роли в дистинктивной функции гласного э.

Проф. Л.И. Жирков указывает, что гласный э является лишь палатальным вариантом гласного а, но у автора нет ни должных разъяснений этого положения, ни соответствующих примеров, которые могли бы подтвердить его правильность. И это вполне понятно, ибо в хюркилинском диалекте, равно как и в других диалектах даргинского языка, нет таких примеров. Впрочем Л.И. Жирков [1930, 260] аналогичным образом категорически высказывается об аллофонической природе гласного э и в арбукском диалекте: "Несомненно, комбинаторными вариантами являются гласные особого оттенка в соседстве с гортанными согласными (ɜl, xɜ). Акустическое впечатление от таких гласных близко к ä, ü. Надэ полагать, что "гласные особого оттенка" ä, ü автор считает комбинаторными вариантами соответствующих гласных а, у.

А.А. Магометов [1963, 37] поддерживает, уточняет и развивает и такое мнение Л.И. Жиркова: "В кубачинском диалекте представлены гласные а, у, и, е". Л.И. Жирков отмечает наличие комбинаторных вариантов гласных особого оттенка с акустическим впечатлением, близким к ä, ü. Это фарингализованные гласные. В кубачинском диалекте фарингализованными могут быть все гласные".

Такой подход А.А. Магометова к анализу природы гласного э несколько необычен. По мнению автора выходит, что гласный э(ä) — фарингализованный комбинаторный вариант гласного а и противопоставляется ему фонологически иррелевантным признаком качества.

Однако какими фонетическими процессами или комбинациями обуславливается фарингализация гласного а, в результате которой образуется гласный э? В работах А.А. Магометова нет примеров с фонетическими процессами, фарингализующими гласный а и образующими в результате этого гласный э. Но зато представлено в них множество других примеров из разных диалектов, в которых наличие гласного э не обусловлено никакими фонетическими процессами. Во всяком случае в этих примерах автор не указывает на такую обусловленность. Приведем некоторые из арбукских примеров А.А. Магометова [1958, 326; 1963, 46, 48, 49]: *дихъэ* 'рана', *игъэн* 'жемчуг', *ссирхъэ* 'волдырь', *дигъэ* 'ограда', *цибгъэ* 'пестик', *цйгъэ* — название породы птицы, *къэкъэ* 'косточка', *бйкъэла* 'полено', *къэн-лукъан* 'веко', *нлэрпнэ* 'мыльная пена', *нлэнкыкъан* 'пистон', *нлэцлукъан* 'рогатка', *хлэкый* 'прийти', *кэкый* 'прийти сверху', *сэкый* 'прийти по горизонтали', *хлэбэхый* 'поссориться, схватиться, подражаться', *эх* 'хороший', *ххэб* 'могила', *пэххэ* 'прохлада', *пэх* 'отряхнуть' и т.д.

Л.И. Жирков утверждает, что гласный э несомненно является комбинаторным вариантом а. А.А. Магометов [1958, 325; 1963, 47] безоговорочно принимает это утверждение и добавляет, что этот звук является фарингализованным гласным, и даже более: "В кубачинском диалекте, как и в даргинском языке в целом, представлены *фарингализованные* звуки ("emphatische Mouillierung" — эмфатически

смягченные, по Н. Трубецкому, "глоттизованные", по Л.И. Жиркову". Далее автор указывает, что "для фарингализованных звуков характерно укорочение резонатора, которое происходит не обычной палатализацией (продвижением языка вперед), а посредством поднятия гортани" [Там же]. При этом А.А. Магометов ссылается на указание Н. Трубецкого относительно того, что истинная сущность эмфатического смягчения согласных большинством исследователей не замечалась, так как их вводили в заблуждение вторичные, фонологически не существенные, акустически сопутствующие явления, что П.К. Услар, в частности, совершенно не понял сущности эмфатического смягчения.

Как бы подтверждая справедливость этой критики Н. Трубецкого в адрес П.К. Услара, А.А. Магометов [Там же] пишет далее: "В даргинском языке фарингализацию П. Услар сводит к гласному *ə* (*ä*), звуку, по характеристике Услара, промежуточному между *a* и *e*, соответствующему английскому *a* в словах *and* и *fat*. Сводить фарингализацию в даргинском языке полностью к звуку *ə* — было бы неточно". Следовательно, речь идет не только о гласных, но и согласных. Это обстоятельство подчеркивает и сам А.А. Магометов, указывая на сохранение характерного тона эмфатически смягченного или фарингализованного звука при усечении исходного гласного *ə* в образовании множественного числа: *дигъə* 'каменная ограда' — *дигъне* (мн.), *игъəн* 'жемчуг' — *игъне* (мн.) и т.д. Значит, фарингализация согласных существует независимо от фарингализованного гласного *ə*.

Совершенно справедливо указание, что фарингализацию согласных нельзя сводить к фарингализованному гласному *ə*. Однако П.К. Услар [1892, 6] не заслуживает обвинения в "сведении фарингализации в даргинском языке полностью к звуку *ə*", он далек от такого "сведения" и это видно хотя бы из его указания: "*ɟla* имеет особый гортанный звук, весьма явственно отличающийся от *ə*". Можно ли из этого указания заключить, что автор фарингальность согласного *ɟl* сводит к фарингальности гласного *ə*? Едва ли. Наоборот, П.К. Услар подчеркивает особую гортанность (или фарингальность) согласного звука *ɟl*, весьма явственно отличающуюся от гортанности гласного *ə*. Впрочем, П.К. Услар отмечает гортанность (фарингальность) не только звука *ɟl*, но и ряда других согласных, и это совершенно независимо от фарингальности гласного *ə*, что также делает неправомерным упрек в его адрес за якобы имеющее место в его работе сведение фарингализации "полностью к звуку *ə*".

А.А. Магометов [1963, 48; 1958, 327] пишет: "Гласные, смежные с фарингализованными согласными, модифицируются. Под влиянием фарингализованных согласных задние гласные, по Н.Трубецкому, палатализируются (*a* → *ä*), узкие гласные расширяются (*i* → *e*, *y* → *o*)"⁴⁹. Между тем ни в работах Н.Трубецкого, ни в работах самого А.А. Магометова нет ни одного примера, в котором бы под влиянием фарингализованных согласных происходило какое-либо из указанных преобразований гласных. Простое соответствие одного гласного другому гласному в разных диалектах даргинского языка, причем

совершенно независимое от каких бы то ни было фарингализованных согласных, некоторые авторы склонны принять именно за такое преобразование или за некую модификацию.

А.А. Магометов [1958, 327] пишет: "Огласовкой "эмфатически смягченного" согласного в урахинском диалекте обычно служит *а*, между тем, как в кубачинском, наряду с *а* встречаются и другие гласные:

урахинск. <i>къэни</i>	'ворона'	— кубач. <i>хъхъйна</i>
<i>хъэр</i>	'груша'	<i>хъй</i>
<i>къ^вэл</i>	'корова'	<i>къй^л</i>
<i>къ^вэртI</i>	'глоток'	<i>къй^лртI</i> "

Почему-то в тезисе автора речь идет о хюркилинском гласном *а*, а примеры приводятся с гласным *э*. Трудно полагать, что в тезисе имеет место опечатка, в результате чего вместо гласного *э* (по транскрипции автора *ä*) фиксирован гласный *а*, так как это положение в еще более категорической форме корректируется и повторяется в другой работе автора: "За фарингализованным согласным в урахинском диалекте может следовать лишь гласный *а*, в кубачинском диалекте наряду с *а* встречаются и другие гласные:

урах. <i>къэна</i>	кубач. <i>хъхъйна</i>	'ворона'
<i>къ^вэл</i>	<i>къй^л</i>	'корова'

[Магометов 1963, 48]

Дело здесь, однако, не только, даже не столько в несоответствии тезиса и примеров, а в том, что положение автора о преобразовании гласного *а* в гласный *э* под влиянием фарингализованных согласных совершенно не подтверждается приводимыми им примерами. Во всяком случае, в хюркилинских примерах *къэна*, *хъэр*, *къ^вэл* и т.д. нет этого преобразования. О каком преобразовании звука *а* может идти речь, если данный звук вовсе отсутствует в указанных автором словах и невозможно доказать его наличие? Даже привлечением соответствующих слов других даргинских диалектов невозможно это доказать. Нельзя же утверждать, что в слове, скажем, *хъэр* со значением 'груша' был и есть гласный *а*, но под влиянием фарингального *хъ* преобразовался в гласный *э*. Такое утверждение выглядело бы довольно абсурдно, так как в даргинском языке одновременно существуют обе формы: *хъэр* и *хъар*, но имеют они совершенно разные значения: 'груша' и 'вершина'. Из этого очевидно, что в данных формах (*хъэр* и *хъар*) гласные *э* и *а* являются смыслоразличительными, фонологически дистинктивными единицами, а не модифицированными вариантами одного звука. Таких слов, противопоставляемых именно и только различием природы гласных *э* и *а*, в даргинском языке немало. Причем фарингальность или нефарингальность смежных согласных в различении и фонологическом противопоставлении этих гласных не играет равным счетом никакой роли. Но прежде чем привести такие примеры, хочется обратить внимание еще на некоторые положения А.А. Магометова относительно природы гласного *э*, высказанные им в работе, специально посвященной анализу фарингализованных гласных в даргинском языке. В связи с этим прежде всего обращает на себя внимание не совсем верная, как нам кажется,

интерпретация положения П.К. Услара, к которому апеллирует автор в начале же своей статьи.

Как известно, П.К. Услар полагал, что "буквы *э* и *а* иногда заменяют одна другую: *дакьис* — сделать, будущее допускаемое *дакьас*, повелительное *дакьа*, отглагольное *дакьни*". "Можно бы подумать, — писал далее П.К. Услар [1892, 7], — что гласная последующего слога оказывает влияние на изменения *а* и *э*, но сличение примеров не обнаруживает постоянного правила в этом отношении"

Ссылаясь на эти положения П.К. Услара, А.А. Магометов [1969, 753] пишет: "Услар в данном случае допускает, что гласный последующего слога оказывает влияние на изменения *а* и *э*". Такое "допущение" позволило А.А. Магометову утверждать далее: "Предположение (!? — З.А.) Услара справедливо: под влиянием гласного *и* последующего слога гласный *а* изменяется в *э*, но при наличии между этими гласными фарингального согласного *кь*, *хь* или *къ* (который может быть и лабиализованным): *а* + *С* фарингальный + *и* → *э* + *С* фарингальный + *и*.

Здесь имеет место позиционное изменение гласного *а* в фарингализованный *э*" [Магометов 1969, 753].

В цитируемом положении П.К. Услар не указывает, изменяется ли гласный *а* в *э* или же наоборот: гласный *э* в *а*, но А.А. Магометов тем не менее заключает, что "гласный *а* изменяется в *э*". П.К. Услар пишет о взаимной замене гласных *а* и *э* ("*а* и *э* иногда заменяют одна другую"), а А.А. Магометов превращает это в "изменение гласного *а* в *э*", что далеко не одно и то же, ибо взаимная замена — явление апофоническое, морфонологическое, в то время как изменение одного гласного в другой — явление фонологическое. И, наконец, этому "усларовскому предположению" А.А. Магометов ставит далеко не усларовское условие: "...но при наличии между этими гласными фарингального согласного *кь*, *хь* или *къ* (который может быть и лабиализованным)", хотя П.К. Услар взаимную замену *э* и *а* вовсе не связывает с фарингальными согласными.

Говоря о взаимной замене гласных *э* и *а*, П.К. Услар в другом месте своей работы действительно отмечает "превращение" одного из них в другой, а именно *э* в *а*, а не наоборот, как утверждает А.А. Магометов. Причем у П.К. Услара речь идет о глагольном корне, а А.А. Магометов говорит об инфинитивном суффиксе. П.К. Услар, говоря о превращении *э* и *а* в корне глагола, действительно отмечает влияние гласного последующего слога, но этим гласным у автора фактически является гласный *а*, а не *и*.

Приведем положения П.К. Услара [1892, 171]: "В корне глагола *бэкьис*, *э* превращается иногда в *а*, но глагольные окончания следуют правильному образцу". "Гласная *э*, находясь в корне глагола, в некоторых формах превращается в *а*. По-видимому, тут оказывает влияние гласная последующего слога; если она есть *а*, то в предыдущем слоге *э* превращается в *а*; если же она есть *и*, то *э* не изменяется, за исключением того случая, если между этими двумя гласными находятся две согласные" [Там же, 195].

Даже после такого утверждения, думается, не случайно довольно осторожного и сопровождаемого словом "по-видимому", можно не сомневаться в том, что П.К. Услар под "превращением" *э* в *а* имеет в виду не фонологическое явление, а морфонологическое. Что же касается условия этого "превращения", т.е. влияния гласного *а* последующего слога, то оно, конечно, не соответствует языковой действительности. В хюркилинском диалекте сколько угодно глагольных форм, в том числе и инфинитивных, в корне которых, вернее в основе, представлен гласный *э*, и гласный *а* последующего слога не оказывает на него никакого влияния. В качестве примеров можно привести инфинитивные формы: *гъ'эраыс* 'расщепить, расколоть', *тэсаыс* 'дать (или заставить) прыгнуть', *кьэбаыс* 'оборвать, прервать', *хьэчIаыс* 'столкнуть, стукнуть' и т.д. Немало также случаев, когда в инфинитиве основа глагола представлена гласным *э*, а следующий слог — гласным *и*, но при образовании других словесных форм этого глагола следующий за основой (с гласным *э*) слог оказывается с гласным *а*, но опять-таки этот *а* не оказывает никакого влияния на гласный *э* основы. Ср. *бэчис* 'разбить, сломать' — *бэчасли* (усл. 1 л.), *бэчадли* (усл. 2 л.), *бэчāли* (усл. 3 л.), *бэчIис* 'подавить, раздавить' — *бэчIасли* (усл. 1 л.), *бэчIадли* (усл. 2 л.), *бэчIāли* (усл. 3 л.) и т.д.

Таким образом, ни гласный *а*, ни гласный *и* последующего слога не может оказать и не оказывает влияния на гласный *э* основы глагола. Если в разных словесных формах одного глагола наблюдается взаимная замена гласных *э* и *а*, то это происходит не потому, что имеется влияние гласного последующего слога, а потому, что язык характеризуется этим широко распространенным апофоническим явлением. Но главное в том, что вышеприведенные положения П.К. Услара, правильные они или неправильные, в научной литературе оказались извращенными до неузнаваемости. Разговор о взаимной замене или "превращении" гласного *э* в *а* в основе глагола перенесен на гласный *и*, предшествующий инфинитивному суффиксу *-с*. П.К. Услар говорит о влиянии гласного *а* последующего слога на гласный *э* основы глагола, а это превращено в изменение гласного *а* в *э* под влиянием гласного *и* последующего слога, причем не приводится ни один пример на такое "изменение". Больше того, это утверждение постепенно превращается в совершенно другое положение, а именно: гласный *и* изменяется в *э* под влиянием предшествующего корневого фарингального согласного.

Однако А.А. Магометов не случайно выставил гласный *и* последующего слога, который якобы влияет на изменение гласного *а* и *э*. Дело в том, что у него речь идет об инфинитивных формах глаголов хюркилинского диалекта, оканчивающихся на *-ис* или *-эс*. В инфинитивных формах данного диалекта перед суф. *-с* другой гласный (кроме *и* и *э*) не участвует, хотя П.К. Услар указывает на инфинитивный суффикс *-ас* и приводит некоторые примеры. Здесь П.К. Услар гласный *э* подменяет гласным *а*. Но дело не в этом, а в том, что А.А. Магометов в одновременном существовании и параллельном употреблении гласных *и* и *э* перед инфинитивным

суффиксом -с видит не морфонологическое явление, а фонологическое, причем связанное с предшествующим корневым фарингальным согласным. "По материалам Услара, — пишет А.А. Магометов, — окончание -эс имеют глаголы, корневым согласным которых является один из фарингальных *кь*, *хь*, *къ* (*букъэс* 'пойти', *бэхъэс* 'ударить' (у Магометова неточно: *бахъэс* — З.А.), *биркъэс* 'выдрессировать'). В то же время в урахинском диалекте представлены глаголы с фарингальными корневыми согласными, имеющие в инфинитиве обычный суффикс -ис (*билкъис* 'смолоть', *букъис* — длит. вид, *буркъис* 'выкопать', *хьабухъис* 'спуститься', *бирхъис* 'уродиться', *архъис* 'ободрать') [Магометов 1969, 753].

Таким образом, по мнению А.А. Магометова, в хюркилинском диалекте существуют два разных инфинитивных суффикса: -эс и -ис, причем оба они представлены в глаголах с фарингальными корневыми согласными. Но по мнению автора, эти фарингальные корневые согласные не являются одинаковыми или однородными: одни из них являются фарингализованными фарингальными, а другие — нефарингализованными фарингальными, вернее одни и те же фарингальные в одном случае являются фарингализованными фарингальными, а в другом случае — нефарингализованными фарингальными. По мнению автора, этим объясняется и различие в суффиксах инфинитива, т.е. фарингализованные фарингальные корневые согласные вызывают изменение последующего гласного *и* в *э*, причем гласный *и* в окончании инфинитива первичен сравнительно с гласным *э*. Стало быть, там, где представлен инфинитивный суффикс -эс, мы имеем дело с фарингализованными фарингальными корневыми согласными. Нефарингализованные же фарингальные корневые согласные не вызывают изменения последующего гласного *и*, в результате чего инфинитивный суффикс -ис остается неизменным.

Протицируем соответствующее положение А.А. Магометова [1969, 753—754]: "Различие в суффиксах инфинитива объясняется тем, что фарингальные корневые согласные в одном случае являются фарингализованными, в другом случае — обычными (т.е. нефарингализованными). Фарингализованный корневой согласный вызывает здесь изменение последующего гласного *и* (*и* → *э*, полагая, что *и* в окончании инфинитива первичен сравнительно с *э*). Такое же воздействие оказывают и фарингальные *гI* и *хI'*".

Положение трудно признать убедительным и аргументированным. Оно не подтверждается языковыми материалами. Возьмем два авторских примера: *биркъэс* 'воспитать, выдрессировать' и *буркъис* 'выкопать, раскопать'. По мнению А.А. Магометова, в первом из них гласный *э* получен из *и* в результате влияния на него предшествующего "фарингализованного фарингального" *къ*. Но автор почему-то не объясняет, откуда взялся гласный *и* в данной форме. И едва ли сможет доказать его наличие, ибо перед инфинитивным суффиксом -с в хюркилинской форме *биркъэс* не было и нет никакого гласного *и*. Тематическим гласным здесь выступает *э*. Таким тематическим гласным в форме *буркъис* выступает *и*. В словах *биркъэс* и *буркъис* природа предшествующего этим гласным фарингального

корневого къ ничем не отличается, хотя А.А. Магометов в одном случае (в форме *биркъэс*) называет его фарингализованным фарингальным, а в другом случае (в форме *буркъис*) — нефарингализованным фарингальным. К тому же автор также не объясняет, что за "фарингализованный фарингальный" и чем он все же отличается от "нефарингализованного фарингального" в отношении одного и того же звука. Не объясняются также причины, вызвавшие "фарингализацию фарингальных", равно как и фонологическое качество "фарингализованных фарингальных", т.е. являются ли они по отношению к "нефарингализованным фарингальным" релевантными или иррелевантными фонологическими единицами.

Анализ языкового материала показывает, что в хюркилинском диалекте, равно как и в других даргинских диалектах, признаком "фарингализованный ~ нефарингализованный" не могут быть противопоставлены сами себе ни фарингальные корневые *къ*, *кь*, *хь*, *хI*, ни ларингальный *гI*. Кстати, если, по мнению А.А. Магометова, ларингальный *гI* "оказывает такое же воздействие" на гласный *и*, изменяя его в *э* перед инфинитивным суффиксом *-с* (по автору: в инфинитивном суффиксе *-ис*), а согласные, оказывающие такое воздействие (в отличие от согласных, не оказывающих такого воздействия и являющихся обычными фарингальными), являются фарингализованными, то надо полагать, что ларингальный *гI*, по мнению автора, также является "фарингализованным". Во всяком случае логика автора подсказывает именно такую характеристику согласного *гI* — "фарингализованный ларингальный".

Известно, что звук *гI* в арбукском диалекте А.А. Магометов характеризует как фарингальный согласный. Но в данном случае у автора речь идет о хюркилинском *гI*, несомненно, являющемся ларингальным согласным, а не фарингальным. Поэтому понятие "фарингализованный ларингальный" по отношению к данному согласному в хюркилинском диалекте — нечто новое, как, впрочем, и все остальное о "фарингализации фарингальных". Ведь гласные *и* и *э*, предшествующие перед инфинитивным суффиксом *-с*, в хюркилинском диалекте выполняют смыслоразличительную функцию и находятся между собой в морфонологической оппозиции. Ср. *бирхъис* '1. уродиться; 2. высосать' — *бирхъэс* 'измучить, затащить', *бурхIис* 'разрушить, разгромить' — *бурхIэс* 'вонзить, воткнуть', *вахъис* 'подняться (I кл.)' — *вахъэс* 'почерпнуть'; *биттэхъис* 'потеряться, исчезнуть' — *битэхъэс* 'вбить (или послать ударом) по горизонтали в сторону от говорящего'; *билгI^иис* 'подсчитать' — *билгIэс* '1. красть, 2. вырить, постричь', *бэхъхъ^иис* 'разобрать, разрушить' — *бэхъэс* 'ударить' и т.д.

В последних двух примерах перед тематическим гласным *и* представлены лабиализованные согласные (*гI^и* и *хъхъ^и*), к тому же один из них является напряженным (*хъхъ^и*). Но эти признаки (лабиализованность, напряженность) в данном случае для апофонической оппозиции *и* и *э* не имеют значения, тем более сам А.А. Магометов допускает возможность быть фарингальному согласному, предшествующему этим гласным, лабиализованным. По мнению автора,

важно тут только противопоставление фарингальных по признаку "фарингализованный ~ нефарингализованный". Иных признаков фарингальных согласных, влияющих на якобы имеющее место фонологическое изменение следующего за ними гласного *и* в *э*, автор не отмечает.

Кстати, можно отметить, что в монографии "Кубачинский язык" А.А. Магометов инфинитивным суффиксом считает только согласный *-с*, а предшествующие гласные (*и*, *э*) характеризует как тематические гласные (183). В работе, изданной спустя шесть лет, гласные *и* и *э* автор относит к инфинитивному суффиксу *-с* как его неотъемлемые компоненты.

Складывается впечатление, что будто такая довольно неожиданная трансформация взглядов произошла фактически из-за природы злополучного фарингального гласного *э*, выступающего тематическим гласным перед инфинитивным суффиксом *-с*. Но как бы то ни было, едва ли взгляды А.А. Магометова, как относительно состава инфинитивного суффикса, так и природы гласного *э*, можно считать адекватными природе рассматриваемых единиц. В связи с этим хочется обратить внимание еще на некоторые положения его высказывания: "Фарингализованный согласный вообще оказывает влияние на смежный гласный, в частности, в урахинском диалекте предшествующий гласный *а* → *э* (*бэхъэс* "ударить", срв. *бихъэс* "ударять") [Магометов 1969, 754].

Но в этих формах нет гласного *а*, и потому трудно понять, как можно делать выводы на основании того, чего нет в природе. Что перед фарингализованным согласным, как и после него, вполне может функционировать фарингальный *э* и что этот гласный исконно существует в данной позиции, а не является вторичным явлением, полученным из гласного *а*, этому могут послужить примерами, кроме приведенного *бэхъэс*, и такие слова: *бэжъис* 'сделать', *дэжъ* 'тропинка', *кэжъ* 'молоток', *дэхъи* 'рана', *пэхъу* 'кувшин', *пэхъул* 'перо', *бэхъул* 'прохладный', *вэжълэжъи* 'сорока' и т.д.

Обратимся еще к словам автора: "Модификация последующего гласного *и* под влиянием фарингализованного корневого согласного в урахинском диалекте происходит по схеме: *С фарингализованный + и* → *С фарингализованный + э*" [Магометов 1969, 754]. В предыдущем положении А.А. Магометов указывал на "изменение" гласного *а* в *э* перед фарингализованным согласным, а здесь автор "модифицирует" гласный *и* в тот же *э*, но уже после фарингализованного согласного. Между тем как вышеприведенное положение, так и эта схема лишена всякой адекватности фактам языка, и, следовательно, научной основы. Конечно, найти примеры с первой частью схемы ("фарингализованный согласный + *и*") не трудно, но чтобы из этой первой схемы вытекала вторая часть схемы ("фарингализованный согласный + *э*") — не только за это трудно ручаться, но и просто невозможно. Вот, например, в следующих словах представлена первая часть авторской схемы ("*С фарингализованный + и*"): *кьил* 'след', *кьиликь* 'привычка, черта характера', *кьири*

'дождевая полоса', *кьиркьир* 'жадный', *кьисбэжьис* 'постругать', *хьитла* 'чурбан', *михьури* 'грудь', *х'или* 'радость', *лих'и* 'ухо' и т.д. Во всех этих словах представлен "фарингализованный" согласный (кь, кь, хь, х'и) с последующим за ним гласным *и*, т.е. первая часть авторской схемы. Но такое сочетание ни в одном из этих форм не превращается в сочетание "фарингализованный согласный + э", т.е. во вторую часть авторской схемы.

Если фарингальный гласный *э*, предшествующий инфинитивному суффиксу *-с*, следует за фарингальным согласным (кь, кь, хь, х'и), то такой согласный А.А. Магометов [1969, 754] считает фарингализованным: *бэхэс* 'ударить': "В данном случае и в других глагольных формах, где за корневым согласным должен был бы быть гласный *и*, будем иметь *э*: *бэхэб* — 3-е л. прош. вр., *бэхэли* деепр. прош. вр." Но в действительности в указанных формах нет и не должен быть гласный *и*. Таким образом, фонологически релевантное качество фарингальности гласного *э* перед автором предстает как фонологически иррелевантное качество. Впрочем, это мнение согласуется с его же ранее приведенным мнением о том, что данный гласный является не фонемой, а комбинаторным вариантом фонемы. Правда, там гласный *э* объяснялся как вариант фонемы *а*, а здесь — как вариант фонемы *и*, полученный под влиянием предшествующего "фарингализованного фарингального" корневого согласного. Стало быть, по мнению А.А. Магометова, гласный *э* в хюркилинском диалекте одновременно является вариантом двух фонем: *а* и *и*.

В связи с гласным *э* хочется обратить внимание еще на одно положение А.А. Магометова [1969, 754]: "В материалах Услара фарингализованный гласный *э* может выступать в основе глаголов, у которых в инфинитиве представлено обычное для даргинского языка окончание *-ис*, например: *бэч'ис* 'раздавить, прищемить', длит. вид — *бэч'ис*. Фарингализованный гласный носит здесь фонематический характер; он здесь — не результат позиционной фарингализации, так как условия для этого в данном случае отсутствуют: корневой согласный подобных глаголов — нефарингализованный звук (если бы он был фарингализованным, то последующий гласный *и* суффикса инфинитива должен был бы измениться в *э*, здесь же этого процесса нет. Фарингализация гласного здесь сохраняется и при изменении формы глагола: *бэч'ун* — прош. сов. вр., *бэч'уй* — деепр. прош. вр., *бэч'ис* — буд. вр.)".

В приведенных утверждениях А.А. Магометова имеются несколько положений, на которых необходимо остановиться. Во-первых, если гласный *и* "должен был бы измениться в *э*", то почему он остается неизменным в многочисленных словах, где он непременно следует за фарингальным корневым согласным: *бэжьис* 'сделать', *бухьис* '1. сосать; 2. расстаться', *буркьис* 'выкопать, раскопать', *бурх'ис* 'разрушить, разгромить', *бирхьис* '1. уродиться; 2. высосать' и т.д. Автор может возразить, что, мол, здесь гласный *и* не изменяется в *э* потому, что представлены обычные фарингальные (нефарингализованные) корневые согласные, но не фарингализованные фарингальные корневые согласные. В таком случае, чем отличается, скажем,

согласный *xI* в таких словах: *бурхIэс* 'вонзить' и *бурхIус* 'разрушить, разгромить'? Может ли автор утверждать, что в первом примере (*бурхIэс*) корневой согласный *xI* является фарингализованным фарингальным, так как за ним следует *э*, а во втором примере (*бурхIус*) этот же согласный *xI* является нефарингализованным фарингальным, так как за ним следует не *э*, а *у*? Едва ли такое утверждение может иметь под собой научную почву, хотя А.А. Магоматов утверждает именно так.

Другое, на что нам хотелось бы обратить внимание, это положение автора относительно согласного *чI*. В приводимом слове *бэчIус* корневым согласным является аффриката *чI*. Она — нефарингализованный звук, но как указывает А.А. Магоматов [1969, 754] в сноске, "он может иметь позиционную фарингализацию под влиянием фарингализованного гласного". Правда, автор не уточняет, когда, при каких условиях и в каких примерах аффриката *чI* может иметь позиционную фарингализацию. Тем не менее появилось понятие "фарингализованной аффрикаты". С другой стороны, автор признает фонематичный характер гласного *э* перед этим согласным. Но этот "фонематичный" *э* автор в то же время называет "фарингализованным гласным". Стало быть, гласный *э* у автора одинаково является "фарингализованным" и тогда, когда он объявляется вариантом фонем *а* и *и*, и тогда, когда за ним признается фонематичный характер. Здесь понятие "фарингализованности" выступает как своего рода универсальное фонологическое качество. Кстати, у А.А. Магоматова трудно найти разницу между понятиями "фарингальный" и "фарингализованный". В его трудах фактически нет никакого различия между этими понятиями. Например, как мы уже знаем, гласный *э* автор одинаково называет "фарингализованным" не только тогда, когда он всеми силами старается доказать его дивергентность, но и тогда, когда вынужден признать за ним "фонематический характер", когда этот гласный свободен от "позиционной фарингализации". А.А. Магоматов не видит никакого противоречия в понятии: "фарингализованный гласный", свободный от "позиционной фарингализации". Непонятно только, как звук может быть "фарингализованным", если он свободен от "фарингализации"? Тем не менее факт остается фактом, что у А.А. Магоматова звуки могут быть "фарингализованными" без "фарингализации". У автора представлены также случаи, когда "фарингальные" звуки могут быть "фарингализованными" и "нефарингализованными". Эти звуки, если они суть согласные, могут влиять на предшествующие и последующие гласные. Но встречаются у автора и случаи, когда "нефарингализованный" согласный "может иметь позиционную фарингализацию под влиянием фарингализованного гласного", т.е. не только "фарингальный" согласный в зависимости от своей "фарингализованности" или "фарингализации" может влиять на предшествующий или последующий гласный, но и "фарингализованный" гласный может влиять на предшествующий "нефарингализованный" согласный, заставляя его иметь "позиционную фарингализацию". Таким образом, у А.А. Магоматова существует понятие "нефарингализованной позиционной фарингализации". Стало

быть, можно полагать и понятие "фарингализованной позиционной фарингализации".

Вообще в изложении А.А. Магомедова так или иначе представлены понятия: "фарингальный", "фарингализованный", "первичный фарингализованный", "вторичный фарингализованный", "фарингализованный фарингальный", "нефарингализованный фарингальный", "фарингализованный нефарингальный", "фарингализованный позиционной фарингализации", "фарингализованный непозиционной фарингализации", "нефарингализованный позиционной фарингализации", "фарингализованный первичной фарингализации", "фарингализованный вторичной фарингализации", "нефарингализованный вторичной фарингализации", "фарингализованный ларингальный", "фарингализованная аффриката" и т.д.

Весь этот терминологический кавардак употребляется для обозначения обыкновенных фарингальных *къ, кь, хь, хІ* (и некоторых смежных с ними других звуков), являющихся в хюркилинском диалекте, да и во всем даргинском языке, фонологически смыслоразличительными, дистинктивными единицами во всех позициях.

Неточности в характеристике природы фарингального гласного *э* можно было бы отнести за счет того, что хюркилинский диалект не является родным для автора. Но взгляды А.А. Магомедова [1969, 755] об этом звуке трудно признать всегда последовательными и адекватными фактам языка и применительно к родному ему арбуksкому диалекту. Например, автор полагает, что "фарингализованные гласные, выступающие при сибилантах, заднеязычных или переднеязычных, не обусловлены фарингализацией согласного".

Если сибиланты, заднеязычные или переднеязычные не являются фарингальными (а они в действительности ими не являются), то как можно вести речь об обусловленности или необусловленности смежного гласного их фарингализацией? Не могут же нефарингальные согласные фарингализовать смежный гласный. Такое утверждение нам представляется беспредметным. Однако не только для этого мы привели данное утверждение А.А. Магомедова, но и для того, чтобы показать, что автор в арбуksком диалекте признает фонематичность гласного *э* и приводит даже примеры смыслоразличительного противопоставления гласных *э* и *а* при сибилантах: *бэчІий* 'прищемить' — *бачІий* 'вырасти', *бэчий* 'раздавить' — *бачий* 'окрасить', *бэший* 'смесить' — *баший* 'идти, ходить'.

Но чуть ниже автор пишет: "В кубачинском диалекте представлены также вторичные фарингализованные гласные, получившие фонематическое значение:

бэй 'лицо' (ср. урах. диал. *бэхІ*), ср. *бай* 'конец', 'острие'

дэй 'лицо' (ср. урах. диал. *дэхІ*), ср. *дай* 'кипа'

мэ 'голый ячмень' (ср. урах. диал. *мэхІэр*), ср. *мā* ← (*мура*) 'сено' [Там же].

Из этого положения явствует, что автор в вышеприведенных примерах (*бэчІий*, *бэчий*, *бэший*) фарингальный гласный *э* считает "первичным фарингализованным гласным", хотя понятие "фарингали-

зованности" (или "фарингализации") по отношению к понятию "фарингальности" или по сравнению с ним итак должно разумеется как вторичное явление и соответственно гласные звуки, характеризующиеся как "фарингализованные" по сравнению с "фарингальными", должны быть вторичного происхождения. В этих понятиях разумеется или предполагается фонологическое качество релевантности ("фарингальный") или иррелевантности ("фарингализованный") звуковой единицы. Если исходить из этих элементарных различий понятий "фарингальный" и "фарингализованный", то гласный *э* в приводимых автором примерах *бэчлуй*, *бэчий*, *бэший* не может быть назван "фарингализованным", а является "фарингальным". Что же касается гласного *э* в примерах *бэй*, *дэй*, *мэ*, то трудно понять сочетание таких понятий его характеристики, как "вторичный фарингализованный" и "получивший фонематическое значение". Допустим на минуту правомерность сочетания таких слов, как "первичные фарингализованные" и "вторичные фарингализованные", хотя "фарингализованность" — само по себе понятие вторичное и сочетаться с "первичностью" или "вторичностью" не может. Так вот, понятие "вторичных фарингализованных" по отношению к понятию "первичных фарингализованных" должно иметь в виду фонологические единицы вторичного происхождения. Понятие "получивший фонематическое значение" также полагает вторичное явление, но в результате этого вторичного явления предполагается преобразование вторичной фонологической единицы в первичную. Таким образом, гласный *э* в словах *бэй*, *дэй*, *мэ* — "вторичный фарингализованный гласный", т.е. аллофона, дивергент, манифестация фонемы. Но он получил "фонематическое значение", т.е. аллофона стала фонемой. А.А. Магометов фактически утверждает именно так. Причем автор долгий гласный *э* в слове *мэ* "голый ячмень", полученный в результате определенного фонетического процесса, объединяет в одну общую характеристику со звуком *э* в словах *бэй*, *дэй*. Но трудно понять, почему гласный *э* в словах *бэй*, *дэй* является не фарингальным, а "фарингализованным", причем "вторичным фарингализованным", если в этих словах, как и в *бэчлуй*, *бэчий*, *бэший*, гласный *э* выступает как фонологически смыслоразличительная, дистинктивная единица. Кроме того, трудно также понять, почему гласный *э* в этих словах должен был получить то, что он имеет по своей природе — "фонематическое значение". И, наконец, не совсем понятно то, каким это образом аллофона ("вторичный фарингализованный") приобретает качество фонемы ("получает фонематическое значение"). В этой ситуации получается как бы аллофона — единица первичная, а фонема — единица вторичная.

Можно было бы подумать, что А.А. Магометов в понятия "первичный фарингализованный" и "вторичный фарингализованный" вкладывает не смысл фонологической дифференциации звуковых единиц, а нечто другое. Но из употребляемых автором понятий и приводимых им примеров видно, что имеется в виду именно фонологическая дифференциация звуковых единиц, их фонематическое и аллофоническое противопоставление. Беда только в том, что автор нередко

пользуется терминами фонологии, не вкладывая в них конкретного значения. Таким образом, природа гласного *э* осталась не понятой и не познанной до конца, хотя автор в некоторых случаях вынужден признать его "фонематический характер".

Мнение Ш.Г. Гаприндашвили о природе гласного *э* аналогично с мнением Л.И. Жиркова и А.А. Магометова. Он пишет: "Гласный *э*, являясь фонематическим вариантом гласного *а*, встречается, главным образом, в соседстве с ларингальными и другими звуками заднего и глубоко заднего образования" [Гаприндашвили 1956, 11].

Нет необходимости доказывать ошибочность этого мнения как по части фонологической природы гласного *э*, так и по части его дистрибуции. Уже одно это утверждение вызывает недоверие к положениям автора как относительно "фарингализации" гласного *а*, так и других гласных, не только своей очевидной несостоятельностью, но и характерной для работ автора вообще путаницей и неточностью фиксации привлекаемых языковых фактов. Гласный *э* в соседстве с фарингальными согласными объявляется фарингализованным вариантом гласного *а*. Нередки случаи, когда в приводимых автором примерах гласный *э* просто подменяется гласным *а*. Немало и таких случаев, когда гласный *а* подменяется гласным *э*. В этом отношении можно привести два таких хюркилинских примера автора: *бикъухIḗ* 'сделаем' и *алкIухIḗ* 'родимся' [Гаприндашвили 1966, 287]. Сколько неточностей в записи двух простых форм! Можно сравнить их в точной записи: *бикъухIа*, *ьалкIḡохIа*. Кроме прочих неточностей автор в своей записи гласный *а* суф. 2 л. мн. ч. простого будущего времени (*-хIа*) подменяет гласным *ḗ*.

В работах Ш.Г. Гаприндашвили встречаются также случаи, когда одно и то же слово в разных местах фиксируется по-разному: то с гласным *э*, то с гласным *а*. Например, хюркилинская форма слова "заяц" фиксируется то как *гIḡари*, то как *гIари*. Все это свидетельствует о том, что природа гласных *э* и *а* для автора осталась фактически неразгаданной тайной. При этом многочисленные факты морфонологической оппозиции гласных *э* и *а*, в том числе и в соседстве с фарингальными согласными, остаются вне поля зрения автора, как будто они вообще не существуют в языке. Приведем некоторые из них: *мэ* 'мычание' — *ма* 'на', *хэ* 'собака' — *ха* 'принеси', *хэ̄* 'клятва' — *хэ̄а* (род. от *хэ̄али* 'дом'), *гэ̄м* 'лай' — *гэ̄ам* 'близкий', *шэм* 'свеча' — *шам* 'годовалая овца', *хэ̄р* 'груша' — *хэ̄ар* 'вершина', *вэ̄в* 'крик' — *вав* '(название буквы в: и междометие)', *кэ̄м* 'тарелка' — *кэ̄ам* 'род, племя', *кэ̄ала* 'комок' — *кэ̄ала* 'крепость', *кэ̄эчIа* 'пятка' — *кэ̄ачIа* 'торба', *да̄га* 'осленок' — *да̄га* 'шпора' (петуха), *кэ̄эца* 'козел' — *кэ̄аца* 'коренной' (*кэ̄аца цула* 'коренной зуб'), *кэ̄ард* 'долина' — *кэ̄ард* 'шатание' (*кэ̄ардухэ̄с* 'пошатнуться'), *тэмхэ̄* 'дергание' (*тэмхэ̄батис* 'дернуть') — *тамхэ̄* (ткацкий инструмент), *кэ̄артIа* 'крутой, закрученный' — *кэ̄артIа* 'наконечник стрелы', *вэ̄жун* 'сходил' — *ва̄жун* 'расстроился', *бэ̄сес* 'испачкаться' — *басес* 'замазать', 'защутукатурить', *лэмбарес* 'лизнуть' — *ламбарес* 'обжечь' и т.д.

В приведенных и многих других примерах замена гласного *э* гласным *а* исключается, что свидетельствует о беспочвенности как

положения о взаимной замене данных гласных без изменения значения слова, так и положения о том, что гласный *э* является маинфестацией или модификацией фонемы *а*.

Как известно, мнения Л.И. Жиркова, А.А. Магометова и Ш.Г. Гаприндашвили совпадают в общем взгляде об аллофоничности гласного *э*. Но в деталях их точки зрения нельзя идентифицировать. Например, в отличие от Л.И. Жиркова, А.А. Магометов в отдельных случаях все же допускает фонематическое значение гласного *э*, полагая, что гласный *э* — фарингализованный вариант не только гласного *а*, но и гласного *и*. Речь при этом идет о хюркилинском диалекте, где перед инфинитивным суффиксом *-с* представлены гласные *и* и *э*. Ш.Г. Гаприндашвили же, говоря о фарингализации гласного *и*, пишет, что "лишь в кубачинском диалекте имеются случаи фарингализации этого переднего ряда образования гласного" [Гаприндашвили 1958, 207; 1966, 190—191].

Таким образом, А.А. Магометов полагает, что в хюркилинском диалекте гласный *и* перед инфинитивным суффиксом *-с* фарингализуется, результатом чего является гласный *э*, в то же время Ш.Г. Гаприндашвили утверждает, что фарингализация гласного *и* имеет место лишь в арбукском (кубачинском) диалекте. Правда, забыв о своем этом категорическом утверждении, Ш.Г. Гаприндашвили на другой странице этой же работы указывает, что гласный *и*, наряду с гласными *а* и *у*, процессом фарингализации охватывается и в уркарахском диалекте [1966, 213].

По мнению А.А. Магометова, в хюркилинском диалекте широко представлена "фарингализация" гласных *а* и *и* в соседстве с "фарингализованными" согласными, результатом чего является гласный *э*. По мнению же Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 214], в данном диалекте "фарингализация гласных в соседстве с фарингальными почти незаметна, так как над фарингализацией превалирует умлаутизация, и фарингализованные гласные оставляют акустическое впечатление умлаутизированных гласных". Больше того, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, "по признаку наличия или отсутствия фарингализации гласных диалекты даргинского языка делятся на две группы. В одну группу входят диалекты и говоры цудахарского типа (цудахарский, хайдакский, кубачинский...), а во вторую — диалекты урахинского и акушинского типов, в которых фарингализация гласных выражена очень слабо и фарингализованные гласные трудно отличить от умлаутизированных" [Гаприндашвили 1958, 214].

На мнении А.А. Магометова мы уже останавливались. Что же касается взглядов Ш.Г. Гаприндашвили, то трудно сказать, что они отличаются последовательностью и точностью. По мнению автора, например, выходит, что, с одной стороны, "гласный *э*, являясь фонетическим вариантом гласного *а*, встречается главным образом в соседстве с ларингальными и другими звуками заднего и глубокого заднего образования". При чем звуками заднего и глубокого заднего образования, надо полагать, являются прежде всего фарингальные согласные, и гласный *э* в соседстве с ними является "фарингализованным" вариантом гласного *а*. С другой же стороны, по мнению

автора, фарингализация гласных в соседстве с фарингальными согласными почти незаметна, так как над нею превалирует умлаутизация. Непонятно только, как совместить эти как бы взаимоисключающие положения автора. Довольно "оригинально" и утверждение о наличии в хюркилинском диалекте умлаутизированных гласных, причем умлаутизация гласных здесь превалирует над фарингализацией. Это утверждение "оригинально" не только тем, что в хюркилинском диалекте, как и в других диалектах даргинского языка, нет вообще умлаутизированных гласных, но и тем, что автор, как и многие другие свои положения, не счел нужным подкрепить его каким-либо, хотя бы одним, языковым фактом с такими гласными. Тем не менее ясно одно: "умлаутизированный" гласный *э* Ш.Г. Гаприндашвили — это то же самое, что и "фарингализованный" гласный *э* А.А. Магомедова.

Возникает вопрос: что понимается под "умлаутизацией" гласных? В обычном понимании умлаутизация — это переход задних (лабиальных) гласных в передние в результате влияния определенных смежных звуков, т.е. фонетический процесс, обуславливающий переход одних гласных в другие. Из такого понимания вытекает, что "умлаутизированный" гласный — это передний гласный, который получен из заднего гласного под влиянием смежных звуков. Стало быть, "умлаутизированный" гласный — единица вторичного происхождения, полученная в результате определенного фонетического процесса, обусловленный этим процессом, т.е. не фонематическая единица, а аллофоническая. Применительно к гласному *э* такое понимание вполне согласуется с утверждением Ш.Г. Гаприндашвили о том, что данный гласный является вариантом гласного *а*, так как гласный *а* — звук более заднего образования, чем гласный *э*. Выходит, что по месту образования гласный *э* действительно является как бы "умлаутизированным" вариантом гласного *а*. Но если следовать логике такой интерпретации природы данных гласных, то с таким же успехом можно утверждать и о том, что гласный *е* (*э*) является умлаутизированным вариантом гласного *э*, так как по месту образования звук *э* более заднего образования, чем звук *е* (*э*), в свою очередь, гласный *и* является умлаутизированным вариантом гласного *е* (*э*), так как последний более заднего образования, чем *и*. Именно такая логика и представлена в утверждении о том, что гласный *э* является умлаутизированным вариантом гласного *а*. Но такая точка зрения ведет к смешению артикуляции разных фонологических единиц и отнюдь не раскрывает дистрибутивных свойств умлаутизации.

В хюркилинском диалекте гласный *э* Ш.Г. Гаприндашвили характеризует как умлаутизированный, и в словах, где представлен данный гласный, автор предполагает наличие какого-либо смежного фарингального или ларингального согласного. "Наличие в урахинском умлаутизированного *э* в слове *дэж* 'война', — пишет Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 229], — дает основание предполагать выпадение в соседстве с данным гласным какого-либо ларингального или фарингального согласного".

Наличие гласного *э* в том или ином слове хюркилинского диалекта,

в том числе и в слове *дэв*, не обусловлено соседством какой-либо группы согласных, в том числе и фарингальных или ларингальных согласных. Но предположение такого соседства автору необходимо, очевидно, для подтверждения своего положения об аллофоничности гласного *э*. "Доказывая" свое предположение, Ш.Г. Гаприндашвили даргинское слово *дэв* выводит из формы *дагI^u* через промежуточную форму *дэгI^w*. Авторская трансформация этих форм представлена так: *дагI^u* → *дэгI^w* → *дэв*. Невесть откуда взятую для даргинского языка форму *дагI^u* Ш.Г. Гаприндашвили сравнивает с лакской формой *дагI^b* (данное лакское слово автор фиксирует неточно, правильно будет *дэгI^b*, в современной лакской орфографии принято писать: *дэьви*). Обе эти формы — мнимодаргинскую *дагI^u* и лакскую *дагI^b* — Ш.Г. Гаприндашвили возводит к арабской *дагI^wатун* 'тяжба'. Но в арабской форме *дагI^wатун*, как и в лакской форме *дагI^b*, можно допустить какой угодно гласный, допустим гласный *а*, но даргинский язык, заимствуя это слово, мог распорядиться его формой согласно с законами своей фонетической структуры и вместо этого гласного *а* использовать свой гласный *э*. Но это отнюдь не означает, что гласный *э* является фонетическим вариантом *а*. Если гласный *э* в даргинском слове *дэв* считать фонетическим вариантом гласного *а* арабской формы *дагI^wатун*, то следуя логике такой интерпретации, можно лишить даргинский язык характерных для него фонетических закономерностей заимствования иноязычных слов, не признавая какого-либо влияния его фонетической структуры на фонетическую структуру заимствуемых слов. Но допустить такое очень трудно, так как в нем немало фактов, доказывающих интенсивное влияние его фонетических законов при заимствовании иноязычных слов. Возьмем несколько примеров. В даргинском языке представлено слово *бадира*. Оно — заимствование из русского *ведро*. Можно ли полагать, что гласный *а* в даргинской форме *бадира* получен или является фонетическим вариантом гласных *е* и *о*, так как в исходной русской форме *ведро* представлены эти гласные? Едва ли. Или другой пример: в даргинском языке представлено слово *набт* (в хюркилинском диалекте *нан*) заимствование русского слова *нефть*. Но едва ли можно полагать, что даргинский *б* (или *н*) является в данном слове фонетическим вариантом *ф*. Еще один пример: русское слово *колхоз* в даргинском языке имеет форму *калхуз*, но это едва ли доказывает, что гласные *а* и *у* здесь являются фонетическими вариантами русского гласного *о*. Можно было бы привести множество таких примеров, но едва ли в этом есть необходимость. И без того очевидно влияние фонетической системы даргинского языка на фонетическую систему заимствуемых слов. В даргинском языке немало слов, в которых совершенно отсутствует какой-либо фарингальный или ларингальный согласный, но тем не менее наличие в них гласного *э* является неоспоримым фактом. Приведем несколько таких примеров: *лэв* 'ласка', *шэв* 'бельмо', *мэв* 'мяуканье', *вэв* 'крик', *чIэр* 'воплъ', *джэр* 'ива', *джэм* 'дужка котла', *нэва* 'круг', *тэй* 'жеребенок', *тэс* 'прыжок', *вэс*

'моросение', *вэш* 'шуршание', *йэл* 'грива', *йэн* 'попона', *мэрдж* 'ржавчина', *лэжи* 'щека', *nləɟla* 'клякса', *nlənləlaɟ* 'тополь' и т.д.

Наличие во всех этих словах гласного *э* не обусловлено ни соседством фарингальных или ларингальных согласных, ни какими-либо иными фонетическими процессами.

В некоторых научных исследованиях отмечается еще одно качество гласного *э*, его "палатализованность". Однако положения, высказанные в связи с этим качеством гласного *э*, вызывают некоторые сомнения. Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 11] пишет: "Гласный *э* слабо палатализован, вследствие чего перед ним переднемягконебные спиранты и смычно-взрывные звуки не палатализируются и не подвергаются аффрикатизации".

Здесь нет необходимости распространяться о том, что "палатализация" и "аффрикатизация" переднемягконебных спирантов (*ž*, *хь*) и смычно-взрывных (*г*, *к*, *кл*) ни в коей мере не связаны с последующими за ними гласными, в том числе и с гласным *э*. Больше того, стечение указанных согласных с последующим за ними гласным *э* в даргинском языке представлено довольно ограниченным количеством примеров. Таких примеров у Ш.Г. Гаприндашвили нет вовсе, так что у автора фактически речь ведется вообще, абстрактно. Мы еще будем иметь возможность рассмотреть вопрос о "палатализации" и "аффрикатизации" согласных. В данном случае нас интересует "палатализованность" гласного *э*. В этой связи приведем еще одно положение Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 39]: "Рентгенограмма фарингализованного *э* свидетельствует о том, что исследуемый звук по открытости заметно уступает гласному *а*. Это обстоятельство, наряду с артикуляцией переднего языка к твердому небу, по-видимому, способствует появлению у гласного *э* признаков палатализации вместе с признаками фарингализации".

Таким образом, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, гласный *э*, хотя и "слабо", но все же "палатализован" и имеет "признаки палатализации", а появление этих признаков обусловлено как артикуляцией переднего языка к твердому небу, так и степенью открытости данного гласного. По автору выходит, что гласный *э* менее открыт, чем гласный *а*, поэтому он более палатализован, чем *а*. Гласный *а* более открыт, чем гласный *э*, поэтому он менее палатализован, чем *э*.

Едва ли можно согласиться с положением, согласно которому степень открытости может способствовать появлению у гласного *э* "признаков палатализации", ибо следуя логике этого положения недолго дойти до абсурдного обобщения: "чем меньше открытости у гласного, тем больше у него признаков палатализации" или "чем больше открытости у гласного, тем меньше у него признаков палатализации".

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ш.Г. Гаприндашвили ведет речь о "палатализованности" гласного *э*, о "признаках палатализации" данного гласного, а не о "палатальности" или "признаках палатальности". Между тем это далеко не одно и то же. Понятие автора — "палатализованность" или "палатализация" — имеет

в виду, во всяком случае должно иметь в виду, признаки, которые являются обусловленными, экстенциональными, в то время как понятие "палатальности" имеет в виду безусловные, интенциональные признаки звуковой единицы. Но Ш.Г. Гаприндашвили не отмечает такой оппозиции ("палатальный ~ палатализованный"), а отсутствие каких-либо примеров на "палатализованный" гласный *э* еще больше затемняет авторское понимание этого понятия.

Каковы артикуляционные особенности гласного *э*? Гласный *э* в этом отношении характеризуется рядом отличительных особенностей. Одной из таких в первую очередь следует отметить его фарингальность, т.е. уменьшение роли участия фарингса или сужение прохода воздуха в полости глотки при его образовании. Губы при образовании гласного *э* в определенной степени раздвигаются в горизонтальном направлении, открывая рот как бы в стороны. Раздвижение губ в стороны, хотя оно имеет место в весьма незначительной степени, дает все же основание полагать о наличии при образовании гласного *э* элемента лабиальности. Таким образом, гласный *э* является фарингальным с элементом лабиальности. Гласный *э* является фарингальным, а не фарингализованным, т.е. является фонематической звуковой единицей речи и не встречается манифестацией или модификацией какой-либо фонемы, в том числе и фонем *а* и *и*. Что же касается морфонологического или апофонического функционирования гласного *э*, то в этом отношении данный гласный может быть оппозицией не только к гласным *а* и *и*, но и к гласным *е* и *у*.

Гласный *у*. Взгляды исследователей даргинского языка относительно *у* менее противоречивы, чем взгляды о других гласных. Но тем не менее следует отметить, что в научной литературе делается попытка связать гласный *у*, так же как и гласный *о*, с "дифтонгами". Такая попытка восходит к П.К. Услару [1892, 7] "У произносится всегда чисто и ясно. В дифтонгах заменяется она постоянно через *w*". "У, встречаясь с *а*, обыкновенно превращается в *w*, напр. *урхъу* — море, *агули* — не будучи, без, *урхъwагули* — без моря" [Там же, 8]. "В составных словах *у* после гласной обыкновенно превращается в *w*, напр. *хъawхъис* — спуститься, вм. *хъаухъис*" [Там же, 9].

В сущности своей точка зрения о "превращении" гласного *у* в *w* и участии последнего в "дифтонгах" представлена и в трудах других исследователей даргинского языка. Между тем она породила немало противоречий и неточностей не только в анализе самого этого "превращения", но и фонологической природы лабиализованных согласных. Дело в том, что во многих случаях исследователи смешивают разные фонетические явления, а именно: согласный *w* — показатель I грамматического класса (мужчин), который апофонически чередуется с гласным *у*, и элемент лабиальности согласных, обозначаемый многими авторами тем же знаком *w*. Такое смешение наблюдается и в приведенных примерах П.К. Услара. Например, в форме *урхъwагули* (точнее или вернее было бы: *урхъ^wагули*) автор находит такое же превращение *у* в *w* ($\leftarrow$ *урхъу* + *агули*), какое представлено в форме *хъawхъис* ($\leftarrow$ *хъаухъис*). Но в форме *урхъ^wагули*

элемент *w* сам по себе не является фонологически дистинктивной, самостоятельной звуковой единицей, а представляет собой лишь графическое изображение, символ лабиальности согласного *хь*. Простой фарингальный *хь* в слове *урхь* преобразуется в лабиализованный *хь^w* в результате изменения следующего за ним гласного *у* на стыке морфем (в подобной ситуации манифестацией фонемы *у* выступает не гласный *a* или долгий *ā*, а долгий гласный *ō*, почему правильна форма *урхь^wōгули*, а не форма *урхь^wагули*). Следовательно, в форме *урхь^wōгули* нет никакого "превращения" *у* в *w*.

Что же касается формы *хьawхьис*, то здесь согласный *w* — показатель I класса — восстанавливается в силу определенных фонетических условий: на стыке морфем (*хьa* + *ухьис*), где два гласных следуют друг за другом, причем вторым из них является гласный *у*, перед которым показатель I класса *w* в начале слова обычно не присутствует, но в силу того, что здесь ему предшествует пространственный преверб *wa* и гласный *у* оказывается не в начале слова, то между ним и гласным *a* — компонентом пространственного преверба *wa* — появляется законный классный показатель *w*. Поскольку гласный *у* в таких случаях (в начале слова) выступает как бы заместителем классного показателя *w*, то при восстановлении последнего отпадает необходимость его присутствия и он исчезает: *хьa* + *ухьис* → *хьawхьис*.

Таким образом, в формах *урхь^wōгули* и *хьawхьис* символом *w* представлены в фонологическом отношении разнородные явления. В форме *урхь^wōгули* символ *w* изображает добавочную лабиальную артикуляцию среднеязычного *хь*, в то время как в форме *хьawхьис* этот же символ *w* представляет собой полноценную фонологически дистинктивную звуковую единицу, билабиальный согласный, являющийся одновременно показателем I грамматического класса.

В том случае, когда *w* представляет собой знак выражения добавочной лабиальной артикуляции того или иного согласного, нельзя его отделять от этого согласного и относить к следующему гласному, представляя их сочетание как дифтонг. В даргинском языке по природе гласных и участию их в структуре слогообразования нет дифтонгов. Однако научная литература по даргинскому языку полна анализа лжедифтонгов, созданных путем отнесения указанного элемента лабиальности согласных к последующему гласному. Полную несостоятельность такого анализа мы постараемся показать в разделе о лабиализованных согласных. Здесь нет также необходимости подробно останавливаться на функциональных особенностях гласного *у*, а также на аблаутных чередованиях его с другими гласными и классным показателем *w*. Что же касается гласного *у* как фонологической звуковой единицы, то в артикуляционном отношении он характеризуется тем, что при его образовании язык дальше всего отодвигается назад и поднимается в задней его части вверх, артикулируя по отношению к мягкому небу. Губы при образовании гласного *у* выдвигаются вперед и округляются. Все это создает в полости рта наиболее длинную и довольно широкую в передней части резонирующую трубу. Гласный *у* можно было бы назвать гласным

восходящей лабиализации, так как при его произношении губы вытягиваются вперед и (потом) округляются.

Ш.Г. Гаприндашвили артикуляционные свойства гласного у, как и других гласных, подверг экспериментальному анализу. Данные этого анализа опубликованы в монографии автора [1966, 37—39].

Гласный *о*. Для литературного даргинского языка гласный *о* не характерен ни как фонема, ни как манифестация какой-либо фонемы. Сведения о гласном *о*, имеющиеся в научной литературе по даргинскому языку, настолько противоречивы и недостоверны, что по ним трудно себе представить не только фонологические и дистрибутивные свойства этого гласного, но и ареалы его существования.

П.К. Услар о гласном *о* писал следующее: "Много есть поводов усомниться в необходимости ввести гласную *о* в хюркилинскую азбуку. Гласная эта ни разу не встретила мне явственно, не только в начале слова, но даже и после согласной. На мой слух *wa* и *oa*, *wə* и *oə* в устах туземцев звучат одинаково, или представляют отличия, не подлежащие письму, но туземцы полагают, что должно писать: *дисъоан* — как нож, а не *дисъван*; *оəхли* — гости, а не *wəхли*. Во всяком случае примеры, которые они представили мне для гласной *о*, весьма малочисленны" [1892, 7].

В материалах П.К. Услара повсеместно гласный *о* заменяется гласным *а*. Больше того, П.К. Услар гласный *о* заменяет не просто гласным *а*, а "сочетанием *wa*", на которое, по мнению автора, можно смотреть как на дифтонг. Наряду с *wa*, П.К. Услар смотрит как на дифтонги и на такие "сочетания", как *wə*, *we*, *wi*. Автор прямо так и пишет: "Сочетания *wa*, *wə*, *we*, *wi* встречаются весьма часто; на них можно смотреть, как на дифтонги" [1892, 9].

Из положений П.К. Услара становится очевидным следующее: 1) вольно или невольно из поля зрения автора выпали разнообразные и многочисленные лабиализованные согласные и возможность констатации самого факта наличия таких согласных в хюркилинском диалекте; 2) элемент добавочной лабиальной артикуляции согласных, обозначаемый символом *w*, фиксируется не как таковой, а как фонологически дистинктивная звуковая единица, в силу чего он отделяется автором от его исконных носителей, лабиализованных согласных, относится к последующему гласному (*а*, *ə*, *е*, *и*) и тем самым искусственно создаются звуковые "сочетания" или лжедифтонги *wa*, *wə*, *we*, *wi*. Это обстоятельство приходится подчеркивать потому, что один из этих "дифтонгов", а именно *wa*, как мы уже указывали, повсеместно выставляется там, где фактически должен быть фиксирован гласный *о*. Невероятно, но факт остается фактом, что П.К. Услар, ученый с тонким чутьем и наблюдением языковых фактов, обнаруживает в хюркилинском диалекте различные "дифтонги", в том числе и "дифтонг" *wa* в таких примерах, как: *г^wаза* 'кобыла', *г^wандза* 'земля', *к^wани* 'живот', *к^wарчла* 'одеяло', *г^wари* 'борозда', *даг^wа* 'петух' и т.д.

В действительности, во всех этих хюркилинских примерах вместо лжедифтонга *wa* представлены лабиализованные согласные и гласный *о*: *г^w-о-за*, *г^w-о-ндза*, *к^w-о-рчла*, *г^w-о-ри*, *даг^w-о* и т.д. Вполне

возможно, что хюркилинцы-осведомители указали автору на наличие в данных словах гласного *о*, но как написать эти формы — едва ли. П.К. Услар допускает неточность в записи указанных форм, а эта неточность, по нашему мнению, фактически вытекает из авторского непонимания дистрибутивных свойств гласного *о*. Заключается она в том, что в форме *дисъоан* (по Услару: *дис'оан*) гласный *а* между *о* и *н* — лишний, не отмечается также лабиализованность ларингального абруптива *ъ^в*, между тем в хюркилинском диалекте сравнительная частица *ъ^вон* существует именно в данной форме. Что же касается формы *оахли*, то автор упустил или не уловил весьма примечательную и кстати никем из последующих исследователей до сих пор не отмеченную особенность — наличие начального лабиализованного ларингального абруптива *ъ^в*: *ъ^вахли**.

Таким образом, в форме *дисъ^вон* представлена лабиальная фонема *о*, а в форме *ъ^вахли* — фарингальная фонема *э*. При образовании форм *ъухлэл* — *ъ^вахли* произошла транспозиция звуков: *хлэ~ахл*. Ср. также: *шухлэри* 'расщелина', 'борозда' — *ш^вахлрими* (мн. ч.), *дзуглэла* 'забота', 'дело' — *дз^вэглрими* (мн. ч.).

Каковы дистрибутивные особенности гласного *о* в хюркилинском диалекте? Гласный *о* в хюркилинском диалекте встречается в довольно большом количестве лексических единиц. Все эти единицы по дистрибуции гласного *о* можно объединить в одну группу: гласный *о* функционирует только в позиции после лабиализованных согласных. К лабиализованным согласным, после которых употребляется гласный *о*, относятся в частности: *г^в*, *гъ^в*, *гл^в*, *к^в*, *къ^в*, *кь^в*, *кл^в*, *х^в*, *хъ^в*, *хл^в*, *н^в*, *ш^в*, *ъ^в*. Приведем некоторые иллюстрации: *г^воа* 'кобыла', *г^вондза* 'земля', *ъаг^вор* 'не имеющий', 'отсутствующий', *г^во* 'же, ведь' (частица); *гъ^вобза* 'мужчина, удалец, храбрец' *гъ^вори* 'борозда, шрам', *гъ^ворш* 'борозда, пахота'; *ьиргл^во* 'дым'; *бирк^вола* 'еда', *дик^во* 'еда', *к^вони* 'живот', *к^вонаъула* 'подпруга', *к^вотла* 'перчатка', *к^вочла* 'лапа', *к^вош* 'пригоршня', *к^ворага* 'абрикос', *ник^во* 'ноготь', *кл^вора* 'большой гончарный сосуд', *кл^ворчла* 'одеяло, покрывало', *никл^вол* 'в прошлый раз', *зиплукл^вон* 'свирель', *ш^вэтликл^вон* 'свисток', *г^ворикл^вон* 'скалка', *бикл^вор* 'говорят, зовут'; *дикъ^во* 'обрядовый плач по погибшему', *къ^вотл* 'квартира', *къ^вонкъ^во* 'деревянная лопатка'; *къ^вольа* 'комок', *къ^волт* 'вельвет', *къ^вочла* 'торба', *сэлкъ^во* 'пробка, затычка', *бикъ^вола* 'полено'; *х^вош* 'свобода, воля', *хъ^вори* 'кизяк', *хъ^вотануш* 'полевой шарообразный гриб', *хл^вонтла* 'скирда снопов'; *балкл^во* 'кривой, хромой', *макъкъ^во* 'горбатый', *пилкъ^во* 'хрупкий', *хлэйкъ^во* 'жидкий', *х^волал* 'большой', *н^вол-н^вол* 'я один', *хл^вол-хл^вол* 'ты один', *ш^вол* 'пять' и т.д.

Все приведенные иллюстрации с гласным *о* после лабиализованных согласных (в большинстве своем заднеязычных) представляют собой в основном номинативные структурные единицы, или единицы первичной деривации (исключение может составить разве только тюрк.

* Здесь и в дальнейшем добавочная лабиальная артикуляция того или иного звука фиксируется нами символом *ш*, в отличие от символа *в*, используемого для обозначения билабиального спираанта.

хъ^ошкелди). В них, надо полагать, лабиализованные согласные также являются первичными, а первичность лабиализованных согласных обуславливает первичность и следующего за ними гласного *о*. Думается, что первичность и фонологическая дистинктивность гласного *о* в данных формах остаются несомненными и при том обстоятельстве, что при словообразовании в некоторых из них гласный *о* морфонологически чередуется с гласным *у*: гъ^оори — гъурми, гъ^обза — гъубзни, к^оони — кумми, ник^о — нукуби, къ^ооньи — къумми, дик^о — дик^ууби, хъ^оори — хъурми, ъаг^о — ъагу (или ъагули), балк^о — балк^у (или балк^ун) и т.д. Вместе с морфонологическим чередованием гласных *о* и *у* в данных формах одновременно происходит также чередование предшествующих лабиализованных согласных с соответствующими простыми согласными, т.е. представлена оппозиция простых и лабиализованных согласных. Вместе с тем следует отметить также, что при образовании множественного числа в ряде из иллюстраций наблюдается явление делабиализации согласных и выпадение исходного гласного *о* (апокопа): дэг^о — дэг^ни, г^олэг^о — г^нлэг^ни, джэрг^о — джэрг^ни, даг^о — даг^ни, дик^о — дик^ни, дик^о — дик^ни, пэлк^о — пэлк^ни, сэлк^о — сэлк^ни и т.д. В третьей группе приведенных иллюстраций при образовании форм множественного числа неизменным остается как лабиализованный согласный, так и следующий за ним гласный *о*: к^оот^а — к^оот^ни, къ^ооч^а — къ^ооч^ни, къ^оот^л — къ^оот^лани, къ^оош — къ^оошани, къ^оолт — къ^оолтани, къ^оолтин — къ^оолтинти, к^оора — к^оорми, к^оорч^а — к^оорч^ни и т.д. И, наконец, существует небольшая группа слов, множественное число которых представлено двумя одинаково употребляемыми формами: г^оза — гузни и г^озни, къ^оольа — къ^ульни и къ^оольни, къ^ооч^а — къ^уч^ни и къ^оч^ни, т.е. такими формами, какие характерны для слов первой и третьей групп. В слове же къонк^о, одном из немногих по наличию двух сочетаний лабиализованного согласного и гласного *о*, при образовании множественного числа в начальной позиции сочетание этих звуков подчиняется одному закону, а в конечной позиции — другому, т.е. в анлауте указанные звуки остаются неизменными, в то время как в ауслауте происходит делабиализация согласного и выпадение исходного гласного *о*: къонк^ни. В слове г^орик^он при образовании формы множественного числа оба комплекса "лабиализованный согласный + *о*" остаются неизменными: г^орик^онти.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в первой группе слов гласный *о* представлен в разных позициях, в начальной и конечной морфемах: гъ^оори, гъ^обза, к^оони, къ^ооньи, хъ^оори (начальная морфема), ник^о, дик^о (конечная морфема), во второй группе — только в конечной морфеме: дэг^о, г^олэг^о, джэрг^о, даг^о, дик^о, дик^о, а в третьей группе — только в начальной морфеме: к^оот^а, къ^ооч^а, къ^оот^л, къ^оош, къ^оолт, къ^оолтин, к^оора, к^оорч^а.

Полагая первичность происхождения гласного *о* и предшествующего ему лабиализованного согласного в приведенных иллюстрациях, мы выделили в исключение несколько форм, где эти звуковые единицы имеют вторичное образование, а гласный *о* можно было бы харак-

теризовать как манифестацию гласного у. К ним относятся: *н^ол-н^ол* 'я один', *х^лол-х^лол* 'ты один', *ш^ол* 'пять'.

Редупликативные наречия *н^ол-н^ол* и *х^лол-х^лол* образованы из личных дейктонимов *ну* 'я' и *х^лу* 'ты' при помощи суффикса *-ал*: *ну + ал → н^ол*, *х^лу + ал → х^лол*. Здесь гласный *о* и лабиализация предшествующего согласного произошли благодаря стечению гласных *у* и *а*. Такое же происхождение гласного *о* и предшествующего лабиализованного согласного наблюдается и в числительном *ш^ол*: *шу + ал → ш^ол*.

К иллюстрациям, где гласный *о* и предшествующий ему лабиализованный согласный имеют вторичное происхождение, можно отнести также формы *ь^ойзи* 'убирайся', 'прочь', 'уйди' (у П.К. Услара: *оайзи*) и *ь^орбукьэс* — 'вступить в период течки' (о животном).

Форма *ь^ойзи* (I кл.) образована из *ьув + йайзи*, где *ьув* — сокращенный вариант *ьувад* или *ьудивад* 'под', 'из-под', а *йайзи* 'встань'. В буквальном переводе на русский язык *ь^ойзи* означает 'встань из-под (глаз), прочь'. С этим же значением параллельно употребляется и ее исходная форма *ьувайзи*.

Форма *ь^орбукьэс* (III кл.) образована из *ьу + ьарбукьэс*, где *ьу* — сокращенный вариант *ьуди* 'под', а *ьарбукьэс* 'идти, пойти'. В буквальном переводе на русский язык *ь^орбукьэс* означает 'под идти', 'под пойти'.

Позиция после лабиализованного ларингального абруптива *ь^в* — одно из дистрибутивных свойств функционирования гласного *о*. Эту позицию иллюстрируют слова *х^лэйь^он* 'животное' и *тарь^о* 'ласка'. К ним можно отнести также все словесные формы с частицей *ь^он* 'как': *бицль^он* 'как волк', *ьунцль^он* 'как бык' и т.д.

Следует отметить, что все описанные свойства функционирования гласного *о* характерны и для долгого гласного *ō*. О них речь пойдет ниже, в соответствующем разделе о долгих гласных.

Обратимся к некоторым положениям исследователей даргинского языка о гласном *о*. Л.И. Жирков в "Грамматике даргинского языка" (М., 1926) среди гласных перечисляет и гласный *о*, но больше ничего об этом звуке не пишет. В другой работе, посвященной арбукскому диалекту, автор пишет: "Гласный *о*, как фонема, отсутствует, но иногда произносится в заимствованных словах, всегда, впрочем, являясь лишь как вариант к *у*, которым и может факультативно заменяться" [Жирков 1930, 259].

Таким образом, по мнению Л.И. Жиркова, гласный *о*, как фонема, в исконных словах даргинского языка отсутствует. В исконных даргинских словах данный звук не замечен автором и как вариант фонемы *у*. На этот счет нет у автора ни указаний, ни соответствующих примеров.

Аналогично мнение и у А.А. Магометова: [1963, 37]: "Гласный *о* не характерен для кубачинского диалекта, как и вообще для даргинского языка". Если соотнести это утверждение с приведенными нами из хюркилинского диалекта примерами на гласный *о*, то едва ли его можно считать адекватным языковой действительности.

По мнению С.Н. Абдуллаева [1954, 23], гласный *о* употребляется

в даргинском "лишь в заимствованиях из русского языка". Имеется в виду, надо полагать, литературный даргинский язык. Что касается хюркилинского диалекта, то существование здесь гласного *о* для автора является несомненным, но видится только комбинаторным долгим гласным: "он состоит из неодинаковых гласных: *о* является результатом слияния *у* и *а*" [Там же, 31]. В качестве иллюстрации своего положения автор приводит такой пример: *у* 'имя' — *о* (из: *уа*). Вместе с тем автор полагает, что долгота гласных, в том числе и гласного *о*, "в тех диалектах, в которых она имеется, является фонемной, т.е. долгие гласные — особые фонемы" [Там же, 30]. С одной стороны, гласный *о* в хюркилинском диалекте является долгим гласным комбинаторного образования, с другой — фонемой. Из этого видно, что для С.Н. Абдуллаева долгота гласных в фонологическом отношении является однородной. Фактически он не различает долготу по природе от долготы комбинаторной или позиционной, для него нет ни первичной, исконной долготы гласных, ни вторичной, производной. Автор не различает также первичных и вторичных фонем, которые в какой-то степени могли бы объяснить положение, согласно которому комбинаторные долгие гласные считаются фонемами. Поэтому трудно согласиться с этим положением, так как долгие гласные в фонологическом отношении не являются однородными звуковыми единицами.

Не вдаваясь здесь в подробности о фонологической сущности долгих гласных, так как им будет посвящен специальный раздел, следует отметить, что в общем плане относительно фонологической природы долгих гласных в арбухском диалекте А.А. Магомедов высказывается также довольно противоречиво. В его статье, посвященной фонетическому обзору арбухского (кубачинского) диалекта, читаем: "Долгие гласные, как фонемы, не характерны для кубачинского диалекта. Встречающиеся долгие гласные — результат фонетических изменений: слияния гласных или возмездительного удлинения, вызванного утратой последующего согласного" [Магомедов 1958, 316]. При этом для подкрепления своего мнения автор ссылается на ранее высказанное аналогичное положение Л.И. Жиркова [1930, 260]: "Мне не удалось добиться уверенности в том, что долгие гласные являются особыми фонемами". Тем не менее в книге "Кубачинский язык", изданной через пять лет после этой статьи, долгие гласные в арбухском диалекте А.А. Магомедов [1963, 38] называет фонемами "Долгие гласные в кубачинском диалекте ныне являются фонемами".

Мнение Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 11] относительно гласного *о* несколько отличается от мнения других исследователей: "В результате экспериментального изучения установлено, что гласный *о* в литературном даргинском произношении (!) представляет собою лабиализованный вариант гласного *а*. Этот звук в даргинском исторически отсутствовал, вследствие чего в устных заимствованиях он постоянно заменялся гласным *у*. На примере образования фонемы *о* (! — З.А.) в даргинском языке видно, что при создании новой фонемы язык может прибегнуть к модификации уже существующей в нем фонемы

путем добавочной артикуляции, в данном случае, например, округлением губ" (курсив наш. — З.А.)

Можно допустить, что автор имеет в виду литературное произношение заимствованных слов, хотя по логике вещей следовало бы говорить об исконных словах даргинского языка. Такое допущение оказывается не случайным, если учесть другое положение автора: "Можно полагать, что ввиду отсутствия гласного *о* в даргинском языке, при создании фонемы *о*, служащей как для передачи гласного *о* заимствованных слов, так и комплекса *wa* в словах основного словарного фонда даргинского языка, язык воспользовался артикуляционным типом гласного *а*, модифицировав последний посредством добавочной артикуляции губ и превратив в лабиализованный гласный *а_л*, акустически близкий к гласному *о*" [Гаприндашвили 1955, 116; 1966, 37—38].

Но ведь в даргинском языке нет никаких языковых фактов, которые могли бы дать повод для подобных заключений. Резюмируем, однако, основные мысли автора: 1) даргинский язык исторически не имел гласного *о*, 2) гласный *о* создан литературным языком в позднее время, 3) гласный *о* в литературном языке представляет собой, с одной стороны, лабиализованный вариант фонемы *а*, с другой — фонему или новую фонему, 4) гласный *о* создан специально для передачи как звука *о* заимствованных слов, так и комплекса *wa* исконных даргинских слов.

Литературный даргинский язык, основанный на акушинском диалекте, существует всего лишь полвека и находится в процессе своего становления. Носители этого языка, в том числе и опорного акушинского диалекта, не знают в нем гласного *о* ни для передачи адекватного звука заимствованных слов, ни тем более для передачи комплекса *wa* своих исконных слов. Да и не было никакой необходимости для этих целей создавать "новую фонему", так как гласный *о* заимствуемых слов также заимствуется, а заменять или передавать комплекс *wa* своих слов гласным *о* не было и нет никакого смысла. Как можно, например, комплекс *wa* передавать гласным *о* в таких словах, как: *wawa* 'цветок', *wamlan* 'родина' *məwa* 'круг, колесо', *warɣɨ* 'бурка' и т.д. Такая передача здесь невозможна и абсолютно исключается. В литературном даргинском языке комплекс *wa* представляет собой сочетание двух самостоятельных, фонологически дистинктивных звуковых единиц и комплекса иного качества из этих единиц в нем не существует. Надо полагать, что Ш.Г. Гаприндашвили имеет в виду вовсе не такое сочетание *wa*. Автор говорит о "литературном даргинском произношении", но вопреки этому имеет в виду лабиальный элемент лабиализованных согласных даргинских диалектов, обозначаемый символом *w*, а также следующий за такими лабиализованными согласными гласной *о*, подменяемый автором гласным *а*. Этот лабиальный элемент согласных (*w*) Ш.Г. Гаприндашвили отделяет от его исконных носителей, которым фонологически принадлежит как их природное и неотъемлемое качество, и выдает за самостоятельную звуковую единицу. Больше того, автор относит его к следующему гласному и таким образом вслед

за П.К. Усларом создает фактически несуществующие в языке "дифтонги" или "комплексы" и связанные с ними прочие фонетические явления. К тому же в работах Ш.Г. Гаприндашвили нет примеров, в которых бы автор фиксировал "созданную" языком "новую фонему о". В самом деле, если даргинский литературный язык создал "новую фонему о" для передачи комплекса *wa*, то почему бы не фиксировать ее хотя бы в тех немногочисленных примерах, где автор неизменно отражает этот комплекс? "Новая фонема о" не фиксируется автором в примерах и как "лабиализованный вариант гласного а". Между тем, у Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 180] "комплекс *wā*" (с долгим гласным *ā*) и "лабиализованный долгий гласный *ā*" также одно и то же". Но если это так, и если учесть, что автор в своих работах "комплекс *wa*" неизменно характеризует как "дифтонг", то как согласовать адекватность понятий "вариант звука" ("лабиализованный вариант гласного а) и "дифтонг"? К тому же в этом случае "дифтонг *wa*" одновременно оказывается адекватным и "новой фонеме о".

Из этой "логической" цепи положений автора нельзя упустить и следующее. По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, дифтонг *wa*, упрощаясь, дает разные гласные, в частности: *o*, *ə*, *y*. Приведем авторские примеры на эти гласные, полученные в результате упрощения дифтонга:

wa → *o*: *x^wалал* → *холал* 'большой' (цудах.)

ɔ^wаь → *доь* 'ветер' (цудах.)

ɔ^wэму → *ьомру* 'жизнь' (цудах.)

wa → *ə*: *кь^wэл* → *кьэл* 'корова' (акуш.)

кь^wэш → *кьэш* 'нога' (акуш.)

х^wэ → *хэ* 'собака' (акуш.)

wa → *y*: *ɔ^wари* → *ьура* 'заяц' (хайд.)

к^wани → *куни* 'живот' (цудах.) [Гаприндашвили 1956, 21].

Оказывается, таким образом, не только "новая фонема о" создана языком для передачи "комплекса *wa*" или "дифтонга *wa*", но и эта "новая фонема о" получена в результате упрощения "дифтонга *wa*" (или "комплекса *wa*"). Следовательно, создавать новую, в языке исторически ранее не существовавшую фонему *o* для обозначения "комплекса *wa*" и получить гласный *o* в результате упрощения "дифтонга *wa*" (или "комплекса *wa*") одно и то же. А если это одно и то же (а по автору именно так), то какой смысл языку создавать "новую фонему о" для передачи "комплекса *wa*", когда он в результате упрощения "дифтонга *wa*" уже имеет эту фонему?

В сомнительной логике положений автора относительно гласного *o* достойное место занимает и образование гласных *ə* и *y* в результате упрощения "дифтонга *wa*". Между тем следует отметить, что в этих положениях, как и во многих других случаях, в отношении анализа звуковых процессов, равно как и в фиксации языковых фактов, у Ш.Г. Гаприндашвили царит полный произвол. Вообще создается впечатление, что для фонетиста Ш.Г. Гаприндашвили при изучении языковых фактов фонологическая точность их фиксации вовсе необя-

зательна. В работах автора по фонетике даргинского языка количество примеров с неточной записью во много раз превосходит количество правильно записанных слов. Автор может хюркилинские формы привести как акушинские или цудахарские и наоборот. Формы разных диалектов с существенными фонетическими различиями смешиваются и путаются словно для фонетики эти различия не имеют никакого значения. Вполне возможно, что это не умышленно, но от этого нисколько не легче для науки и едва ли простительно для фонетиста. Например, автор фиксирует формы *кь^вэл*, *кь^вэш*, *х^э* как акушинские, хотя ему должно было быть известно, что в данном диалекте таких форм с лабиализованными согласными не существует. В действительности формы *кь^вэл* и *кь^вэш* являются хюркилинскими, а не акушинскими, а форма *х^э* — гибридом из элементов того и другого диалекта: лабиализованный *х^в* является хюркилинским (*х^ви*), а фарингальный гласный *э* — акушинским (*хэ*). Формы *ь^вари* и *к^вани* автор фиксирует как формы хайдакского и цудахарского (соответственно) диалектов. Но в указанных диалектах таких форм нет. В хайдакском диалекте слово "заяц" представлено формой *гь^вэри*, а не формой *ь^вари*. Нет в данном диалекте и формы *ьура*. В цудахарском диалекте также нет форм *х^валал* → *холал*, *д^ваь* → *доь*, *ь^вэму* → *ьому*, *к^вани*, приводимых автором как иллюстрации упрощения "дифтонга *wa*". В данном диалекте фактически представлены формы: *хуласе*, *дуг^л*, *г^лумру*, *куни*. Им в хюркилинском диалекте соответствуют: *х^волал*, *д^вэгл*, *г^лэмуру*, *к^вони*, а в акушинском представлены: *халаси*, *дэгл*, *г^лэмуру*, *кани*. Ни в одной из указанных диалектных форм нет никакого дифтонга, следовательно, нет и упрощения его. Автор произвольно фиксирует данные формы и также произвольно истолковывает их звуковой состав. Этому конкретно свидетельствует не только неточная фиксация гласных, но и не более точная фиксация согласных. Например, в словах "жизнь" (цудах.) и "заяц" (хайд.) в начальной позиции Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует ларингальный абруптив *ь*. В цудахарской форме слова "жизнь", так же, как и в форме слова "ветер", автор подменяет данным звуком ларингальный звонкий *г^л*, а в хайдакской форме слова "заяц" — заднеязычный звонкий *гь*.

Причина всех этих манипуляций вокруг несуществующего в языке и произвольно выдуманного дифтонга *wa* заключается в том, что Ш.Г. Гаприндашвили слепо следует за неточными положениями П.К. Услара и усугубляет их неточность еще больше. Во-первых, автор не признает, так же, как и П.К. Услар, гласный *о* после лабиализованных согласных диалектов даргинского языка и подменяет его гласным *а*. Во-вторых, элемент добавочной лабиальной артикуляции согласных, обозначаемый символом *в*, автор неправомерно отделяет от этих согласных и в качестве дистинктивной звуковой единицы включает вместе со следующим гласным в состав "дифтонга". В-третьих, автор утверждает, что в литературном даргинском языке создана "новая фонема *о*" для передачи "дифтонга *wa*" или "комплекса *wa*", в то же время эту "новую фонему" он характеризует как "лабиализованный вариант гласного *а*". Стало быть, для автора не всегда существует

разница между понятиями "фонема" и "вариант фонемы". В-четвертых, автор утверждает, что литературным даргинским языком "новая фонема о" создана также для передачи адекватного гласного *о* заимствованных русских слов. Но литературный даргинский язык, так же как и его опорный акушинский диалект, за время своего существования не знал в прошлом и не знает в настоящем гласного *о*, "созданного" волею автора как для передачи несуществующего в языке дифтонга *wa*, так и для передачи адекватного гласного *о* русских заимствований. Гласный *о* литературным даргинским языком заимствуется вместе с русскими словами и для его передачи создавать такой же гласный нет никакой необходимости.

В отличие от литературного языка и его опорного акушинского диалекта, хюркилинский диалект располагает гласным *о* в многочисленных исконных словах. Причем представлен он в разных фонологических качествах: как фонема и как вариант фонемы *у*. В хюркилинском диалекте представлен и долгий гласный *ō*, который в свою очередь также существует в двух качествах, как фонема и как вариант фонемы *у*.

Нас не покидает уверенность в том, что гласный *о* существует не только в хюркилинском диалекте, но и в других диалектах даргинского языка, где представлены лабиализованные согласные. Дело только в том, что отдельные исследователи даргинского языка утвердили мысль об отсутствии данного звука и везде, не только в хюркилинском, но и в хайдакском, цудахарском и др. диалектах, гласный *о*, следующий за лабиализованными согласными, подменяют гласным *а*. Ошибочность и неправомерность такой подмены нам представляются несомненными, но держатся в науке на трудности артикуляционной дифференциации акустического восприятия гласных *о* и *а*, следующих за лабиализованными согласными. При этом создается впечатление, будто бы элемент лабиальности предшествующего согласного передается следующему за ним нелабиальному гласному *а*, в то время как лабиальность гласного *с* нивелируется в данной позиции. А такое впечатление имеет место в силу того обстоятельства, что обычно вновь приобретаемое или кажущееся таковым качество (в данном случае "лабиализованность" гласного *а* в позиции после лабиализованных согласных) выступает гораздо рельефнее, чем природное качество (в данном случае лабиальность гласного *о*). Тем не менее физиологическое различие между этими гласными (*о* и *а*) в позиции после лабиализованных согласных, по нашему убеждению, существует непременно, и это различие говорит в пользу признания наличия гласного *о* в диалектах с лабиализованными согласными.

Приведем несколько примеров из хайдакского диалекта, где после лабиализованных согласных представлен гласный *о*: *члак^{wo}* 'хлеб', *к^{wo}оти* 'куст', *г^{wo}рси* 'бурка', *джэк^{wo}* 'птица', *мик^{wo}* 'ноготь' и т.д. Последние два примера (*джэк^{wo}*, *мик^{wo}*) наличием гласного *о* после лабиализованного согласного *к^w* характеризуются полной идентичностью с соответствующими формами хюркилинского диалекта: *чэк^{wo}*, *ник^{wo}*. Признавая наличие гласного *о* в хюркилинских формах *чэк^{wo}* и *ник^{wo}*, едва ли возможно отрицать его наличие в соответ-

ствующих формах хайдакского диалекта *джэж^о* и *мик^о*. Мы вовсе не сторонники того, чтобы "находить" во всех диалектах во всех отношениях одинаковые и идентичные явления фонетики и грамматики, ибо даргинские диалекты имеют довольно существенные различия между собой. Наше убеждение опирается как на точно фиксированные языковые факты, так и на уверенность в наличии гласного *о* после лабиализованных согласных, неправомерно и ошибочно подменяемого в научной литературе гласным *а*, создавая тем самым несуществующий в языковой действительности дифтонг *wa* или комплекс *wa*. Между тем, как мы уже указывали, в этом квазидифтонге "согласный компонент" *w* представляет собой не самостоятельную дистинктивную звуковую единицу, а всего лишь условный символ, употребляемый для обозначения добавочной лабиальной артикуляции предшествующего согласного.

Положение П.К. Услара, согласно которому констатируется факт отсутствия в хюркилинском диалекте лабиализованных согласных, не получило поддержки в дальнейшем изучении даргинского языка и ряд исследователей подчеркивает как характерную особенность данного диалекта именно наличие в нем широко развитой системы лабиализованных согласных. Что же касается положения П.К. Услара, согласно которому элемент добавочной лабиальной артикуляции согласных фактически характеризуется как самостоятельная, фонологически дистинктивная звуковая единица и, относя его к следующему гласному, фиксируется "дифтонг", то оно в дальнейшем многими исследователями даргинского языка оказалось принятым на вооружение без сомнения и колебания. Между тем признание наличия лабиализованных согласных по логике вещей исключает одновременное признание наличия в тех же словесных формах дифтонгов, т.е. лабиализованные согласные и дифтонги в одних и тех же словесных формах несовместимы друг с другом, ибо в тех и других не может одновременно участвовать один и тот же элемент. Несмотря на это, факт остается фактом, что отдельные исследователи даргинского языка придерживаются таких противоречивых взглядов. Например, в слове *х^оалал* 'большой' (в точной записи будет: *х^оолал*) признается наличие лабиализованного согласного *х^о*: *х^о-алал*. В этом случае *w* характеризуется как условный знак, обозначающий специфическое качество согласного *х* — добавочную лабиальную артикуляцию. Тут оба знака *х^о* фиксируют один специфический лабиализованный согласный звук. Одновременно в этом же слове *х^оалал* признается наличие дифтонга *wa*: *х-wa-алал*. В этом случае *w* характеризуется уже не как реализация добавочной лабиальной артикуляции согласного *х*, а как самостоятельная, фонологически дистинктивная звуковая единица, выступающая полноценным компонентом дифтонга. На признании именно таких взаимоисключающих положений стоит Ш.Г. Гаприндашвили, фиксируя лабиализованные согласные в таких словах хюркилинского диалекта, как: *х^оалал* 'большой', *г^оаза* 'кобыла', *г^оари* 'борозда', *к^оани* 'живот' и т.д. (сохраняем запись автора). Одновременно в этих же словах автор обнаруживает дифтонг *wa*. Правда, при этом безответным остается вопрос: где же "новая фо-

нема о", созданная даргинским языком для передачи "дифтонга wa"? В лабиринте своих противоречий автор о ней забыл окончательно, ибо в его работах нет иллюстраций, где бы вместо "дифтонга wa" или "комплекса wa" хоть раз была зафиксирована фонема о. Так что выходит зря "создал" даргинский язык "новую фонему о".

Заканчивая разговор о фонеме о, можно отметить, что она характеризуется нисходящей лабиализацией, т.е. при его произношении вытянутые губы округляются и как бы отступают назад. Гласный восходящей лабиализации у и гласный нисходящей лабиализации о образуют привативную оппозицию в сочетании с нелабиализованными (гласный у) и лабиализованными (гласный о) согласными. Ср. к^вони 'живот' — мн. кумми, кь^воньи 'сундук' — мн. кьумми, ник^во 'ноготь' — мн. нукуби и т.д.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгие гласные, довольно широко представленные в ряде диалектов, играют важную роль не только в фонетической, но и в морфологической системе даргинского языка. Они являются как звуковыми единицами, так и морфемными компонентами.

Долгие гласные не характерны для литературного даргинского языка. Широкое распространение они имеют в основном в хюркилинском и арбухском диалектах. На них мы и остановимся.

Исследователи даргинского языка (П.К. Услар, Л.И. Жирков, С.Н. Абдуллаев, Ш.Г. Гаприндашвили, А.А. Магометов и др.) затрагивали вопрос о долгих гласных, однако эти сведения носят отрывочный характер и не охватывают собою всего комплекса дистрибутивных и фонологических свойств данных звуковых единиц. К тому же эти сведения в ряде случаев страдают существенными неточностями и противоречиями.

П.К. Услар [1892. 7] впервые обратил внимание на дистрибутивные свойства некоторых долгих гласных в хюркилинском диалекте. "Весьма замечательно свойство гласных взаимно сливаться, — писал он, — когда они сходятся в составном слове или даже когда в предложении встречаются два особые слова, из которых первое кончается, а второе начинается с гласной: оба эти слова сливаются тогда в одно". Далее П.К. Услар [Там же, 8] отмечает ряд конкретных условий возникновения отдельных долгих гласных: "Два а при встрече сливаются в одно долгое а — *ā*, напр. *ада* — отец, *агули* — не будучи; *без отца* выражается обыкновенно через *отец не будучи* — *адāгули* вм. *ада агули*". "И, встречаясь с а, сливается с ним в е долгое, если затем следует одна лишь согласная, и в е короткое, если следуют две. Таким образом, *дзи* — соль, *агули* — не будучи, *дзēгули* вм. *дзи агули* — без соли, буквально соль не будучи; *эхлти* — хорошие, *эхлди* — не делаться, *эхлтэхлди* — не делаться хорошими, вм. *эхлти эхлди*" [Там же].

Отметим, наконец, еще одно положение П.К. Услара, где автор не указывает на образование или наличие долгого гласного *ā*, но

в примере он фиксируется. Оно гласит: "У, встречаясь с *a*, обыкновенно превращается в *w*", напр. *урхъу* — море, *агули* — не будучи, без, *урхъ^wагули* — без моря" [Там же].

В другом месте своего труда, говоря об окончаниях родительного падежа в хюркилинском диалекте, П.К. Услар [Там же, 22—25] отмечает ряд свойств долгих гласных *ā*, *ē*, *ō*, выступающих в функции формантов родительного падежа. Здесь долгим гласным *ā*, в указанной функции автор отражает не только соответствующую звуковую единицу, но и долгий гласный *ō*. В последнем случае вместо долгого гласного *ō* П.К. Услар фиксирует не просто долгий *ā*, а комплекс *iwā*: *хъунул* — *хъун^wā*, *клуцлул*—*клуцл^wā*, *муръул* — *муръ^wā*, *урцул*—*урц^wā*, *хъу* — *хъ^wā*, *урхъу* — *урхъ^wā*, *дару* — *дар^wā*, *дарцу* — *дарш^wā*.

Фактически форма родительного падежа данных слов в хюркилинском диалекте представлена с долгим гласным *ō* в качестве ее категориального форманта: *хъун^wō*, *клуцл^wō*, *муръ^wō*, *урц^wō*, *хъ^wō*, *урхъ^wō*, *дар^wō*, *дарш^wō*.

В хюркилинском диалекте довольно трудным представляется вопрос о дифференциации свойств долгих и ударных гласных. И поэтому вполне понятны те неточности, которые имеют место в научной литературе в решении этого вопроса. Как правило, вместо ударения гласного в научной литературе отмечается долгота, но почему-то не встречается случая, чтобы вместо долготы фиксировалось бы ударение. Это, очевидно, от того, что все долгие гласные являются и ударными, в то время как не всякий ударный гласный является и долгим. К тому же вопрос об ударении как в хюркилинском диалекте, так и в других диалектах даргинского языка, до сего времени остается одним из наименее изученных вопросов фонетики.

В своем труде П.К. Услар долготу гласных хюркилинского диалекта повсюду отмечает надбуквенной черточкой. Поэтому о таких гласных мы вправе говорить и там, где автор приводит их в иллюстрациях к другим фонетическим и грамматическим явлениям. Например, рассматривая вопросительные формы хюркилинского диалекта, автор пишет следующее: "Если в предложении вопрос выражается каким-либо словом, как-то: кто? когда? где? и т.п., то к глагольному окончанию присоединяется *ā*, превращающееся после *и* в *ē*" [Там же, 78]. Среди иллюстраций к сказанному приводятся такие фразы:

ну ча сайрā (*ну чарā*) 'кто я такой?'

хлу ча сайрē (*хлу чарē*) 'кто ты такой?'

гыт ча сайā 'кто он такой?'

Как видно, в положении и иллюстрациях к нему представлены долгие гласные *ā* и *ē*. Указывается также, что они "присоединяются к глагольному окончанию". Однако фактически здесь имеет место иное положение. Во-первых, данные гласные являются составной частью "глагольного окончания", если понятие последнего принимать за грамматическое понятие, а не присоединяются к глагольному окончанию, как об этом утверждает П.К. Услар. Чтобы кар-

тина была в этом отношении более наглядной, приведем эти фразы без вопросительного слова:

ну сайра 'я есмь'
х!у сайри 'ты еси'
гыит сай 'он есть'

Окончаниями (точнее личными и классными суффиксами) в глагольных формах *сайра*, *сайри*, *сай* являются *-ра*, *-ри*, *-й*: окончания *-ра*, *-ри* являются суффиксами 1 и 2 лиц (соответственно), окончание *-й* — суффиксом мужского класса. Как в личных окончаниях *-ра*, *-ри* не выражается класс, так и в классном окончании *-й* не выражается лицо.

Наличие вопросительного слова *ча* 'кто' вносит некоторые изменения в эти суффиксы: в 1 и 2 лице их гласный компонент подвергается качественному изменению, а в 3 лице к суф. *-й* присоединяется гласный *ā*. Следовательно, положение П.К. Услара о присоединении гласного *ā* к глагольному окончанию правильно лишь относительно формы 3 л. Причем следует отметить, что в форме 3 л. в подобной ситуации участвует не только гласный *ā*, но и *ē*. Это обусловлено исходом самой формы 3 л.: если она заканчивается на согласный звук, то прибавляется гласный *ā*, если же заканчивается на гласный *и*, то этот гласный *и* заменяется гласным *ē*. Так что указанное положение П.К. Услара и относительно формы 3 л. правильно лишь частично, т.е. применительно к формам 3 л. с согласным исходом. Для сравнения можно привести еще такие хюркилинские фразы:

ну мурт вак!ирā? 'я когда пришел?'
х!у мурт вак!адē? 'ты когда пришел?'
гыит мурт вак!ибā? 'он когда пришел?'
ну кани вак!иллā? 'я куда пришел?'
х!у кани вак!иллē? 'ты куда пришел?'
гыит кани вак!иллē? 'он куда пришел?'

В этих примерах употребительны вопросительные слова *мурт* 'когда' и *кани* 'куда'. Наличие этих слов, а также вокалистический или консонантический характер исхода личных и классных суффиксов глагольных форм обуславливают фонологические свойства гласных компонентов этих суффиксов. Без вопросительных слов данные глагольные формы представлены таким образом:

вак!ира — вак!илла
вак!ади — вак!илли
вак!иб — вак!или сай.

Как видно, в обеих формах 1 л. (*вак!ира*, *вак!илла*) гласный компонент *а* личных суффиксов *-ра* и *-ла* при наличии вопросительного слова становится долгим *ā*, в обеих формах 2 л. (*вак!ади*, *вак!илли*) гласный компонент *и* личных суффиксов *-ди* и *-ли* замещается долгим *ē*, а в формах 3 л. (*вак!иб*, *вак!или сай*) — имеют место различные фонетические явления. Здесь в форме *вак!иб*, поскольку она располагает исходом на согласный звук, имеет место присоединение гласного *ā*: *мурт вак!ибā?*, в форме же *вак!или сай*, состоящей из

деепричастия *вакһили* и глагольной связки *сай*, происходит выпадение связки *сай* и замещение исходного гласного *и* деепричастия гласным *ē*: *кани вакһилē*?

Возникают вопросы: 1) в приведенных усларовских и им подобных примерах с вопросительными словами гласные *ā* и *ē* действительно ли являются долгими? 2) если эти гласные являются долгими, то каковы их дистрибутивные и фонологические свойства?

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует отметить, что в хюркилинском диалекте долгими могут быть пять гласных: *ā*, *ē*, *ū*, *ā̃*, *ō̃*.

Долгий *ā*. В приведенных усларовских иллюстрациях 1 и 2 лица представлены двумя формами каждое: полными и сокращенными. В сокращенных формах наблюдается выпадение основы связочного глагола и присоединение его личного суффикса к вопросительному слову: *ну чарā?* (← *ну ча сайрā?*), *хIу чарē?* (← *хIу ча сайрē?*). Что касается 3 лица, то П.К. Услар почему-то не приводит его сокращенной формы, оно представлено только полной формой: *гыт ча сайīā?* Между тем, наряду с полной формой существует и сокращенная, и она на поставленные вопросы помогает ответить больше, чем другие, полные формы. 3 л. в сокращенной форме представлено так: *гыт чā?* Вопросительное слово в форме *ча?* (с простым гласным *a*) означает 'кто?', в форме же *чā?* (с долгим гласным *ā*) имеет значение не просто 'кто?', а 'кто является?', 'кто такой?', 'кто есть?'. Ср. *ча вакһибā?* 'кто пришел?' и *гыт чā?* 'кто он такой?'. Это смысловое различие достигается благодаря различию фонологических свойств гласного *a*.

Здесь как будто представлена усларовская модель образования долгого гласного *ā*: *a+a* (в форме *гыт ча сайīā?* выпадает связочный глагол *сай*, а оставшийся долгий гласный *ā* присоединяется к *ча*). Но фактически это не является моделью *a+a*, здесь представлена модель *a+ā*, т.е. смыкаются не два одинаковых простых *a*, а два разных гласных *a*, один из которых является простым *a*, а другой — долгим *ā*.

Говоря о долгом гласном *ā*, о его дистрибутивных свойствах, следует прежде всего отметить, что одним из таких общеизвестных свойств функционирования данной звуковой единицы считается стечение двух простых гласных *a*. Как правило, такое стечение наблюдается, когда в речи одно слово кончается, а другое, следующее за ним, начинается с простого гласного *a* (при отсутствии фиксации латентного ларингала ʔ). Это свойство долгого гласного *ā* впервые засвидетельствовано П.К. Усларом и вслед за ним отмечается рядом других исследователей даргинского языка. Как-то традиционной стала и усларовская иллюстрация этого положения: *ада* 'отец' + *агули* 'не будучи' = *адāгули* 'без отца' или 'отец не будучи'. Аналогичными можно считать и такие факты: *аба* 'бабушка' + *агули* 'не будучи' = *абāгули* 'без бабушки', *чалла* 'никого' + *агули* 'не будучи' = *чаллāгули* 'без никого', *цла* 'огонь' + *аби́кыс* 'развести' = *цлāби́кыс* 'развести огонь', *маза* 'овца, овцы' + *ади́кыс* 'вырастить, развести' — *мазā-*

ди́кыс 'развести овец', дхъна 'старый' + ада 'отец', ухъна́да 'дед' (досл. 'старый отец'), дхъна 'старая' + аба 'мать', 'бабушка' = духъна́ба 'бабушка' или 'старая мать' и т.д.

Среди языковых материалов П.К. Услара встречается ряд примеров с долгим гласным *ā*, полученным при участии во второй части стыкующихся слов отрицания или отрицательных глаголов (латентный ларингал *ъ* автором не отмечается: *ахI* 'не, ни', *ахIин* 'не есть, не является', *аг^ъис* 'не быть'); *пайдāг^ъар* 'бесполезное' (← *пайда* + *аг^ъар*), *цабахIлāгу* 'у одних нет' (← *цабахIла* + *агу*), *царилтелāгу* 'у других нет' (← *царилтела* + *агу*), *чаллāхIахIиб* 'никто не пришел' (← *чала* + *ахIахIиб*), *вайна́хIинна* (← *вайна* + *ахIинна*), *хIураба́гу* 'нет войска' (← *хIураба* + *агу*), *мусāхIин* 'не место' (← *муса* + *ахIин*), *эхIна́хIис* 'не быть хорошим' (← *эхIна* + *ахIис*) и т.д. [1892, 62—102].

Нетрудно заметить, что при образовании долгого гласного *ā* вторая часть стыкующихся слов имеет довольно ограниченное разнообразие своих форм: в основном несколько отрицаний или отрицательных глаголов и небольшое количество имен вроде *ада*, *аба* и т.д.

Между тем в хюркилинском диалекте немало глагольных и иных словесных форм с начальным гласным *а*, которые в речи могут следовать за другими словесными формами с конечным гласным *а*, но такое стечение двух словесных форм с гласными *а* на стыке не всегда сопровождается слиянием этих слов и возникновением долгого гласного *ā*. Иллюстрациями этого могут послужить такие факты: *хъанIа арзис* 'растегнуть пуговицу', *ута ахъбуцис* 'поднять стул', *дүцIрумIа аргъ* 'летняя погода', *адайла архIэла* 'шелк магерии', *бухъна аждагъа* 'старый дракон', *вайна агъу* 'крепкий яд', *вайна авлахъ* 'плохое поле', *гъ^ъэцIа азбар* 'узкий двор', *алаца адамыли* 'низкорослый человек', *буркъа алачухъ* 'старая землянка' и т.д.

Встречаются даже случаи, когда такие слова сливаются в одно слово и один из стыкующихся гласных *а* выпадает, но образование долгого гласного *ā* не наблюдается: *ундза* 'дверь' + *абкис* 'открыть' = *ундзабкис* 'открыть дверь'. Встречаются также случаи, когда в составе словесной формы рядом представлены два гласных *а*, но функционирование вместо них долгого гласного *ā* отсутствует: *абаала* 'достаточность', *гъуйаала* 'плач' и т.д.

Из всего этого вытекает, что стечение двух гласных *а* является не всеобъемлющим дистрибутивным свойством функционирования долгого гласного *ā*, напротив — ограничено довольно незначительным количеством языкового материала. Как бы то ни было, налицо факт противопоставления двух дистрибутивных свойств двух простых гласных *ā*, при одном из которых вместо указанных гласных функционирует долгий гласный *ā*, при другом, казалось бы, совершенно одинаковом — отсутствует функционирование долгого гласного *ā*: *цIāбикыс* (← *цIа* + *абикыс*), но *ундзабкис* (← *ундза* + *абкис*).

Другим свойством функционирования долгого гласного *ā* в хюркилинском диалекте является формант родительного падежа. Собственно долгий гласный *ā* и представляет собой этот формант. Обычно

суффиксом родительного падежа выступает *-ла/-на*. Но здесь встречаются также случаи, когда этот обычный суффикс генитива отсутствует и в его роли выступает долгий гласный *ā*. Например, *хъали* 'дом', но *хъā вайъхл* 'домашние вещи, утварь', где *хъā* — родительный падеж вместо ожидаемого *хъалила*; *шали* 'бок', но *шā лига* 'ребро' (досл. 'боковая кость'), где *шā* — генитив вместо ожидаемого *шалила* и т.д. Здесь выпадает не только суффикс родительного падежа *-ла*, но и конечная морфема именительного падежа *-ли*. При образовании формы генитива с долгим гласным *ā* аналогичным же образом выпадают также конечные морфемы именительного падежа *-л*, *-н*: *джал* 'спор' — *джā* (род.), *джан* 'жизнь' — *джā* (род.), *кынджал* 'кинжал' — *кынджā* (род.), *хлал* 'сознание' — *хлā* (род.), *майдан* 'площадь' — *майдā* (род.), *шандан* 'сталь' — *шандā* (род.п.) и т.д.

Как видно, при образовании родительного падежа вместе с выпадением конечных морфем именительного падежа *-ли*, *-л*, *-н* предшествующий им простой гласный *a* становится долгим *ā*, как бы возмещая это выпадение и выступая в роли суффикса генитива. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых именах, оканчивающихся в номинативе на *-ла*: *члчлала* 'змея' — *члчлā* (род.), *цлцлцлмкала* 'бабочка' — *цлцлцлмкā* (род. п.), *духъала* 'крыло' — *духъā* (род.).

В словах, оканчивающихся на гласный *a*, релевантным признаком родительного падежа становится переход этого простого гласного в долгий гласный *ā*: *цла* 'огонь' — *цлā* (род. п.), *хлава* 'рубашка' — *хлавā* (род.), *хлѣка* 'шуба' — *хлѣкā* (род.), *лига* 'кость' — *лигā* (род.), *ѣндза* 'дверь' — *ѣндзā* (род.), *гъондза* 'земля' — *гъондзā* (род.), *къаркъа* 'камень' — *къаркъā* (род.) и т.д. По всех приведенных и многих подобных примерах номинатив и генитив различаются качеством конечного морфемного гласного. Вместо обычной морфемы родительного падежа *-ла* здесь выступает долгий гласный *ā*.

Говоря о долгом гласном *ā*, функционирующем в качестве марки или компонента марки генитива, следует отметить также форму генитива притяжательных дейктонимов, как известно, служащую формой притяжательности: *дила* 'мой', *хлұла* 'твой', *гышшила* 'этого', 'его' (*гышшила*, *гышхила*, *гыштила*). Эта генитивная форма с суф. *-ла*, используемая для передачи значения притяжательности, приняв функции номинатива, в свою очередь, склоняется по всем падежным формам, в том числе и по генитиву. Этот вторичный генитив притяжательности ("генитив генитива") характеризуется долгой суффиксальной гласной *ā*. Ср.:

ном. *дила* 'мой', *хлұла* 'твой'
эрг. *дила-й* 'моим', *хлұла-й* 'твоим'
лат. *дила-й-с* 'моему', *хлұла-й-с* 'твоему'
ген. *дилā* 'моего', *хлұлā* 'твоего' и т.д.

Первичный генитив притяжательности *дила* 'мой', *хлұла* 'твой' и т.д. имеет простой суффиксальный гласный *a*, вторичный же ге-

нитив (так сказать, генитив от этого же генитива) *дилā* 'моего', *х/лулā* 'твоего' и т.д. — долгий гласный *ā*.

Большой интерес представляет собой долгота хюркилинского гласного *ā*, не обусловленная какими-либо очевидными внешними явлениями и встречающаяся в различных позициях словесных форм, например, в пространственных провербах направления: *ѡа* (вверх), *хѡа* (вниз), *са* (в сторону говорящего) — в начальной и срединной (в сложных формах) позициях. Гласный *а* в них, казалось бы, при совершенно одинаковых условиях, может быть то долгим, то простым. Приведем некоторые иллюстрации долгого *ā* в данных провербах: *ѡāсис* 'взять (снизу вверх)' (ср. *ѡасис* 'купить'), *хѡāсис* 'снять, взять (сверху вниз)', *сāсис* 'взять, снять (в сторону говорящего)' (в литературном даргинском вместо трех указанных хюркилинских форм с провербами разных направлений и долгим гласным *ā* употребляется одна форма *касес* с провербом *ка-* и простым гласным *а*). Когда данные глаголы (*ѡāсис*, *хѡāсис*, *сāсис*) вместе с пространственными наречиями участвуют в образовании сложных глагольных форм, провербы оказываются в срединной позиции, но гласный *а* в них также сохраняет свою долготу: *шибāсис* 'снять (сверху вверх)', *шибхѡāсис* 'снять (сверху вниз)', *шибсāсис* 'снять (сверху в сторону говорящего)', *шихѡāсис* 'выдержать, перенести', *шисāсис* 'взять на себя, обязаться', *гѡāбасис* 'пробить, прорвать (вверх)', *гѡабхѡāсис* 'прорвать, пробить (вниз)', *гѡабсāсис* 'пробить, прорвать (в сторону говорящего)', *ѡубāсис* 'убрать, взять (снизу вверх)', *ѡубхѡāсис* 'снять, взять (сверху вниз)', *ѡубсāсис* 'взять, снять (в сторону говорящего)' и т.д.

Аналогично функционирование долгого *ā* в пространственных провербах и таких словесных форм: *ѡātис* 'подсадить, посадить (наверх)', *хѡātис* 'ссадить, посадить (вниз)', *сātис* 'ссадить, посадить (в сторону говорящего)', *ѡāхѡс* 'почерпнуть (снизу)', *хѡāхѡс* 'почерпнуть (сверху)', *сāхѡс* 'почерпнуть (в сторону говорящего)' *ѡāйс* (I кл.) 'дойти (вверх)' (ср. *ѡāйс* 'послать, отправить'), *хѡāйс* (I кл.) 'дойти (вниз)', *сāйс* (I кл.) 'дойти (до говорящего)', *гѡавāкIис* 'высунуться (вверх)', 'податься (вверх)', *гѡавхѡākIис* 'высунуться (вниз)', 'податься (вниз)', *гѡавсāкIис* 'высунуться (в сторону говорящего)', 'податься (в сторону говорящего)', *гѡātис* (I кл.) 'подать (вверх)', *гѡахѡātис* (I кл.) 'подать (вниз)', *гѡасāтис* (I кл.) 'подать (в сторону говорящего)', *ѡитIākIис* (I кл.) 'подвинуться (вверх)' (ср. *ѡитIākIис* 'взвесить(ся)' или *ѡитI-ākIис* 'потянуть(ся)', 'поднатужиться'), *ѡитIхѡākIис* 'подвинуться (вниз)' и 'взвесить(ся)' (здесь два разных значения представлены одной формой — омонимия), *ѡитIсāкIис* 'подвинуться (в сторону говорящего)' и т.д.

В функционировании долгого гласного *ā* в пространственных провербах (*ѡā*, *хѡā*, *сā*) хюркилинского диалекта наблюдается довольно любопытное своеобразие. Если в формах мужского (I) класса все три проверба сохраняют долготу гласного *ā* (например, *ѡāйс*, *хѡāйс*, *сāйс*; *ѡātис*, *хѡātис*, *сātис*; *гѡātис*, *гѡахѡātис*, *гѡасāтис* и т.д.), то в формах женского класса (II) и класса вещей (III) это постоянство не наблюдается. Здесь в одних случаях долгий *ā* функционирует

как преверб направления вверх, но в превербах *хъа*, *са* представлен простой *а*, в других — все три преверба представлены с простым гласным *а*.

Иллюстрациями первого случая могут послужить словесные формы:

	<i>гъāдатис</i>		<i>гъāбатис</i>
II кл.	<i>гъахъадатіс</i>	III кл.	<i>гъахъабатіс</i>
	<i>гъасадатіс</i>		<i>гъасабатіс</i>

Как видно, в формах *гъāдатис* (← *гъа* + *ъдатіс*), *гъāбатис* (← *гъа* + *ъбатис*) представлен долгий гласный *ā*. Функционирование его обусловлено как бы стечением двух простых гласных *а*. В формах же с превербами *хъа* и *са* представлен простой гласный *а*, долгий гласный *ā* здесь не функционирует. Довольно трудным представляется объяснение, почему в формах мужского класса *гъахъātис* и *ъасātис* функционирует долгий *ā*, в то время как в противопоставляемых им формах женского класса и класса вещей *гъахъадатіс*, *гъасадатіс*, *гъахъабатіс*, *гъасабатіс* функционирует простой гласный *а*.

Иллюстрациями второго случая, где все три преверба в формах женского класса и класса вещей представлены с простым гласным *а*, могут послужить словесные формы:

	<i>ъадатіс</i>	<i>ъадаъіс</i>		<i>ъабатіс</i>	<i>ъабаъіс</i>
II кл.	<i>хъадатіс</i>	<i>хъадаъіс</i>	III кл.	<i>хъабатіс</i>	<i>хъабаъіс</i>
	<i>садатіс</i>	<i>садаъіс</i>		<i>сабатіс</i>	<i>сабаъіс</i>

Довольно трудным представляется также объяснение, почему в формах мужского класса, скажем, *ъātис*, *хъātис*, *сātис* функционирует долгий гласный *ā*, в то время как в противопоставляемых им формах двух других классов (женского и вещей) *ъадатіс*, *хъадатіс*, *садатіс*, *ъабатіс*, *хъабатіс*, *сабатіс* функционирует простой гласный *а*.

Пространственные превербы направления *ъа*, *хъа*, *са* аналогичным же образом с простым гласным *а* представлены и в таких словесных формах: *ъабұиіс* 'подкинуть, подбросить, положить (вверх)', *хъабұиіс* 'подкинуть, подбросить, положить (вниз)' и 'убить' (здесь представлена омонимия), *сабұиіс* 'подкинуть, подбросить, положить (в сторону говорящего)'; *ъабәхъэс* 'вбить, ударом послать (вверх)', *хъабәхъэс* 'вбить, ударом послать (вниз)', 'свалить, срубить', 'подкинуть' (здесь также представлена омонимия), *сабәхъэс* 'вбить, ударом послать (в сторону говорящего)', 'перелистать' (о книге, тетради); *ъабакііс* 'вставить, всунуть (вверх)', *хъабакііс* 'вставить, всунуть (вниз)', *сабакііс* 'вставить, всунуть (в сторону говорящего)' и т.д.

В науке высказано положение, согласно которому долгота гласного в хюркилинском диалекте обусловлена положением его в открытом слоге, а если же слог окажется закрытым, то долгота гласного исчезнет [С. Абдуллаев 1954, 31]. Положение довольно убедительное. Да и языковые факты подтверждают его: *ъākīіс* 'родиться, возникнуть' — *ъалкīіс* 'рождаться, возникать', *ъāsис* 'взять (вверх)' — *ъайсис* 'брать', *хъāsис* 'снять, взять (сверху)' — *хъайсис* 'внимать, брать

(сверху)' и т.д. В этих примерах формы совершенного вида глагола противопоставляются формам несовершенного вида. В первых представлен долгий гласный *ā* открытого слога (*ḡā-kl'is*, *ḡā-sis*, *ḡā-sis*). При образовании форм несовершенного вида этот открытый слог становится закрытым и долгота гласного исчезает (*ḡal-kl'is*, *ḡai-sis*, *ḡai-sis*).

Убедительность высказанного положения заключается в правильности того, что долгие гласные в хюркилинском диалекте существуют вообще только в открытых слогах и нет случая, чтобы они функционировали бы в закрытых слогах. Отсюда и естественным становится исчезновение долготы гласного, если открытый слог, в котором она функционирует, в результате каких-либо словоизменительных или словообразовательных особенностей становится закрытым.

В связи с этим, забегая вперед, между прочим, хочется отметить, что каждый гласный звук в хюркилинском диалекте, да и вообще в даргинском языке, может быть слогообразующим элементом, компонентом слога. Это исключает стечение двух гласных в одном слоге, т.е. функционирование гласных как дифтонгов. Поэтому все, что в научной литературе выдается за дифтонги даргинского языка, фактически является квазидифтонгами, что будет рассмотрено ниже именно как таковые.

Вернемся, однако, к вопросу о долгом гласном *ā*. Данный гласный, как и другие долгие гласные, в хюркилинском диалекте существует в основном в открытом слоге. Но функционирование долгого гласного *ā* в открытом слоге само по себе ничего не говорит о фонологической сущности данного звука. Чтобы познать, является долгий *ā* фонемой или же комбинаторной модификацией фонемы, необходимо каждый случай его функционирования рассматривать конкретно, так как дистрибутивные условия его образования являются далеко не однородными. Например, на первый взгляд в словесных формах, скажем, *ḡāyis* 'дойти (вверх)', *ḡāɟis* 'подняться, возвыситься (вверх)', *ḡātis* 'подсадить, поднять, возвысить (вверх)', *ḡākɟis* 'вставить, всунуть (вверх)', с одной стороны, и *ḡāsīs* 'взять (вверх)', *ḡāxḡās* 'почерпнуть (вверх)', *ḡākl'is* 'родиться, возникнуть' — с другой, представлены совершенно одинаковые условия функционирования долгого гласного *ā*. Но при всестороннем анализе эти условия оказываются одинаковыми только на первый взгляд, а в самом деле они различаются коренным образом. Следовательно, долгий гласный *ā* в них также различается по своему происхождению: в первых из них (*ḡāyis*, *ḡāɟis*, *ḡātis*, *ḡākɟis*) он является результатом стечения двух простых гласных *a*, в то время как во вторых (*ḡāsīs*, *ḡāxḡās*, *ḡākl'is*) — долгим по природе. Такое предположение оказывается вполне допустимым, благодаря учету фонетических явлений, происходящих в классных формах глагола, в частности — в формах мужского класса. В данном случае имеется в виду известное свойство выпадения показателя мужского класса *ɟ* перед гласными. Если с учетом этого свойства рассмотреть происхождение долгого *ā* в словесных формах мужского класса *ḡāyis*, *ḡāɟis*, *ḡātis*, *ḡākɟis*, то мож-

но предположить это происхождение таким образом:

ḡāḡis ← *ḡa* + *ḡāḡis* ← *ḡa* + *waḡis*

ḡātis ← *ḡa* + *ḡātis* ← *ḡa* + *waḡis*

ḡāḡlis ← *ḡa* + *ḡāḡlis* ← *ḡa* + *waḡlis*

ḡāklis ← *ḡa* + *ḡāklis* ← *ḡa* + *waḡlis*

Если такое предположение окажется верным, то долгий гласный *ā* в словесных формах мужского класса *ḡāḡis*, *ḡāḡlis*, *ḡātis*, *ḡāklis* образован стечением двух простых гласных *a*. Тем более аналогичному объяснению поддается долгий гласный *ā* и в формах с провербами других направлений (*ḡā*, *ḡā*). Ср.:

ḡāḡis ← *ḡā* + *ḡāḡis* ← *ḡā* + *waḡis*

ḡāḡis ← *ḡa* + *ḡāḡis* ← *ḡa* + *waḡis*

ḡāḡlis ← *ḡā* + *ḡāḡlis* ← *ḡā* + *waḡlis*

ḡāḡlis ← *ḡa* + *ḡāḡlis* ← *ḡa* + *waḡlis*

ḡātis ← *ḡā* + *ḡātis* ← *ḡā* + *waḡis*

ḡātis ← *ḡa* + *ḡātis* ← *ḡa* + *waḡis*

ḡāklis ← *ḡā* + *ḡāklis* ← *ḡā* + *waḡlis*

ḡāklis ← *ḡa* + *ḡāklis* ← *ḡa* + *waḡlis*

Все это дает основание полагать, что долгота гласного *ā* в провербах направления (*ḡā*, *ḡā*, *ḡā*) словесных форм мужского класса является вторичной, производной. Если такому объяснению поддается долгота гласного *ā* в провербах направления форм мужского класса, то относительно происхождения долготы гласного *ā* в таких неклассных формах, как *ḡāḡis* 'взять', *ḡāḡḡis* 'почерпнуть', *ḡāklis* 'родиться, возникнуть', сделать какие-либо определенные предположения довольно трудно. Здесь, очевидно, мы имеем дело с долготой по природе, не обусловленной какими-либо фонетическими процессами. Аналогичной можно считать природу долготы гласного *ā* и в таких словах, как: *ḡāḡdar* 'судьба', *ḡāḡlā* 'юг', *ḡāḡḡānā* 'рай', *ḡāḡā* 'усердие', *ḡāḡā* 'порча', *ḡāḡā* 'воздух', *ḡāḡuḡ* 'буйвол', *ḡāḡib* 'наиб', *ḡāḡib* 'предназначение, судьба', *ḡāḡim* 'храбрец, удалец', *ḡāḡim* 'постоянно', *ḡāḡin* 'изменник, предатель', *ḡāḡin* 'сура корана', *ḡāḡāla* 'заметка', *ḡāḡā* 'но, однако', а также в таких собственных именах, как *ḡāḡḡir*, *ḡāḡul*, *ḡāḡir*, *ḡāḡlimat* и т.д. Большинство таких слов является арабскими и тюркскими заимствованиями.

Прежде чем делать окончательные выводы о природе долготы гласного *ā*, следует рассмотреть еще некоторые случаи его функционирования в морфемах грамматических форм. Имеются в виду случаи функционирования долгого *ā* в морфемах форм условного наклонения, временных и уступительных деепричастий и т.д.

Как известно, хюркилинский диалект весьма богат формами условного наклонения. Они представлены здесь пятью разновидностями, соотносимыми с прошедшим и будущим временем. Две разновидности соотносятся с прошедшим временем, а три разновидности — с будущим временем. Поскольку разновидности форм условного будущего в речи могут употребляться и в значении настоящего

Таблица 1

Время	Тип	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Прошедшее время	I	1	-(а, о, э)смили	-(а, о, э)хIāмили
		2	-(а, о, э)дмили	-(а, о, э)дāмили
		3	-(ā, ō, ē)лили	-(ā, ō, ē)лили
	II	1	-(а, о, э)смири	-(а, о, э)хIāмири
		2	-(а, о, э)дмири	-(а, о, э)дāмири
		3	-(ā, ō, ē)лири	-(ā, ō, ē)лири
Будущее время	I	1	-(а, о, э)сли	-(а, о, э)хIāли
		2	-(а, о, э)дли	-(а, о, э)дāли
		3	-(ā, ō, ē)ли	-(ā, ō, ē)ли
	II	1	-(а, о, э)смилла	-(а, о, э)хIāмилла
		2	-(а, о, э)дмилла	-(а, о, э)дāмилла
		3	-(ā, ō, ē)лилла	-(ā, ō, ē)лилла
	III	1	-(а, о, э)смира	-(а, о, э)хIāмира
		2	-(а, о, э)дмира	-(а, о, э)дāмира
		3	-(ā, ō, ē)мира	-(ā, ō, ē)мира

времени, их можно было бы назвать еще формами условного настоящего-будущего.

Одни формы условного наклонения являются полными, а другие — сокращенными их вариантами. Но те и другие имеют в речи равное употребление, поэтому в таблице суффиксов представим все разновидности (см. табл. 1).

В литературном ларгинском языке условное наклонение представлено разновидностями форм еще богаче. Но здесь некоторые полные формы употребляются довольно редко, поэтому обычными считаются сокращенные их разновидности. С учетом только сокращенных форм в литературном языке условное наклонение представлено тремя разновидностями, соотносимыми также с прошедшим и будущим временем. С прошедшим временем соотносится одна разновидность форм, а с будущим временем — две разновидности. Разновидности будущего времени в речи здесь также употребляются в значении настоящего времени. С учетом же полных и сокращенных форм условное наклонение в литературном языке представлено семью разновидностями форм, три из которых соотносятся с прошедшим временем, а четыре — с будущим временем. Так как для выяснения природы долгих гласных в формах условного наклонения хюркилинского диалекта важное значение имеет сравнение их с соответствующими формами литературного языка, приведем таблицу суффиксов всех разновидностей (см. табл. 2).

Из приведенных в табл. 2 семи разновидностей обычными в литературном языке считаются третья разновидность прошедшего времени и первая и четвертая разновидности будущего времени. Они являются сокращенными вариантами других полных форм.

Таблица 2

Время	Тип	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Прошедшее время	I	1	-(а, э)слири	-(а, э)хIеллири
		2	-(а, э)длири	-(а, э)даллири
		3	-(а, э)ллири	-(а, э)ллири
	II	1	-(а, э)лири	-(а, э)хIеллири
		2	-(а, э)длири	-(а, э)даллири
		3	-(а, э)ллири	-(а, э)ллири
	III	1	-(а, э)кри	-(а, э)хIелри
		2	-(а, э)дри	-(а, э)далри
		3	-(а, э)лри	-(а, э)лри
Будущее время	I	1	-(а, э)сли	-(а, э)хIелли
		2	-(а, э)дли	-(а, э)далли
		3	-(а, э)лли	-(а, э)лли
	II	1	-(а, э)слира	-(а, э)хIеллира
		2	-(а, э)длира	-(а, э)даллира
		3	-(а, э)ллира	-(а, э)ллира
	III	1	-(а, э)слира	-(а, э)хIеллира
		2	-(а, э)длира	-(а, э)даллира
		3	-(а, э)ллира	-(а, э)ллира
	IV	1	-(а, э)кра	-(а, э)хIелра
		2	-(а, э)дра	-(а, э)далра
		3	-(а, э)лра	-(а, э)лра

Во всех разновидностях суффиксов условного наклонения как хюркилинского диалекта, так и литературного языка, в скобках представлены тематические гласные. Элементы *-с-*, *-хI-* являются показателями 1 л. а *-д-* — показателем 2 л. 3 л. не имеет своего личного показателя.

Как видно из табл. 1, в хюркилинском диалекте 3 л. представлено суф. *-(ā, ō, ē)ллили*, *-(ā, ō, ē)лири*, *-(ā, ō, ē)ли*, *-(ā, ō, ē)ллила*, *-(ā, ō, ē)лира*. Во всех этих суффиксах, в отличие от суф. 1 и 2 л. тематический гласный *ā* является долгим, а следующий за ним согласный представлен *л* вместо двух *лл* литературного языка. Отсюда можно и предположить, что в хюркилинских формах имеет место выпадение одного из двух *лл*, следующего за тематическим гласным, и долгота этого гласного является как бы возмещением этого выпадения. Приведем несколько словесных примеров:

бакъāли 'если он сделает' (лит. *баралли*)

вакIāли 'если он придет' (лит. *вакIалли*)

ьучIāли 'если он будет учиться' (лит. *ьучIалли*)

ьузāли 'если он будет работать' (лит. *ьузалли*) и т.д.

В суффиксах множественного числа также представлен долгий гласный *ā*. Но здесь наблюдаются некоторые отличия дистрибутивных свойств его функционирования: долгий гласный *ā* представлен не

только в суффиксах 3 л., но и 1 и 2 л. Причем в суф. 1 и 2 л. долгим является не тематический гласный, а суффиксальный, следующий за личными элементами *-xI* и *-d-*. В суффиксах данных лиц, в отличие от суффикса 3 л., тематический гласный *a* является простым. Долгий гласный *ā* в суф. 1 и 2 л. также имеет отличительную особенность. В суф. 1 л. он является варьирующим: если тематическим гласным, предшествующим личному элементу *-xI-*, является *a*, то суффиксальным долгим гласным также является *ā*, если же тематическим гласным является *ə*, то суффиксальным долгим гласным является также *ə̄*. Здесь представлен своеобразный закон сингармонии гласных. Этот закон не соблюдается, когда тематическим гласным выступает *o*. Здесь за личным элементом суффиксальным долгим гласным выступает *ā*: *билкI^w oxIāли* 'если мы напишем', *дикI^w oxIāли* 'если мы будем говорить' и т.д. Приведем некоторые словесные иллюстрации. С суф.: *-(a)xIāли*: *бакьaxIāли* 'если мы сделаем'; *дакIa-xIāли* 'если мы придем'; *дучIaxIāли* 'если мы будем учиться'; *дузахIāли* 'если мы будем работать'; с суф. *-(ə)xIēли*: *бигIəxIēли* 'если мы украдем'; *бəхəxIēли* 'если мы ударим'; *бурgləxIēли* 'если мы разобьем'; *бурxIəxIēли* 'если мы вонзим'.

В суф. же 2 л. в отличие от 1 л. долгим гласным неизменно выступает *ā* независимо от того, является тематическим гласным *a*, *o* или *ə*: *бакьадāли* 'если вы сделаете'; *дакIадāли* 'если вы придете'; *бигIэдāли* 'если вы украдете'; *бəхэдāли* 'если вы ударите'; *билкI^w одāли* 'если вы напишете'.

В суффиксах множественного числа за долгим гласным *ā* также следует один *л* вместо двух *лл* литературного языка. Следовательно, и в данном случае в хюркилинском диалекте наблюдается выпадение одного *л*, и долгота предшествующего ему гласного *ā* является возместительной.

Наряду с формами условного наклонения в хюркилинском диалекте долгие гласные широко функционируют также в формах деепричастий. В частности, долгий гласный *ā* представлен в формах временных и уступительных деепричастий.

Обратимся к формам временных деепричастий. Как известно, в хюркилинском диалекте форма 3 л. простого прошедшего совершенного оканчивается на суффиксы трех видов: *-б*, *-н*, *-р*: *вакI-и-б* 'пришел', *бəжь-и-б* 'сделал', *билчI-у-н* 'прочел', *бəч-у-н* 'разбил', *багь-у-р* 'узнал', *вайз-у-р* 'встал' и т.д. Формы же временных деепричастий, в которых функционирует долгий гласный *ā*, образуются прибавлением суффикса *-лā/нā* к формам 3 л. простого прошедшего совершенного с указанными суффиксами и имеют значение "с тех пор...". При этом долгий гласный *ā* представлен в суффиксе временных деепричастий *-лā/нā*. Несколько примеров: *вакIиблā* 'с тех пор, как пришел', *бəжьиблā* 'с тех пор, как сделал'; *билчIуннā* 'с тех пор, как прочел'; *бəчуннā* 'с тех пор, как разбил'; *багьуллā* 'с тех пор, как узнал', *вайзуллā* 'с тех пор, как встал'.

В формах с суф. *-н*, *-р* наблюдается процесс ассимиляции: в формах с суф. *-н* — прогрессивная (*н + л = нл*), а в формах

с суф. -*p* — регрессивная ($p + л = лл$). Но суффиксальный долгий гласный *ā* остается неизменным в своем качестве. Здесь он обусловлен разве только позицией абсолютного конца слова. Иных фонетических условий возникновения и функционирования долгого *ā* в формах временных деепричастий с суф. -*лā/нā* не наблюдается.

Следует отметить одно примечательное обстоятельство. Деепричастные формы с прогрессивной ассимиляцией ($н + л = нн$) совпадают с финитными формами 1 л. простого прошедшего совершенного времени. Эти формы отличаются только качеством суффиксового гласного *a*: в формах деепричастий он является долгим, а в формах 1 л. простого прошедшего совершенного — простым. Ср. *билчлуннā* 'с тех пор, как прочел' — *билчлунна* 'я прочел', *бэчуннā* 'с тех пор, как разбил' — *бэчунна* 'я разбил' и т.д. В формах 1 л. простого прошедшего совершенного также наблюдается процесс прогрессивной ассимиляции ($н + p = нн$): *билчлунна* ← *билчлун* + *pa*, *бэчунна* ← *бэчун* + *pa* и т.д. Тем не менее в тех и других формах противопоставляемые суффиксальные гласные являются ударными, что делает бесспорной долготу гласного *ā* в деепричастных формах.

Аналогичны дистрибутивные свойства долгого гласного *ā* и в формах уступительных деепричастий, образующихся путем прибавления суф. -*халли* к формам временных деепричастий с суффиксом -*лā/нā* и означающих 'хотя и ...'. Фактически мы имеем здесь тот же долгий *ā*, что и в формах временных деепричастий. Несколько примеров: *вак/илāхалли* 'хотя и пришел'; *бэжылāхалли* 'хотя и сделал'; *билчлуннāхалли* 'хотя и прочел'; *бэчуннāхалли* 'хотя и разбил/ся'; *багьуллāхалли* 'хотя и узнал'; *ьайзуллāхалли* 'хотя и встал'.

При образовании уступительных деепричастий на базе временных деепричастий типа *вак/иблā*, *бэжыблā* наблюдается выпадение суффиксального согласного *б*. Но объяснить этим выпадением долготу гласного *ā* как возместительную нельзя, так как при образовании уступительных деепричастий на базе других типов временных деепричастий подобного выпадения суффиксального согласного нет, но тем не менее гласный *ā* сохраняет свою долготу.

Немалый интерес представляют в хюркилинском диалекте некоторые грамматические формы простых глаголов *ьис* 'сказать' — *ьѝс* 'быть, стать, сделаться', *ьāьис* 'дойти (вверх)' — *ьāьѝс* 'послать, отправить' и т.д. Как видно, эти глаголы противопоставляются качеством гласного *a*: в одних он является долгим, а в других — простым. Но при образовании от них других глагольных форм, а также сложных глаголов, долгие гласные, в том числе и *ā*, появляются и в тех из них, инфинитив которых противопоставляется простыми гласными. В этом отношении примечательными являются формы условного наклонения (3 л.), повелительного наклонения, деепричастия и т.п. Например, в глаголе *ьис* 'сказать' гласный *и* является простым. Но форма условного наклонения (3 л.) от него имеет долгий *ā*: *ьāли* 'если скажет'. Форма повелительного наклонения будет *ьā* 'скажи' (ср. *ьа* 'сычужина, фермент'). Деепричастие будет с простым *и*:

или 'сказав'. Для сравнения приведем формы указанных наклонений и деепричастия и от глагола *ъис* 'быть, стать, сделаться': *ъели* — условное, *ъили* — деепричастие, *ъи* — повелительное. Здесь долгота гласного в принципе сохраняется, но в форме условного наклонения вместо *и* представлен *ѣ*.

Заслуживают аналогичного сравнения соответствующих форм и глаголов *ъаъис* 'дойти (вверх)' — *ъаъис* 'послать, отправить', противопоставляемых также качеством гласного *а*. От глагола *ъаъис* условное (3 л.) будет *ъаъали* 'если дойдет', деепричастие *ъаъили* 'дойдя', повелительное — *ъаъи* 'дойди'. Здесь, как видно, долгий *а* сохраняется во всех формах. Картина соответствующих форм от глагола *ъаъис* такова: *ъаъали* — условное, *ъаъили* — деепричастие, *ъаъа* — повелительное. Здесь долгота гласного не наблюдается. Но в сложных глаголах, образованных сложением пространственных (местных) наречий и простого глагола *ъаъис*, гласный *а* является долгим: *шибаъис* 'разлиться, перелиться' (от кипения) (ср. *шибаъис* 'увидеть'), *ъубаъис* 'выкопать, снять, убрать (снизу вверх)', *гъалъис* 'померещиться, показаться' (букв. 'перед послать'), *гъилъис* 'послать назад', *ъургъис* 'послать посреди', *бухлнъис* 'послать, загнать вовнутрь', *дуръис* 'выгнать, выставить, вывести' и т.д.

Особый интерес представляют формы повелительного наклонения таких сложных глаголов. Как уже известно, форма повелительного наклонения от простого глагола *ъаъис* 'послать', участвующего в образовании указанного типа сложных глаголов, представлена как *ъаъа* 'пошли'. Эта повелительная форма участвует и в образовании соответствующих форм сложных глаголов. Например, глагол *ъургъис* образован из *ъурга* + *ъаъис*. Повелительная форма от него будет *ъургъа* и образована она от *ъурга* + *ъаъа*. Аналогично образование повелительной формы и ряда других глаголов: *гъилъис* — *гъилъа* (← *гъила* + *ъаъа*), *бухлнъис* — *бухлнъа* (← *бухлна* + *ъаъа*), *дуръис* — *дуръа* (← *дура* + *ъаъа*) и т.д.

В подобных случаях П.К. Услар не фиксирует ларингальный абруптив *ъ*, в результате чего создается впечатление стечения двух долгих гласных *аа*. Например, у П.К. Услара [1892, 85] имеется такой пример: *Дурхъибил унц дуръа* 'в конюшне находящегося быка выведи'. В более точной фиксации этот пример выглядит так: *Дурхъибил ъунц дуръа*, где в форме *дуръа*, как и в формах *бухлнъа*, *ъургъа*, *гъилъа* и т.п., долгим является только предпоследний гласный *а*, финальный же *а* является простым. Во всяком случае, если и существует какая-то долгота второго *а*, то она является эмфатической, произвольной, а не фонологической, релевантной.

Закон функционирования долгого *а* в открытом слоге, как отмечалось выше, сам по себе не раскрывает фонологической сущности данного гласного. В принципе это так. Но в то же время закон этот имеет существенное значение для раскрытия характера образования долгого гласного. Мы уже описали ряд дистрибутивных особенностей образования и функционирования долгого гласного *а*. В основном все они сводятся к сочетанию двух простых гласных (*а* + *а*), к выпадению суффиксальных согласных или комплексов,

к позиции абсолютного конца слова и т.д. Во всех этих случаях образования и функционирования долгого $\bar{a}$ слог является открытым. Но в хюркилинском диалекте имеется случай образования и функционирования долгого $\bar{a}$ на стыке морфем, который отличается от всех указанных случаев его дистрибуции: долгий $\bar{a}$ образуется из сочетания "согласный + a ", причем сочетание это выступает в качестве открытого слога. Несколько примеров: *бэ-кы-бā-ра?* 'сделал ли?' (← *бэ-кыб* + *ъара*), *ва-кIу-бā-ра?* 'пришел ли?' (← *ва-кIуб* + *ъара*), *бил-чIу-нā-ра?* 'прочел ли?' (← *билчIун* + *ъара*), *ба-гъу-рā-ра?* 'узнал ли?' (← *багъур* + *ъара*) и т.д.

В подобных примерах простой гласный a , являющийся начальным компонентом вопросительной частицы *ъара*, становится долгим, благодаря закону открытого слога и слогообразования вообще. Аналогичное явление представлено в хюркилинском диалекте и в ряде других словесных форм. Например, в слове *х^олал* 'большой, старший' нет долгого гласного. Оно состоит из двух слогов, один из которых является открытым, а другой — закрытым: *х^о-лал*. Но при ситуации, дающей возможность этому закрытому слогу стать открытым, гласный a в нем становится долгим: *х^о-лā-лил* 'бóльший'. Таково положение и в словах: *ъиш-тIал* 'маленький, меньший' — *ъиш-тIā-лил* 'меньшóй', *ли-вал* 'остался' — *ли-вā-лил* 'оставшийся' и т.д.

На основании сказанного становится ясным еще одно дистрибутивное свойство образования долгого гласного $\bar{a}$ — переход закрытого слога в открытый. В хюркилинском диалекте переход закрытого слога в открытый закономерно сопровождается образованием долгого гласного. Этому закону подвержены все гласные, т.е. долгими, образованными в результате перехода закрытого слога в открытый, могут быть $\bar{a}$, $\bar{e}$, $\bar{u}$, $\bar{\bar{e}}$, $\bar{\bar{o}}$.

Сказанное, пожалуй, было бы точнее сформулировать так: в хюркилинском диалекте при образовании долгих гласных закрытый слог закономерно становится открытым. Такой переход закрытого слога в открытый наблюдается при образовании всех долгих гласных ($\bar{a}$, $\bar{e}$, $\bar{u}$, $\bar{\bar{e}}$, $\bar{\bar{o}}$).

Прежде чем иллюстрировать сказанное, следует отметить и условия перехода закрытого слога в открытый. Такой переход наблюдается обычно на стыке морфем, когда инкорпорирующаяся словоизменятельная или словообразовательная морфема или частица имеет своим начальным компонентом гласный звук (обычно a или u). Такими инкорпорирующимися морфемами или частицами выступают, например, вопросительная частица *-ара* и сравнительная частица *-ишиб*. Если словесная форма, к которой присоединяется одна из этих частиц, имеет в своем исходе гласный звук, то действует закон образования долгого гласного путем сочетания двух простых гласных; если же словесная форма, к которой присоединяется одна из частиц, имеет в своем исходе согласный звук, то вступает в силу закон образования долгого гласного путем перехода закрытого слога в открытый.

Следует при этом учесть одну отличительную особенность срав-

нительной частицы *-ишиб*. Дело в том, что начальный гласный *и* в этой частице является варьирующимся с согласным *й*. Поэтому частица *-ишиб*, в отличие от частицы *-ара*, имеет силу в образовании долгих гласных только в тех словесных формах, которые оканчиваются на согласный звук, т.е. участвует только в законе перехода закрытого слога в открытый. В тех же словесных формах, которые оканчиваются на согласный, частица эта участвует с варьирующимся согласным *й*, т.е. в форме *-йшиб*. Поэтому здесь образование долгих гласных не наблюдается: *маза* 'овца' — *ма-зай-ишиб* 'чем овца', *кѡча* 'теленки' — *кѡ-чай-ишиб* 'чем теленок', *кѡпѡ* 'шапка' — *кѡ-пѡй-ишиб* 'чем шапка' и т.д. К тому же частица *-ишиб*, в силу того, что начальным гласным ее является *и*, участвует в образовании долгих *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, *ѡ*, но не *ѡ*. В образовании долгого *ѡ* частица *-ишиб* не участвует, так как данный долгий гласный по закону сочетания двух простых гласных образуется лишь в том случае, если сочетающимися гласными являются два *аа*.

Приведем некоторые иллюстрации обоих законов образования долгого *ѡ* с участием частицы *-ара* (закон сочетания двух простых гласных *аа* и закона перехода закрытого слога в открытый):

сочетание двух простых гласных *аа*: *ливра* 'я есмь', 'я имеюсь' — *лив-рѡ-ра?* 'имеюсь ли я?' (← *ливра* + *ара*); *бѡкѡра* 'я сделал' — *бѡ-кѡ-рѡ-ра?* 'сделал ли я?' (← *бѡкѡра* + *ара*); *вакѡра* 'я пришел' — *ва-кѡ-рѡ-ра?* 'я пришел ли?' (← *вакѡра* + *ара*); *маза* 'овца' — *ма-зѡ-ра?* 'овца ли?' (← *маза* + *ара*); *кѡча* 'теленки' — *кѡ-чѡ-ра?* 'теленки ли?' (← *кѡча* + *ара*); *кѡпѡ* 'шапка' — *кѡ-пѡ-ра?* 'шапка ли?' (← *кѡпѡ* + *ара*);

переход закрытого слога в открытый: *либ* 'есть, имеется' — *ли-бѡ-ра?* 'имеется ли?' (← *либ* + *ара*); *бѡкѡ* 'сделал' — *бѡ-кѡ-бѡ-ра?* 'сделал ли?' (← *бѡкѡ* + *ара*); *вакѡ* 'пришел' — *ва-кѡ-бѡ-ра?* 'пришел ли?' (← *вакѡ* + *ара*); *кѡраѡл* 'караул' — *кѡ-ра-ѡ-лѡ-ра?* 'караул ли?' (← *кѡраѡл* + *ара*); *кѡбакѡ* 'тыква' — *кѡ-ба-кѡ-ра?* 'тыква ли?' (← *кѡбакѡ* + *ара*); *ѡвѡхѡ* 'поле' — *ѡ-вѡ-лѡ-хѡ-ра?* 'поле ли?' (← *ѡвѡхѡ* + *ара*).

Если частица *-ара* прибавляется к словесным формам, в которых уже имеется долгий гласный, то в одном слове фиксируются два долгих гласных. Например, в слове *ѡѡсиб* 'взял' начальный *ѡ* является долгим. Если к нему прибавить частицу *-ара* и образовать вопросительную форму, то в нем окажутся два разноместных долгих гласных: *ѡѡ-си-бѡ-ра?* 'взял ли?'. Аналогичны и формы: *ѡѡ-кѡ-нѡ-ра?* 'родился ли?', *ѡѡ-хѡ-бѡ-ра?* 'почерпнул ли?', *ѡѡ-ѡ-бѡ-ра?* 'дошел ли (вверх)', *ѡѡ-ѡ-бѡ-ра?* 'возвысился ли?', *ѡѡ-ту-рѡ-ра?* 'поднял ли?', *гѡ-му-шѡ-ра?* 'буйвол ли?', *кѡ-да-рѡ-ра?* 'судьба ли?'.

Следует, наконец, отметить, что переход закрытого слога в открытый с образованием долгого гласного имеет некоторые своеобразные специфические свойства. Для иллюстрации этого закона образования долгих гласных приводились разнообразные словесные формы. В частности, одни из них были образованы с помощью вопросительной части *-ара*: *ва-кѡ-бѡ-ра?* (← *ва-кѡ* + *ара*), *бил-ѡ-нѡ-ра?* (← *бил-ѡ* + *ара*), *ба-гѡ-рѡ-ра?* (← *ба-гѡ* + *ара*) и т.д., а другие —

с помощью суф. -л: *х^о-лā-ли-л* 'бóльший' (← *х^о-лал* + *и-л*), *ыш-mlā-ли-л* 'меньшóй' (← *ыш-mlал* + *и-л*), *ли-вā-ли-л* 'оставшийся' (← *ли-вал* + *и-л*) и т.д.

В тех и других словесных формах представлено образование долгого *ā* по закону перехода закрытого слога в открытый. Но сам этот слоговой переход в обеих группах словесных форм неоднороден. Неоднородность эта, очевидно, объясняется разным звуковым составом суффиксов *-а-ра* и *-и-л*, участвующих в переходе одного слога в другой.

В хюркилинском диалекте, как и в даргинском языке в целом, закрытый слог может быть двух моделей: *CVC*, *CVCC*.

Функционирование закрытого слога модели *CVC* ничем не ограничено, ни составом комбинирующихся звуков, ни позициями структуры слова. Он может функционировать в любой позиции, как в позициях начала, середины и конца слова, так и в позициях после открытого и закрытого слогов.

В вышеприведенных словесных формах обеих групп, как группы суф. *-а-ра*, так и группы суф. *-и-л*, представлен закрытый слог модели *CVC*. Но сами эти суффиксы, *-а-ра* и *-и-л*, прибавляемые к этому закрытому слогу, не являются однородными по своему звуковому и, следовательно, слоговому составу. В суф. *-ара* представлены два слога: *а-ра* (*V-CV*), в то время как суф. *-ил* состоит из одного слога (*VC*). Поэтому при сочетании этих суффиксов с закрытым слогом модели *CVC* образуются разные по количеству и качеству слоги: ср. *ва-клиб+ара* — *ва-кли-бā-ра* и *х^о-лал-ил* → *х^о-лā-ли-л*. Как видно, в сочетании суф. *-ара* с закрытым слогом модели *CVC* образуются три слога, причем все они являются открытыми, в сочетании же суф. *-ил* с закрытым слогом той же модели образуются два слога, один из которых, первый, является открытым, а другой — закрытым. Но главное в том, что долгий гласный *ā* при этом представлен в разных слогах, т.е. при суф. *-ара* долгим становится не гласный предшествующего ему закрытого слога, а гласный нового стыкового слога, в то время как при суф. *-ил* долгим становится гласный предшествующего ему закрытого слога. Если бы суф. *-ара* предшествовал закрытый слог с гласным *а*, то и при этом долгий *ā* был бы представлен в следующем стыковом слоге: ср. *ду-радз* 'соха' — *ду-ра-дзā-ра?*, *ьав-лахъ* 'поле' — *ьа-в-ла-хā-ра?*, *хъа-рахъ* 'овчарня' — *хъа-ра-хā-ра?* и т.д. Дело тут, очевидно, в звуковой и слоговой структуре суф. *-ара*, и быть может, и в качестве начального гласного *а* этого суффикса: возникает предположение, что этот гласный является долгим уже до его сочетания с предыдущим слогом, открытым или закрытым, в силу того обстоятельства, что хюркилинский суф. *-ара* имеет в литературном языке соответствие в форме *вара*. Стало быть, в хюркилинском суф. *-ара* можно предположить выпадение начального согласного *в*, а там, где наблюдается выпадение того или иного звука или звукового комплекса, закономерно появляется возместительная долгота гласного. В литературном языке также существует *-ара*, но здесь, как и в хюркилинском диалекте, он является сокращенным вариантом *вара*. Правда, в ли-

тературном -*ара* нельзя подозревать долготу начального *a*, так как здесь долгие гласные вообще отсутствуют. Как бы то ни было, факт остается фактом: в хюркилинском диалекте в словесных формах с участием вопросительного суффикса -*ара* наблюдается функционирование долгого гласного $\bar{a}$ и связано оно с переходом закрытого слога в открытый.

Долгий $\bar{e}$. В хюркилинском диалекте долгий гласный $\bar{e}$ имеет различные дистрибутивные свойства своего образования и функционирования. В принципе они те же, что и у долгого гласного $\bar{a}$: сочетание двух простых гласных, наличие в предложении вопросительного слова, категориальный суффикс генитива (с выпадением того или иного звука или звукового комплекса на стыке падежных морфем) и т.д. Но нельзя, однако, полагать, что дистрибутивные свойства долгих $\bar{a}$ и $\bar{e}$ в своем конкретном проявлении также идентичны во всем, как и в принципе. Например, если долгий $\bar{a}$ образуется в результате сочетания двух одинаковых простых гласных ($a + a = \bar{a}$), то долгий $\bar{e}$ образуется в результате сочетания двух разных простых гласных ($u + a = \bar{e}$). Такие внутренние различия наблюдаются и в других свойствах дистрибуции долгого $\bar{e}$.

Одним из известных дистрибутивных свойств образования и функционирования долгого $\bar{e}$ в хюркилинском диалекте является сочетание простых гласных *u* и *a* на стыке морфем. Это свойство впервые засвидетельствовано П.К. Усларом: "И, встречаясь с *a*, сливается с ним в *e* долгое, если затем следует одна лишь согласная, и в *e* короткое, если следуют две. Таким образом, *дзи* — соль, *агули* — не будучи, *дзѣгули* вм. *дзи агули* — без соли, буквально соль не будучи; *эхлми* — хорошие, *эхлдис* — не делаться, *эхлмехлдис* — не делаться хорошими, вм. *эхлми ахлдис*" [Услар 1892, 8]*.

Зависимость качества гласного *e* от того, следует за ним один согласный или два — это в конечном счете то же самое, что долгий гласный $\bar{e}$, как и другие долгие, функционирует только в открытом слоге. Если за сочетанием гласных *u* и *a* следует один согласный, то этот согласный является начальным компонентом следующего слога, а предыдущий слог с сочетанием этих гласных оказывается открытым. Если же следуют два согласных, то они относятся к разным слогам, и гласный, образовавшийся сочетанием *u* и *a*, оказывается в закрытом слоге и потому коротким. П.К. Услар привел в пример на короткое *e* форму *эхлмехлдис*, образованную из *эхлми* + *ахлдис*. Она имеет такое слоговое деление: *эхл-мехл-дис*. Здесь следующие за сочетанием *u* и *a* согласные *хл* и *д* относятся к разным слогам, и слог, где представлено сочетание гласных *u* и *a*, оказывается закрытым. Можно с этим сравнить положение формы *эхлмѣхлн*, приводимой также П.К. Усларом в другом месте своего труда [Услар 1892, 51]. Образована она из *эхлми* + *ахлн*, где представлено то же сочетание гласных *u* и *a*. Но за этим сочета-

* Слово *эхлми* автор фиксирует неточно, не отражая в его начале ларингальный смычный звонкий *гл*. Правильно будет: *глэхлми*.

нием здесь следует один согласный (х/л). При слоговом членении слова этот согласный оказывается в составе следующего слога, а слог с сочетанием гласных *и* и *а* — открытым: *əxl-tē-xlin*.

Таким образом, положение С.Н. Абдуллаева о том, что в хюркилинском диалекте долгие гласные функционируют только в открытых слогах, в сущности своей, но в несколько иной формулировке, было высказано фактически еще П.К. Усларом. Это, однако, несколько не умаляет научной ценности и значимости четко сформулированного положения С.Н. Абдуллаева, а лишь подчеркивает его адекватность языковым фактам.

В труде П.К. Услара по хюркилинскому диалекту даргинского языка встречается еще ряд других примеров, иллюстрирующих образование долгого *ē* путем сочетания гласных *и* и *а* на стыке морфем (латентный ларингал *ь* автором не учитывается). К ним, в частности, относятся: *ухъуцлѣхlinни* (29) 'не бледен ты' (← *ухъуцли* + *ахlinни*), *гъарахълѣхlin* (36) 'не далеко' (← *гъарахли* + *ахlin*), *шѣхlaura* (58) 'не видел' (← *ши* + *ахlaura*), *ливрѣра* (82) 'был ли' (← *ливри* + *ара*), *хайрѣгухla* (84) 'мы не годимся' (← *хайри* + *агухla*), *удзѣгу* (84) 'нет брата' (← *удзи* + *агу*) и т.д.

При образовании сложных глагольных форм путем инкорпорации пространственных (местных) наречий и простых глаголов также наблюдается образование долгого гласного *ē* из сочетания стыковых морфемных гласных *и* и *а*. Несколько иллюстраций: *шѣбатис* 'посадить (вверх)' (← *ши* + *ѣбатис*), *шидѣбатис* 'посадить (вверх)' (← *шиди* + *ѣбатис*), *шѣѣис* 'направить (вверх)' (← *ши* + *ѣѣис*), *шидѣѣис* 'направить (вверх)' (← *шиди* + *ѣѣис*), *шѣбуѣис* 'накинуть (вверх)' (← *ши* + *ѣбуѣис*), *шѣсис* 'взять на себя, обязаться' (← *ши* + *ѣсис*), *шѣхъис* 'накинуться, наброситься, налететь' (← *ши* + *ѣхъис*), *ѣудѣис* 'подстлать, насыпать (вниз)' (← *ѣуди* + *ѣѣис*), *ѣудѣбатис* 'подшить' (← *ѣуди* + *ѣбатис*), *ѣудѣбуѣис* 'подстлать' (← *ѣуди* + *ѣбуѣис*) и т.д.

Среди подобных иллюстраций представлены и такие формы, в которых долгий *ē* образуется сочетанием *и* не с простым гласным *а*, а с долгим *ā*. Таковы, например, формы: *шѣсис* 'взять на себя, обязаться' — образуется из *ши* 'верх, наверх' (возможно, что *ши* здесь является сокращенной формой от *шибла* 'долг, обязанность') и *ѣсис* 'взять', *шѣтис* 'посадить (вверх)' — образуется от *ши* 'верх, наверх' и *ѣатис* 'поднять, возвысить', *ѣудѣис* 'подстлать, подсыпать' — образуется из *ѣуди* 'под, вниз' и *ѣѣис* 'насыпать (вверх)'.

Как уже известно и видно из приведенных примеров, долгий гласный *ē* может быть получен из сочетания двух разных гласных: *и* и *а* или *и* и *ā*. Образование третьего, качественно нового звука, из сочетания двух других звуков следует, очевидно, отнести к способам комбинаторного звукообразования. На фоне этого представляется допустимой несколько иная характеристика образования долгого *ā* путем сочетания двух одинаковых согласных: *а* и *а* или *ā* и *ā*. Можно предположить, что один из этих сочетающихся гласных *а* выпадает, а другой получает возместительную долготу. Такое предположение тем более допустимо, что закон возместительной

долготы гласных довольно широко представлен в даргинских диалектах. Стало быть, сама "комбинаторность" образования долгих *ē* и *ā* является неоднородной, хотя позиция возникновения и функционирования данных долгих является контрастной (пересекающейся). Образование долгого *ē* можно считать комбинаторно обусловленным, в то время как образование долгого *ā* можно было бы считать позиционно обусловленным, хотя в принципе понятие позиции гораздо шире и охватывает собой и понятие комбинации.

Важным представляется вопрос о фонологической сущности долгих *ē* и *ā*, являются ли они фонемами или модификациями фонем. Если, скажем, долгий *ē* является модификацией фонемы, то модификацией какой фонемы он является, фонемы *и* или же *а*? На эти вопросы, очевидно, можно ответить, предварительно рассмотрев все случаи возникновения и функционирования не только данных долгих гласных, но и других.

В хюркилинском диалекте довольно широко представлена дистрибуция долгого *ē* как релевантного форманта родительного падежа. Существительные, оканчивающиеся в номинативе ед. ч. на гласный *и*, релевантным формантом генитива имеют долгий гласный *ē*. Некоторые иллюстрации: *ѡанкІи* 'пшеница' — *ѡанкІē*, *мухѡи* 'ячмень' — *мухѡē*, *мѡчи* 'просо' — *мучē*, *бархІи* 'день, солнце' — *бархІē*, *дѡѡи* 'ночь' — *дѡѡē*, *ѡуби* 'мост' — *ѡубē*, *дѡи* 'соль' — *дѡē*, *ѡѡни* 'дорога' — *ѡѡнē*, *кѡѡни* 'живот' — *кѡѡнē*, *лихІи* 'ухо' — *лихІē*, *мухІи* 'рот' — *мухІē*, *мурѡи* 'золото' — *мурѡē*, *ѡлибиѡи* 'осень' — *ѡлибиѡнē*, *ѡлиѡи* 'зима' — *ѡлинē*, *ѡлѡнѡѡи* 'земля' — *ѡлѡнѡѡē*, *хѡи* 'собака' — *хѡē*, *ѡириѡи* 'лук' — *ѡириѡē*, *ѡуриѡи* 'сын', 'мальчик' — *ѡуриѡē*, *рурсѡи* 'дочь, девушка' — *рурсē*, *ѡурѡи* 'звезда' — *ѡурѡē* и т.д.

Долгий *ē* в качестве форманта генитива представлен в словах с окончанием на *-ил*, *-ел*, *-ин*, *-ен*: *кѡил* 'след' — *кѡē*, *тлѡнил* 'шнурок' — *тлѡнē*, *ѡахѡил* 'высокий' — *ѡахѡē*, *ѡлѡѡѡил* 'низкий' — *ѡлѡѡѡē*, *сѡпил* 'ус' — *сѡпē*, *барткѡл* 'олень' — *барткē*, *ѡин* 'вода' — *ѡē*, *мискин* 'бедняк' — *мискē*, *кѡабкѡѡи* 'украденное' — *кѡабкѡѡē*, *ѡабѡѡѡѡи* 'хлястик брюк' — *ѡабѡѡѡѡē*, *кѡѡлѡѡи* 'ковер' — *кѡѡлѡѡē*, *ѡадѡѡѡи* 'кувшин' — *ѡадѡѡѡē*, *лѡѡѡи* 'сокол' — *лѡѡē*, *ѡѡзѡѡи* 'лентяй' — *ѡѡзѡѡē*, *ѡѡн* 'ущерб' — *ѡē*, *ѡѡѡѡн* 'одеяло' — *ѡѡѡē* и т.д.

Спорадически долгий *ē* в качестве форманта генитива функционирует и в словах с окончанием на *-или*, *-ила*: *ѡѡѡѡѡѡи* 'человек' — *ѡѡѡѡѡѡē*, *ѡлѡѡѡѡѡѡи* 'подушка' — *ѡлѡѡѡѡѡѡē* и т.д.

Во всех приведенных случаях долгий *ē* замещает собой обычный суффикс генитива *-ла*, не говоря о конечном гласном или звуковом комплексе номинатива, который также подвергается выпадению. Здесь, очевидно, долгота гласного *ē* является возмездительной.

В форме генитива множественного числа функционирование долгого *ē* имеет некоторые отличительные особенности. Здесь долгий *ē* замещает собой конечный гласный *и* форманта множественности (*-ли*, *-ни*, *-ѡи*, *-ѡѡи*, *-ѡѡѡи*, *-ѡѡѡѡи*), но суффикс генитива *-ла* сохраняет при этом свое употребление. Некоторые иллюстрации: *ѡѡѡѡѡѡи* 'отцы' — *ѡѡѡѡѡѡēла*, *ѡурхІѡѡи* 'дни' — *ѡурхІѡѡēла*, *хѡѡѡѡѡѡи* 'женщины' — *хѡѡѡѡѡѡēла*,

шинани 'воды' — шинанёла, шанти 'сельчане, аульчане' — шантёла, хлэй̆^шонти 'животные' — хлэй̆^шонтёла, михьирти 'груди' — михьиртёла, цлами 'огни' — цламёла, хьуми 'поля' — хьумёла, дисби 'ножи' — дисбёла, ьудзби 'братья' — ьудзбёла, рудзби 'сестры' — рудзбёла, шунгри 'котлы', 'кастрюли' — шунгрёла, мухри 'поклажи' — мухрёла, кьузри 'гуси' — кьузрёла, тлulli 'столбы' — тлullёла, хlulli 'колеса' — хlullёла, буцli 'волки' — буцлёла и т.д.

В литературном даргинском языке вместо хюркилинского долгого *ē* в подобных формах генитива множественности представлен простой гласный *а*: бурхlнала, шантала, хьумала, узбала, мухрала и т.д.

Таким образом, гласный *и* формантов множественности в генитиве хюркилинского диалекта замещается долгим *ē*, а в литературном языке — простым *а*. Чем обусловлено такое замещение и его различие, трудно объяснить, нет каких-либо видимых причин, суффикс генитива *-ла* не выпадает, а сохраняется, нет ни перехода закрытого слога в открытый, ни сочетания двух гласных. Для хюркилинского долгого *ē* и литературного простого *а* позиция их функционирования также является контрастной (пересекающейся).

К дистрибуции долгого *ē* в хюркилинском диалекте относится суффикс временных деепричастий *-ухlē*. Временные деепричастия с данным суффиксом образуются от глагольной основы несовершенного вида. Соответствующего значения деепричастия от основы совершенного вида образуются с помощью суф. *-лā*. Деепричастия с суф. *-ухlē*, как и с суф. *-лā*, имеют значение 'с тех пор...'. Несколько примеров: *вирухlē* 'с тех пор, как бываю', *вькухlē* 'с тех пор, как делаю', *лугухlē* 'с тех пор, как даю', *вашухlē* 'с тех пор, как хожу', *балухlē* 'с тех пор, как знаю', *ьайсухlē* 'с тех пор, как беру', *бурцухlē* 'с тех пор, как держу' и т.д.

Долгота гласного *ē* в суффиксе временных деепричастий *-ухlē*, очевидно, обусловлена выпадением следующего за ним звукового комплекса *-лла* и потому можно было бы характеризовать как возмездительную. Ср. те же формы литературного языка: *вирухlелла*, *вьркухlелла*, *лугухlелла*, *вашухlелла*, *балухlелла*, *кайсухlелла*, *бурцухlелла*.

Немалый интерес представляют грамматические формы глагола *ьис* 'быть, стать, сделаться', в которых попеременно функционируют долгие гласные *ī* и *ē*. Структуру глагола *ьис* П.К. Услар подверг обстоятельному описанию в своем труде по хюркилинскому диалекту. Автор характеризует данный глагол как вспомогательный, "самое общее значение которого есть сделаться". "Весьма понятно, — пишет П.К. Услар, — что, имея таковое значение, глагол этот есть недостаточный, т.е. не может иметь некоторых форм, как, например, форм настоящего времени" [Услар, 1892, 86]. Автор правильно фиксирует значение глагола *ьис* и отсутствие форм настоящего времени. Но если по признаку отсутствия форм того или иного времени характеризовать видовую разновидность глагола как недостаточную, то таковыми (недостаточными) пришлось бы считать все даргинские глаголы, ибо ни один из них в одной видовой разновидности не может дать форм всех времен. Полный комплекс

временных форм любого даргинского глагола может быть выявлен лишь в том случае, если рассматривать их в обоих видах — совершенном и несовершенном.

Следует отметить, что форма *ɣис* 'стать, сделаться' является формой мужского класса. По категории класса ей противопоставляются формы *дис* (II) и *бис* (III). Все эти формы, в свою очередь, являются формами совершенного вида. По категории вида им противопоставляются формы: *ɣирʼис* (I), *дирʼис* (II), *бирʼис* (III), которые являются формами несовершенного вида.

В связи с функционированием долгих гласных *ĩ* и *ẽ* интерес представляют лишь формы совершенного вида, в формах же несовершенного вида долгие гласные не функционируют. Парадигматически противопоставляемые словесные формы глагола *ɣис* 'стать, сделаться' (*дис* — II кл., *бис* — III кл.) представляют интерес не только тем, что в них попеременно функционируют долгие гласные *ĩ* и *ẽ*, но и тем, что это функционирование в открытых слогах противопоставляется простым соответствующим гласным *и* и *е* в закрытых слогах, причем такое противопоставление долгих и простых гласных представлено в словесных формах (финитных и инфинитных) одной и той же видовой разновидности.

Приводить здесь всю усларовскую парадигму словесных форм глагола *ɣис* 'стать, сделаться' нет необходимости, поэтому представим лишь те лично-временные формы, в которых функционирует долгий гласный *ẽ*. К таким, в частности, относятся формы простого прошедшего совершенного (по Услару: прошедшего совершенного):

1 л. *ну ɣĩра* (I), *дĩра* (II), *бĩра* (III), мн. *дĩра*

2 л. *хIу ɣẽди* (I), *дẽди* (II), *бẽди* (III), мн. *дẽдã*

3 л. *ɣыт ɣиб* (I), *диб* (II), *биб* (III), мн. *биб* (*диб*) [Услар 1892, 89].

Как видно, 3 л. в парадигме представлено односложными формами. Все они представляют собой закрытые слоги. В отличие от них, 1 и 2 л. представлены двусложными формами, причем оба слога являются открытыми. Поэтому в формах 3 л. нет долготы гласного, в то время как в формах 1 и 2 л. представлены долгие гласные *ĩ* и *ẽ* соответственно. Вместе с тем весьма трудно объяснить, почему долгий *ĩ* форм 1 л. замещается долгим гласным *ẽ* в формах 2 л. Обращает также внимание, что в форме 2 л. мн. ч. суффиксальный гласный *ã* П.К. Услар фиксирует долгим, так что в данной форме у автора представлены два долгих гласных: *ẽ* и *ã*.

Интерес представляет также парадигма форм будущего желательного времени (по П.К. Услару: будущего допускаемого):

1 л. *ну ɣес* (I), *дес* (II), *бес* (III), мн. *дẽхIã*

2 л. *хIу ɣẽби* (I), *дẽби* (II), *бẽби* (III), мн. *дẽбã*

3 л. *ɣыт ɣеб* (I), *деб* (II), *беб* (III), мн. *беб* (*деб*) [Услар 1892, 91].

В парадигме будущего желательного времени в единственном числе только формы 2 л. располагают долгим гласным *ẽ*, в формах 1 и 3 л. представлен простой гласный *е*. Во множественном же числе долгий *ẽ* представлен в формах 1 и 2 л. Наряду с ним в этих

формах П.К. Услар долгим отмечает также лично-суффиксальный гласный *ā*.

В отношении функционирования долгого гласного *ē* интерес представляют и формы условного наклонения, особенно формы 3 л. ед. ч. и формы всех лиц множественного числа:

1 л. *ну ъесли* (I), *десли* (II), *бесли* (III), мн. *дѣхIали*

2 л. *хIу ъедли* (I), *дедли* (II), *бедли* (III), мн. *дѣдāли*

3 л. *гыт ъели* (I), *дѣли* (II), *бѣли* (III), мн. *бѣли* (*дѣли*) [Услар 1892, 92].

Как видно, во всех классных формах 3 л. ед. ч. фиксируется долгий гласный *ē*. Во мн. ч. долгий *ē* фиксируется во всех трех личных формах. Кроме того П.К. Услар фиксирует также долготу гласного *ā* суффикса 2 л. мн. ч. *-dā*, хотя гласный *a* суффикса 1 л. *-xIa* автор не находит долгим. Очевидно, здесь имеет место упущение или опечатка, ибо в иллюстрациях автора гласный *ā* отмечается долгим и в форме 1 л. Тем более гласный *ā* П.К. Услар отмечает одинаково долгим в формах 1 и 2 л. мн. ч. и в других разновидностях форм условного наклонения. Ср.:

1 л. *ну ъеслилли, деслилли, беслилли*, мн. *дѣхIāлли*

2 л. *хIу ъедлилли, дедлилли, бедлилли*, мн. *дѣдāлли*

3 л. *гыт ъелилли, дѣлилли, бѣлилли*, мн. *бѣлилли* [Услар 1892, 92].

Долгий *ē* в различных словесных формах глагола *ъис* 'стать, сделаться' фиксируется П.К. Усларом правильно. Что же касается гласного *a* в личных суффиксах 1 и 2 л. мн. ч. форм простого прошедшего совершенного или будущего желательного времен, то здесь фиксируемая автором долгота его вызывает у нас сомнения. Даже в формах условного наклонения долгота лично-суффиксального гласного *a* делается весьма сомнительной, хотя в аналогичных случаях она, казалось бы, вне сомнения. Например, в словесных формах (*д*)*бакъахIāли* 'если мы сделаем' и (*д*)*бакъадāли* 'если вы сделаете' гласный *ā* личных суффиксов *-xIā* и *-dā* является долгим, но в таких же условных формах *дѣхIали* 'если мы сделаемся' и *дѣдали* 'если вы сделаетесь' считать того же лично-суффиксального гласного *a* долгим довольно трудно и причиной тому — долгота предшествующего ему корневого гласного *ē*.

К словесным формам глагола *ъис* 'стать, сделаться', в которых функционирует долгий гласный *ē*, относятся и некоторые причастия и деепричастия. В частности, таковыми являются причастия с суф. *-ри* 'столько, сколько; достаточно; для того, чтобы' и деепричастия с суф. *-раши* 'пока, до тех пор... пока':

прич.: *ѣри* (I), *дѣри* (II), *бѣри* (III);

деепр.: *ѣраши* (I), *дѣраши* (II), *бѣраши* (III).

Приведем несколько усларовских фразовых иллюстраций: *ХIу нāѣиб ѣри мусāхIин* 'здесь тебе не место быть наибом'; *ХIушим букIун ѣри дурхIа тив* 'мальчик, который может быть вам чабаном'; *ХIу дичув ѣри хIэнкѣгу дила* 'у меня нет столько работы, чтобы ты мог у меня находиться'; *Ну давлашив ѣраши гIэхIцад хIалкIли*

шин барху 'пока я сделаюсь богатым, река унесет довольно воды'; ХIуни джагьёраши хьунул махьадиръуд 'пока не помолодеешь, ты же-ны не бери'; Ну хIуьзив сукъур ьераши ьучIулъирира 'пока я не сделался слепым, учился' и т.д. [Услар 1892, 97—98].

Можно отметить, между прочим, что П.К. Услар [1892, 97] формы с суф. -ри, как и формы с суф. -раши, относит к деепричастиям. Мы придерживаемся несколько иного мнения: формы с суф. -ри являются причастными [З. Абдуллаев 1969, 74].

Отметим, наконец, некоторые случаи функционирования долгого *ē* при наличии в предложении вопросительного слова. Употребление долгих гласных *ā* и *ē* при наличии в предложении вопросительного слова отмечалось еще П.К. Усларом [1892, 78]: "Если в предложении вопрос выражается каким-либо словом, как то: кто? когда? где? и т.п., то к глагольному окончанию присоединяется *ā*, превращающееся после *и* в *ē*". Отмечая принцип употребления долгих *ā* и *ē* при наличии в предложении вопросительного слова, вместе с тем следует сказать, что долгий *ē* в данной дистрибуции не является результатом изменения *ā* после *и*. Здесь мы имеем дело с замещением простого *и* долгим *ē*. Сравним усларовские иллюстрации с вопросительным словом и без такового:

1 л. ну сайра 'я есмь' — ну ча сайрā? (→ ну чарā?) 'кто я такой?'

2 л. хIу сайри 'ты еси' — хIу ча сайрē? (→ хIу чарē?) 'кто ты такой?'

3 л. гьит сай 'он есть' — гьит ча сайā? (→ гьит чā?) 'кто он такой?'

Как видно из иллюстраций, долгий *ē* представлен в форме 2 л. (сайрē) при наличии вопросительного слова (ча). Без вопросительного слова форма 2 л. представлена с простым гласным *и* (сайри).

Приведенные формы (сайра, сайри, сай) представляют собой настоящее время. В прошедшем времени они по лицам не различаются, все три лица представлены формой сайри. При наличии вопросительного слова в форме прошедшего времени гласный *и* также замещается долгим *ē*.

1 л. ну сайри 'я был' — ну ча сайрē? 'кто я был?'

2 л. хIу сайри 'ты был' — хIу ча сайрē? 'кто ты был?'

3 л. гьит сайри 'он был' — гьит ча сайрē? 'кто он был?'

При наличии в предложении вопросительного слова конечный гласный *и* замещается долгим *ē* не только в словесной форме сайри, но и в аналогичных словесных формах других глаголов: хIушачув ча ливрē? 'кто у вас был?', хIу мурт вакIиллē? 'когда ты пришел (приехал)?', гьанахIа баъараши хIу каниврē? 'до сих пор ты где был?', нушачу ча вакIиллē? 'кто к нам пришел (приехал)?' и т.д. Таким образом, замещение гласного *и* в ауслауте долгим *ē* при выражении вопроса — характерная закономерность хюркилинского диалекта даргинского языка.

При описании дистрибутивных свойств функционирования долгого $\bar{a}$ речь шла выше и о вопросительной частице $\bar{a}ra$, прибавляемой к различным словесным формам, вернее к словесным формам с исходом на различные звуки. Отмечалось при этом, что начальный гласный $\bar{a}$ этой частицы имеет долготу: *вак̄иb̄āra?* 'пришел ли?', *б̄эк̄иb̄āra?* 'сделал ли?', *г̄ыт Гл̄ис̄āra?* 'он Иса ли?', *г̄л̄эйибкар Мус̄āra?* 'виноватый Муса ли?' и т.д. Надо сказать, что начальный долгий $\bar{a}$ вопросительной частицы $\bar{a}ra$ является варьирующим звуком: он чередуется с долгим $\bar{e}$ ($\bar{a}ra/\bar{e}ra$), а такое чередование, т.е. функционирование долгого $\bar{e}$ в данной частице наблюдается, если последняя прибавляется к словесной форме с исходом на гласный u . При этом происходит замещение ауслатного гласного u долгим $\bar{e}$: *вак̄иl̄ēra?* 'пришел ли?' ($\leftarrow$ *вак̄иl̄и* + $\bar{a}ra$), *б̄эк̄ил̄ēra?* 'сделано ли?' ($\leftarrow$ *б̄эк̄иl̄и* + $\bar{a}ra$), *џанк̄l̄ēra?* 'пшеница ли?' ($\leftarrow$ *џанк̄l̄и* + $\bar{a}ra$) и т.д. Собственно здесь представлен процесс образования долгого $\bar{e}$ в результате сочетания гласных u и a или u и $\bar{a}$ ($u + a$ (или $\bar{a}$) = $\bar{e}$).

Из анализа дистрибутивных свойств возникновения и функционирования долгих гласных $\bar{a}$ и $\bar{e}$ можно вывести некоторые общие выводы. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что долгий гласный $\bar{a}$ в ряде языковых материалов выполняет роль минимального различительного элемента и является членом фонологической оппозиции с простым гласным a : *џā* 'скажи' — *џa* 'сычуг, фермент', *џāџис* 'дойти вверх' — *џаџис* 'послать, отправить', *џāџили* 'дойдя вверх' — *џаџил̄и* 'послав', *џāсис* 'взять' — *џасис* 'купить', *џиb̄āџис* 'разлиться, перелиться' — *џиb̄аџис* 'увидеть', *џаb̄āсис* 'прорвать вверх' — *џаb̄асис* 'прорвать, пробить вообще' — *џаb̄аџис* 'застичь, заволочь', *џаb̄аџис* 'подать вверх' — *џаb̄аџис* 'протянуть', *билч̄l̄уннā* 'с тех пор, как прочел' — *билч̄l̄уннā* 'я прочел', *џāџa* 'посыль вверх' — *џаџā* 'пошли, отправь', *маз̄āra* 'овца ли?' — *мазарā* 'и овца' и т.д. Что же касается долгого $\bar{e}$, то он не может быть членом фонологической оппозиции с простым гласным e и по отношению к последнему не может выполнять роль минимального различительного элемента.

Долгий $\bar{u}$. По мнению П.К. Услара, звук u , как и другие гласные, за исключением o и y , может быть долгим и коротким, "что весьма ясно обозначается в выговоре природных хюркилинцев" [Услар, 1892, 6]. Этим общим указанием о существовании ограничиваются усларовские сведения о долгом гласном $\bar{u}$. П.К. Услар ничего не пишет о характере образования долгого $\bar{u}$. Это обстоятельство приходится подчеркивать потому, что П.К. Услару приписывается мнение, согласно которому наличие долгих гласных в хюркилинском диалекте, надо полагать, в их числе и долгого гласного $\bar{u}$, является якобы результатом слияния двух гласных. Между тем у П.К. Услара нет такого мнения. Автор высказывался о свойстве гласных взаимно сливаться, но при этом ничего не говорил о долготе. Обратимся еще раз к его высказыванию: "Весьма замечательно свойство гласных взаимно сливаться, когда они сходятся в составном слове или даже когда в предложении встречаются два особые слова, из которых первое конча-

ется, а второе начинается с гласной: оба эти слова сливаются тогда в одно" [Услар 1892, 7].

Ссылаясь на это утверждение П.К. Услара, А.А. Магомедов [1963, 38] пишет: "В урахинском диалекте П.К. Услар отмечает наличие долгих гласных, но как результат слияния двух гласных". Тем не менее не трудно заметить, что в приведенном утверждении П.К. Услара говорится о слиянии гласных звуков и слов, но ничего не сказано об образовании долгих гласных в результате этого слияния. П.К. Услар далее описывает случаи слияния гласных и слов, и если их рассматривать с точки зрения интереса к образованию долгих гласных, то они могут иметь отношение лишь к долгим гласным *ā* и *ē*. Об образовании других долгих гласных (*ū*, *ē̄*, *ō̄*) здесь ничего не сказано. Говоря о встречах двух гласных, П.К. Услар отмечает не только свойство их взаимного слияния, но и свойство их "превращения" или "введения" различного рода промежуточных морфем (*айгъ*, *ий*, *ийгъ*). При этих "превращениях" и "введениях" автор опять-таки ничего не говорит о долгих гласных и в иллюстрациях не фиксирует их. Следовательно, "свойство гласных взаимно сливаться" П.К. Услар не считал свойством, непременно порождающим долготу гласных; "взаимное слияние гласных" и "образование долгих гласных" автор не ставил в неизбежную причинно-следственную связь. У П.К. Услара нет такого положения. Поэтому вышеприведенное заключение А.А. Магомедова трудно признать адекватным, а потому справедливым и приемлемым.

Если "свойство гласных взаимно сливаться" не является непременным условием возникновения долгих гласных, то долгие гласные в свою очередь отнюдь не являются результатом слияния двух гласных. Тому свидетельство — долгий гласный *ī*.

В хюркилинском диалекте долгий гласный *ī* функционирует в довольно ограниченном количестве лексических единиц. Судя по материалам П.К. Услара, к ним можно отнести отдельные словесные формы классного глагола *ыс* (*дис*, *бис*) 'быть', 'стать', 'сделаться', 'мочь' и дейктических местоимений *гыш*, *гыл*, *гых*, *гылI*, *гыт* 'этот, это, эта, тот'; 'он, она, оно' (с семантикой пространственной локализации: у говорящего, у слушателя, внизу, наверху, в стороне).

Говоря о долгом гласном *ē̄*, выше отмечалось, что немалый интерес в этой связи представляют грамматические формы классного глагола совершенного вида *ыс* (*дис*, *бис*). Надо сказать, что эти формы в одинаковой степени касаются и долгого гласного *ī*. Долгие гласные *ē̄* и *ī* в них функционируют попеременно, являясь компонентами открытых слогов и составляя оппозицию соответствующим гласным *e* и *u*, функционирующим компонентами закрытых слогов. Формы глагола *ыс* (*дис*, *бис*) с долгим гласным *ē̄* приводились выше, поэтому здесь приведем лишь некоторые формы с долгим гласным *ī*.

1 л. *ну ылла* (I), *дила* (II), *билла* (III)

2 л. *хIу ылли*, *дили*, *били*

3 л. *гыт ыли сай*, *дыли сари*, *были саби*.

В приведенной парадигме личных форм настоящего совершенного (по П.К. Услару: прошедшего несовершенного) 3 л. представлено аналитической формой, состоящей из деепричастия *ъили* (*дъили*, *бъили*) и глагольной связки *сай* (*сари*, *саби*). Деепричастие представляет собой двусложную форму, где долгий гласный *й* функционирует как компонент открытого слога (*ъй-ли*; *дъ-ли*, *бъ-ли*).

В парадигме форм простого прошедшего совершенного (по П.К. Услару: прошедшего совершенного) долгий гласный *й* функционирует в формах 1 л. Ср.:

1 л. ну *ъйра* (I), *дйра* (II), *бйра* (III)

2 л. *хIу* *ъеди*, *деди*, *беди*

3 л. *гьит* *ъиб*, *диб*, *биб*.

Формы *ъйра*, *дйра*, *бйра* также являются двусложными, а долгий *й* в них составляет компонент открытого слога (*ъй-ра*, *дй-ра*, *бй-ра*).

Прошедшее совершенное конкретное причастного образования (по П.К. Услару: давно прошедшее) имеет одну форму для всех лиц. В ней долгий гласный *й* образует компонент начального слога:

1 л. ну *ъй-билли*, *дй-билли*, *бй-билли*

2 л. *хIу* *ъй-билли*, *дй-билли*, *бй-билли*

3 л. *гьит* *ъй-билли*, *дй-билли*, *бй-билли*.

Аналогичное положение наблюдается и в парадигме прошедшего обусловленного (допускаемого) (по П.К. Услару: зависимого от условия прошедшего): здесь для всех трех лиц употребляется одна форма, где долгий гласный *й* образует компонент начального слога:

1 л. ну *ъй-ши*, *дй-ши*, *бй-ши*

2 л. *хIу* *ъй-ши*, *дй-ши*, *бй-ши*

3 л. *гьит* *ъй-ши*, *дй-ши*, *бй-ши*.

1 и 2 л. будущего обусловленного (допускаемого) представлены двусложными формами, а 3 л. — односложной формой. Начальный слог форм 1 и 2 л. образуется долгим гласным *й*, форма же 3 л. представляет собой закрытый слог, где представлен не долгий, а простой гласный *и*:

1 л. ну *ъй-ша*, *дй-ша*, *бй-ша*

2 л. *хIу* *ъй-ши*, *дй-ши*, *бй-ши*

3 л. *гьит* *ъис*, *дис*, *бис*.

Долгий гласный *й* функционирует также в целом ряде других словесных форм глагола *ъис* (*дис*, *бис*): в причастных формах *ъибил* (*дйбил*, *бйбил*), *ъисил* (*дйсил*, *бйсил*), в деепричастных формах *ъили* (*дйли*, *бйли*), в уступительных формах *ъилахъалли* (*дйлахъалли*, *бйлахъалли*), в повелительных формах *ъй* (*дй*, *бй*).

Во всех приведенных финитных и инфинитных словесных формах глагола *ъис* (*дис*, *бис*) образование и функционирование долгого гласного *й* не может быть связано со слиянием двух гласных, так как здесь представлены простые словесные формы, а слияние двух

гласных, как правило, обуславливается слиянием двух слов и образованием сложных словесных форм.

Происхождение и функционирование долгого гласного *ĩ* в косвенных формах дейктических местоимений еще труднее связать со слиянием двух гласных. Ср.:

- гьиш*: *гьĩшиьин* (эргатив), *гьĩшила* (генитив),
гьĩшис (датель), *гьĩшичу* (адитив I),
гьĩшизи (адитив II), *гьĩшиьу* (адитив III) и т.д.
- гьил*: *гьĩлиьин* (эргатив), *гьĩлила* (генитив),
гьĩлис (датель), *гьĩличу* (адитив I),
гьĩлизи (адитив II), *гьĩлиьу* (адитив III) и т.д.
- гьих*: *гьĩхиьин* (эргатив), *гьĩхила* (генитив),
гьĩхис (датель), *гьĩхичу* (адитив I),
гьĩхизи (адитив II), *гьĩхиьу* (адитив III) и т.д.
- гьикI*: *гьĩкIиьин* (эргатив), *гьĩкIила* (генитив),
гьĩкIис (датель), *гьĩкIичу* (адитив I),
гьĩкIизи (адитив II), *гьĩкIиьу* (адитив III) и т.д.
- гьит*: *гьĩтиьин* (эргатив), *гьĩтила* (генитив),
гьĩтис (датель), *гьĩтичу* (адитив I),
гьĩтизи (адитив II), *гьĩтиьу* (адитив III) и т.д.

По всей вероятности релевантным условием образования и функционирования долгого гласного *ĩ* в хюркилинском диалекте является структура слога, а именно открытый слог. Ср. номин. *гьит* (закрытый слог с простым гласным *и*) — эрг. *гьĩ-ти-ьин* (открытый слог с долгим гласным *ĩ*), инф. *ьис* (*дис*, *бис*) — закрытый слог с простым гласным *и* — повелит. *ьĩ* (*дĩ*, *бĩ*) — открытый слог с долгим гласным *ĩ*. Переход закрытого слога в открытый обычно сопровождается образованием какого-либо долгого гласного. Этой закономерности подчиняется долгий гласный *ĩ*, хотя для образования других долгих гласных такое слоговое преобразование является не единственным условием.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Противопоставление простых и долгих гласных *и* ~ *ĩ*, *е* ~ *ẽ* в структуре открытого и закрытого слогов инфинитных и финитных словесных форм парадигмы классного глагола *ьис* (*дис*, *бис*) 'быть, стать, сделаться' ощущается довольно четко. Никто не усомнится, например, в различии гласного *и* в формах 1 и 3 л. прошедшего времени: ну *ьĩра* 'я стал', *гьит ьиб* 'он стал', или в различии гласного *е* в формах 2 и 3 л. будущего желательного времени: *хIу ьẽби* 'пусть ты станешь', *гьит ьẽб* 'пусть он станет'. Но все же при сравнении гласных закрытых слогов этого глагола с соответствующими гласными омонимичных форм других глагольных или именных лексических единиц их различие по долготе ощущается также четко. Если сравнить, например, омонимичные формы инфинитива *ьис* 'сказать' и *ьис* 'быть, стать', то в последней гласный *и* заметно отличается долготой (аналогичное отличие наблюдается и в формах *ьиб* 'сказал' ~ *ьиб* 'стал', *дис* 'нож' ~ *дис* 'стать' (II кл.) и т.д.). Сказанное дает основание заключить, что противопоставление простых и долгих гласных в структуре откры-

того и закрытого слогов в рамках парадигмы одного и того же глагола следовало бы квалифицировать по-одному, скажем, как фонологическую оппозицию, а противопоставление простых и долгих гласных в структуре омонимичных форм закрытого слога — по-другому, как их соответствие.

Долгий *э̃*. П.К. Услар отмечает два случая возникновения долгого гласного *э̃* в хюркилинском диалекте. Оба эти случая фиксируются в связи с особенностями образования родительного падежа: а) существительные, кончающиеся на *эл*, имеют родительный на *э̃*: *кь^вэл* — *кь^вэ̃*, *йэл* — *йэ̃*; б) существительные, означающие предметы неодушевленные и кончающиеся на *э*, если только окончанию не предшествуют ни *р*, ни *л*, принимают для родительного *э̃*: *вархлэ* — путешествие — *вархлэ̃*, *духлэ* — *духлэ̃* [Услар 1892, 22].

Таким образом, в определенных условиях долгий гласный *э̃* в хюркилинском диалекте функционирует в роли суффикса родительного падежа. Фиксируя эту функциональную особенность долгого гласного *э̃*, П.К. Услар имеет в виду единицу морфологического уровня, а не дистрибуцию возникновения единицы фонологического уровня.

Если с точки зрения возникновения единицы морфологического уровня эти условия не имеют принципиального различия, то с точки зрения возникновения единицы фонологического уровня они существенно различаются. В первом случае долгий гласный *э̃* образуется в результате выпадения суффиксального согласного *л*. Долгота здесь является как бы возмездительной: *кь^вэл* — *кь^вэ̃*, *йэл* — *йэ̃*, *хлэл* — *хлэ̃*, *чэл* — *чэ̃*. В другом случае номинатив и генитив противопоставляются качеством исходного гласного: в номинативе представлен простой гласный *э*, в генитиве же — долгий гласный *э̃*. Здесь долгота не является возмездительной, а выступает в роли морфологической единицы — суффикса генитива: *вархлэ* — *вархлэ̃*, *духлэ* — *духлэ̃*, *кь^вэлкь^вэ* — *кь^вэлкь^вэ̃*, *кьэмкьэ* — *кьэмкьэ̃*, *хьибхэ* — *хьибхэ̃*, *дурхлэ* — *дурхлэ̃* и т.д.

В том и другом случае функционирование долгого гласного *э̃* наблюдается в позиции суффикса, в позиции абсолютного конца. Здесь имеются основания полагать, что возникновение долгого гласного *э̃* обуславливается определенными фонетическими условиями, в частности, за таковых можно принять комбинацию возмещения и позицию абсолютного конца. Эта комбинационная и позиционная зависимость образования долгого гласного *э̃* не влияет, однако, на фонематичность данной звуковой единицы. В том и другом случае долгий гласный *э̃* обладает признаками единицы системы выражения, характерными для фонемы.

В хюркилинском диалекте долгий гласный *э̃* функционирует не только в вышеприведенных случаях. Здесь в виду имеется долгий гласный *э̃* в некоторых пространственных глагольных формах, т.е. в глагольных формах с пространственными превербами: *э̃хьис* 'повесить', 'подвесить' (вверх), *хэ̃хьис* 'снять' (вниз), *сэ̃хьис* 'снять' (в сторону говорящего).

В связи с функционированием долгого гласного *э̃* в простран-

ственных провербах в хюркилинском диалекте обнаруживается довольно интересное морфонологическое явление. Приводились формы *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис*, где в пространственных провербах *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ* представлен долгий гласный *ѡ*. В этих формах перед инфинитивным суффиксом *-с* в качестве детерминативного суффикса выступает гласный *-и-*. Наряду с гласным *и* в роли детерминативного суффикса может функционировать и гласный *э*. Здесь гласные *и* и *э* являются самостоятельными, равноправными детерминативными суффиксами, обуславливающими собой соответствующую самостоятельность семантики словесных форм. Ср.: *ѡѡхѡэс* 'почерпнуть', 'набрать' (снизу вверх), *хѡѡхѡэс* 'почерпнуть', 'набрать' (сверху вниз), *сѡхѡэс* 'почерпнуть', 'набрать' (в сторону говорящего).

Следует отметить, что в отличие от детерминанта *и* в формах *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис*, детерминант *э* в формах *ѡѡхѡэс*, *хѡѡхѡэс*, *сѡхѡэс* оказывает существенное влияние на гласный проверба. В результате этого влияния проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ* произносятся близко к *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*: *ѡѡхѡэс* → *ѡѡхѡэс*; *хѡѡхѡэс* → *хѡѡхѡэс*; *сѡхѡэс* → *сѡхѡэс*.

Здесь проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ* являются, очевидно, алломорфами провербов *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*. Но возникает вопрос: являются ли такими же алломорфами проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ* и в формах *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис*, где детерминантом функционирует гласный *и*? Ответить на этот вопрос положительно довольно трудно, так как в данном случае предполагаемые первичные формы *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис* не характерны для речевой практики носителей хюркилинского диалекта. Если хюркилинцы к одной и той же семантике 'почерпнуть', 'набрать' (жидкие и сыпучие тела) могут допустить одинаковое употребление двух разных форм *ѡѡхѡэс* и *ѡѡхѡэс*, то к семантике 'повесить' такое же параллельное употребление форм *ѡѡхѡис* и *ѡѡхѡис* исключается: форма *ѡѡхѡис* с указанной семантикой в хюркилинском диалекте не употребляется (не следует путать с формой *ѡѡхѡис* 'подняться', 'стать высоким', образованной от основы *ѡѡхѡ* 'высокий' и *ис* 'стать', 'сделаться').

Если трудно предположить, что проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ* в инфинитивных формах *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис* являются алломорфами провербов *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*, то это не значит, что они не имеют друг к другу никакого отношения. Напротив, они тесно связаны между собой и функционируют как варианты друг друга. В одних словесных формах одного и того же глагола представлены проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*, а в других — проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*. Ср.: формы повелительного наклонения *ѡѡхѡѡ*, *хѡѡхѡѡ*, *сѡхѡѡ*, или же формы условного наклонения: *ѡѡхѡѡсли* (*ѡѡхѡѡдли*, *ѡѡхѡѡли*), *хѡѡхѡѡсли* (*хѡѡхѡѡдли*, *хѡѡхѡѡли*), *сѡхѡѡсли* (*сѡхѡѡдли*, *сѡхѡѡли*). В большинстве разновидностей деепричастий (с суф. *-или*, *-ла*, *-мад*, *-чу*, *-ларгѡи*, *-хѡи*, *-хѡе*, *-хѡейс*, *-хѡилел*, *-хѡлана*) функционируют проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*, а в деепричастии с суф. *-раши* — проверки *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*. Ср.: *ѡѡхѡили*, *ѡѡхѡибла*, *ѡѡхѡибларгѡи*, *ѡѡхѡибмад*, *ѡѡхѡибичу* и т.д., но *ѡѡхѡѡраши*; *хѡѡхѡили*, *хѡѡхѡибла*, *хѡѡхѡибларгѡи*, *хѡѡхѡибмад*, *хѡѡхѡибичу* и т.д., но *хѡѡхѡѡраши*; *сѡхѡили*, *сѡхѡибла*, *сѡхѡибларгѡи*, *сѡхѡибмад*, *сѡхѡибичу* и т.д., но *сѡхѡѡраши* и т.д.

Инфинитивные формы совершенного вида *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис* противопоставляются формам несовершенного вида *ѡайхѡис*, *хѡайхѡис*, *сайхѡис*, где превербы представлены без долготы гласного: *ѡа*, *хѡа*, *са*. Стало быть, один и тот же глагол в различных своих формах имеет три варианта пространственных превербов: а) *ѡѡ*, *хѡѡ*, *сѡ*; б) *ѡѡ̃*, *хѡѡ̃*, *сѡ̃*; в) *ѡа*, *хѡа*, *са*. Первые два варианта представлены в различных формах совершенного вида, последний же вариант — в формах несовершенного вида. Если предположить, что превербы с долгими гласными (*ѡ̃*, *ѡ̃̃*) являются вторичными, полученными от превербов с простыми гласными (*ѡ*, *а*), то такое предположение оказывается в противоречии с принципом образования оппозиционных видовых форм даргинского глагола, согласно которому формы несовершенного вида образуются от форм совершенного вида. Отсюда и затруднение, связанное с определением хронологического соотношения превербов в приведенных формах противопоставляемых глагольных видов.

Следует отметить, что в хюркилинском диалекте формы *ѡѡхѡис*, *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис* употребляются не только в качестве выразителей различных направлений действия в пространстве, но и как самостоятельные лексемы, каждая из которых обладает своей соответствующей семантикой. Полярность значений этих форм дает основание полагать, что здесь мы имеем дело с омонимией, а не с полисемией.

Лексема *ѡѡхѡис*, кроме в значении 'повесить', 'подвесить', употребляется еще в нескольких значениях. Эти значения примерно соответствуют русским: 'назвать', 'произнести'; 'найтись'; 'справиться', 'мочь'. Ср.: *гѡйѡѡѡин дила ѡу ѡѡхѡиб* 'он мое имя произнес', *ѡурчила вагІ ѡѡхѡиб* 'хозяин коня нашелся', *ѡиштІайчу Халидла ѡѡхѡиб* 'с младшим Халид справился'.

В употреблении лексемы *ѡѡхѡис* в этих разнообразных непространственных значениях долгий гласный *ѡ̃* сохраняет ту же функциональную соотносительность с гласными *ѡ̃̃* и *а*, что отмечалось выше в различных словесных формах пространственной семантики 'повесить'. Ср.: прош. *Халидла ѡѡхѡиб*, будущ. *Халидла ѡайхѡур*, деепр. *ѡѡхѡили*, *ѡѡхѡарши* и т.д. Эта соотносительность представляет особый интерес, если учесть, что в непространственных значениях лексема *ѡѡхѡис* не выделяет преверба *ѡѡ*, противопоставляемого превербам *хѡѡ̃*, *сѡ̃* характеристикой действия в отношении его пространственного направления. В значении, например, 'найтись' форме *ѡѡхѡиб* в выражении, скажем, *ѡурчила вагІ ѡѡхѡиб* 'хозяин коня нашелся' не могут быть противопоставлены формы *хѡѡхѡиб*, *сѡхѡиб*.

Таким образом, лексема *ѡѡхѡис* функционирует по крайней мере в четырех значениях: 'повесить', 'назвать', 'найтись', 'справиться'. В каждом из этих значений она представляет собой самостоятельную лексическую единицу. Прегнантная омонимичность лексемы *ѡѡхѡис* обнаруживается не только в полярности ее значений, но и в развитии ее парадигматики в отдельных словесных формах. Например, в простом будущем времени, образуемом от основы несовершенного вила. 3 л. лексемы *ѡѡхѡис*—*ѡайхѡис* в двух значениях — 'повесить'

и 'назвать' — представлено одной формой: ср.: *ѡаѡан кѡэрдалиши х/ѡа ѡайхѡ* 'отец повесит шубу на кол', *ѡаѡан дила ѡу ѡайхѡ* 'отец мое имя назовет', а 3 л. в двух других значениях — 'найтись' и 'справиться' — представлено другой формой: ср.: *Халидла ѡшитайчу ѡайхѡр* 'Халид справится с младшим', *ѡурчила ваг/ ѡайхѡр* 'хозяин коня найдется'. Различие предикативной формы глагола (*ѡайхѡ* ~ *ѡайхѡр*) ведет к различию синтаксической конструкции предложения и входящих в нее единиц. Все это свидетельствует о том, что семантически, парадигматически и синтагматически *ѡѡхѡис* ~ *ѡайхѡис* представляет собой разнородную лексико-грамматическую единицу.

Словесные формы лексемы *ѡѡхѡис* в значениях 'произнести' и 'найтись' имеют тенденцию сливаться с предшествующим именем. Ср.: *ѡу ѡѡхѡиб* → *ѡѡѡхѡиб*, *ваг/ ѡѡхѡиб* → *ваг/ѡѡхѡиб*.

Можно отметить, наконец, что в хюркилинском диалекте лексема *ѡѡхѡис* с долгим фарингальным гласным *ѡ* противопоставляется лексема *ѡѡхѡис* с простым фарингальным гласным *ѡ*. Ср.: *х/арк/ ѡѡхѡис* 'преодолеть (перейти) речку', *ѡѡнк/ ѡѡхѡис* 'выспаться' (букв. 'сон преодолеть'), *шибла ѡѡхѡис* 'выплатить (вернуть) долг', *ѡирга ѡѡхѡис* 'пройти очередность' и т.д.

Как видно из этих примеров и перевода их на русский язык, лексема *ѡѡхѡис* не однозначна, она прегнантна. Но здесь, несмотря на заметную отдаленность этих значений друг от друга, все же мы имеем дело не с омонимией, а с полисемией: 'пройти через что-то', 'пройти, преодолев что-то' — вот основная семантика лексемы *ѡѡхѡис*. Парадигматически и синтагматически лексема *ѡѡхѡис* едина.

Следует отметить, что лексема *ѡѡхѡис* также может сливаться с предшествующим именем. При этом наблюдаются следующие фонетические явления: если это имя на исходе своем имеет гласный звук, то этот гласный и начальный согласный *ѡ* лексемы *ѡѡхѡис* 'выпадают', а гласный *ѡ* получает долготу: *шибла ѡѡхѡис* → *шиблѡѡхѡис*, *ѡирга ѡѡхѡис* → *ѡиргѡѡхѡис*; если же имя на исходе своем имеет согласный звук, то начальный *ѡ* лексемы *ѡѡхѡис* также выпадает, но следующий за ним гласный *ѡ* не получает долготы и остается простым: *х/арк/ ѡѡхѡис* → *х/арк/ѡѡхѡис*, *ѡѡнк/ ѡѡхѡис* → *ѡѡнк/ѡѡхѡис* и т.д.

Несколько слов о непространственных значениях лексем *хѡѡхѡис*, *сѡхѡис*. Лексема *хѡѡхѡис* употребляется в значении, приблизительно соответствующем русскому 'замолкнуть', 'кончиться', 'исчерпаться', 'иссякнуть'. Надо подчеркнуть, что степень "приблизительности" соответствия значения лексемы *хѡѡхѡис* указанным, на наш взгляд, наиболее близким русским семантическим эквивалентам довольно велика. Ср.: *ѡытила хѡѡхѡиб* 'он замолк'. Даргинская синтагма представлена здесь посессивной конструкцией: *ѡѡытила* — генитив от дейктического местоимения *ѡыт* 'он (она, оно), тот (та, то)', букв. 'его кончились' или 'у него кончились'. Ни литературно правильный, ни буквальный перевод на русский язык не передает достаточно точно подлинного значения лексемы *хѡѡхѡиб*. В данном выражении содержится в некотором роде семантическая аллегория: 'он замолк не просто, а под воздействием кого-то или чего-то, по принуждению'.

Но переводится на русский язык не активной или каузативной конструкцией типа, скажем, 'его заставили замолчать', а пассивной, стативной конструкцией 'он замолк', так как субъект каузации эксплицитно отсутствует, он неизвестен, экспонент же морфологического каузатива (-хъ) в глаголе также отсутствует (ср. *гъйтѝла хъэхъи-хъ-иб* 'его заставили замолчать').

Непространственная семантика лексемы *сѝхъис* приблизительно соответствует русским 'выйти', 'набраться', 'получиться'. Здесь также весьма значительна степень "приблизительности" соответствия этих значений. Ср. *барха ѝанкѝ сѝхъиб* "мерка пшеницы набралось" (*барха* — мерка в 25 кг).

Долгий *ѝ*. Статус гласного *о* вообще, долгого гласного *ѝ* — в частности, еще не признан в даргиноведении. В своем большинстве исследователи даргинского языка утверждают, что нет оснований для признания наличия в этом языке гласного *о*, не говоря уже о долгом гласном *ѝ*. Причем, речь идет не только о литературном даргинском языке, основанном на акунинском диалекте, но и о других диалектах, о даргинском языке в целом. Сомнения в наличии гласного *о* в любой его модификации восходят к П.К. Услару. Однако нет необходимости здесь повторно приводить высказывания П.К. Услара и других авторов относительно наличия или отсутствия гласного *о*. Отметим лишь, что повсюду гласный *о* П.К. Услар подменяет гласным *а*, долгий гласный *ѝ* — долгим гласным *ѝ̄*. Этот принцип подмены гласных *о* и *ѝ* в трудах его последователей наблюдается и по сей день. Между тем существование гласных *о* и *ѝ* в хюркилинском диалекте — очевидный факт даже для неискушенных в лингвистике людей: эти звуки все чаще и чаще находят свою фиксацию в фольклорных произведениях, а также в произведениях авторов, являющихся носителями этого диалекта и писавших на нем (см. "Даргала халкъла далуйти", 1970, а также сборники стихов А. Иминагаева, Батырая и др.). Правда, в литературных произведениях различие простого *о* и долгого *ѝ* не всегда отражается, но сама по себе фиксация как бы обобщенного гласного *о* даже без конкретизации его фонологической природы — факт несомненно знаменательный, если учесть длительное упорство некоторых лингвистов, отрицающих наличие этого звука в даргинском языке вообще, в хюркилинском диалекте — в частности. Здесь уместно сказать: факты языка существуют независимо от мнения ученых.

Говоря о гласном *о*, выше указывалось, что данный звук функционирует в хюркилинском диалекте только в позиции после лабиализованного согласного. Дистрибутивные свойства гласного *о* характерны и для долгого гласного *ѝ*. Но здесь существует целый ряд отличительных особенностей в реализации этих свойств. Попробуем их вкратце описать.

Долгий гласный *ѝ* в хюркилинском диалекте функционирует в позиции после лабиализованных согласных. Фонологически эти согласные не являются однородными. Фонологическая неоднородность лабиализованных согласных обуславливает фонологическую неоднородность и следующего за ними долгого гласного *ѝ*. Одни ла-

биализованные согласные являются первичными, а другие — вторичными: за первичными лабиализованными согласными долгий гласный *ō* манифестирует простой гласный *o*, за вторичными лабиализованными согласными — гласный *y*. Таким образом, в зависимости от фонологической природы предшествующего лабиализованного согласного долгий гласный *ō* может быть манифестацией двух фонем: *o* и *y*.

Остановимся на некоторых иллюстрациях. Прежде всего следует отметить, что встречается целый ряд имен, которые в номинативной форме конечную морфему составляют лабиализованный согласный и гласный *o*. Форма родительного падежа от этих имен отличается тем, что исходный гласный является не простым, а долгим *ō*. Ср.: *ɣlɛgʷo* 'лоскут' — *ɣlɛgʷō*, *ɖɛgʷo* 'осленок' — *ɖɛgʷō*, *ɖʒɛrgʷo* 'соринка' — *ɖʒɛrgʷō*, *ɖaɣʷo* 'петух' — *ɖaɣʷō*, *ɣɪrgʷo* 'дым' — *ɣɪrgʷō*, *ɖɪkʷo* 'пища' — *ɖɪkʷō*, *ɲɪkʷo* 'ноготь' — *ɲɪkʷō*, *kʲɛrkʷo* 'ракушка' — *kʲɛrkʷō*, *ɖɪkʷo* 'плач' — *ɖɪkʷō*, *kʲɔŋkʷo* 'лопатка' — *kʲɔŋkʷō*, *ɲɛlkʷo* 'комоч' — *ɲɛlkʷō*, *sɛlkʷo* 'затычка' — *sɛlkʷo* и т.д.

В приведенных примерах номинатив и генитив отличаются друг от друга противопоставлением гласных *o* и *ō*. В генитиве лабиализованность согласного, предшествующего долгому гласному *ō*, остается неизменной. Можно полагать, что она здесь является первичной, а долгий гласный *ō* — вариантом простого гласного *o*. Представлен случай, когда вторичный долгий гласный *ō* — манифестация простого гласного *o* — выступает за первичным лабиализованным согласным.

Следует отметить, что в хюркилинском диалекте приведенные слова могут иметь и другую форму родительного падежа — форму с суф. *-ла*: *ɣlɛgʷола*, *ɖɛgʷола*, *ɖʒɛrgʷола* и т.д. Но форма генитива с суф. *-ла* в данном случае менее специфична и характерна для хюркилинского диалекта, чем форма с долгим гласным *ō*. Кроме того, наличие формы генитива с суф. *-ла* важно здесь подчеркнуть в связи с тем, что она дает возможность объяснить происхождение долготы гласного *ō*: суффикс генитива *-ла* выпадает, в результате чего предшествующий ему гласный *o* получает возместительную долготу. Ср.: *ɣlɛgʷo* → *ɣlɛgʷола* → *ɣlɛgʷō*, *ɖɛgʷo* → *ɖɛgʷола* → *ɖɛgʷō*, *ɲɪkʷo* → *ɲɪkʷола* → *ɲɪkʷō* и т.д.

С законом возмещения звукового комплекса связана долгота гласного *ō* в форме генитива отглагольных имен типа *ɲɪrkʷола* 'еда, пища', *ɲɪkʷола* 'полено' и т.д. Здесь выпадает не только суффикс генитива *-ла*, но и предшествующий ему омонимичный словообразовательный суф. *-ла*. Ср.: *ɲɪrkʷола* → *ɲɪrkʷолала* → *ɲɪrkʷō*, *ɲɪkʷола* → *ɲɪkʷолала* → *ɲɪkʷō*. Как видно, выпадает комплекс *-лала*, в результате чего предшествующий ему гласный *o* получает возместительную долготу.

Выпадением звуковых комплексов обуславливается также долгота гласного *ō* в форме генитива от причастий с суф. *-н* и *-р* типа *ɲɪkʷон* 'говорящий', 'творящий', 'делающий', *ɲɪlkʷон* 'появляющийся', 'рождающийся', *ɲɪkʷон* 'колотящий', 'рубящий', *ɲaɣʷор* 'не имеющий', 'отсутствующий' и т.д. Ср.: *ɲɪkʷон* → *ɲɪkʷонла* → *ɲɪkʷонна* → *ɲɪkʷō*,

ьалк^лон → ьалк^лонла → ьалк^лонна → ьалк^ло̄, ыкь^лон → ыкь^лонла → ыкь^лонна → ыкь^ло̄, ьаг^лор → ьаг^лорла → ьаг^лолла → ьаг^ло̄ и т.д. В приведенных примерах наблюдается выпадение комплекса -нна, полученного из -нла, а также комплекса -лла, полученного из -рла.

Выпадение комплексов -нна (← нла) и -лла (← рла) и долгота предшествующего им гласного о̄ в форме генитива наблюдаются и в сложных образованиях, где по линейной иерархии вторым компонентом выступают простые причастия с суф. -н и -р. Ср. генитив таких сложных имен существительных: зип^лик^лон 'свирель' → зип^лик^лонла → зип^лик^лонна → зип^лик^ло̄ (из зип^л — символика изображения звука и причастия ык^лон 'говорящий, делающий'), ш^лэти^лик^лон 'свисток' → ш^лэти^лик^лонла → ш^лэти^лик^лонна → ш^лэти^лик^ло̄ (из ш^лэти^л 'свист' и ык^лон), г^лорик^лон 'скалка' → г^лорик^лонла → г^лорик^лонна → г^лорик^ло̄ (из г^лор 'катание' и ык^лон), к^ларик^лон 'колотушка' → к^ларик^лонла → к^ларик^лонна → к^ларик^ло̄ (из к^лар — семантика не ясна и ык^лон) и т.д.

Можно сравнить также генитив таких сложных причастий: к^лосби^лон 'скачущий' → к^лосби^лонла → к^лосби^лонна → к^лосби^ло̄, ласби^лон 'вертящийся, крутящийся' → ласби^лонла → ласби^лонна → ласби^ло̄, дуц^лби^лон 'бегущий, скачущий' → дуц^лби^лонла → дуц^лби^лонна → дуц^лби^ло̄, йах^лаг^лор 'невыдержанный, недостойный' → йах^лаг^лорла → йах^лаг^лолла → йах^лаг^ло̄, диц^лаг^лор 'беспечный' → диц^лаг^лорла → диц^лаг^лолла → диц^лаг^ло̄ и т.д.

Соблюдая все фоморфологические процессы, связанные с образованием долгого гласного о̄, приведенные иллюстрации можно сгруппировать и изобразить в виде таких четырех схем:

1. $C^w + o + ла = C^w + \bar{o}$
2. $C^w + o + лала = C^w + \bar{o}$
3. $C^w + o + нна (← нла) = C^w + \bar{o}$
4. $C^w + o + лла (← рла) = C^w + \bar{o}$.

В общей расшифровке эти схемы можно охарактеризовать так: сочетание "лабиализованный согласный (C^w) + гласный o " в результате выпадения следующего за ним суффикса генитива дает сочетание "лабиализованный согласный + долгий гласный $\bar{o}$ ", или: в результате выпадения суффикса генитива предшествующий ему гласный o получает возместительную долготу.

В этой характеристике не указано только выпадение детерминативных суффиксов (ла, н, р), предшествующих суффиксу генитива, т.е. выпадает не просто суффикс генитива -ла (и не просто комплексы согласных ла и нн, как об этом пишет Ш.Г. Гаприндашвили [1963]), а комплексы лала, нла (← нна), рла (← лла). Здесь подчеркивается мысль о том, что долгий гласный $\bar{o}$ получен не из сочетания простого гласного o с последующим гласным а — компонентом суффикса генитива -ла, оставшимся после выпадения согласного л — другого компонента того же суффикса генитива, не по схеме " $o + ла → o + а → \bar{o}$ "; долгий гласный $\bar{o}$ представляет собой манифестацию простого гласного o , обусловленную выпадением следующего за ним суффикса генитива по схеме " $o + ла → \bar{o}$ ",

а в случае наличия одновременным выпадением и детерминативного или категориального суффикса по схемам "о + ла + ла → $\bar{o}$ ", "о + н + ла → $\bar{o}$ ", "о + р + ла → $\bar{o}$ ".

Приведенные выше четыре схемы можно изобразить и в виде одной объединенной схемы, где единицы "начальной" и "конечной" позиции представляются постоянными величинами:

$$C^w o + \left\{ \begin{array}{l} \text{ла} \\ \text{лала} \\ \text{нна} (\leftarrow \text{нла}) \\ \text{лла} (\rightarrow \text{рла}) \end{array} \right\} = C^w \bar{o}$$

Позиция $C^w o$, условно названная "начальной", представляет собой конечную морфему номинатива, а позиция $C^w \bar{o}$, условно названная "конечной" — категориальную морфему генитива. Номинатив и генитив отличаются друг от друга привативной оппозицией конечного гласного: номинатив характеризуется немаркированным простым гласным о, а генитив — маркированным долгим гласным $\bar{o}$. Перед тем и другим — лабиализованный согласный.

В хюркилинском диалекте существует и немало других фактов, где долгий гласный $\bar{o}$ представлен после лабиализованных согласных, являющихся вторичными единицами морфемной оппозиции к соответствующим простым согласным. В них долгий гласный $\bar{o}$ также является вторичным — манифестацией фонемы у. Во всех этих фактах интересующие нас звуковые единицы — лабиализованный согласный и следующий за ним долгий гласный $\bar{o}$ — представлены в конечной морфеме генитива. В них круг вторичных лабиализованных согласных, за которыми следует долгий гласный $\bar{o}$ — манифестация фонемы у, значительно шире первичных лабиализованных согласных, за которыми следует долгий гласный $\bar{o}$ — манифестация фонемы о. Практически к ним относятся все согласные, за исключением в, й, п/л, ф, которые в конечной морфеме перед гласным у как фонологические звуковые единицы не встречаются.

Следует подчеркнуть, что исходные морфемы номинатива, подвергающиеся фономорфологическим процессам при образовании генитива, не являются однородными, хотя в них имеются постоянные величины. В качестве таких морфем представляются сочетания: 1) "согласный + у", 2) "согласный + ул", 3) "согласный + ули", 4) "согласный + ун", 5) "согласный + уни". Начальный согласный этих сочетаний в форме генитива лабиализуется, гласный у манифестируется долгим гласным $\bar{o}$, а следующие за ним форманты (л, ли, н, ни) вместе с суффиксом генитива -ла выпадают. Все эти процессы можно изобразить в виде таких дистрибутивных схем:

- 1) $C + y + \text{ла} = C^w + \bar{o}$
- 2) $C + y + \text{л} + \text{ла} = C^w + \bar{o}$
- 3) $C + y + \text{ли} + \text{ла} = C^w + \bar{o}$
- 4) $C + y + \text{н} + \text{ла} = C^w + \bar{o}$
- 5) $C + y + \text{ни} + \text{ла} = C^w + \bar{o}$

Все эти схемы можно изобразить и в виде одной объединенной

схемы, где единица "начальной" и "конечной" позиций представляются постоянными величинами:

$$C_y + \left\{ \begin{array}{l} \text{ла} \\ \text{лала} \\ \text{лила} \\ \text{нна} (\rightarrow \text{нла}) \\ \text{нила} \end{array} \right\} = C^w \bar{o}$$

Как видно из сказанного, в приведенных схемах также речь должна идти не о выпадении только суффикса генитива и не о выпадении комплексов согласных *лл* и *нна*, а о выпадении комплексов *ла*, *лила*, *нла* ($\rightarrow$ *нна*), *нила*.

Можно отметить также, что в количественном отношении приведенные дистрибутивные схемы представлены неоднородными иллюстрациями. Наиболее представительными являются первая и вторая схемы ($C + y + \text{ла} = C^w + \bar{o}$; $C + y + \text{л} + \text{ла} = C^w + \bar{o}$), а остальные схемы представлены лишь единичными примерами.

Иллюстрации к схеме " $C + y + \text{ла} = C^w + \bar{o}$ ": *йэбу* 'лошадь' $\rightarrow$ *йэбула* $\rightarrow$ *йэб^wо*, *загыу* 'яд' $\rightarrow$ *загыула* $\rightarrow$ *заг^wо*, *кыргзыу* 'ястреб' $\rightarrow$ *кыргзыула* $\rightarrow$ *кыргз^wо*, *кыулгыу* 'сүра' $\rightarrow$ *кыулгыула* $\rightarrow$ *кыулг^wо*, *чуду* 'пирог' $\rightarrow$ *чудула* $\rightarrow$ *чуд^wо*, *зурдуу* 'стан' $\rightarrow$ *зурдула* $\rightarrow$ *зурд^wо*, *таммаку* 'табак' $\rightarrow$ *таммакула* $\rightarrow$ *таммак^wо*, *кыукыу* 'гром' $\rightarrow$ *кыукыула* $\rightarrow$ *кыук^wо*, *загылу* 'общество, народ' $\rightarrow$ *загылула* $\rightarrow$ *заг^wо*, *гэкылу* 'ум' $\rightarrow$ *гэкылула* $\rightarrow$ *гэк^wо*, *гилму* 'наука' $\rightarrow$ *гилмула* $\rightarrow$ *гилм^wо*, *вакыну* 'вакуф' $\rightarrow$ *вакынула* $\rightarrow$ *вак^wо*, *зулму* 'гнет' $\rightarrow$ *зулмула* $\rightarrow$ *зулм^wо*, *дару* 'порох' $\rightarrow$ *дарула* $\rightarrow$ *дар^wо*, *бару* 'вал' $\rightarrow$ *барула* $\rightarrow$ *бар^wо*, *замру* 'приказ' $\rightarrow$ *замрула* $\rightarrow$ *замр^wо*, *загыру* 'яд, отрав' $\rightarrow$ *загырула* $\rightarrow$ *заг^wо*, *йусру* 'янтарь' $\rightarrow$ *йусрула* $\rightarrow$ *йуср^wо*, *хыу* 'пашня' $\rightarrow$ *хыула* $\rightarrow$ *х^wо*, *пэхыу* 'кувшин' $\rightarrow$ *пэхыула* $\rightarrow$ *пэх^wо*, *ыту* 'утюг' $\rightarrow$ *ытула* $\rightarrow$ *ыт^wо*, *байту* 'предание' $\rightarrow$ *байтула* $\rightarrow$ *байт^wо*, *бимлу* 'мука' $\rightarrow$ *бимлула* $\rightarrow$ *бимл^wо*, *рэхлму* 'жалость, пощада' $\rightarrow$ *рэхлмула* $\rightarrow$ *рэхлм^wо*, *зурхыу* 'море' $\rightarrow$ *зурхыула* $\rightarrow$ *зурх^wо*, *мэшклу* — кличка собаки $\rightarrow$ *мэшкл^wо*, *маркыу* — кличка кошки $\rightarrow$ *маркыула* $\rightarrow$ *марк^wо*, *кыурзу* — кличка крысы $\rightarrow$ *кыурзула* $\rightarrow$ *кыурз^wо* и т.д.

Иллюстрации к схеме " $C + y + \text{л} + \text{ла} = C^w + \bar{o}$ ": *бул* 'петля' $\rightarrow$ *булла* $\rightarrow$ *б^wо*, *губул* 'палец ноги' $\rightarrow$ *губулла* $\rightarrow$ *губ^wо*, *глэбул* 'гвоздь' $\rightarrow$ *глэбулла* $\rightarrow$ *глэб^wо*, *булбул* 'соловей' $\rightarrow$ *булбулла* $\rightarrow$ *булб^wо*, *кличлбул* 'застежка' $\rightarrow$ *кличлбулла* $\rightarrow$ *кличлб^wо*, *мужул* 'клин, вставка в одежде' $\rightarrow$ *мужула* $\rightarrow$ *муж^wо*, *хлэкул* 'лопух' $\rightarrow$ *хлэкула* $\rightarrow$ *хлэк^wо*, *мллу* 'палец руки' $\rightarrow$ *мллула* $\rightarrow$ *мл^wо*, *пистллу* 'пистолет' $\rightarrow$ *пистллула* $\rightarrow$ *пистл^wо*, *кыаранул* 'монета' $\rightarrow$ *кыаранула* $\rightarrow$ *кыаран^wо*, *хыунул* 'жена' $\rightarrow$ *хыунула* $\rightarrow$ *хыун^wо*, *зурцул* 'дрова' $\rightarrow$ *зурцула* $\rightarrow$ *зурц^wо*, *клуцул* 'ложка' $\rightarrow$ *клуцула* $\rightarrow$ *клуц^wо*, *сусул* 'овес' $\rightarrow$ *сусула* $\rightarrow$ *сус^wо*, *пусул* 'соринка, снежинка' $\rightarrow$ *пусула* $\rightarrow$ *пус^wо*, *хыл* 'желание' $\rightarrow$ *хыула* $\rightarrow$ *х^wо*, *мушул* 'борьба' $\rightarrow$ *мушула* $\rightarrow$ *муш^wо* и т.д.

К этой группе иллюстраций относятся также прилагательные и причастия типа: *буришул* 'толстый' $\rightarrow$ *буришула* $\rightarrow$ *буриш^wо*, *буклул* 'тонкий, плоский' $\rightarrow$ *буклула* $\rightarrow$ *букл^wо*, *бихлул* 'тонкий' $\rightarrow$ *бихлула* $\rightarrow$ *бихл^wо*, *зызул* 'работающий' $\rightarrow$ *зызула* $\rightarrow$ *зыз^wо*, *зуклул* 'кушающий' $\rightarrow$ *зуклула* $\rightarrow$ *зук^wо*, *зусул* 'спящий' $\rightarrow$ *зусула* $\rightarrow$ *зус^wо*, *зучлул* 'читающий' $\rightarrow$ *зучлула* $\rightarrow$

ьуцІ[̃]ō, ьуджул 'пьющий' → ьуджулла → ьудж[̃]ō, ьулхьул 'танцующий' → ьулхьулла → ьулхь[̃]ō, ьукьул 'копающий' → ьукьулла → ьукь[̃]ō и т.д.

Иллюстрации к схеме "C + y + ли + ла = C[̃] + ō": ьули 'овчинка, шкура' → ьулила → ь[̃]ō, хІули 'глаз' → хІулила → хІ[̃]ō, цІули 'зерно' → цІулила → цІ[̃]ō, ьуркьули 'доска' → ьуркьулила → ьуркь[̃]ō, муцІуцІули 'костеника' → муцІуцІулила → муцІуцІ[̃]ō.

Иллюстрации к схеме "C + y + н + ла = C[̃] + ō": букІун 'чабан' → букІунла (→ букІунна) → букІ[̃]ō, нукьун 'мука из жареного зерна' → нукьунла (→ нукьунна) → нукь[̃]ō, сапун 'мыло' → сапунла (→ сапунна) → сап[̃]ō, маймун 'обезьяна' → маймунла (→ маймунна) → майм[̃]ō, мэлгІун 'негодник' → мэлгІунла (→ мэлгІунна) → мэлгІ[̃]ō.

Иллюстрацией к схеме "C + y + ни + ла = C[̃] + ō" служит слово гьуни 'дорога' → гьунила → гь[̃]ō, которое имеет вторую параллельную форму генитива: гьунē.

Как видно, вторичные лабиализованные согласные и следующий за ними манифестируемый долгий гласный ō в хюркилинском диалекте представлены в общей сложности довольно большим количеством языкового материала. Синхронность чередования согласных (простых и лабиализованных) и гласных (y и ō) в приведенных иллюстрациях дает основание полагать, что здесь имеют место как бы морфемно чередующиеся звуковые комплексы: "нелабиализованный согласный + y = лабиализованный согласный + ō" ("C + y = C[̃] + ō").

Во всех приведенных выше иллюстрациях привативная оппозиция нелабиализованных и лабиализованных согласных и следующих за ними гласных y и ō представлена в формах номинатива и генитива: немаркированные звуковые единицы номинатива противопоставляются маркированным звуковым единицам генитива.

В хюркилинском диалекте в позиции после лабиализованных согласных долгий гласный ō функционирует не только в форме генитива имени, но и в форме 3 л. условного наклонения глагола. Здесь наблюдаются некоторые примечательные особенности. Долгий гласный ō функционирует в форме 3 л. условного наклонения, если эта форма образована от основы с лабиализованным согласным на исходе. Приведем для сравнения две формы: форму инфинитива и форму 3 л. условного наклонения: билкІ[̃]-и-с 'написать' — билкІ[̃]ōли, балкІ[̃]-и-с 'искривиться' — балкІ[̃]ōли, бакь[̃]-и-с 'разворошить, расстроиться' — бакь[̃]ōли, биркь[̃]-и-с 'поесть' — биркь[̃]ōли, багІ[̃]-и-с 'посеять' — багІ[̃]ōли, ьākІ[̃]-и-с 'родиться' — ьākІ[̃]ōли, сākІ[̃]-и-с 'оживиться' — сākІ[̃]ōли, бикь[̃]-и-с 'расколотить' — бикь[̃]ōли, биркІ[̃]-и-с 'очистить' — биркІ[̃]ōли, бэхьхь[̃]-и-с 'разрушить' — бэхьхь[̃]ōли, би-кІ[̃]-и-с 'говорить' — бикІ[̃]ōли, ьаг[̃]-и-с 'не быть' — ьаг[̃]ōли и т.д.

Часть этих иллюстраций в форме 3 л. простого прошедшего совершенного имеет суф. -ун, а другая — суф. -иб. Перед суф. -ун исходный лабиализованный основы делабиализуется, перед суф. -иб — сохраняет свою лабиализацию. Ср.: билкІ[̃]-и-с — билкІ-ун, балкІ[̃]-и-с — балкІ-ун, бакь[̃]-и-с — бакь-ун, биркь[̃]-и-с — бирк-ун, багІ[̃]-и-с — багІ-ун, ьākІ[̃]-и-с — ьākІ-ун, сākІ[̃]-и-с — сākІ-ун,

бикъ^у-и-с — бикъ^у-иб, биркI^у-и-с — биркI^у-иб, бэхъхъ^у-и-с — бэхъхъ^у-иб, бикI^у-и-с — бикI^у-иб, ъаг^у-и-с — ъаг^у-иб.

Стало быть, в некоторых глагольных формах также наблюдается привативная оппозиция сочетаний "нелабиализованный согласный + у" и "лабиализованный согласный + ъ": билкIун — билкI^у-ѡли, балкIун — балкI^у-ѡли, бакъун — бакъ^у-ѡли, биркун — бирк^у-ѡли и т.д. Но здесь лабиализованный согласный представляется первичным в силу того обстоятельства, что он неизменно наличествует во всех формах, где вслед за ним не употребляется детерминативный гласный у.

Говоря о функционировании долгого гласного ѡ в позиции после лабиализованных согласных, следует отметить, наконец, что оно представлено в хюркилинском диалекте не только в конечной морфеме генитива имени или в аффиксе условного наклонения глагола, но и на стыке составных частей сложной формы. Первая из таких частей оканчивается на сочетании "нелабиализованный согласный + у", а вторая начинается с сочетания латентного ларингала и гласного а. При образовании из таких частей сложной формы в ней гласный у манифестируется долгим гласным ѡ, предшествующий ему согласный подвергается лабиализации, латентный ларингал и гласный а выпадают. Ср.: шалкI^у-ѡбуцис 'держат под мышкой' ← шалкIу + ѡбуцис или шалкI^у-ѡбакIис 'положить под мышку' ← шалкIу + ѡбакIис.

Позиция начальной морфемы — одно из дистрибутивных свойств функционирования в хюркилинском диалекте долгого гласного ѡ. В этой позиции долгий гласный ѡ является не просто фонологической единицей, а представляет собой манифестацию двух разных гласных, функционирующих в роли компонентов пространственных аффиксов. Этими аффиксальными гласными являются у и а. Гласный у вместе с латентным ларингалом ъ функционирует в роли пространственного аффикса, выражающего направление 'вниз', 'под', гласный а тоже в сочетании с латентным ларингалом ъ функционирует в роли пространственного аффикса, выражающего направление 'вверх'. Сочетание этих противоположных семантических направлений гласных аффиксов дает долгий гласный ѡ. Иллюстрациями могут послужить: ѡ^у-ѡбатис 'подшить' ← ѡу + ѡбатис, ѡ^а-ѡбакIис 'подсунуть' ← ѡу + ѡбакIис, ѡ^у-ѡбацис 'выпахать' ← ѡу + ѡбацис, ѡ^а-ѡбизис 'подставить' ← ѡу + ѡбизис, ѡ^у-ѡбуцис 'подставить' ← ѡу + ѡбуцис, ѡ^а-ѡбэхъэс 'подпереть' ← ѡу + ѡбэхъэс, ѡ^у-ѡбушис 'подстелить, повернуть' ← ѡу + ѡбушис, ѡ^а-ѡбукис 'подшить, повернуть' ← ѡу + ѡбукис, ѡ^а-ѡбухъис 'подстелить, подколоть' ← ѡу + ѡбухъис.

Для разъяснения семантической и грамматической природы приведенных форм и их составных частей сказанное недостаточно. Следует добавить, что ѡу фактически является пространственным наречием — сокращенным вариантом наречия ѡуди 'вниз, под'. Без наречия ѡу семантика приведенных глаголов примерно такова: ѡбатис 'посадить вверх', ѡбакIис 'засунуть вверх', ѡбацис 'выпахать', ѡбизис 'поставить вверх', ѡбэхъэс 'прибить вверх', ѡбуцис 'поддержать,

поднять вверх', *ѡбушиис* 'устлать, накинуть вверх', *ѡбукиис* 'подвернуть вверх', *ѡбухъис* 'устремитесь вверх'. Во всех этих глаголах начальный *ѡа* является пространственным превербом семантики направления 'вверх'. Сами глаголы являются полисемантическими.

Может возникнуть вопрос: как же может сочетаться наречие *ѡу* с семантикой 'вниз, под' и глаголы пространственного преверба с семантикой противоположного направления 'вверх'? Реальная действительность вещей оказывается настолько разнообразной, что для выражения ее узоров язык прибегает к сочетанию даже, казалось бы, взаимоисключающих семантических единиц и создает оригинальные и изумительные по своей выразительности формы. К таким формам можно отнести все приведенные глаголы с долгим гласным *ѡ*. Следует подчеркнуть, однако, что наречие *ѡу* в них имеет семантику не 'вниз по наклонной плоскости', а 'вниз подо что-либо'. Поэтому оно с такой семантикой вполне может сочетаться с глаголом пространственного преверба с семантикой направления 'вверх'. Примерно получается так: 'внизу под чем-то вверх направляемый (или направляющийся)'. Возьмем для разъяснения форму, скажем, *ѡѡбизис* (← *ѡу* + *ѡабизис*). На русский язык мы ее перевели глаголом 'подставить'. Но 'подставить' можно что угодно и как угодно, чем угодно может быть и то, подо что 'подставляется' что-то. Так что русский глагол 'подставить' недостаточно конкретен и поэтому довольно условно и приблизительно передает семантику хюркилинского *ѡѡбизис*. Глагол же *ѡѡбизис* имеет в виду 'подставить к высоте', скажем, лестницу для поднятия на крышу или спускания с крыши, для поднятия или спускания с какой-либо высоты. При передаче, скажем, русского выражения 'подставить спину' в хюркилинском не может быть употреблен глагол *ѡѡбизис*. В этом смысле нельзя употреблять *къакъ ѡѡбизис*, хотя вроде *къакъ* является семантическим эквивалентом 'спины', а *ѡѡбизис* — семантическим эквивалентом 'подставить'. Фактически же эквивалентом русского 'подставить спину' в хюркилинском является *къакъ ѡубитуцис*, где *ѡубитуцис* буквально означает 'под держать' или 'под ставить'.

Такого рода семантические различия и особенности существуют и в других приведенных глаголах с долгим гласным *ѡ*. Но здесь хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что долгий гласный *ѡ* в приведенных глаголах является одновременно фонологической и морфологической единицей. Фонологически, очевидно, его следует квалифицировать как манифестацию фонемы *у*, морфологически же — как компонента алломорфы пространственного преверба *ѡа*. Таким образом, долгий гласный *ѡ* в позиции компонента начальной морфемы является одновременно аллофоной и компонентом алломорфы.

Такой же оригинальной природы долгий гласный *ѡ* представлен еще в одном глаголе: *ѡѡбѡкъис*. Эта глагольная форма образована также из *ѡу* + *ѡабѡкъис*. Но здесь *ѡу* означает не 'под, вниз', а 'имя'. Глагол *ѡѡбѡкъис* довольно трудно перевести на русский язык. Примерно будет так: 'представить на расспрос', 'назвать на рас-

прос', имея в виду ситуацию, когда человек хочет что-то продать, название (имя) этого предмета с определением стоимости сообщается окружающему обществу, как бы выставляется на распрос. Глагол $\mathfrak{b}^w\bar{o}\mathfrak{b}\mathfrak{a}\mathfrak{y}\mathfrak{i}\mathfrak{s}$ буквально означает 'имя поднять', т.е. 'представить на распрос'. В нем долгий гласный $\bar{o}$ является манифестацией гласного y .

Следует, наконец, отметить, что имя существительное $\mathfrak{b}u$ 'имя' в родительном падеже представлено с долгим гласным $\bar{o}$: $\mathfrak{b}^w\bar{o}$. Здесь процесс образования генитива таков: $\mathfrak{b}u + \text{ла} \rightarrow \mathfrak{b}^w\bar{o}$, т.е. суффикс генитива $-\text{ла}$ выпадает, латентный ларингал $\mathfrak{b}$ лабиализуется, а гласный y манифестируется долгим гласным $\bar{o}$. Генитивный долгий гласный $\bar{o}$ следует за лабиализованным ларингальным абруптивом $\mathfrak{b}^w$. Представлен процесс перехода звукового комплекса "нелабиализованный согласный + y " в звуковой комплекс "лабиализованный согласный + $\bar{o}$ ".

Функционирование долгого гласного $\bar{o}$ в позиции после лабиализованного ларингального абруптива $\mathfrak{b}^w$ представлено в исходной морфеме генитива. Следует отметить, что исходные морфемы номинатива, подвергающиеся фономорфологическим процессам при образовании генитива, здесь также не являются однородными. Они представлены сочетаниями: 1) "ларингал $\mathfrak{b} + y\text{л}$ ", 2) "ларингал $\mathfrak{b} + y\text{ла}$ ", 3) "лабиализованный ларингал $\mathfrak{b}^w + o$ ", 4) "лабиализованный ларингал $\mathfrak{b}^w + o\text{н}$ ".

Все эти исходные звуковые комплексы абсолютива при образовании генитива подвергаются такому процессу, в результате которого гласные y и o манифестируются долгим гласным $\bar{o}$, предшествующий нелабиализованный ларингал лабиализуется, а следующие сонанты (л , н) и формант генитива $-\text{ла}$ выпадают. Наблюдаются дистрибутивные схемы:

1. $\mathfrak{b}y(-\text{л-ла}) \rightarrow \mathfrak{b}^w\bar{o}$
2. $\mathfrak{b}y(-\text{ла-ла}) \rightarrow \mathfrak{b}^w\bar{o}$
3. $\mathfrak{b}^wo(-\text{ла}) \rightarrow \mathfrak{b}^w\bar{o}$
4. $\mathfrak{b}^wo(-\text{н-ла}) \rightarrow \mathfrak{b}^w\bar{o}$.

Эти схемы можно изобразить еще в виде двух общих схем, где единицы "начальной" и "конечной" позиций для пары объединенных схем представляются постоянными величинами:

1. $\mathfrak{b}y + \begin{Bmatrix} -\text{л-ла} \\ -\text{ла-ла} \end{Bmatrix} = \mathfrak{b}^w\bar{o}$
2. $\mathfrak{b}^wo + \begin{Bmatrix} -\text{ла} \\ -\text{н-ла} \end{Bmatrix} = \mathfrak{b}^w\bar{o}$.

В количественном отношении языковой материал, иллюстрирующий эти схемы, неоднороден. Некоторые из них представлены единичными лексемами.

Иллюстрации к схеме " $\mathfrak{b} + y + \text{л} + \text{ла} = \mathfrak{b}^w + \bar{o}$ ": *тата $\mathfrak{b}$ ул* 'граншея' — ген. *тата $\mathfrak{b}^w\bar{o}$* ($\leftarrow$ *тата $\mathfrak{b}$ улла*), *к $\mathfrak{b}$ ара $\mathfrak{b}$ ул* 'караул' — ген. *к $\mathfrak{b}$ ара $\mathfrak{b}^w\bar{o}$* ($\leftarrow$ *к $\mathfrak{b}$ ара $\mathfrak{b}$ улла*), *м $\mathfrak{a}$ хI $\mathfrak{a}$ ьул* 'боярышник' — ген. *м $\mathfrak{a}$ хI $\mathfrak{a}$ ь $\bar{o}$* ($\leftarrow$ *м $\mathfrak{a}$ хI $\mathfrak{a}$ ьулла*),

муьул 'веник, метла' — ген. муь^{в̄}ō (← муьулла), мурьул 'муж' — ген. мурь^{в̄}ō (← мурьулла), гьаг'ул 'облако' — ген. гьаг'^{в̄}ō (← гьаг'улла)*.

К этой схеме относятся также причастия типа: биьул — ген. биь^{в̄}ō (← биьулла) от глагола биьис 'быть достаточным, хватать, достигать, доходить'; битиьул — ген. битиь^{в̄}ō (← битиьулла) от глагола битиьис 'достигать, доходить до чего-то в сторону'; сабиьул — ген. сабиь^{в̄}ō (← сабиьулла) от глагола сабиьис 'достигать, доходить до говорящего'; ъабиьул — ген. ъабиь^{в̄}ō (← ъабиьулла) от глагола ъабиьис 'достигать, доходить до чего-то вверх'; хьабиьул — ген. хьабиь^{в̄}ō (← хьабиьулла) от хьабиьис 'достигать, доходить до чего-то вниз' и т.д.

Иллюстрации к схеме "ъ + у + ла + ла → -ъ^{в̄} + -ō": к^{в̄}онаьула 'подпруга' — ген. к^{в̄}онаь^{в̄}ō (← к^{в̄}онаьулала), ъухьлаьула 'подмельничье' — ген. ъухьлаь^{в̄}ō (← ъухьлаьулала), глинаьула 'повитуха' — ген. глинаь^{в̄}ō (← глинаьулала), гьуньула 'подорожье, придорожье' — ген. гьунь^{в̄}ō (← гьуньулала), бурх'ула 'подпотолочье' — ген. бурх^{в̄}ō (← бурх'улала)**, шайьула 'подмышка' — ген. шайь^{в̄}ō (← шайьулала), глэх'ула 'угодник' — ген. глэх'ь^{в̄}ō (← глэх'ьулала).

Имена существительные гьуньула, бурх'ула, шайьула образованы из адитивных наречий гьуньу, бурх'у, шайьу и суф. -ла. В свою очередь адитивные наречия восходят к именам гьуни 'дорога', бурх 'потолок', шали 'бок' и к наречию ъу 'под, вниз', являющемуся сокращенным вариантом наречия ъуди 'вниз, под'. Наречие ъуди лежит в основе образования имени ъудила 'низ', сокращенным вариантом которого является суф. -ула в формах гьуньула, бурх'ула, шайьула.

К схеме "ъ^{в̄} + о + ла = -ъ^{в̄} + -ō" иллюстрацией служит одно слово: тарь'о 'ласка' — ген. тарь^{в̄}ō (← тарь'ола).

К схеме "ъ^{в̄} + о + н + ла = -ъ^{в̄} + -ō" иллюстрацией служит также одно слово: хлэйь'он 'животное' — ген. хлэйь^{в̄}ō (← хлэйь'онла).

В результате сочетания адитивного наречия шайьу и глаголов ѡбуцис и ѡбак'ис образуются сложные глагольные формы, в которых исходный гласный наречия у манифестируется долгим гласным -ō: шайь^{в̄}ōбуцис 'держат под мышкой' ← шайьу + ѡбуцис, шайь^{в̄}ōбак'ис 'положить под мышкой' ← шайьу + ѡбак'ис. В этих случаях долгий гласный -ō представлен также в позиции после лабиализованного ларингала -ъ^{в̄}, являясь одновременно аллофоной и компонентом алломорфы.

Следует отметить также форму 3 л. условного наклонения от некоторых глаголов, где долгий гласный -ō представлен после лабиализованного ларингала -ъ^{в̄}. Ср.: балъ'ōли (от глагола балъ'ис 'разрезать'), биръ'ōли (от глагола биръ'ис 'засохнуть'), биь'ōли (от глагола биь'ис 'иссякнуть').

Говоря о долгом -ō в хюркилинском диалекте, следует отметить

* В этом примере ларингал ь обозначается апострофом ('), чтобы его сочетание с предшествующим согласным г не было воспринято как фонема гь.

** В этом примере ларингал ь изображается апострофом ('), чтобы его сочетание с предшествующим согласным х не было воспринято как фонема хь; см. также выше.

еще один случай его функционирования. Как известно, в простом будущем времени форма 3 л. переходного глагола имеет в своем исходе детерминанты *у, а, э*. Для нас сейчас интерес представляет форма с детерминантом *у* типа: *бикъу* 'сделает', *либху* 'принесет', *бирџу* 'наполнит', *биршу* 'зарядит, заправит, устроит', *ъайсу* 'возьмет' и т.д. Эти формы интересны тем, что при наличии вопросительного слова детерминативный гласный *у* в них манифестируется долгим гласным $\bar{o}$, а предшествующий ему согласный подвергается лабиализации. Ср.: *бикъу* 'сделает' — *си бикъ̄̃ō?* 'что сделает?' или *мурт бикъ̄̃ō?* 'когда сделает?', *либху* 'принесет' — *си либх̄̃ō?* 'что принесет?' или *мурт либх̄̃ō?* 'когда принесет?', *бирџу* 'наполнит' — *си бирџ̄̃ō?* 'что наполнит?' или *мурт бирџ̄̃ō?* 'когда наполнит?' и т.д.

Таким образом, долгий гласный $\bar{o}$ в хюркилинском диалекте функционирует в морфемах разных позиций: в начале, внутри и в конце словоформ. Во всех позициях долгий гласный $\bar{o}$ функционирует после лабиализованных согласных. Долгий гласный $\bar{o}$ выступает манифестацией гласных *о* и *у*. Манифестацией гласного *о* долгий гласный $\bar{o}$ выступает в позиции после первичных лабиализованных согласных, после же вторичных лабиализованных согласных долгий гласный $\bar{o}$ манифестирует гласный *у*.

Во всех случаях образование долгого гласного $\bar{o}$ является результатом фоморфологического процесса. Это, однако, несколько не мешает ему быть релевантной единицей фонологического уровня: являясь манифестацией фонем *о* и *у*, долгий гласный $\bar{o}$ вполне способен дифференцировать языковые единицы именно благодаря тому, что он одновременно является и единицей морфологического уровня. Долгий гласный $\bar{o}$ является фонемой и морфемой одновременно.

ФАРИНГАЛЬНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Фарингальные гласные в даргинском языке в основном представлены материалами арбуцкого диалекта, не считая фарингального *э*, характерного также и для всех других диалектов и литературной нормы даргинского языка. В научной литературе в арбуцком диалекте фиксируются четыре фарингальных гласных, для обозначения которых используются символы: $\ddot{u}$, $\ddot{e}$, $\ddot{a}$, $\ddot{y}$. Мы также пользуемся этими символами, за исключением $\ddot{a}$, которому по определенным соображениям предпочли символ *э*. Поскольку фарингальный гласный *э* является общим для всех даргинских диалектов и литературной нормы, и мы уже довольно подробно касались характеристики его фонологических особенностей, останавливаться на нем еще раз применительно к арбуцкому диалекту нет необходимости. Поэтому ограничимся лишь некоторыми арбуцкими иллюстрациями этого гласного. Что касается остальных фарингальных гласных ($\ddot{u}$, $\ddot{e}$, $\ddot{y}$), то они характеризуются общей отличительной от обычных соответствующих гласных (*и, е, у*) особенностью — наличием элемента добавочной фарингальной артикуляции, выражающегося в суже-

нии полости фарингса при их произношении. Все фарингальные гласные в арбукском диалекте могут быть как простыми (*ü, ë, ý, ë*), так и долгими (*ü̃, ë̃, ý̃, ë̃*).

Фарингальный *ü*. В арбукском диалекте фарингальный *ü* представлен как в именах, так и в глагольных формах. Он не обусловлен ни комбинаторно, ни позиционно. Следовательно, представляет собой фонологически дистинктивную звуковую единицу: *müx* 'серп', *çüm* 'пядь', *шüüx* 'фаянс', *çüччэ* 'узелок', *хххүйта* 'жеребенок', *хххүйк* 'о' кувшин', *хххүйна* 'ворона', *дарххүйлла* 'ужин', *хIэкүйй* 'прийти снизу', *кэкүйй* 'прийти сверху', *сэкүйй* 'прийти по горизонтали', *букүйй* 'пойти', *хIэбэхүйй* 'поссориться, подраться', *бахүйй* 'ранить', *бэххэхүйй* 'выучить, приучить' (*йуххэхүйй* 'учить, приучить'), *бүхүйй* 'рубить', *бакүйй* 'ранить, попасть', *бэххэхүйй* 'укротить', *баххүйй* 'потушить', *бикүйй* 'молчать', *бухүйй* 'шить, стегать', *бүхүйй* 'расколоть', *хIэхүйй* 'подкинуть, подсыпать (в кастрюлю)', *бүлшүйй* 'вздохматить, распушить (косы)' и т.д.

Как показывают приведенные инфинитивные формы, в арбукском диалекте, наряду с простым гласным *u*, аблаутно чередующимся с ним, тематическим гласным перед инфинитивным суффиксом *-й* выступает также фарингальный гласный *ü*. Однако в этой функции А.А. Магометов [1963, 183] отмечает почему-то лишь гласный *u*¹, хотя автор приводит ряд примеров смысловоразличительного морфологического противопоставления гласных *u* и *ü* перед инфинитивным суф. *-й*. К ним, в частности, относятся: *баххүйй* 'потушить' — *баххүйй* 'накормить', *букүйй* 'пойти' — *букүйй* 'стареть (материя)', *бикүйй* 'молчать' — *бикүйй* 'созреть (плоды)', *бухүйй* 'шить (одеяло)' — *бухүйй* 'стать, случиться', *бүхүйй* 'расколоть' — *бүхүйй* 'снять кожуру' и т.д. [Магометов 1958, 327]. Очевидно, дело здесь опять-таки в противоречивом толковании инфинитивного суффикса, а именно в том, что автор в одном случае инфинитивным суффиксом считает только *-й*, без предшествующего ему гласного, а в другом — к инфинитивному суффиксу *-й* относит и предшествующий ему гласный. Первый случай касается гласного *u*, а второй — гласного *ü*. Кстати, у автора имеется и третий случай, согласно которому инфинитивный суффикс *-й* с предшествующим ему гласным *u* характеризуется как дифтонг. А.А. Магометов [1958, 40] пишет: "Дифтонг *уй* представлен в исходе инфинитива в кубачинском диалекте: *бат-уй* 'оставить', *бас-уй* 'вспахать' и т.д.". Если это положение автора принять за должное и быть логически последовательным, то дифтонгом следовало бы признать инфинитивный суффикс *-й* и в сочетании с предшествующим ему фарингальным гласным *ü* в таких, например, инфинитивных формах, как *букүйй* 'пойти', *бахүйй* 'ранить' и т.д. Но почему-то автор не придерживается такой последовательности и, фиксируя в инфинитивных формах дифтонг *уй*, не считает таковым *йй*. Впрочем, об этих и других квазидифтонгах у нас речь пойдет отдельно. Здесь же независимо от этого следует подчеркнуть, что приведенные примеры смысловоразличительного противопоставления гласных *u* и *ü* наглядно свидетельствуют, что в арбукском диалекте гласный *ü*, так же как и гласный *u*, является фонологически сигнификативной или дистинктивной звуковой единицей речи, т.е. является фарингальным или "эмфатически мягким" гласным,

а не фарингализованным или "эмфатически смягченным" гласным. Между этими понятиями, если пользоваться ими не вообще, а вкладывая в них должным образом конкретный фонологический смысл, должно проводиться различие, соответствующее различию между понятиями фонемы и аллофоны, ибо понятие фарингализации в сущности своей предполагает комбинаторную или позиционную обусловленность природы данной звуковой единицы, в то время как понятие фарингальности предполагает независимое и безусловное качество звука. Правда, в даргинском языке, в том числе и в арбукском диалекте, позиционная обусловленность является в то же время и релевантной, но это не мешает необходимости фонологической дифференциации понятий фарингальности и фарингализации, так как при позиционной обусловленности, в отличие от комбинаторной (дающей варианты и вариации фонем), могут функционировать как аллофоны, так и фонемы. Это обстоятельство мы подчеркиваем отнюдь не потому, что находим позиционную обусловленность фарингального гласного *й* в арбукском диалекте. Напротив, судя по приведенным примерам смысловозначительного противопоставления фарингального *й*, мы склонны полагать, что данный гласный свободен от такой обусловленности, хотя он гораздо чаще функционирует в соседстве с фарингальными и заднеязычными согласными, нежели в соседстве с другими согласными. Последнее обстоятельство — более частое употребление фарингального *й* в соседстве с фарингальными и заднеязычными согласными не уязвляет и положения Н.С. Трубетцкого относительно всеобщего охвата консонантной системы, в том числе и системы шумных и сонорных, корреляцией эмфатического смягчения в тех языках, где она представлена [Trubetzkoy 1931].

В свете сказанного интерес представляют и некоторые положения Ш.Г. Гаприндашвили относительно фарингального гласного *й*. В отдельных примерах арбукского диалекта автор фиксирует данный гласный, называя его "фарингализованным", и относит к ним, в частности, словесные формы: *давйлла* 'войны' (род. от *давй* 'война'), *кь'йл* 'корова', *укыйй* 'идти', *бахйй* 'быть, становиться' (*mlumly bahйй* 'разбежаться, рассеяться'). Ш.Г. Гаприндашвили пишет [1966, 191]: "Фарингализация гласного *й* в слове *давйлла* вызвана наличием в нем ларингального фарингализованного звука *gI* исторически. Ср. арабск. *дагIватун* 'тяжба'; ср. также *дагIби* в значении 'война' в лакском языке. Сегодня в форме этого слова *gI* отсутствует, но налицо след его существования исторически, в виде фарингализации смежного гласного".

Мы уже обращали внимание на то, что в хюркилинской форме этого же слова *дэв* 'война' наличие гласного *э* автор объясняет как результат исторического влияния ларингального *gI*, ссылаясь при этом на те же формы арабского и лакского языков. Таким образом, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, выходит, что в одном и том же слове ларингальный *gI* чужеродных форм одновременно фарингализует сразу два разных гласных даргинского языка — *a* в хюркилинской форме *дав* → *дэв* и *и* в арбукской форме *дави* → *давйй*. Относительно гласного *э* в хюркилинской форме мы уже говорили. Что же касается "фарингализации" гласного *и* в арбукской форме,

то она также лишена под собой научной почвы. Слово *дэви* представлено не только в арбуском диалекте, но и в других диалектах, а также в литературной норме. Однако в нем гласный *и* не является ни фарингальным, ни фарингализованным. Кстати, в арбуском диалекте это слово имеет в номинативе форму *дэва*, родительный падеж — форму *дэвалла*, так что фактически в данном диалекте в этом слове вовсе отсутствует интересующий нас гласный.

Слово 'корова' в арбуском диалекте Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует двояко: то как форму *къ^ил* [1956, 21], где символом ^и передается "фарингализация" гласного *и*; то как форму *къ^ыл*: "В данном примере фарингализация гласного *а* налицо, несмотря на то что между фарингальным согласным и гласным находится билабиальный спираント *и*" [Гаприндашвили 1966, 192]. Таким образом, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в одном и том же слове одного и того же диалекта один и тот же звук одновременно является фарингализованным вариантом двух разных гласных. Кроме того, в форме *къ^ыл* гласный *ы* автор считает фарингализованным вариантом гласного *а*. Между тем известно, что символом *ы* автор пользуется для обозначения "результата фарингализации гласного *у* в том случае, если фарингализация не сопровождается умлаутизацией" [Гаприндашвили 1966, 194]. Стало быть, гласный *ы*, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, представляет собой не только фарингализованный вариант гласного *а*, но и является таким же вариантом и гласного *у*. Абсурдность всего этого станет ясной и очевидной, если привести фактически существующую форму этого слова в арбуском диалекте, *къ^{ул}*. При этом остается только непонятным, откуда взялся у автора гласный *а*, ведь ни в одном диалекте даргинского языка в этом слове нет данного гласного, тем более дающего такой же фарингализованный вариант *ы*, какой дает, разумеется, по мнению автора, гласный *у*.

Форму слова 'быть, становиться' автор фиксирует также неточно: *бахий*. Правильно будет *бухий*. Так что из четырех приведенных примеров на фарингальный гласный ^и три имеют неточную фиксацию и лишь одна форма (*ук^иий* 'идти') записана правильно. Неточная фиксация языковых фактов привела автора к неточному анализу. Поэтому в принципе трудно согласиться с положением, согласно которому гласный ^и в арбуском диалекте характеризуется не как фонологически дистинктивная фарингальная звуковая единица, а как фарингализованный вариант гласных *и* и *а*, не говоря уже о гласном *у*.

Ш.Г. Гаприндашвили приводит еще один пример, но уже из муиринского диалекта: *х^ирик^илули* 'смотря, глядя'. В этом диалекте, по мнению автора, "процесс фарингализации охватывает гласные *а*, *у* и *и*" [Гаприндашвили 1966, 196]. Пример *х^ирик^илули* приводится автором как раз для иллюстрации фарингализации гласного *и*. Но беда опять-таки в том, что в данной деепричастной форме, как и вообще в муиринском (уркарахском) диалекте, нет фарингализованного гласного ^и. Нет в нем и фарингализованного гласного ^у. Здесь представлен лишь общий для всего даргинско-

го языка фарингальный гласный *ə*, но он не является фарингализованным вариантом гласного *a*.

Фарингальный *ʊ*. В арбукском диалекте фарингальный гласный *ʊ* обладает теми же качествами звуковой единицы, что и фарингальный гласный *ɨ*: он не обусловлен ни комбинаторно, ни позиционно и представляет собой смыслоразличительную и фонологически дистинктивную звуковую единицу речи. Некоторые иллюстрации: *mʊy* 'нога', *kʊl* 'корова', *xxʊl* 'гость', *gʊmul* 'гвоздь', *xʊntʌlɑ* 'шея, затылок', *kʊkʊ* 'молоток', *ʃʊtmʊ* 'слияна', *ʃʊsh* 'рыло', *kʊkʊlʊkʊ* 'коса' (инструмент), *kʊkʊnnɛ* 'кувшин', *kʊrtʌ* 'глоток', *pəxxʊ* 'прохлада' и т.д.

Как видно уже из этого небольшого количества примеров, фарингальный гласный *ʊ* представлен в разных позициях и в соседстве с различными согласными. К тому же иллюстрации представляют собой номинативные формы единственного числа. Кстати, и фарингальный гласный *ʊ* в арбукском диалекте довольно широко представлен и в формах множественного числа. Но здесь он функционирует уже не только как сохранившийся от форм единственного числа, но и как морфонологически чередующийся с другими гласными (*ə*, *ɨ*) форм единственного числа. Иллюстрациями к первому случаю могут послужить формы множественного числа от некоторых вышеприведенных слов: *mʊy* 'нога' — *mʊmɛ* (мн.), *kʊl* 'корова' — *kʊlɛ* (мн.), *xxʊl* 'гость' — *xxʊlɛ* (мн.), *gʊmul* 'гвоздь' — *gʊlmɛ* (мн.), *kʊkʊ* 'молоток' — *kʊkʊɛ* (мн.), *kʊkʊlʊkʊ* 'коса' — *kʊkʊlʊxɛ* (мн.) и т.д. Иллюстрации ко второму случаю: *kʊkʊə* 'косточка' — *kʊkʊɛ* (мн.), *dəy* 'лицо' — *dʊyɛ* (мн.), *ʧidʒdʒə* 'узелок' — *ʧʊɛ* (мн.), *xəb* 'шея' — *xʊbbɛ* (мн.), *xxəb* 'могила' — *xxʊbbɛ* (мн.), *ləy* 'ухо' — *lʊbbɛ* (мн.) и т.д.

Как отмечалось выше, в работах Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 108—109] имеет место фиксация ряда "фарингализованных" модификаций гласного *u*, в частности, *h*, *z*, *ɨ*, *ʊ*. Встречаются также некоторые иллюстрации этих "модификаций", взятых из разных диалектов даргинского языка. На "фарингализованный" *h*, например, автор приводит из цудахарского диалекта такие иллюстрации: *nhiʃʃab* 'нам', *Ihr* 'потом', *laxʌhmʌlɑ* 'зеркало', *laxʌhʃʃikani* 'висок', *daʃhniʃʃiʃa* 'лекарь', *xʌhli* 'колесо', *hhiʃʃiʃa* 'вы', *xʌhʌhʌ* 'ржание'. На "фарингализованный" или, как автор еще называет, "индефферентный *z*" приводятся такие цудахарские иллюстрации: *əʒiʃʃiʃa* 'вы', *əʒrabɑ* 'войско'. Вместе с тем приводится также акушинское слово: *əʒr* 'после' [Гаприндашвили 1955, 186].

"Фарингализованный" гласный *ɨ* представлен примерами арбукского и цудахарского диалектов. Из арбукского диалекта, точнее из говора аула Ашты, автор приводит такие формы: *ʒymɑr* 'Омар' (имя мужское), *dʌxʌʒy* 'ребенок', *bulxinnadi* 'не знаешь', *kʌʒyl* 'корова', *xʌʒy* 'собака', *uxyʒʒiʃʃilɑ* 'с тех пор как нахожусь', *kaduxʒʒyɪd* 'спустились', *ʧyʒʒal* 'завтра'. Из цудахарского диалекта приводятся следующие иллюстрации: *ʒyɪnʌladixʌ* 'глухота', *ʒyɪrmɛ* 'зайцы', *xʒyɪnʌxʌ* 'нос', *xʒyɪnɛsɛ* 'ненастный', *kʒyɪrtʌlɑ* 'ножны', *kʒyɪʃʃ* 'нога' [Гаприндашвили 1966, 191—195].

"Фарингализованный" гласный *ү* Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует в двух глагольных формах муиринского (уркарахского) диалекта: *хIэбагүрра* 'не знаю', *белгIүйра* 'развязал' [Там же, 196].

Но ни в одной из них фактически нет предполагаемого автором гласного. Во многих случаях в работах автора имеет место разноречивая фиксация одной и той же словесной формы. Например, слово 'вы' фиксируется то как *һһиша*, то как *эгиша*, слово 'завтра' фиксируется то как *чывал* то как *ччы"ал*, слово 'корова' фиксируется то как *кь"ыл*, то как *кь"йл*, слово 'зайцы' фиксируется то как *гIырме*, то как *гүрме*, слово 'ноги' фиксируется то как *тIöхIме*, то как *тIыixIме* и т.д. Комментировать и доказывать каждую неточность в записях автора нет необходимости. Лучше привести указанные авторские иллюстрации в точной записи, чтобы читатель сам мог наглядно сравнить и видеть разницу между мнимым и действительным. В отдельных случаях автор допускает неточность и в переводе. В этих случаях сохраняем и авторский перевод.

По Ш.Г. Гаприндашвили		Фактически	
Цуд.	<i>һһишаб</i>	—	<i>ниишаб</i> 'нам'
	<i>Iһр</i>	—	<i>гьатIел</i> 'потом, после'
	<i>лахIһмцIала</i>	—	<i>лахIимцIала</i> 'зеркало'
	<i>лахIһшкани</i>	—	<i>лахIушкани</i> 'висок'
	<i>дахъһһиша</i>	—	<i>дэхънучIа</i> 'лекарь'
	<i>тIöхIме</i> }	—	<i>тIухIме</i> 'ноги'
	<i>тIыixIме</i> }		
	<i>хIһли</i>	—	<i>хIула</i> 'колесо'
	<i>һһиша</i> }	—	<i>хIуиша</i> 'вы'
	<i>эгиша</i> }		
	<i>хIһхIһ</i>	—	<i>хIухIу</i> 'ржание'
	<i>эграба</i>	—	<i>хIуреба</i> 'войско'
	<i>гIынцIадихъ</i>	—	<i>гIунцIдихъ</i> 'глухота'
	<i>гIырме</i> }	—	<i>гIурме</i> 'зайцы'
	<i>гүрме</i> }		
	<i>хьынхъ</i>	—	<i>кьункъ</i> 'нос'
	<i>хьынесе</i>	—	<i>хьунесе</i> 'ненастный'
	<i>кьуртIала</i>	—	<i>кьуртIала</i> 'ножны'
	<i>кьыиш</i>	—	<i>кьуиш</i> 'нога'
Арб.	<i>Гымар</i>	—	<i>ГIумэр</i> 'Омар'
	<i>кь"ыл</i> }	—	<i>кьүл</i> 'корова'
	<i>кь"йл</i> }		
	<i>х"ы</i>	—	<i>х"е</i> 'собака'
	<i>чы"ал</i>	—	<i>джджавал</i> 'завтра'
	<i>ччы"ал</i> }	—	<i>дүхIу</i> 'дитя'
	<i>дыхIы</i> }		
	<i>булхыннади</i>	—	<i>булхIүннади</i> 'не знаешь'
	<i>ухыбжила</i>	—	<i>ухубжила</i> 'с тех пор как стал'
Муир.	<i>хIэбагүрра</i> 'не знаю'	—	<i>хIабагүрра</i> 'не узнал'
	<i>белгIүйра</i> 'развязал'	—	<i>белгIүйра</i> 'завязал'
Акуш.	<i>эгр</i>	—	<i>гIур</i> 'потом, после'.

Как видно из сравнения, гласный *h̃* Ш.Г. Гаприндашвили употребляет вместо гласных *и, у*, гласный *ɜ* — вместо гласного *у*, гласный *ы* — вместо гласных *у, ү, а, е*, гласный *ü* — вместо гласного *у*, гласные *ö, ÿ* — вместо гласного *у*, гласный *ü* — вместо гласного *ү* и т.д.

Фарингальный *ё*. Наличие данного фарингального гласного в арбуском диалекте вызывает некоторые сомнения, хотя А.А. Магометов, носитель и специалист по данному диалекту, нисколько не сомневается в его наличии. Сомнения наши основываются на том, что целый ряд представителей арбуского диалекта не мог назвать ни одного слова с этим гласным. В работах же А.А. Магометова [1963, 81, 286] фарингальный гласный *ё* представлен единственным арбуским словом, фиксируемым автором двояко: *дарххё* и *дэрххё* 'вечер' и словом, из говора аула Ашты: *вёкьүнгыели* 'когда пошел' [там же, 239]. По сведениям представителей арбуского диалекта, опрошенных нами, в этих словах фактически представлены обычный гласный *е* (в арбуском *дэрххе*) и фарингальный гласный *э* (в аштинском *вэкьүнгыели*), а не фарингальный *ё*. Поэтому наши сомнения предполагают необходимость более тщательной проверки и дальнейшего уточнения положения о наличии фарингального гласного *ё* и подтверждающих это языковых фактов, а не отвержение этого положения и отрицание таких фактов.

Фарингальный *э*. Данный фарингальный гласный характерен для всех диалектов даргинского языка, а также литературной нормы. В силу этого он подвергался подробному анализу в разделе о простых гласных. Здесь же хочется привести лишь некоторые иллюстрации из арбуского диалекта: *гъ"э* 'заяц', *гъэр* 'сани', *дэй* 'лицо', *лэй* 'ухо', *нэхъ* 'рука', *гIэб* 'три', *ддэггу* 'осленок', *пэххү* 'прохлада', *ххэб* 'могила', *дихъэ* 'рана', *кьэкьэ* 'косточка', *дигъэ* 'ограда', *ыгъэп* 'жемчуг', *шиирхъ"э* 'волдырь', *лэмде* 'грязь', *ъашишикьэ* 'жнец', *гIайрикьэ* 'охотник', *ьуддикьэ* 'косарь', *пIэпIэ* 'мыльная пена', *кIэпIукI"он* 'веко', *пIэнкьикI"он* 'пистон', *пIэцIукI"он* 'рогатка' и т.д.

Консонантная система даргинского языка значительно сложнее системы вокализма. Речь идет не только о количественном составе согласных звуков, но и об их специфике, фонологической природе и функциональных свойствах. Если к тому же учесть некоторые специфические звуковые единицы, характерные для даргинских диалектов, в частности, так называемые лабиализованные, напряженные и фарингальные согласные, то общая картина консонантной системы даргинского языка предстает довольно своеобразной и сложной. Положение усугубляется и тем, что исследователи даргинского языка высказывают весьма разноречивые положения относительно природы тех или иных звуковых единиц.

Следует подчеркнуть, что литературный даргинский язык и его базовый акушинский диалект значительно уступают остальным диалектам даргинского языка (хюркилинскому, цудахарскому, хайдакскому, арбукскому и др.) количеством и качеством звуковых единиц не только системы вокализма, но и системы консонантизма. Здесь например, не приходится говорить о лабиализованных или напряженных согласных, столь характерных для других диалектов даргинского языка. Звуковые процессы в области согласных литературного языка имеют также заметное ограничение.

В литературном даргинском языке согласных фонем 37. Эту же цифру указывает и С.Н. Абдуллаев [1954, 25]. Однако в числе согласных фонем даргинского языка автор имеет в виду *щ*, позднейшее заимствование из русского языка, хотя среди них не упоминается исконно даргинский заднеязычный спираント *ж*. Буква *г* в литературном даргинском языке используется для передачи двух разных звуковых единиц: смычного *г* и спиранта *ж*. Имеются и другие аналогичные случаи использования отдельных букв для передачи двух разных звуков. С.Н. Абдуллаев отмечает эти случаи, но почему-то упускает из виду употребление буквы *г* для передачи двух разных фонем. Таким образом, в числе 37 согласных фонем литературного даргинского языка вместо исконно даргинского заднеязычного спиранта *ж* оказывается заимствованная из русского языка *щ*. В таблице же согласных С.Н. Абдуллаева нет ни той, ни другой.

Согласные даргинского языка могут быть противопоставлены по звонкости и глухости, но характерной особенностью всей консонантной системы можно считать отсутствие противопоставления по твердости (веляризации) и мягкости (палатализации). В языке нет также назализации.

Как известно, согласные звуки принято классифицировать по двум признакам: 1) по месту образования (артикуляции) и 2) по способу (звуковому типу) образования, т.е.: а) по участию шума и голоса, б) по способу образования шума (по типу речевой преграды) и в) по месту образования шума (по действующему органу).

По характеру фрикации (шума) и ее роли в образовании звука согласные делятся на сонорные и шумные.

Сонорные. Группу сонорных составляют четыре звука: *м, н, л, р*. Три из них, а именно *м, н, л*, являются смычно-проходными, что же касается *р*, то данный согласный по типу речевой преграды занимает место среди спирантов, хотя по участию шума и голоса он также относится к сонорным.

Л — латеральный (боковой) согласный, "билатеральный спирант" (Ш.Г. Гаприндашвили), при образовании которого спинка переднего языка смыкается с альвеолами верхних передних зубов. В функциональном отношении латеральный *л* характеризуется свободной дистрибуцией: *лухлу* 'ухо', *далай* 'песня', *млал* 'столб', *лац* 'стена', *лузли* 'число', *делхь* 'танец', *хьали* 'дом, комната' и т.д.

Для латерального *л*, как и для других согласных даргинского языка, функция слогообразующего звука не характерна. Этой функцией обладают лишь гласные звуки.

М — назальный (носовой) согласный, при образовании которого губы находятся в смычке, а воздух имеет свободный проход в носовую полость. "При артикуляции сонорного *м* отсутствует взрыв смычки, так как свободный проход в носовую полость во время смычки исключает возможность нагнетания фонационного потока в полостях надставной трубы и этим — достижения давления, необходимого для осуществления взрыва. По этой же причине для артикуляции сонанта *м* характерна слабая смычка по сравнению с другими губно-губными смычными" [Гаприндашвили 1966, 44]. Сонант *м* в даргинском языке не является слогообразующим, но располагает свободной дистрибуцией: *мура* 'сено', *рамч* 'волна', *мар* 'правда', *мургы* 'золото', *мирхы* 'пчела', *гымы* 'зло, желчь' и т.д.

Н — назальный (носовой) согласный, "более заднего образования по сравнению с *л*". "При артикуляции *н* ротовая смычка осуществляется спинкой переднего языка с альвеолами или же с альвеолами и нижним краем коронок верхних резцов. Одновременно с этим, ввиду опускания вниз занавеса мягкого неба, фонационный поток воздуха свободно проходит в полость носа и обогащается назальной тембровой окраской" [Гаприндашвили 1966, 47]. Слогообразовательные и дистрибутивные особенности носового *н* те же, что и у других сонантов. Несколько иллюстраций: *нур* 'луч', *гьунар* 'подвиг', *нана* 'зрачок' (*нана хлули* 'зрачок глаза'), *неш* 'мать', *ьарцан* 'птица', *кьэнари* 'кувшин' и т.д.

Р — переднеязычный альвеолярный вибрант, по участию шума и голоса относится к сонорным, по типу же речевой преграды занимает место среди спирантов. Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 157] пишет: "Во всех диалектах даргинского языка вибрант *р* образуется в щели, созданной у передних альвеол посредством периодического приближе-

ния к ним и удаления от них напряженного и чуть приподнятого вверх кончика языка. В щели между кончиком языка и альвеолами непрерывно проходит артикуляционный поток, приводящий в колебательное движение передний язык. По виду артикуляционной преграды вибрانت *p* является таким же открытым звуком, а именно спирантом, как и другие спиранты, но отличается от них большим размахом". Несколько примеров: *рас* 'пила', *рурси* 'девушка (дочь)' *гьургьур* 'уздечка', *ругер* 'волна', *жэр* 'ива', *мар* 'правда' и т.д.

Шумные. Шумные согласные в даргинском языке делятся на смычно-взрывные, спиранты и аффрикаты. К смычно-взрывным относятся: губно-губные *n*, *nI*; переднеязычные *m*, *mI*, *ɖ*; заднеязычные *k*, *kI*, *g*; фарингальные *xə*, *kə*, *kə*; ларингальные *ʔ*, *gI*. К спирантам относятся губно-губные *b*, *ɸ*, *ʋ*; переднеязычные *s*, *z*, *ʃ*, *ʒ*; среднеязычные *xə*, *ʔ*; заднеязычные *ʒ*, *gə*, *x*; фарингальный *xI*; ларингальный *gə*. К аффрикатам относятся: переднеязычные *ɕ*, *ɕI*, *dz*, *ɕ*, *ɕI*, *dʒ*.

СМЫЧНО-ВЗРЫВНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

а) Губно-губные

П — губно-губной глухой смычно-взрывной. Характеризуется независимыми дистрибутивными свойствами. Несколько примеров: *пусул* 'пылинка', *пəспəсəг* 'лягушка', *пəхIул* 'перо (птицы)', *пəхьу* 'кувшин', *ʋапарəг* 'абрек', *ɕIап* 'корзина из прутьев'.

ПI — губно-губной смычный абруптив. О данном согласном звуке Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 111] пишет: "Звук *nI* в диалектах даргинского языка имеет очень малое распространение. В результате этого в алфавите литературного даргинского языка даже не предусмотрен знак для передачи этого согласного".

Действительно, до недавнего времени в алфавите литературного языка не было знака для передачи губно-губного смычно-взрывного абруптива. Но это объяснялось не "очень малым распространением" данного звука, а существующим среди практических работников мнением, согласно которому для упрощения алфавита допустимо употребление одного знака для обозначения двух разных звуков. В результате было принято обозначать буквой *n* помимо адекватного звука еще и абруптив, для обозначения которого в дальнейшем (в 1967 г.) была введена буква *nI*. Что же касается распространения согласного *nI*, то оно довольно значительно: данный звук встречается во многих десятках лексических единиц, что весьма трудно считать "очень малым распространением". Несколько примеров: *nIургьи* 'лейка' *nIəɕla* 'клякса', *nIəгьи* 'хвостун', *nIəкьбикес* 'разорваться', *nIəлпIəлаг* 'тополь', *nIəлɕIukI* 'урбеч (конопляное масло)', *кьапIа* 'шапка', *кIапIу* 'лист', *хьапIа* 'пуговица' и т.д.

б) Переднеязычные

Т — дентальный смычно-взрывной, функционирует во всех позициях: *тур* 'сабля', *татабул* 'арык, канава', *тузь* 'линия, черта', *ыштэхI* 'желание', *матэхI* 'вещь, драгоценность', *сагIэт* 'час, часы', *хьат* 'ладонь' и т.д.

ТI — дентальный смычно-взрывной абруптив, характеризуется "широкой площадью артикуляционной смычки" (Ш.Г. Гаприндашвили): *тIул* 'палец', *тIутли* 'виноград', *тIал* 'столб', *патIал* 'мерка веса в 400 г', *тIени* 'стойло', *тIентI* 'муха', *тIакьа* 'ящик, коробка', *битIакI* 'тяжесть', *бэтI* 'утка', *шэтI* 'свист' и т.д.

Д — переднеязычный, точнее зубно-язычный смычно-взрывной. По утверждению Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 112], при артикуляции согласного *д* "в акушинском диалекте следы касания языка с небом охватывают все латеральные зубы..."⁶. Такое утверждение нам представляется сомнительным. Очевидно, здесь несколько иное понимание боковых (латеральных) зубов, ибо фактически ни в акушинском, ни в каком-либо другом диалекте при произношении *переднеязычного д*, как и при артикуляции других переднеязычных, не задеваются какие-либо латеральные зубы, не говоря уже обо всех. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что "при артикуляции *д* передняя часть языка для осуществления смычки поднимается вверх" [Гаприндашвили 1966, 113], что вполне может оказаться препятствием равномерного касания боковых полос языка с латеральными зубами. В литературном даргинском языке, базовым диалектом которого является акушинский, при образовании переднеязычного зубного смычного *д*, так же как и при образовании *т*, передняя часть спинки языка смыкается с верхними передними зубами и нижним краем альвеол. Аналогична артикуляция *д* и в других даргинских диалектах. Артикуляция даргинского *д* мало чем отличается или ничем не отличается от артикуляции русского *д*. Например, в русском глаголе *дам* и в даргинском имени *дам* "барабан" артикуляция *д* совершенно одинакова.

Несколько иллюстраций к функционированию согласного *д* в даргинском языке: *дагъа* 'петух', *даж* 'вчера', *дэгл* 'ветер', *дукI* 'ярмо', *ьадам* 'человек', *къада* 'ущелье, долина', *дэд* 'дудка (музыкальный инструмент)' и т.д.

в) Заднеязычные

К — заднеязычный глухой смычно-взрывной. При образовании *к* задняя часть спинки языка смыкается с мягким небом. Шум, образуемый при размыкании сомкнутых органов речи, не сопровождается голосом, почему *к* и является глухим: *кур* 'яма', *куц* 'вид, внешность', *кам* 'кожа', 'шкура', *мукеки* 'рог', *кесек* 'кусок' и т.д.

КI — заднеязычный смычно-взрывной абруптив. В литературном даргинском языке, равно как и во всех диалектах (а не только в цудахарском диалекте и губденском говоре [Гаприндашвили 1966, 130]), смычно-взрывной *кI* более заднего образования по сравнению со своим соответствующим глухим *к* и звонким *г*. Это сравнитель-

ное разпичие места образования *кI*, *к* и *г* одинаково представлено во всех диалектах даргинского языка. Примеры к функционированию заднеязычного смычно-взрывного абруптива *кI*: *кIана* 'платок', *кIара* 'кувшин', *кIамIа* 'лопата', *вакIес* 'придти', *ьакIес* 'возникнуть, родиться', *дукI* 'ярмо', *кIабамI* 'поднос' (хайд. *mlабакI*) и т.д.

Г — заднеязычный звонкий смычно-взрывной. При образовании *г*, в отличие от *к*, шум, образуемый при размыкании сомкнутых органов речи, сопровождается голосом, почему *г* и является звонким. Смычно-взрывной звонкий *г* — более переднего образования по сравнению с глухим *к* и абруптивом *кI*. Примеры: *гавлаг* 'мешок', *гажин* 'кувшин', *газа* 'кобыла', *лаг* 'подъем', 'вверх', *гумул* 'палец ноги', *гурда* 'лиса', *гуйав* 'зять', *га* 'уголь' и т.д.

г) Фарингальные

Хъ — фарингальный смычно-взрывной. Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 157] относит его к аффрикатам. В таблице согласных *хъ* числится среди аффрикат и у С.Н. Абдуллаева [1954, 25]. А.А. Магометов относит его к смычно-взрывным [1963, 46].

Ни С.Н. Абдуллаев, ни А.А. Магометов не дают характеристики артикуляционных особенностей фарингального *хъ*, хотя на этот счет придерживаются несколько разных взглядов. У Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 157] относительно согласного *хъ* вполне совмещаются понятия "смычно-взрывной" и "аффриката". Автор так и называет его: "фарингальная смычно-взрывная аффриката". Вместе с тем у автора читаем: "Задний язык, артикулируя по направлению к задней стенке фаринкса, прижимает занавес мягкого неба и язычок к задней стенке фаринкса. По-видимому, это обстоятельство играет существенную роль в появлении специфического трения фонационного потока об стенки артикулирующих органов, вследствие чего *хъ* является аффрикатой" [там же]. Как видно, у Ш.Г. Гаприндашвили вполне совмещаются понятия "взрыв" и "трение фонационного потока" по отношению к одному и тому же звуку, хотя по логике вещей они должны исключить друг друга.

Отнесение согласного *хъ* к группе смычно-взрывных представляется нам наиболее правильным. Артикуляция данного согласного в даргинском языке (как в литературной норме, так и в отдельных диалектах) характеризуется взрывом фарингальной смычки и отсутствием щелевой рекурсии, стало быть, и трения фонационного потока. Отнесение его к аффрикатам, думается, ошибочно. Несколько примеров: *хъали* 'комната, дом', *хъу* 'поле, пашня', *хъэ* 'клятва', *мухъ* 'ячмень', *хъэбхъэ* 'град', *дэрхъ* 'хлев', *делхъ* 'танец' и т.д.

Къ — фарингальный смычно-взрывной абруптив. Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 163] смычно-взрывной *къ*, так же, как и *хъ*, называет аффрикатой, хотя при его артикуляции фиксируется взрыв, а не щелевая рекурсия. Несколько иллюстраций: *къэл* 'корова' (хюрк. *къ^вэл*, у Гаприндашвили неточно: *къ^вал*), *къацI* 'хлеб', *къам* 'тарелка', *къалам* 'карандаш', *макъала* 'заметка', *макъам* 'мелодия', *мкъ* 'корень', *къжъ* 'молоток', *джъ* 'тропинка' и т.д.

Къ — фарингальный звонкий смычно-взрывной. Данный соглас-

ный Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 155] также называет смычно-взрывной аффрикатой, но в сводной таблице классификации согласных звуков он представлен не как аффриката, а как мгновенный звонкий смычно-взрывной [Там же, 170]. Несколько иллюстраций: *к̣эна* 'ворона' (у Гаприндашвили неточно: *к̣ана*), *к̣энк̣* 'нос' (хюрк. *к̣э̣нк̣*, у Гаприндашвили неточно: *к̣э̣анк̣*), *к̣арк̣а* 'камень', *к̣ак̣* 'спина', *к̣ак̣ба* 'куропатка', *к̣уруш* 'рубль', *к̣уш* 'шалаш', *к̣уват* 'сила' и т.д.

д) Ларингальные

Ъ — Ларингальный смычно-взрывной абруптив. При образовании абруптива ъ смыкаются голосовые связки и артикуляционный взрыв смычки осуществляется тем запасом воздуха, который содержится в промежутке между гортанной и артикуляционной смычек. Абруптив ъ, как и другие абруптивы даргинского языка, является согласным надгортанной фонации*. По месту и способу своего образования абруптив ъ и ларингальный звонкий *гI* довольно близки друг к другу. Поэтому, очевидно, в научной литературе эти звуки путают довольно часто, подменяя один другим. Так, например, в работах Ш.Г. Гаприндашвили для их обозначения употребляется один знак *ɣ*: *д̣ʷаɣ* 'ветер' (правильно будет: *д̣ʷэгI*), *ɣ̣ʷамру* 'жизнь' (правильно будет: *гIʷэмру*), *ɣ̣ʷанцIа* 'глухой' (правильно будет: *гIʷэницIа*), *ɣур* 'потом, после', *ɣурра* 'и после', 'еще раз' и т.д. Во всех этих формах фактически имеет место ларингальный звонкий *гI*. В приведенных Гаприндашвили формах: *уриɣ* 'в прошлом году', *ниɣ* 'молоко', *миɣ* 'лед', *диɣ* 'мясо', *нирɣ* 'вошь', *ɣула* 'сито', *ɣу* 'имя' и т.д. — фактически имеет место ларингальный абруптив ъ.

Из приведенных примеров ясно видно, что Ш.Г. Гаприндашвили не отличает ларингальный абруптив ъ от ларингального звонкого *гI*.

В позиции абсолютного начала ларингальный абруптив ъ носит латентный характер. Перед гласным абруптив ъ носит латентный характер и в срединной позиции. Вообще обе эти позиции можно объединить в одну, так как в том и другом случае имеется в виду так называемый неприкрытый в левую сторону слог, т.е. слог, якобы начинающийся с гласного. Однако сказанное оказывается неадекватным в плане фонологической реальности. Выясняется, что фонологически для даргинского языка неприкрытый в левую сторону слог вообще не характерен, поэтому функционирование абруптива ъ в начальной позиции является таким же фактом языковой реальности, каким является употребление данного согласного в позиции абсолютного конца или перед согласным. Приведем несколько примеров в современной записи и как фонологически было бы точнее: у 'имя' — *ьу*, ула 'сито' — *ьула*, *анк̣ьи* 'очаг' — *ьанк̣ьи*, *анк̣Iи* 'пшеница' — *ьанк̣Iи*, эс 'сказать' — *ьес*, или 'сказав' — *ьили*, баз 'хватать',

* Ш.Г. Гаприндашвили придерживается противоположного мнения [1966, 132].

‘быть достаточным’ — *баъес, абаала* ‘достаточность’ — *бабаъала* и т.д. Во всех этих примерах представлен тот же ларингальный абруптив *ъ*, что и в: *ниъ* ‘молоко’, *диъ* ‘мясо’ (мн. *диъби*), *миъ* ‘лед’ (мн. *муъби*) и т.д.

Латентность абруптива *ъ* в позиции “неприкрытого” слога с современным синхроническим срезе развития фонологической системы даргинского языка объясняется, очевидно, его кажущейся редукцией, обусловленной артикуляционной природой самого абруптива — сокращением продолжительности его фонации и ослаблением мускульного напряжения артикулирующих органов речи в указанной позиции. Вообще же латентность или инлатентность абруптива *ъ* обуславливается законами звуковой дистрибуции и слоговой структуры языка.

ГІ — ларингальный звонкий смычно-взрывной согласный, встречается во всех позициях: в начале, в середине и в конце слова. Отличие между ларингальными *гІ* и *ъ* характеризуется оппозицией их по звонкости и глухости, обусловленной местом их артикуляции: звонкий *гІ* более заднего образования, нежели глухой абруптив *ъ*, при образовании *гІ* смыкание артикулирующих органов происходит в гортани (гортанная фонация), значительно ниже, чем при образовании абруптива *ъ*, характеризуемого надгортанной фонацией.

Фонемное различие ларингальных согласных *гІ* и *ъ* можно демонстрировать такими противопоставлениями хюркилинских форм: *вагІ* ‘хозяин’ (1 кл.) ~ *ваъ* (форма желательного наклонения от глагола *ваъис* ‘достигнуть’, ‘добраться’: *хІу хІулкІули ваъ!* ‘чтобы ты радостно добрался!’), *дугІ* ‘прочь’ (*дугІла гъай* ‘ненужные разговоры’, *дугІла ьадамъили* ‘бесполезный человек’) ~ *дуъ* (форма желательного наклонения от глагола *дуъис* ‘разрушить’: *хІу мирсли дуъ!* ‘чтоб тебя землетрясение разрушило!’) и т.д.

Существует мнение, согласно которому ларингальный смычно-взрывной *гІ* в акушинском диалекте, надо полагать, и в литературном даргинском языке “встречается исключительно в соседстве с гласными среднего и нижнего подъема” [С. Абдуллаев 1954, 27] — *е, а, э*. Стало быть, по мнению С.Н. Абдуллаева, ларингальный *гІ* не встречается в соседстве с гласными верхнего подъема *и, у*. Едва ли можно согласиться с таким мнением. Ларингальный *гІ* в литературном даргинском языке и в его базовом акушинском диалекте встречается как в соседстве с гласными среднего и нижнего подъема, так и в соседстве с гласными верхнего подъема. Тому свидетельством могут послужить такие примеры: *гІур* ‘потом’, *дугІ* ‘прочь’, *лугІи* ‘число’, *лугІес* ‘считать’, *лугІэна* ‘гладкий’, *лугІмат* ‘благо’, *бигІес* ‘украсть’ и т.д. Как видно, гласные верхнего подъема *и* и *у* могут соседствовать с ларингальным звонким *гІ* с обеих сторон, слева и справа, и в этом отношении никаких дистрибутивных ограничений не существует.

а) Губно-губные

Б — губно-губной звонкий спирант. При его артикуляции губы сближаются друг к другу, образуя узкую щель, но не соприкасаются. Довольно близок к русскому фрикативному *в*. Поэтому для его обозначения гораздо удобнее и точнее было бы употребление символа *в*, как это имеет место в трудах П.К. Услара, Л.И. Жиркова, Н.С. Трубецкого и др., но, к сожалению, в алфавите даргинского языка принятой оказалась буква *б*.

Природа спиранта *б* в научной литературе по даргинскому языку трактуется довольно противоречиво. Недоразумения в трактовке данного согласного в определенной степени восходят к мнению П.К. Услара, [1892, 8], который писал: "Прислушиваясь к произношению туземцев, мы явственно слышим то *в*, то *б*, но даже в одном и том же слове один звук беспрестанно заменяет другой. Утвердительно можно сказать, что наши *б* и *в* смешиваются в хюркилинском *в*". Таким образом, в даргинском *б* (по авторской транскрипции *в*) П.К. Услар одновременно находит нечто общее как с русским фрикативным *в*, так и со смычным *б*. Эта неопределенность в усларовской характеристике губно-губного *б* и породила в работах последующих исследователей даргинского языка массу противоречий и ошибок. Но почему-то в этих противоречиях и ошибочных толкованиях возобладаало мнение, согласно которому даргинский спирант стал квалифицироваться как смычный, отождествляя с русским смычным *б*, а не со спирантом *в*, хотя П.К. Услар, сравнивая с этими согласными русского языка, не отдавал предпочтения ни тому, ни другому, фактически же даргинский губно-губной *б* имеет определенное тождество с русским фрикативным *в*, а не со смычным *б*. Так, например, Л.И. Жирков [1926, 9], создавший грамматику даргинского языка на базе вышеуказанного труда П.К. Услара, губно-губной *б* называет "затворным" и транскрибирует его, как и П.К. Услар, через *в*, но рядом с *в* приводит и символ *ν*, указывая при этом, что "отсутствует различие между *в* и *ν* как между фонемами" [Там же, 7]. Языковые факты Л.И. Жирков так же фиксирует то с *в*, то *ν*. Например, слово 'волк' фиксируется с *в*: *вицI* (52), а слово 'олень' — с *ν*: *варткел* (54) и т.д., хотя фактически в этих словах представлен один и тот же звук, а не два тождественных звука. К тому же нет объяснения тому, для чего понадобилось автору вводить два символа (*в* и *ν*), если обозначаемые ими звуки не имеют какого-либо различия и являются абсолютно тождественными.

Сравнение П.К. Усларом даргинского губно-губного *б* с русскими губными согласными *в* и *б* привело Л.И. Жиркова к мнению о наличии в даргинском двух тождественных губно-губных смычных, а мнение Л.И. Жиркова получило дальнейшее распространение, обрастая все больше и больше разного рода уточнениями, дополнениями и даже экспериментальными данными этих "смычных".

В этом отношении особенно примечательны взгляды Н.С. Трубецкого и Ш.Г. Гаприндашвили.

Н.С. Трубецкой останавливается на характеристике интересующего нас губно-губного согласного даргинского языка: "Фонологическая противоположность между *в* и *у* ... неизвестна в даргинском. Напротив, в даргинском языке существует факультативное вариантное соотношение между звуками *в* и *у* (как в кубачинском), — т.е. в каждом слове *в* может заменяться через *у* без изменения значения и без побуждения впечатления ошибки в произношении. В языковом сознании эти два фонетических варианта связываются в одну фонему — звонкий (der Media) лабиального ряда, значит — *в*" [Trubetzkoy 1931, 36]. В сводной таблице согласных автор перечисляет данный звук среди смычных.

Как видно, мнение Н.С. Трубецкого относительно природы губно-губного *б* довольно прозрачно совпадает отчасти с мнением П.К. Услара, отчасти с мнением Л.И. Жиркова. Автор вслед за П.К. Усларом повторяет положение о взаимной замене согласных *в* и *у* без изменения значения слова и без побуждения впечатления ошибки. Вслед же за Л.И. Жирковым Н.С. Трубецкой полагает, что в даргинском языке существуют два факультативных фонетических варианта смычного *в*.

Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 103—107; 229—294] подверг экспериментальному анализу оба "смычных," посвятив каждому из них в своей монографии по фонетике даргинского языка самостоятельный раздел, а также отдельный раздел об их соответствии в диалектах даргинского языка.

В отличие от Л.И. Жиркова и Н.С. Трубецкого, Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 103] полагает, что эти оба звука являются самостоятельными фонемами и в доказательство этого приводит массу экспериментальных данных и ряд языковых фактов: "Рентгенограмма смычно-взрывного *б* в слове *уба* 'мать' в произношении хайдакца свидетельствует об энергичной смычке губ. Смычка губ осуществляется почти всей площадью губных подушек. Одновременно губы плотно прилегают к верхним и нижним резцам". Приводятся и другие экспериментальные данные согласного *б*, полученные с помощью микрофонной записи, осциллографического, лабиографического, рентгенографического и прочего изучения. В качестве иллюстрации смычно-взрывного *б* приводится также слово *бакIуб* 'пришел' (III гр. кл.) в произношении "кебах-мулебкинца". Таким образом, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, губно-губной согласный, обозначаемый автором, как и в современном алфавите даргинского языка, через *б* (по транскрипции Л.И. Жиркова и Н.С. Трубецкого — *у*), несомненно, является самостоятельной смычно-взрывной фонемой.

Что же касается второго губно-губного смычного, существующего по мнению Л.И. Жиркова и Н.С. Трубецкого как фонетический вариант *у* и обозначаемого авторами буквой *в*, то относительно природы этого звука Ш.Г. Гаприндашвили также высказывается несколько оригинально. По мнению автора, данный согласный (транскрибируется через *б*~) также является смычным, вернее, "полноцен-

ным смычным" в абсолютном начале и конце слова и "спиранто-подобным" смычным в позиции между гласными. Для иллюстрации "спирантоидального характера" смычного $\tilde{b}$ Ш.Г. Гаприндашвили приводит слово 'мост' в произношении "кебах-мулебкинца": *џуби* [Там же, 106]. Для иллюстрации же характера "полноценного смычного" автор приводит слова *бакџиб* 'пришел' и *џубри* 'небеса' "в произношении представителей тех диалектов, где засвидетельствован звук $\tilde{b}$ " [там же, 107]. А где же засвидетельствован звук $\tilde{b}$? По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, "звук $\tilde{b}$ характерен для диалектов урахинского типа. Встречается данный смычный также и в некоторых говорах акушинского диалекта, а также в части переходных диалектов и говоров от цудахарского к диалектам и говорам урахинского и акушинского типов" [Там же, 106].

Определение ареала распространения "смычного" $\tilde{b}$ довольно расплывчатое: "в некоторых говорах...", "в части переходных диалектов и говоров" (?). Но не это главное в данном случае. Главное в том, что Ш.Г. Гаприндашвили считает $\tilde{b}$ смычным, по укладу речевых органов отличающимся от b только малой энергичностью артикуляционной смычки губ. В другом месте своей монографии Ш.Г. Гаприндашвили звук $\tilde{b}$ называет "билабиальным звонким размычным" и подчеркивает, что он отличается от смычно-взрывного b "почти полным отсутствием момента взрыва, который заменен простым размыканием смычки губ" [Там же, 106, 292]. Таким образом, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в даргинском языке существуют два губных согласных, один из которых является "смычно-взрывным", а другой — "смычно-размычным".

Ш.Г. Гаприндашвили высказывает ряд новых теоретических положений относительно природы рассматриваемых согласных в диалектах даргинского языка и приводит примеры соответствий последних. По свидетельству автора, "размычный $\tilde{b}$ имеем в губденском говоре акушинского диалекта". "Из диалектов цудахарского типа размычный $\tilde{b}$ встречается в хайдакском, однако данный звук в последнем оставляет акустическое впечатление скорее спиранта w . Следует отметить, что в тех говорах хайдакского диалекта, в которых налицо переход $\tilde{b} \rightarrow w$ в абсолютном конце слова (в каких именно говорах это происходит автор не называет. — З.А.), наблюдаем и субституцию между b и m . Последнее обстоятельство говорит о склонности b уподобиться размычному $\tilde{b}$ урахинского типа, закономерно чередующемуся с m " [Гаприндашвили 1966, 293].

В этих авторских положениях имеется ряд неясностей. Во-первых, неизвестно, b какого диалекта имеет "склонность уподобиться размычному $\tilde{b}$ урахинского типа". Во-вторых, неизвестно какими языковыми фактами можно подтвердить наличие в хайдакском перехода $\tilde{b}$ в w . Таких фактов у автора, к сожалению, нет. В-третьих, у автора нет никаких фактов, доказывающих как субституцию b и m в хайдакском, так и "закономерного чередования" размычного $\tilde{b}$ и m в хюркилинском диалекте. Фактически же ни фонологически, ни фонетически не существует ни субституции b и m в хайдакском, ни чередования $\tilde{b}$ и m в хюркилинском. Существует, например,

соответствие хюркилинского *м* акушинскому спиранту *б*, но это соответствие имеет место не как фонетическое чередование, а как соответствие алломорфных суффиксов. Ср. хюрк. *нам* 'мне' — акуш. *наб*, хюрк. *нушим* 'нам' — акуш. *нушаб* и т.д. (здесь *м* и *б* в названных диалектах являются суффиксами дательного падежа). Существуют также случаи, когда *б* в хюркилинском диалекте подвергается ассимиляции *м*: *вакIуб* + *мад* → *вакIуммад* 'как только пришел', *бэжыб* + *мад* → *бэжыммад* 'как только сделал' и т.д. Здесь сочетание *б* и *м* на стыке морфем дает *мм*, т.е. наблюдается регрессивная ассимиляция, а не фонетическое чередование *б* и *м* в силу их артикуляционной близости. В хюркилинском диалекте нет чередования спиранта *б* и смычного *м*, равно как нет в хайдакском субституции "смычного *б*" и смычного *м*.

Ш.Г. Гаприндашвили полагает наличие размычного *б̃* в губденском говоре. Но, по мнению автора, данный согласный здесь "не всегда оставляет впечатление размычного звука. Часто на его месте выступает смычно-взрывной *б*". Это обстоятельство следует объяснить тем, что исторически размычный звук *б̃* не был характерным для данного говора и лишь впоследствии появился в нем под влиянием урахинского диалекта: *БакIиле*, *синкани хIārсиле саби* 'придя, посмотрел медведь'. В данном предложении в слове *бакIиле* налицо размычный *б̃*, а в слове *саби* — смычно-взрывной *б*.

ХIу бIубкIубилан кабике 'ты ложись как мертвый'. В слове *бIубкIубилан* имеем два *б̃*, а в слове *кабике* налицо смычно-взрывной *б*" [Гаприндашвили 1966, 293].

Во-первых, в словах *бакIиле* и *саби* представлен один и тот же звук, а не два разных, причем он является спирантом. Слово же *хIārсиле* в авторской фиксации имеет неточность: фиксируется фарингальный *ä*, фактически же представлен *а*. Во-вторых, в слове *бIубкIубилан* представлены не два размычных, а три спиранта. Третий спирант автор фиксирует как смычный *б*. Между этими тремя *б* в данном слове и *б* в слове *кабике* нет никакой разницы. Фактически все они представляют собой один и тот же спирант. В-третьих, приведенные примеры ни в коей мере не доказывают влияния хюркилинского диалекта на губденский говор. Спирант *б* в одинаковой мере существовал и существует как в хюркилинском диалекте, так и в говоре аула Губден. Данный спирант характерен для всего даргинского языка и ни один из его диалектов и говоров не составляет исключения. Поэтому утверждение Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 293], что "наличие или отсутствие размычного *б̃* может служить отличительным признаком диалектов урахинского типа от диалектов акушинского типа", не имеет под собою научной почвы, так как нет в даргинском языке вообще и в указанных диалектах, в частности, ни смычного *б*, ни размычного *б̃*. По недоразумению или недопониманию ими подменяется спирант. Впрочем, в даргинском языке, в частности в хюркилинском диалекте, существует смычно-взрывной *б*, но только в нескольких звукосимволических и инфантилизованных словах. К ним, в частности, относятся: *бев* 'крик,

пение бугая' (звукосимволическое слово), *бан* 'падение' (в детской речи, инфантилизованное слово). Замена начального смычно-взрывного *б* спирантом может обесмыслить эти слова. Смычно-взрывной *б* в этих словах существенно отличается от спиранта *б*, например, в словах: *бэжыб* 'сделал', *баклуб* 'пришел' (III кл.), 'пришли' (I, II кл.) и т.д. В силу того обстоятельства, что в даргинском языке смычно-взрывной *б* существует в исключительно малом и ограниченном количестве языковых фактов, причем эти слова являются звукосимволическими или же инфантилизованными, общедаргинский губно-губной спирант обозначается символом *б*, используемым в русском языке для обозначения смычно-взрывного согласного. При учете этого обстоятельства можно избежать как путаницы мнимого смычно-взрывного *б* и подлинного спиранта *б*, так и представления их идентичными и взаимозаменяемыми звуками.

Можно отметить и такой факт. В труде П.К. Услара нет звукосимволических и инфантилизованных слов, в которых функционирует подлинный смычно-взрывной *б*. Надо полагать, что автору было неизвестно существование данного звука. Это обстоятельство вполне могло способствовать утверждению автора, а вслед за ним и Н.С. Трубецкого, о том, что смычно-взрывной *б* и спирант *в* могут заменять друг друга без изменения значения слова и без побуждения впечатления ошибки в произношении. Отсутствие одного из них, а именно смычно-взрывного *б* (за исключением незасвидетельствованных авторами некоторых звукосимволических и инфантилизованных слов), не могло побуждать впечатления ошибки в произношении и изменения значения слова. Действительно, создается впечатление, что носители даргинского языка не обратят внимания, будет ли, скажем, слово 'ударить' произнесено со смычным *б*: *бэхъес* или же со спирантом *в*: *вэхъес*. Больше того, при необходимости усиления эмоциональности глагольного действия, особенно в позиции абсолютного начала, это слово в речи может быть произнесено даже с подчеркнутым смычным *б*. Но все это не является нормой и не говорит, что данный согласный в самом деле является смычно-взрывным звуком. По подлинной природе своей данный звук является спирантом, и нормой его образования и функционирования в языке является спирантная артикуляция. Спирант *б* характерен для всех диалектов даргинского языка. Все, что написано о смычно-взрывном *б* и смычно-размычном *б̃*, об их соответствии в диалектах даргинского языка, об отличии диалектов друг от друга или противопоставлении их друг другу по наличию или отсутствию смычно-размычного *б̃* и т.д., не имеет почвы под собой и является напрасным трудом, так как этих звуков нет в даргинском языке. Во всех языковых материалах, приведенных в научной литературе для свидетельства наличия этих согласных, фактически представлен губно-губной звонкий спирант.

В — губно-губной звонкий спирант. При его артикуляции вытянутые вперед губы округляются и как бы отходят назад. Поэтому его можно было бы называть округленным губно-губным спирантом или

спирантом нисходящей лабиальности. П.К. Услар, Л.И. Жирков, Н.С. Трубецкой транскрибируют его через *w*. Ш.Г. Гаприндашвили пользуется для его обозначения буквой даргинского алфавита *в*.

Следует отметить, что в трудах названных исследователей даргинского языка постоянно путаются губно-губной звонкий спирант *в* и добавочная лабиальная артикуляция согласных, обозначаемая ими также чере *w*. Это недоразумение настолько запутало авторов, что некоторые из них добавочную лабиальную артикуляцию согласных стали выдавать за второй самостоятельный губно-губной согласный. Получается своего рода парадокс: с одной стороны, признается существование так называемых лабиализованных согласных и добавочную лабиальную артикуляцию этих согласных обозначают через *w*, с другой — этот же *w* в этих же языковых фактах отделяется от согласного и выдается за самостоятельную фонему. Как ни странно, такие взаимоисключающие взгляды встречаются в научной литературе. Так, Ш.Г. Гаприндашвили [1956; 1966, 221] признает наличие лабиализованных согласных в диалектах даргинского языка и для обозначения добавочной артикуляции губ пользуется символом *w*. Вместе с тем эту же добавочную лабиальную артикуляцию согласных, обозначаемую символом *w*, он квалифицирует как губно-губной щелинный спирант [Гаприндашвили 1966, 50]. Наряду с этим "губно-губным щелинным спирантом" Ш.Г. Гаприндашвили отмечает и "губно-зубной щелиный спирант *в*".

Следует отметить, что у Ш.Г. Гаприндашвили существует полная противоречий теория относительно так называемого "губно-губного щелинного спиранта *w*" и ряда связанных с ним фонетических явлений. Поэтому мы этого вопроса коснемся специально в разделе, посвященном лабиализованным согласным, так как фактически в даргинском языке нет такого самостоятельного звука и мнимый "губно-губной щелинный спирант *w*" представляет собой всего лишь добавочную артикуляцию губ при образовании многочисленных лабиализованных согласных.

Что же касается спиранта *в*, то он по артикуляции является губно-губным, а не губно-зубным. Причем данный спирант является самостоятельной фонемой, а не вариантом мнимого губно-губного щелинного *w*, как это полагает Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 51]: "Губно-губной и губно-зубной спиранты *w* и *в* являются вариантами одной и той же фонемы. Появление того или иного варианта обусловлено позиционно или склонностью тех или иных говоров к губно-губной или губно-зубной артикуляции интересующего нас звука".

Спирант *в* характерен для всего даргинского языка, всех его диалектов и говоров без исключения и употребление его как самостоятельной фонемы не обусловлено позиционными или иными особенностями языка. Он встречается во всех позициях (в начале, внутри и в конце слова) и во всех дистрибуциях. В этом отношении спирант *в* как единица фонологического уровня не имеет функциональных ограничений. Что же касается его морфемного функционирования, то в даргинском языке, как известно, он употребляется в ка-

честве показателя *l* (мужского) грамматического класса и как таковой, как морфема, как единица уровня морфологии, он имеет некоторые особенности: в начале слов мужского класса перед гласными *y* и *u* классный показатель *в* опускается, точнее, замещается латентным ларингалом *ь*.

Как бы сравнивая и подчеркивая различие "губно-губного *w*" и "губно-зубного *в*", Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 50] описывает их экспериментальные данные в общем разделе, озаглавленном "Губно-губной щелинный *w* и губно-зубной щелинный *в*". Но при фиксации языковых фактов наблюдается подмена одного из них другим, чаще подлинный спирант *в* подменяется мнимым спирантом *w*: *гьawэхъэс* 'прогнать', *гьawихъис* 'истечь', *гьawухъис* 'убежать', *гьawуцис* 'повести', *гьawwакъис* 'выйти', *гьawсакъис* 'выставиться' и т.д. Во всех этих усларовских примерах Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует *w* ("губно-губной щелинный"), а не *в* ("губно-зубной щелинный"), хотя в других местах символом *w* он обозначает добавочную лабиальную артикуляцию согласных: *врхъис* 'подняться, влезть', *хьврхъис* 'спуститься', *гъъанцла* 'глухой' (у Гаприндашвили: *гъъанцл*, с. 224), *къъэнкъ* 'нос' (у Гаприндашвили: *къъанкъ*, с. 224), *гъъоза* 'кобыла' (у Гаприндашвили: *гъъадза*, с. 224), *гъъэI* 'запах' (у Гаприндашвили: *гъъаэ*, с. 224), *къони* 'живот' (у Гаприндашвили: *къани*, с. 224) и т.д. В тех и других примерах разные вещи Ш.Г. Гаприндашвили обозначает одним и тем же знаком и тем самым путает их. Между тем в первой группе примеров, заимствованных автором из труда П.К. Услара, фактически представлен губно-губной спирант *в*, в то время как во второй группе фактов представлена лишь добавочная лабиальная артикуляция различных согласных: *x^w*, *g^w*, *k^w*, *g^w*, *k^w* и т.д.

Приведем несколько примеров с губно-губным округленным спирантом *в*: *вава* 'цветок', *гьава* 'воздух', *вэв* 'крик', *дэв* 'война', *варгьы* 'бурка', *ваца* 'мышь', *вацла* 'лес', *гьавал* 'четыре', *мэва* 'круг' и т.д.

Ф — губно-губной глухой спирант. Встречается лишь в звуко-символических словах *гьуфикъес* 'дуть', *гьуфикъан* 'дудка, трубка, из которой дуют для разжигания огня'. С.Н. Абдуллаев [1954, 26] пишет: "Буквой *ф* мы обозначили своеобразный губно-губной звук, который слышится в слове *гьуфикъес* 'дуть'. Наряду с этим буква *ф* употребляется в написании многих слов, заимствованных из русского языка (*фабрика*, *факт*, *февраль* и др.)". А.А. Магометов [1963, 360] критикует С.Н. Абдуллаева за признание наличия в даргинском языке губно-губного *ф* и включение его в таблицу согласных, полагая, что это не оправдывается звуковой системой даргинского языка вообще.

Существование звука *ф*, хотя в ограниченном количестве языковых примеров, является фактом языковой действительности, поэтому вслед за С.Н. Абдуллаевым мы также включаем его в систему согласных даргинского языка.

С — переднеязычный (зубно-альвеолярный) глухой спирант. Является самостоятельной фонемой, встречается во всех позициях и дистрибуциях. При образовании спиранта с губы как бы растягиваются в стороны, а язык приближается к основаниям верхних резцов, оставляя довольно значительную артикуляционную щель для фонационного воздуха. Проходя сквозь артикуляционное сужение между альвеолами и верхней спинкой переднего языка, фонационный поток воздуха создает впечатление глухого свиста.

Приведем несколько примеров на свистящий спирант с: *сурс* 'глотка', *сусул* 'рожь', *сурат* 'рисунок, портрет', *сурсам* 'материальные ресурсы', *сәгләт* 'час, часы', *санигләт* 'привычка', *гәйса* 'посох', *дис* 'нож', *киса* 'карман' и т.д.

З — переднеязычный (зубно-альвеолярный) звонкий спирант. Артикуляционно довольно близок к спиранту с. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 53], "для образования свистящего звонкого спиранта з диалектов даргинского языка спинка переднего языка сближается с верхними резцами и у основания их коронок образует артикуляционное сужение незначительной высоты. При этом кончик языка опущен вниз и упирается в середину коронок нижних резцов, оставляя нетронутыми вершины последних. Голосовые связки при артикуляции спиранта з периодически вибрируют".

Спирант з является самостоятельной фонемой и употребляется во всех позициях и дистрибуциях. Несколько примеров: *зулму* 'гнет, насилие', *зарал* 'ущерб', *зен* 'ущерб', *жуз* 'книга', *зубари* 'звезда', *гәзәб* 'мука', *дазу* 'граница', *мез* 'язык, речь' и т.д.

Ш — переднеязычный (альвеолярный) глухой спирант. При его образовании боковые полосы спинки переднего языка прилегают к небу, губы несколько вытянуты вперед. По месту артикуляционной щели спирант ш несколько более заднего образования, чем глухой спирант с, но переднего образования по сравнению со звонким спирантом ж. Спирант ш — самостоятельная фонема, функционирующая во всех позициях и дистрибуциях. В диалектном отношении не имеет каких-либо специфических особенностей своей артикуляции: *шин* 'вода', *шагьар* 'город', *шиша* 'стекло', *ши* 'аул, село', *шури* 'камень, скала', *ьуриши* 'сын, мальчик', *шәм* 'свеча', *шаддеш* 'радость', *шала* 'свет', *вашес* 'ходить' и т.д.

Ж — переднеязычный (альвеолярный) звонкий спирант. По своей артикуляции близок к глухому спиранту ш, образуется путем сближения переднего языка с альвеолами, губы вытянуты вперед. Артикуляционная щель, через которую проходит фонационный поток при образовании спиранта ж, несколько уже, чем у спиранта ш. Спирант ж также является самостоятельной фонемой, функционирует во всех позициях и дистрибуциях, не располагает в диалектном отношении какими-либо отличительными особенностями своей артикуляции. Несколько примеров: *ьаждагьа* 'дракон', *ьажал* 'смерть', *жакьа* 'кабан', *жижкIа* 'болячка', *мажар* 'кремневое ружье', *гьаж* 'хадж' (мусульманская святыня, место паломничества), *хIәжланкIа* 'кукуруза', *ХIәжи* 'Гаджи' (имя мужское) и т.д.

Хь — среднеязычный глухой спирант. По свидетельству экспериментальных данных Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 75—76], артикуляционное сужение у спиранта хь образуется у перехода мягкого нёба в твердое, а соприкосновение языка имеет место в области передней части мягкого и в задней части твердого нёба. Спирант хь характерен для всех диалектов, является самостоятельной фонемой и функционирует во всех позициях и дистрибуциях: *хурхьу* 'море', *хьунул* 'жена', *хьамхьа* 'пена', *хьулухь* 'пузырь', *махьы* 'хутор', *хьар* 'низ', *хьул* 'желание', *хьанцла* 'синий' и т.д.

Й — среднеязычный звонкий спирант. Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 73—74], отмечает что данный спирант образуется в средней части твердого неба или несколько сзади, что он имеет довольно широкое артикуляционное сужение и т.д. Вместе с тем трудно согласиться с Ш.Г. Гаприндашвили [там же, 74], когда он утверждает, что "Спирант й в диалектах даргинского языка встречается, главным образом, в составе нисходящих дифтонгов, хотя наблюдаются и случаи его наличия в составе восходящих дифтонгов, в словах, заимствованных из других языков".

Дело в том, что даргинский язык по слогообразующей природе гласных не знает дифтонгов, ни нисходящих, ни восходящих. Дифтонги чужды даргинскому языку вообще. Спирант й встречается во всех позициях. Что же касается дистрибутивных свойств функционирования спиранта й, то он почти не встречается в позиции после согласного (за исключением мужского имени *Йэхлѳа* 'Яхья'), а в интервокальной позиции, в абсолютном начале и конце слов функционирует широко, нередко встречается также в позиции перед согласными: *далай* 'песня', *кьалай* 'олово', *йѳбу* 'лошадь', *йарагъ* 'оружие', *йусру* 'янтарь', *кьѳйда* 'порядок, образ', *пайда* 'польза', *хьѳхьы* 'ярлыга', *хьѳхьѳ* 'челюсть', *кьайгьы* 'старание', *лайла* 'женское пение', *кьуйрукъ* 'хвост' и т.д.

г) Заднеязычные

К заднеязычным спирантам относятся три звука: *ѳ*, *гъ*, *х*.

Ѓ — заднеязычный звонкий спирант. Для его обозначения в алфавите даргинского языка нет специальной буквы, в письме он передается буквой *г*, используемой также для передачи заднеязычного смычно-взрывного согласного. Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 122—123] транскрибирует его через *г̃*, считая его не спирантом, а смычным спирантоидом: "Звук *ѳ* (по транскрипции автора *г̃*. — З.А.) в диалектах урахинского типа является звонким, гоморганным со спирантом *хь* (по транскрипции автора *к̃*. — З.А.). В диалектах цудахарского типа ему соответствует гемината *кк* (по транскрипции автора *к̃*. — З.А.), равно как и смычно-взрывному *г*. Данное соответствие, априори, исключает возможность отнесения звука *ѳ* к ряду спирантов. Палатографическое изучение артикуляции данного звука... показало, что *ѳ* в диалектах даргинского языка является смычным спирантоидом, а не спирантом" ... "Гоморганные, но гетерогенные звуки *ѳ* и *хь*

диалектов даргинского языка не могут быть компонентами одной и той же изначальной системы" [Там же, 123].

Положения Ш.Г. Гаприндашвили довольно противоречивы и спорны. С ними трудно согласиться. Автор считает *ǰ* смычным на основании того, что в некоторых диалектах ему соответствует смычный напряженный *кк*. Можем добавить, что хюркилинскому *ǰ* в других диалектах могут соответствовать и другие смычные, например: *г*, *дждж*. Но эти соответствия не могут служить аргументом для утверждения того, что *ǰ* является смычным, а не спирантом. Для нас данный согласный несомненно является спирантом, и никакое палатографическое или иное изучение не может нас убедить в обратном. Трудно понять также, почему для Ш.Г. Гаприндашвили эти звуки одновременно являются "гоморганными, но гетерогенными", ведь эти понятия являются противопоставляемыми и по этой причине "гоморганные" не могут быть "гетерогенными". Стало быть, звуки *ǰ* и *хь*, являясь гоморганными звуками, не могут быть гетерогенными по отношению друг к другу. К тому же, если заднеязычный *ǰ* является гоморганным по отношению к среднеязычному *хь*, то он в той же мере является гоморганным и по отношению к другому среднеязычному, а именно к *й*.

Надо полагать, что заднеязычный спирант *ǰ* является гоморганным и по отношению к другим заднеязычным спирантам *гъ* и *х*. Согласные *гъ*, *х*, по отношению к которым можно считать гоморганным спирант *ǰ* и спирантный характер которых никем не оспаривается, представлены во всех диалектах даргинского языка. Вместе с тем спиранту *х* хюркилинского диалекта в других диалектах может соответствовать смычный *къкъ*. Например, хюрк. *бухура* 'отнес' — хайд. *букъкъибда*. Но разве на основании этого соответствия можно утверждать, что хюркилинский *х* является смычным, а не спирантом? Ни априори, ни апостериори такое утверждение не может соответствовать языковой действительности, а потому считаться правильным. Аналогичным же образом не может быть признано правильным и положение, согласно которому хюркилинский спирант *ǰ* считается смычным на основании его соответствия смычному *кк* диалектов цудахарского типа (кстати, в так называемых диалектах цудахарского типа звонкую напряженную *гг* Ш.Г. Гаприндашвили подменяет глухой напряженной *кк*).

Приведем несколько примеров с заднеязычным спирантом *ǰ*: *ǰули* 'овчинка', *ǰуми* 'мост', *даǰ* 'вчера', *барǰес* 'найти', *берǰес* 'съесть' (ср. *бергес* 'завернуть' и 'смолотить'), *ǰа* 'дай' (ср. *га* 'уголь'), *ǰаги* 'мотив, мелодия' (ср. *аги* 'не было') и т.д.

Гъ — заднеязычный глоттизованный звонкий спирант. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 95], при образовании спиранта *гъ* "спинка заднего языка артикулирует в сторону заднего края мягкого неба", надкорневая часть языка артикулирует к задней стенке фаринкса, но не так сильно, как это наблюдается при образовании спиранта *х*.

Спирант *гъ* функционирует во всех позициях и дистрибуциях, является самостоятельной фонемой и характерен для всех диалектов

даргинского языка. Несколько иллюстраций из литературного языка: *дагъа петух*’, *гъай* ‘разговор, язык’, *гъургъашин* ‘свинец’, *гъуриша* ‘серый’, *ъаргъ* ‘погода’, *гъамси* ‘близкий’, *гъэгъэ* ‘гравий’, *гъуц* ‘копье’, *гъэй* ‘сани’, *дергъ* ‘бой’ и т.д.

Х — заднеязычный глухой спирант. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 98—99], “артикуляционное сужение этого звука расположено у переднего края мягкого неба”, “надкорневая часть спинки языка по сравнению с корнем языка несколько сдвинута к задней стенке фаринкса”, спирант *х*, по сравнению со звонким *гъ*, является звуком более заднего образования.

Спирант *х*, как и спирант *гъ*, функционирует во всех позициях и дистрибуциях, является самостоятельной фонемой и характерен для всего даргинского языка. Несколько примеров: *хэ* ‘собака’, *хур* ‘липа (дерево)’, *хив* ‘орех’, *мах* ‘поклажа’, *хуху* ‘старушка’, *хасият* ‘привычка’, *хамха* ‘тело’, *рахаж* ‘цепь’, *барха* ‘мерка веса в 24 кг’, *бурх* ‘потолок’, *хес* ‘принести’, *бахес* ‘накормить’ и т.д.

д) Аспираты

К аспиратам мы относим два спиранта: фарингальный *хI* и ларингальный *эб*.

ХI — фарингальный спирант. С.Н. Абдуллаев [1954, 25] относит его к звонким, а Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 83] — к глухим. Кроме того в научной литературе существует целый ряд и других противоречий относительно природы и функционирования фарингального спиранта *хI*. Так, например, С.Н. Абдуллаев [1954, 27] полагает, что звук *хI*, как и согласный *гI*, в акушинском диалекте встречается исключительно в соседстве с гласными среднего и нижнего подъема, т.е. только в соседстве с гласными *е(э)*, *а*, *э*, но ни в коем случае в соседстве с гласными верхнего подъема *и* и *у*. С таким утверждением, естественно, трудно согласиться, ибо языковые факты не подтверждают его. Приведем некоторые из них: *хIу* ‘ты’, *хIули* ‘глаз’, *хIула* ‘колесо’, *хIураба* ‘войско’, *пухI* ‘пыль’, *мухIли* ‘рот’, *хIли* ‘кровь’, *хIилла* ‘хитрость’, *хIисаб* ‘задача’, *хIухIли* ‘ржание’, *хIилхIли* ‘еле-еле’, *лихIли* ‘ухо’, *бихIес* ‘держать, сохранять’ и т.д. Фарингальный спирант *хI* в даргинском языке встречается в соседстве с любым гласным, в этом отношении нет никакого исключения, ни для гласных среднего и нижнего подъема, ни для гласных верхнего подъема.

В связи с природой и функционированием фарингального спиранта *хI* обращает внимание и одно положение А.А. Магометова [1963, 49]: “В диалектах даргинского языка фарингализованный заднеязычный спирант *х* дает рефлекс — фарингальный *хI*:

эх (кубач. диал.): *эхI* (урах. диал.) ‘хороший’,
ххэб (кубач. диал.): *хIэб* (укр. диал.): *хI^вэб* ‘могила’,
пэхху (кубач. диал.): *бэхIу* (урах. диал.) ‘прохлада’,
пэх (кубач. диал.): *пэхI* (урах., уркар. диал.) ‘отряхнуть’,
хIэбэхий (кубач. диал.) ‘подраться’: *бэхIэс* (урах. диал.) ‘схватиться’.

В приведенных примерах хюркилинский и уркарахский *хI* А.А. Ма-

гометов характеризует как рефлекс арбукского (кубачинского) и хайдакского *х*. Как известно, рефлекс понимается как следствие, вторичное явление, вызываемое другим. Стало быть, по мнению А.А. Магометова, хюркилинский фарингальный спирант *хI* является вторичным явлением. А вторичное явление — не фонема, а модификация, вариант фонемы. Значит, спирант *хI* в хюркилинском диалекте не является фонемой, а представляет собой вариант фонемы *х*. Однако дело в том, что в отдельных случаях арбукскому и хайдакскому заднеязычному спиранту *х* в хюркилинском соответствует фарингальный спирант *хI*, и это соответствие само по себе не говорит ни о первичности *х*, ни о вторичности *хI*. Хюркилинский фарингальный спирант *хI* является такой же самостоятельной фонемой, какой является арбукский заднеязычный спирант *х*. Ни один из этих согласных не является рефлексом другого, во всяком случае такое утверждение должно быть доказано, а не только высказано.

Отмечу, наконец, что в примерах А.А. Магометова две хюркилинские формы фиксированы неточно: фиксируется *эхI*, а должно быть *гIэхI*, фиксируется *бэхIḡ*, а должно быть *бэхIу*. В одной форме автор пропускает ларингальный смычно-взрывной *гI*, а в другой фиксирует фарингальный *ḡ*, хотя в хюркилинском диалекте нет такого фарингального гласного.

Утверждая, что хюркилинский фарингальный спирант *хI* является рефлексом арбукского заднеязычного спиранта *х*, А.А. Магометов ссылается на положение Ш.Г. Гаприндашвили: "При сравнении лексического материала диалектов даргинского языка выявляется соответствие между ларингальными и фарингальными спирантами, с одной стороны, и заднемягконебными спирантами, с другой. В основе данного соответствия лежит переход исходных ларингальных и фарингальных спирантов в заднемягконебные, обусловленный общей тенденцией разрушения системы фарингальных и ларингальных, засвидетельствованной в горских иберийско-кавказских языках (А.С. Чикобава).

хI → *х*: *ахIэл* (урах.) → *ахал* (нижн. хайд) 'гость'; *хI^{wa}аб* (урах.) → *хэw* (нижн. хайд.) 'могила'..." [Гаприндашвили, 1956, 33].

Таким образом, Ш.Г. Гаприндашвили ведет речь о соответствии ларингальных и фарингальных спирантов заднемягконебным спирантам, причем автор считает исходными первых, т.е. ларингальных и фарингальных спирантов. В качестве иллюстрации автор приводит переход *хI* → *х*. Судя по этому, надо полагать, что Ш.Г. Гаприндашвили заднемягконебный спирант *х* считает рефлексом фарингального спиранта *хI*, т.е. утверждает обратное тому, что пишет А.А. Магометов. Справедливости ради отметим, что в фиксации языковых фактов Ш.Г. Гаприндашвили допускает неточности: у автора фиксируется хюркилинская форма *ахIэл*, но это неточно, должно быть *эухIэл*; фиксируется *хI^{wa}аб*, должно быть *хI^{wa}эб*; фиксируется хайдакская форма *ахал*, а должно быть *эаххал* (с напряженным *хх*).

Если утверждение о том, что фарингальный спирант *хI* является рефлексом заднеязычного спиранта *х* (А.А. Магометов), нельзя счи-

тать доказанным, то в той же мере недоказанным остается и положение, согласно которому *xI* является исходным по отношению к *x* (Ш.Г. Гаприндашвили). Спиранты *xI* и *x* в даргинском языке не являются рефлексам друг друга, а представляют собой самостоятельные фонемы, имеющие соответствия между собой в отдельных фактах диалектов даргинского языка.

Гь — ларингальный глухой спирент. Является дистинктивной фонологической единицей. Встречается во всех позициях и дистрибуциях. Образуется выдыханием артикуляционного воздуха из легких через свободную и открытую гортань. В силу такой артикуляции спирент *гь* является глухим во всех позициях и дистрибуциях, поэтому не адекватным представляется положение, согласно которому "спирент *гь* между гласными часто теряет глухость и озвончается. Этим этот спирент отождествляется с гласным звуком" [Гаприндашвили 1966, 86]. Тут, очевидно, имеет место присвоение глухому спиренту *гь* свойств окружающих его гласных. Если следовать этому принципу, то ошибочным может оказаться и положение, согласно которому при артикуляции спиранта *гь* "губы находятся в индифферентном положении" [там же], так как перед лабиальными гласными, в частности, перед гласными *у*, при артикуляции спиранта *гь* губы как бы округляются и вытягиваются вперед. Но это фактически свойство гласного *у*, а не спиранта *гь*. По отношению к последнему утверждение об индифферентном положении губ остается верным.

Приведем некоторые иллюстрации к ларингальному глухому спиренту *гь*: *гыгь* 'дыхание', *гьими* 'желчь, зло', *гье* 'семена', *гьуни* 'дорога', *гьава* 'воздух', *мегь* 'железо', *шагьар* 'город', *магьар* 'брак, бракосочетание' (Ш.Г. Гаприндашвили это слово переводит неточно: 'один из сортов злака', с. 86), *варгьы* 'бурка' и т.д.

АФФРИКАТЫ

Группа аффрикат даргинского языка состоит из шести фонем: *ц*, *цI*, *дж*, *ч*, *чI*, *дж*.

Ц — переднеязычная зубно-альвеолярная глухая аффриката. Характерна для всех диалектов и говоров даргинского языка. В диалектном отношении артикуляционных отличий не имеет и характеризуется единообразием. При образовании аффрикаты *ц* спинка переднего языка смыкается с небом в области оснований верхних зубов, а в последующем это смыкание переходит в щель. Встречается во всех позициях и дистрибуциях. Несколько примеров: *ца* 'один', *ваца* 'мышь', *цула* 'зуб', *лац* 'стена', *ьуниц* 'бык', *ьарц* 'деньги', *кьэца* 'козел', *бацес* 'вспахать' и т.д.

ЦI — переднеязычный зубно-альвеолярная глухая абруптивная аффриката. В научной литературе носит еще название "смычно-гортанной аффрикаты" (Е.А. Бокарев, Ш.Г. Гаприндашвили). Если принять во внимание, что аффриката обычно понимается как полусмычный, полущелевой или смычно-щелевой звук, то название аффрикаты *цI* "смычно-гортанной" представляется не совсем точным, так как в этом названии не получила своего отражения щелевая рекурсия данного

согласного, не совсем понятна также "гортанность" данной переднеязычной аффикаты. Очевидно, "гортанность" аффрикаты *ɟl* исходит из "абруптивности", так как абруптив обычно понимается как смычно-гортанный звук, при произнесении которого одновременно со смычкой во рту наблюдается и вторая смычка в гортани между голосовыми связками. Если это так, то возникает необходимость внести некоторые коррективы в такое понимание "абруптивности" применительно к аффрикатам даргинского языка, да и не только даргинского, так как при артикуляции этих согласных (переднеязычных аффрикат) нет участия гортани вообще, ни в смычке, ни в щелевой рекурсии. Губно-губной *nɪ* и дентальный *mɪ* также принято относить к так называемым "абруптивным" согласным, хотя в их образовании участие гортани также не наблюдается. Все указанные согласные являются непридыхательными. Поэтому "непридыхательность" представляется по отношению к данным согласным более адекватной, чем "смычно-гортанность". Эту адекватность мы и будем иметь в виду в дальнейшем использовании термина "абруптив". Теперь несколько примеров в аффрикате *ɟl*: *ɟla* 'огонь', *ɟлерɟl* 'кузнечик, саранча', *ɟлули* 'зерно', *беɟl* 'волк', *ваɟla* 'лес', *муɟлур* 'борода' и т.д.

Дз — переднеязычная зубно-альвеолярная звонкая аффриката. В современном алфавите даргинского языка для ее обозначения нет специальной буквы и передается через *з*. В научной литературе по даргинскому языку об аффрикате *дз* существуют довольно противоречивые толкования. Существует более или менее утвердившееся общее мнение, согласно которому в диалектах цудахарского типа (цудахарском, хайдакском, арбуksком) отсутствует звонкая аффриката *дз* и данной аффрикате диалектов хюркилинского и акушинского типов соответствует здесь глухая аффриката *ɟ*. Такое мнение порождено и получило свое распространение, очевидно, в силу того обстоятельства, что некоторые представители диалектов цудахарского типа не совсем четко представляют себе различие между аффрикатами *дз* и *ɟ* и, стараясь упростить письмо, вместе *дз* пишут *ɟ*. К тому же эти аффрикаты по своей артикуляции исключительно близки друг к другу и в этом отношении совершенно справедливо указание Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 135]: "Дентография нижних зубов показывает большое сходство артикуляции аффрикат *дз* и *ɟ*". Следует отметить, что даже представители хюркилинского и акушинского диалектов имеют тенденцию заменять в письме аффрикаты *дз* и *дж* аффрикатами *ɟ* и *ч*, хотя наличие первых в данных диалектах ни у кого не вызывает сомнения. Например, в таких мужских именах как *Чупан*, *Чупалав* пишут аффрикату *ч*, хотя фактически здесь представлена звонкая аффриката *дж*. Совершенно аналогична замена звонкой аффрикаты *дз* глухой аффрикатой *ɟ* или спирантом *з* и в таких словах: *заб* 'дождь' (фактически: *дзаб*), *бац* 'луна, месяц' (фактически: *бадз*), *дурац* 'соха' (фактически: *дурадз*) и т.д.

Такая стихийная замена аффрикаты *дз* аффрикатой *ɟ* или спирантом *з* не отражает подлинной картины звуковой действительности. Если в литературном языке эту замену можно объяснить в какой-то степени отсутствием в алфавите специального символа для аффрикаты *дз*, то

при изучении диалектов, при описании их звуковой системы фиксация какого-либо другого звука вместо аффрикаты *дз* отражает определенный взгляд исследователя. Например, А.А. Магометов [1963, 45] полагает, что хюркилинской аффрикате *дз* в арбуксом диалекте соответствуют *цц* (перед гласным) и *ц* (в ауслауте). Для иллюстрации этого положения он приводит такие примеры:

арб.	<i>уцце</i>	—	хюрк.	<i>удзи</i> 'брат'
	<i>цце</i>	—		<i>дзи</i> 'соль'
	<i>цциххин</i>	—		<i>дзиххини</i> 'перекладина'
	<i>дāц</i>	—		<i>дурадз</i> 'соха'
	<i>гIуц</i>	—		<i>удз</i> 'плотный'.

А.А. Магометов [там же, 44] пишет: "В кубачинском диалекте ныне нет звонких аффрикат *дж* и *дз*, имеющих в урахинском диалекте". Почему "ныне"? А прежде? Одним словом, по мнению автора, в арбуксом диалекте нет звонкой аффрикаты *дз*.

Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 133, 237—245; 1953], полагает, что в арбуксом диалекте, а также в хайдакском, представлены звонкие аффрикаты *дз* и *дж*, полученные из спирантов в соседстве с предыдущими сонантами, а также полученные в результате аффрикатизации исходных заднеязычных смычно-взрывных согласных. Стало быть, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в арбуксом диалекте представлена звонкая аффриката *дз*, но как вторичное явление, полученное из исходного спиранта. Исходным же спирантом, дающим аффрикату *дз*, автор считает *з*. В частности, даются такие примеры на аффрикату *дз*: *азгындзив* "ленивый" (← *азгынзив*), *бара ѓтIундзиб* 'красноватый' (← *ѓтIунзиб*), *сугьундзиб* 'какой' (← *сугьунзиб*) [Гаприндашвили 1966, 239].

Проверка показала, что в приведенных Ш.Г. Гаприндашвили примерах арбукского диалекта фактически представлен спирант *з*, и он не дает аффрикаты *дз*. Не существуют формы *азгындзиб*, *ѓтIундзиб*, *сугьундзиб* (с аффрикатой *дз*), а представлены только: *язгынзиб*, *ѓтIунзиб*, *сугьунзиб* (со спирантом *з*).

Что же касается утверждения А.А. Магометова относительно соответствия арбукских *ц* и *цц* хюркилинскому *дз*, то можно было бы подтвердить его адекватность языковой действительности, если бы не сомнение (возможно, субъективное), что и в арбуксом диалекте мы имеем дело со звонкой аффрикатой *дз* (по Магометову: *ц*) и напряженной аффрикатой *дзdz* (по Магометову: *цц*). Почему-то и здесь кажется, что имеем дело с обычной тенденцией замены подлинных аффрикат *дз* и *дзdz* кажущимися *ц* и *цц*, так как наблюдаются случаи, когда стихийность подобной тенденции из принципа упрощения становится фактом действительности из принципа упрощенчества. Во всяком случае в арбукских словах 'соха', 'плотный' и т.д. нам слышится звонкая аффриката *дз*: *дāдз*, *гIудз*, а в словах 'сестра', 'брат', 'дверь', 'небо', 'соль', 'перекладина' и т.д. — напряженная аффриката *дзdz*: *ѓудзdze*, *ѓудзdze*, *ѓудзdzа*, *дзdzаб*, *дзdze*, *дзdzиххин*.

Трудно категорически утверждать, что в этих словах арбукского диалекта представлены именно звонкие аффрикаты *дз* и *дзdz*, так как

не исключена возможность восприятия таковыми глухих аффрикат *ц* и *цц* в силу идентичности основных артикуляционных свойств данных согласных. Для такого утверждения необходимо подобрать и тщательно изучить весь языковой материал по всему комплексу диалектов даргинского языка. Имеющиеся же в научной литературе сведения о природе противопоставляемых звонких и глухих аффрикат в диалектах даргинского языка не дают сколько-нибудь ясной картины и противоречивы в своей сущности.

Наличие звонкой аффрикаты *дз* в хюркилинском и акушинском диалектах, а также в литературном даргинском языке не подвергается сомнению. Приведем несколько примеров: *дзе* 'соль', *дзаб* 'дождь', *хьардзаб* 'заря', *бадз* 'луна, месяц', *дурадз* 'соха', *медз* 'язык, речь', *гадза* 'кирка', *дзандзи* 'колючка', *ьудзи* 'брат', *рудзи* 'сестра', *ьундза* 'дверь', *дзубри* 'небо', *дзихини* 'потолочная перекладина' и т.д.

Ч — переднеязычная альвеолярная глухая аффриката. Существует во всех диалектах даргинского языка. Функционирует как самостоятельная фонема во всех позициях и дистрибуциях. По своим артикуляционным особенностям весьма похожа на звонкую аффрикату *дж*. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 145] "дентограммы нижних зубов при аффрикате *ч* в диалектах даргинского языка не отличаются от дентограмм аффрикаты *дж*", "... артикуляционная смычка осуществлена посредством упора спинки задней части переднего языка в основание альвеол верхних резцов".

Несколько примеров с аффрикатой *ч*: *чи* 'кто', *чум* 'сколько', *чар* 'точило', *мучи* 'просо', *вачар* 'торговля', *чарма* 'бочка', *ьурчи* 'конь, лошаля', *йалчи* 'рабочий', *варачан* 'поток' и т.д.

Чл — переднеязычная альвеолярная абруптивная аффриката. Понятие "абруптивности" носит здесь, как и относительно аффрикаты *чл*, условный характер, исключая "гортанности" данной аффрикаты и предполагая ее отнесенность к группе непридыхательных согласных. Аффриката *чл* представлена во всех диалектах даргинского языка, функционирует как самостоятельная фонема во всех позициях: *члан* 'плетеная корзина', *члим* 'вершок', *члчлала* 'змея', *члимичлала* 'ресница', *мурчл* 'прут', *мурчлали* 'воск', *члэр* 'крик, вопль', *чликла* 'цыпленок', *члэнкла* 'половик', 'лисий', *члэнкл* 'поляна' и т.д.

Дж — переднеязычная альвеолярная звонкая аффриката. В современном даргинском алфавите для ее обозначения нет специальной буквы и передается через *ж*. В научной литературе по даргинскому языку об аффрикате *дж*, как и об аффрикате *дз*, существуют разноречивые мнения. Признавая ее наличие в хюркилинском и акушинском диалектах, а также в литературном языке, исследователи полагают, что аффриката *дж* в диалектах цудахарского типа (цудахарском, хайдакском, арбукском) отсутствует. Такого мнения придерживается и Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 133]. Вместе с тем он в этих диалектах свидетельствует наличие аффрикаты *дж*, полученной из спيرانтов в соседстве с предыдущими сонантами, а также полученной в результате аффрикатизации исходных заднеязычных смычно-взрывных согласных. В подтверждение своего предположения Ш.Г. Гаприн-

дапвили [там же, 237—239] приводит целый ряд примеров из хайдакского и арбукского диалектов. Но проверка доказала, что во всех этих примерах фактически представлен спирант *ж*, и он не дает аффрикаты *дж*, наличие последней носителями данных диалектов не признается.

А.А. Магометов [1963, 44—45] пишет, что "урахинской шипящей аффрикате *дж* в кубачинском соответствует звонкий спирант *ж* или гемината *чч*:

кубач. <i>жанавар</i>	срв. урах.	джанавар 'зверь'
<i>жумагI</i>		джумагI 'неделя'
<i>жине</i>		джинц 'порода, род'
кк <i>"ачче</i>		г ^в аджа 'сука'
<i>вимччий</i>		имджис 'разогреться',*

Соответствие арбукского звонкого спиранта *ж* хюркилинской аффрикате *дж* в действительности имеет место. Что же касается напряженной *чч*, то здесь у нас возникает то же самое сомнение, что и относительно соответствия арбукского напряженного *цц* хюркилинской аффрикате *дз*. Нам представляется, что в арбукском диалекте представлена напряженная аффриката *дждж* и именно она соответствует хюркилинской аффрикате *дж*. Во всяком случае для такого предположения хайдакский диалект дает обильный материал. Все это, однако, подлежит тщательной проверке.

Приведем несколько примеров на аффрикату *дж*: *джан* 'душа, жизнь', *джине* 'род, порода', *джал* 'спор', *джаназа* 'труп', *дердж* 'напиток', *дараджа* 'состояние' и т.д.

По способу и месту своего образования согласные литературного даргинского языка могут составить примерно такую классификационную таблицу (см. табл. 3).

При описании артикуляционных и функциональных особенностей согласных даргинского языка отмечалось, что они употребляются во всех дистрибуциях. Это положение нуждается в некотором уточнении.

Дело в том, что функционирование согласных даргинского языка находится в тесной связи с законами слогообразования, а слоговые морфемы, как известно, имеют определенную структуру. Следовательно, дистрибутивную свободу согласных следует понимать не как безграничное разнообразие сочетаемости звуков, а сочетаемость в рамках закономерных структур. Проиллюстрируем сказанное на функционировании, скажем, фарингального смычного *хь*. Интервокальная дистрибуция функционирования фарингального *хь* является абсолютной, он может употребляться в окружении любого гласного. При этом предшествующий ему гласный является слогообразующим и служит границей слогаделения, а следующий за этим гласным фарингальный *хь* является начальным компонентом последующего слога. Несколько

* Хюркилинские формы слов 'зверь', 'неделя', 'сука' автор фиксирует с неточностями, должны быть: *джанивар*, *джумагI*, г^в*оджа*.

Таблица 3

Место		Способ		Шумные								
		Сонорные		Спиранты			Смычные			Аффрикаты		
		смычно-проходные										
Передне-язычные		боковой	носовые	вibrant	глухие	звонкие	глухие	абрупт.	звонкие	глухие	абрупт.	звонкие
	Губно-губные		М		Ф	Б, В	П	ПІ				
	Зубные	Л	Н				Т	ТІ	Д			
	Зубно-альвеол.				С	З				Ц	Ш	ДЗ
	Альвеоларн.			Р	Ш	Ж				Ч	ЧІ	ДЖ
	Среднеязычные				ХЬ	Й						
	Заднеязычные				Х	Ѓ, ГЬ	К	КІ	Г			
	Фарингальные					ХІ	ХЬ	КЬ	КЬ			
	Ларингальные				ГЬ			Ь	ГІ			

примеров интервокального функционирования фарингального хь: *ми-хь-ири* 'грудь' (*и+хь+и*), *му-хь-и* 'ячмень' (*у+хь+и*), *ба-хь-ал* 'много' (*а+хь+а*), *ѡа-хь-ес* 'пройти, преодолеть' (*а+хь+е*), *бѡ-хь-ес* 'ударить' (*ѡ+хь+е*), *бе-хь-ес* 'разрушить' (*е+хь+е*), *бу-хь-ес* 'расстаться' (*у+хь+е*), *бу-хь-ѡна* 'длинный' (*у+хь+ѡ*) и т.д.

Как видно из приведенных примеров, фарингальный хь имеет свободную интервокальную дистрибуцию. Этого, однако, нельзя сказать относительно его употребления в окружении согласных. Это и понятно, так как в даргинском языке сочетание двух согласных, относящихся к одному и тому же слогу, возможно лишь в немногочисленных односложных словах, а в многосложных словах такое сочетание вовсе исключается. Приведем несколько односложных слов, где фарингальный хь следует за другим согласным: *делхь* 'танец' (*лхь*) *дерхь* 'хлев' (*рхь*), *ѡанхь* 'сад' (*нхь*), *тамхь* 'лямка' (*мхь*), *чѡбхь* 'плеск' (*бхь*).

В многосложных словах фарингальный хь также может предшествовать другому согласному или же следовать за ним, но в том и другом случае оба согласные относятся к разным слогам. Несколько примеров: *хѡѡрхь-си* 'быстрый' (*хьс*), *хьис-хѡа* 'паук' (*схь*), *бухь-лухь* 'пиявка' (*хьл*), *бахь-раж* 'сковородка' (*хьр*), *ѡахь-деш* 'высота' (*хьд*), *хѡѡй-хьи* 'ярлыга' (*йхь*), *хѡѡш-хѡѡри* 'болячка' (*шхь*), *ѡахьтерек* 'тополь' (*хьт*), *бахь-ли* 'многие' (*хьл*), *бахь-хІи* 'долго' (*хьхІ*), *бахь-ба-ѡес* 'увеличиться' (*хьб*), *чѡб-хьин* 'нашествие' (*бхь*), *ѡухь-на* 'старик' (*хьн*) и т.д.

Как видно, количество сочетаемых с фарингальным хь согласных ограничено: *лхь* — *хьл*, *хьс* — *схь*, *хьн* — *нхь*, *хьр* — *рхь*, *хьб* — *бхь*, *хьд*, *щхь*, *йхь*. Среди них нет ни аффрикат, ни смычных (за исключением *т*, *д*), ни целого ряда спирантов. Поэтому сочетаемость фарингального хь с другими согласными обусловлена определенными рамками закономерных структур.

Аналогичными рамками обусловлена сочетаемость и других согласных.

Следует отметить одно важное обстоятельство, касающееся всей системы согласных даргинского языка. Речь идет об оппозиции согласных по веляризации ~ палатализации. В научной литературе нередко указывается наличие или отсутствие какого-либо из этих признаков того или иного согласного, противопоставляя его тем самым другому согласному. Между тем система согласных даргинского языка характеризуется именно отсутствием противопоставления по веляризации ~ палатализации. Даргинскому языку чуждо противопоставление согласных по твердости и мягкости.

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Система согласных даргинского языка характеризуется рядом звуковых процессов. К таким, в частности, относятся: выпадение, наращение и ассимиляция согласных. Эти процессы в основном характерны для литературного даргинского языка, а также для хюркилинского и акушинского диалектов. Здесь нет ни аффрикатизации, ни фарингализации, ни чередования согласных, характерных для других диалектов даргинского языка, в частности, для диалектов так называемой цудахарской группы (цудахарского, хайдакского, арбуковского). В литературном языке встречаются и некоторые другие процессы, но они носят в основном спорадический характер. Это явление озвончения или оглушения, субституции, метатезы и т.д.

Остановимся вкратце на каждом из фонетических процессов в системе согласных литературного языка.

Выпадение согласных

Процесс выпадения согласных в даргинском языке носит фономорфологический характер. Выпадение согласных или комплекса согласных в основном наблюдается при образовании коррелятивных видовых основ глагола, форм деепричастий, при образовании косвенных падежей (чаще: эргативного и родительного) и т.д. Процесс выпадения не является однородным по позиции, занимаемой согласными или комплексами согласных, которые подвергаются этому процессу. Здесь наблюдаются случаи апокопы, синкопы, афerezиса, элизии и др. Следует отметить, что круг согласных, которые подвергаются выпадению, довольно ограничен. Это в основном сонорные согласные: *л, н, р*. Важно также подчеркнуть, что процесс выпадения согласных сопровождается другими фонетическими явлениями: заменой смежного звука или звукового комплекса другим, транспозицией звуков, манифестацией фонем и т.д.

Обратимся к некоторым иллюстрациям процесса выпадения согласных. При образовании основы несовершенного вида из совершенного наблюдаются такие случаи. Выпадает вибрант *р* перед корневым согласным, замещается также префиксальный классный показатель: *бердес* 'скосить' — *ьудес* (несоверш.), *берцес* 'спастись', — *ьуцес* (несоверш.), *бертес* 'свернуться' — *ьутес* (несоверш.) и т.д. В этих примерах наблюдается не только выпадение *р* и варьирование

префиксального классного показателя, но и аблаутное чередование гласных *e* и *y*. Получается как бы замена звукового комплекса *бер* комплексом *ьy*. Когда в аналогичном звуковом комплексе участвует гласный *u*, то в форме несовершенного вида он остается неизменным, хотя происходит выпадение тех же *p* и *b*: *бирьбес* 'сшить' — *ьибес* (несоверш.), *бирьзес* 'подойти' — *ьизес* (несоверш.). Аналогично сохраняется и гласный *y*: *бурькьес* 'вскопать' — *ьукьес* (несоверш.), *бурьдес* 'износиться' — *ьудес* (несоверш.), *бурьхьес* 'кастрировать' — *ьухьес* (несоверш.) и т.д.

Представлены случаи, когда при образовании форм несовершенного вида выпадает *p* и гласный *e* заменяется гласным *y*, но префиксальный классный показатель остается, не выпадает и не замещается: *беркес* 'съесть' — *ьукес*, *берьдес* 'съесть' — *ьудес*, *берьдъес* 'выпить' — *ьудъес*, *берьхьес* 'плодоносить' — *ьухьес*, *белчлес* 'прочитать' — *ьучлес* и т.д. В этих примерах представлена как бы замена звукового комплекса *бер* комплексом *ьy*.

При образовании несовершенного вида глагола представлены также случаи, когда комплекс *бел* заменяется комплексом *лу*, т.е. наблюдается выпадение префиксального классного показателя, аблаутное чередование гласных *e* и *y* с транспозицией следующего за ними согласного *л*: *белклес* 'написать' — *луклес*, *белсес* 'сплести' — *лусес*, *делкьес* 'смолотить' — *лукьес*, *делглес* 'сосчитать' — *луглес*, *балглэс* 'постричь' — *луглэс* и т.д. В последнем примере в обоих видовых комплексах представлен один и тот же гласный *э* и нет аблаутного чередования.

В приведенных иллюстрациях образования несовершенного вида из совершенного в начальной позиции представлены комплексы: в совершенном виде *бер*, *бир*, *бур*, *бел*, в несовершенном виде комплексы: *ьи*, *ьy*, *ьy*, *ьу*. В трех комплексах совершенного вида (*бер*, *бир*, *бур*) представлен вибрант *p* и при образовании форм несовершенного вида он исчезает. Причем у комплекса *бер* в одних случаях, наряду с вибрантом *p*, выпадает и префиксальный классный показатель, имея в соответствие в несовершенном виде комплекс *ьy*, а в других случаях — сохраняется, имея в соответствие в несовершенном виде комплекс *ьy*. В двух звуковых комплексах совершенного вида (*бир*, *бур*), наряду с вибрантом *p*, выпадает и префиксальный классный показатель, точнее замещается латентным ларингалом *ь*.

Как видно, наблюдается довольно сложное переплетение разных морфонологических изменений. Объяснить природу происходящих процессов на базе каких-либо фонетических условий довольно трудно, нет видимых причин дистрибутивного свойства. Трудно сказать, почему звуковой комплекс совершенного вида *бер* при образовании несовершенного вида в одних случаях имеет соответствие *ьy*, а в других случаях — *ьy*: *беркес* — *ьукес*, но *бердес* — *ьудес*. Это трудно объяснить и каким-либо влиянием корневых согласных, перед которыми выступают эти звуковые комплексы, хотя, казалось бы, иной причины тут найти невозможно. Но если бы причина скрывалась в различии корневых согласных, то, очевидно, в формах, скажем, *бердес* — *ьудес* и *бертес* — *ьутес* комплекс совершенного вида *бер* также должен был бы иметь в несовершенном виде разные соответствия. Однако,

несмотря на различие корневых согласных, представлены одинаковые соответствия: комплексу совершенного вида *бер* в обеих формах несовершенного вида соответствует один и тот же комплекс *бу*.

По всей вероятности единственной причиной выпадения вибранта *p* и замещения префиксального классного показателя в приведенном материале является образование коррелятивных видовых форм глагола. Кстати, при образовании видовых форм наблюдаются и другие процессы: наращение, замена, транспозиция звуков и звуковых комплексов. О них пойдет речь ниже.

Отметим здесь еще некоторые случаи выпадения согласных. Этот процесс довольно широко представлен в литературном языке, а также в хюркилинском и акушинском диалектах при образовании форм эргативного и родительного падежей. Как правило, в словах, оканчивающихся в номинативе на *л*, *н*, *ли*, *ла*, эти конечные согласные и звуковые комплексы при образовании эргативного и родительного падежей выпадают.

ном.	эрг.	ген.
хьунул 'жена'	хьунуй	хьуна
мурул 'муж'	муруй	мура
къэл 'корова'	къэй	къэ
тлал 'столб'	тлай	тла
тлул 'палец'	тлуй	тлу
хлэйван 'животное'	хлэйвай	хлэйва
ватлан 'родина'	ватлай	ватла
къэли 'ветка'	къэй	къэ
хлэли 'жир'	хлэй	хлэ
чличлала 'змея'	чличай	чличла
дуьала 'щепка'	дуьай	дуьа и т.д.

Процесс выпадения *л*, *н*, *ли*, *ла* при образовании форм эргативного и родительного падежей имеет свои определенные условия и закономерности. Как известно, падежными формантами эргатива и генитива являются соответственно *-ли* и *-ла*. Поэтому при образовании данных падежных форм от слов, оканчивающихся на *л*, *н*, *ли*, *ла*, возникают сочетания двух однородных согласных или звуковых комплексов: *лл(и, а)*, *нн(и, а)*, *лил(и, а)*, *лал(и, а)*. Несколько примеров с полными формами эргатива и генитива: хьунул 'жена' — хьунулли (эрг.), хьунулла (ген.); ватлан 'родина' — ватланни (←ватланли, эрг.), ватланна (←ватланла, ген.); къэли 'ветвь' — къэлили (эрг.), къэлила (ген.); чличлала 'змея' — чличчали (эрг.), чличчалала (ген.) и т.д.

По законам словообразования комплексы *лл* и *нн* расчленяются и сочетающиеся однородные согласные оказываются компонентами разных слогов. Тем не менее литературный язык, а также хюркилинский и акушинский диалекты избегают подобного рода стечения однородных и звуковых комплексов в именных формах. Это специфическое свойство названных диалектов является и причиной, обуславливающей выпадение сочетаний однородных согласных и звуковых комплексов *лл(и, а)*, *нн(и, а)*, *лил(и, а)*, *лал(и, а)* в формах эргатива и генитива.

Следует отметить, что в научной литературе вопрос о выпадении согласных некоторыми исследователями даргинского языка сводится к выпадению комплексов *лл* и *нн* в формах эргатива и генитива. Подтвержденность аналогичному процессу выпадения сочетаний однородных звуковых комплексов *лили*, *лила*, *лали*, *лала* почему-то остается вне поля зрения этих исследователей, хотя эти комплексы выпадают при образовании тех же форм эргатива и генитива в тех же диалектах. Причем причиной выпадения звуковых комплексов *лл* и *нн* считается не специфичность диалектов, а интервокальная позиция этих комплексов [Гаприндашвили 1966, 202]. Да, действительно комплексы *лл*, *нн* возникают в интервокальной позиции. Но это "условие" является фатальным, а иной позиции не может существовать ни один комплекс согласных. Поэтому выпадение комплексов *лл* и *нн* в формах эргатива и генитива не следует, на наш взгляд, ставить в зависимость фатального признака. Если бы интервокальная позиция сама по себе была причиной выпадения согласных и их комплексов в литературном языке, а также в хюркилинском и акушинском диалектах, то едва ли в группе диалектов цудахарского типа эти же комплексы в той же интервокальной позиции уцелели безо всяких изменений. К тому же в литературном языке и в его базовом акушинском диалекте процесс выпадения комплексов *лл* и *нн* не является всеобщим. Он представлен при образовании именных форм эргатива и генитива, но в формах 3 л. условного наклонения глагола, а также в формах некоторых временных деепричастий эти комплексы сохраняются безо всяких изменений, хотя тоже находясь в интервокальной позиции. Несколько примеров: *баралли* 'если сделает', *вакIалли* 'если придет', *белчIалли* 'если прочтет', *белчIунна* 'с тех пор, как прочел', *белкIунна* 'с тех пор, как написал' и т.д.

Что же касается хюркилинского диалекта, то здесь процесс выпадения сочетаний однородных согласных и звуковых комплексов *лл(и, а)*, *нн(и, а)*, *лил(и, а)*, *лал(и, а)* при образовании именных форм эргатива и генитива имеет ряд своеобразных последствий. Особенно существенными для фонетической структуры хюркилинского диалекта являются последствия выпадения звуковых комплексов при образовании формы родительного падежа. Здесь мы наблюдаем возникновение долготы гласных, их модификацию, лабиализацию согласных и т.д. Проиллюстрируем характер этих изменений некоторыми примерами. Родительный падеж от слова *хьунул* 'жена' должен был иметь форму *хьунул-ла*, но имеем *хьун^ωō*. Здесь комплекс *лл* выпадает, в результате чего предыдущий гласный *у* модифицируется в долгий *ō*, а согласный *н* — лабиализуется. Аналогичные изменения являются закономерными в словах, оканчивающихся на *-ул*: *кIуцIул* 'ложка' — *кIуцI^ωō* (←*кIуцIул-ла*), *бул* 'петля' — *б^ωō* (←*бул-ла*), *губул* 'палец ноги' — *губ^ωō* (←*губул-ла*), *гI^ωэбул* 'гвоздь' — *гI^ωэб^ωō* (←*гI^ωэбул-ла*), *хIэк^ωул* 'лопух' — *хIэк^ωō* (←*хIэк^ωул-ла*), *пэхIул* 'птичье перо' — *пэхI^ωō* (←*пэхIул-ла*), *тIул* 'палец руки' — *тI^ωō* (←*тIул-ла*), *ьуриц^ωул* 'дрова' — *ьуриц^ωō* (←*ьуриц^ωул-ла*), *сусул* 'овес' — *сус^ωō* (←*сусул-ла*),

къарапул 'монета' — къарап^ω̄ (←къарапул-ла), мушул 'борьба' — муш^ω̄ (←мушул-ла) и т.д.

Комплекс *ни* с последующим его выпадением, в результате чего предшествующий гласный *у* модифицируется в долгий *ō*, а согласный — лабиализуется, наблюдается при образовании родительного падежа от слов, оканчивающихся на *-ун*: бук^лун 'чабан' — бук^л̄^ω̄ (←бук^лун-на←бук^лун-ла), сап^нун 'мыло' — сап^н̄^ω̄ (←сап^нун-на←сап^нун-ла), нук^ьун 'мука из жареного зерна' — нук^ь̄^ω̄ (←нук^ьун-на←нук^ьун-ла), май^мун 'обезьяна' — май^м̄^ω̄ (←май^мун-на←май^мун-ла), мэлг^лун 'негодник' — мэлг^л̄^ω̄ (←мэлг^лун-на←мэлг^лун-ла) и т.д. Как видно, комплекс *ни* возникает здесь в результате прогрессивной ассимиляции: согласный *л* форманта генитива *ла* под влиянием предшествующего согласного *н* ассимилируется.

Морфемные комплексы *лила*, *нила*, которым предшествует гласный *у*, также подвергаются выпадению с последующей модификацией последнего в долгий *ō* и лабиализацией согласного. Несколько примеров: ц^лули 'зерно' — ц^л̄^ω̄ (←ц^лули-ла), х^лули 'глаз' — х^л̄^ω̄ (←х^лули-ла), ж^ули 'овчинка' — ж̄^ω̄ (←ж^ули-ла), зурк^ьули 'доска' — зурк̄̄^ω̄ (←зурк^ьули-ла), гь^уни 'дорога' — гь̄̄^ω̄ (←гь^уни-ла).

Мы привели иллюстрации ряда случаев выпадения комплексов согласных *лл*, *нн* в хюркилинском диалекте. В материалах, иллюстрирующих выпадение морфемных комплексов *лила*, *нила*, в конечном счете также имеем дело с выпадением комплексов *лл*, *нн*. Этот процесс протекает здесь примерно так: х^лули → х^лул(и)-ла → х^лул(л-л)а → х^лу-а → х^л̄^ω̄; гь^уни → гь^ун(и)-ла → гь^ун-ла → гь^ун-на → гь^у(н-н)а → гь^у-а → гь̄̄^ω̄. Как видно, сначала выпадает беглый гласный *и*, потом этому процессу подвергаются комплексы *лл*, *нн*, после чего за гласным *у* непосредственно следует гласный *а*, а сочетание *у + а* в хюркилинском диалекте закономерно дает гласный *о*, что в свою очередь обуславливает лабиализацию предшествующего согласного. Наблюдается, таким образом, цепь взаимообусловленных и друг с другом тесно связанных фонетических изменений. Нарушение или отсутствие какого-либо звена в этой цепи ведет к иным последствиям. Когда выпадающим комплексам согласных *лл*, *нн* предшествует лабиальный гласный *у*, то происходит модификация последнего в долгий гласный *ō* и лабиализация смежного с ним согласного. Если же перед выпадающим комплексом согласных вместо *у* представлен какой-либо другой гласный, то в зависимости от природы этого гласного изменения могут иметь некоторые отличительные особенности. Так, например, если перед выпадающим комплексом согласных окажется гласный *а*, то выпадение такого комплекса согласных (*лл* или *нн*) сопровождается возникновением возместительной долготы этого предшествующего гласного: м^ллал 'столб' — м^л̄̄ (←м^ллал-ла), в^{ам}л^{ан} 'родина' — в^{ам}̄̄ (←в^{ам}л^{ан}-на←в^{ам}л^{ан}-ла), х̄^али 'дом, комната' — х̄̄̄ (←х̄^али-ла), ш̄^али 'бок' — ш̄̄̄ (←ш̄^али-ла) и т.д. Если перед комплексом согласных окажется гласный *э*, то изменения наблюдаются двоякого рода: в одних случаях гласный *э* получает возместительную долготу: к̄̄̄^эл 'корова' — к̄̄̄̄̄ (←к̄̄̄̄̄^эл-ла), х̄^лэл 'душевное состояние' — х̄̄̄̄̄ (←х̄^лэл-ла) и т.д., а в других изменения происходят иного порядка.

Здесь имеются в виду слова, оканчивающиеся в абсолютной форме на *-ли* и имеющие в генитиве сочетающиеся морфемные комплексы *-лила*. Если перед этими комплексами представлен гласный *э*, то наблюдается выпадение аффикса генитива *-ла* и модификация беглого гласного *и* в долгий *ē*. Гласный *э* остается неизменным, так же как и смежный с ним согласный: *кьэли* 'ветвь' — *кьэлē* (←*кьэли-ла*), *хI"эли* 'жир' — *хI"элē* (←*хI"эли-ла*), *чэли* 'большая плетеная корзинка для перевозки мякиты' — *чэлē* (←*чэли-ла*) и т.д.

Как нетрудно заметить, здесь фактически не возникает комплекс *лл* и речь может идти не о его выпадении, а о выпадении форманта генитива *-ла*. Аналогичные изменения, т.е. модификация гласного *и* в долгий *ē* с выпадением форманта генитива, наблюдаются и в словах, оканчивающихся в абсолютной форме на *-ни*, причем перед *-ни* могут быть различные гласные (*э*, *и*, *о*): *хэ"эни* 'морозы' — *хэ"энē* (←*хэ"эни-ла*), *гIини* 'зима' — *гIинē* (←*гIини-ла*), *к"они* 'живот' — *к"онē* (←*к"они-ла*) и т.д.

Модификация гласного *и* в долгий *ē* с выпадением комплексов согласных *лл*, *нн* широко представлена в словах, оканчивающихся в абсолютной форме на *ил*, *ин*: *тIанил* 'нитка' — *тIанē* (←*тIанил-ла*), *хамил* 'гордый' — *хамē* (←*хамил-ла*), *гаджин* 'кувшин' — *гаджē* (←*гаджин-ла*—*гаджин-ла*), *лачин* 'сокол' — *лачē* (←*лачин-ла*—*лачин-ла*) и т.д.

Описывая выпадение формантов эргатива и генитива в хюркилинском и акушинском диалектах, С.Н. Абдуллаев [1954, 55] отмечает, что в хюркилинском диалекте выпадение форманта генитива сопровождается образованием долгих гласных, а "в акушинском диалекте этот процесс пошел дальше, и в результате долгота исчезла". Наличие почти во всех остальных диалектах даргинского языка долгих гласных делает утверждение С.Н. Абдуллаева об их наличии в историческом прошлом акушинского диалекта как бы оправданным и корректным. Вместе с тем следует подчеркнуть, что комплексы согласных *лл*, *нн* подвергаются процессу выпадения независимо от окружающих их гласных и изменений, происходящих в их природе. И не интервокальная позиция обуславливает выпадение этих комплексов, как полагает Ш.Г. Гаприндашвили, а скорее нехарактерность сочетания однородных согласных. В этом отношении, очевидно, прав С.Н. Абдуллаев [1954, 55], который пишет: "В диалектах акушино-урахинской группы стечение двух *л* или *н* в одном слове прежде было явлением недопустимым. Такое явление в настоящее время вообще не наблюдается..."

Говоря о выпадении комплексов согласных *лл*, *нн* при образовании эргатива и генитива литературного даргинского языка, а также хюркилинского и акушинского диалектов, хочется обратить внимание еще на одно положение Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 202], которое, на наш взгляд, нуждается в некотором уточнении. Автор полагает, что в некоторой части диалектов даргинского языка, в частности, в хюркилинском диалекте, а также в "губденском говоре акушинского диалекта" на месте этих выпадающих комплексов согласных наличествует ларингальный смычный *ɣ* : "Когда комплексы *нн* и *лл*,

полученные в результате ассимиляции, попадают между гласными, в одной части диалектов даргинского языка они исчезают бесследно, в другой же — на месте их имеем ларингальный смычный”. Имеются в виду формы эргатива хюркилинского диалекта и генитива губденского говора.

Следует отметить, что автор не различает в даргинском ларингального звонкого смычного *ɣ* и ларингального абруптива *ʁ* и в своих работах оба эти звука отражает одним и тем же символом *ɣ*. Поэтому несколько трудно предположить, какой из этих ларингальных автор усматривает на месте выпадающих комплексов согласных *лл*, *нн*. Независимо от этого в форме хюркилинского эргатива действительно функционирует ларингальный абруптив *ʁ*. Но считать, что этот абруптив здесь функционирует вместо комплексов *лл*, *нн* довольно трудно. Как известно, хюркилинский эргатив располагает тремя параллельно используемыми вариантами форм. Например, от слова *ʁуцул* ‘дрова’ эргатив имеет такие формы: *ʁуцу-й-ʁи-н*/*ʁуцу-й-ʁи-ни*/*ʁуцу-й*. Можно ли полагать, что в этих формах эргатива ларингальный абруптив *ʁ* является результатом фонетического изменения комплекса *лл* или *нн*? Едва ли. Во-первых, в формах эргатива представлен детерминативный суффикс *-ʁи-*, а не просто ларингальный абруптив *ʁ*. Во-вторых, фактически представлена манифестация сонанта *л* спирантом *й*, а не замена комплекса *лл* ларингалом *ʁ*. Вообще манифестация сонантов *л* и *н* спирантом *й* в формах эргатива является характерной особенностью хюркилинского диалекта. Ср.: *сикла* ‘вещь’ — эрг. *сикла-й*/*сикла-й-ʁи-н*/*сикла-й-ʁи-ни*, *супил* ‘ус’ — эрг. *супи-й*/*супи-й-ʁи-н*/*супи-й-ʁи-ни*, *буклун* ‘чабан’ — эрг. *буклу-й*/*буклу-й-ʁи-н*/*буклу-й-ʁи-ни*, *шин* ‘вода’ — эрг. *ший*/*ши-й-ʁи-н*/*ши-й-ʁи-ни* и т.д. Детерминативный суффикс *-ʁи-* в форме хюркилинского эргатива используется вовсе не на месте комплекса *лл* или *нн*, он не является также результатом фонетического изменения этих комплексов. Детерминативный суффикс *-ʁи-* в форме эргатива может функционировать также в позиции между детерминативным суффиксом *-ли-* и флексией *-н*/*-ни*. Ср.: *дирхъа* ‘палка’ — эрг. *дирхъа-ли-ʁи-н*/*дирхъа-ли-ʁи-ни*, *хламхла* ‘осел’ — эрг. *хламхла-ли-ʁи-н*/*хламхла-ли-ʁи-ни* и т.д. Форманты *-л-* и *-ʁ-* в структуре хюркилинского эргатива являются самостоятельными единицами морфологического уровня. Генетически они восходят к разным источникам.

С.Н. Абдуллаев [1954, 55] в форме губденского генитива ларингал *ʁ* не фиксирует: “В губденском диалекте эти согласные (должно быть: гласные — З.А.) не сливаются и произносятся раздельно: *хъунуа*, *урцуа* (от *урцул* ‘дрова’)”. Причиной неслияния этих гласных является, очевидно, наличие между ними латентного ларингала *ʁ*. Думается, что Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 203] более точен, фиксируя в подобных примерах губденского генитива ларингал *ʁ*: *хъунуъа*, *урцуъа* (еще точнее будет: *ʁуцуъа*), *супиъа*, *буклуъа* и т.д.

Круг согласных, подвергающихся процессу выпадения в литературном даргинском языке, а также в его основных базовых диалектах — акушинском и хюркилинском, довольно ограничен. В основном, пожалуй, это сонорные *л*, *н* и согласные, функционирующие в качестве

показателей именных грамматических классов. О выпадении сонорных *л*, *н* речь шла выше. Остановимся вкратце и на некоторых основных моментах выпадения классных показателей.

В выпадении классных показателей хюркилинский и акушинский диалекты имеют некоторые отличительные особенности. Наиболее специфические из них оказались неприемлемыми для норм литературного языка, но в ряде случаев законы этого процесса функционируют и здесь. В этой связи прежде всего следует отметить неустойчивость и тенденцию исчезновения показателя мужского класса губно-губного спiranта *в* перед гласными *у* и *и* в начальной позиции. Эту тенденцию отметил еще П.К. Услар: [1892, 13] "Слова, начинающиеся с *и* и *у*, хотя и подлежат изменениям по родам, но не принимают в единственном числе характеристической буквы мужского рода, напр. *ис* — сделаться, *ишмIал* — малый, *усис* — спать, *ухъна* — старый".

Здесь П.К. Услар описывает тенденцию исчезновения классного показателя *в* в хюркилинском диалекте. Приведенным автором хюркилинским примерам в акушинском диалекте соответствуют: *виъес*, *вишмIал* (или *вишмIаси*), *усес*, *ухъна*. Как видно, в акушинском диалекте, подтверждая закономерность исчезновения *в* в начальной позиции классного показателя *в* перед гласным *у*, вполне естественным является его соблюдение перед гласным *и*. Эта особенность акушинского диалекта стала нормой литературного языка. Следовательно, в литературном даргинском языке в начальной позиции перед гласным *у* исчезает показатель мужского класса spirant *в*. Примерами могут послужить также: *улхъес* 'танцевать' (ср. *рулхъес*, *булхъес*), *укес* 'кушать' (ср. *рукес*, *букес*), *ужес* 'пить' (ср. *ружес*, *бужес*), *учлес* 'читать, учиться' (ср. *ручлес*, *бучлес*), *умсес* 'уствовать' (ср. *румсес*, *бумсес*), *умхлес* 'резвиться' (ср. *румхлес*, *бумхлес*), *узес* 'работать, трудиться' (ср. *рузес*, *бузес*), *узи* 'брат' (ср. *рузи*, *бузи*), *уриши* 'сын, мальчик' (ср. *рурси*) и т.д.

Следует отметить, что выпадение классного spirant *в* перед гласным *у* в начальной позиции, т.е. нехарактерность их сочетания в этой последовательности (*в*+*у*) обуславливается, очевидно, близостью свойств их лабиальной артикуляции и степенью лабиальной округленности этих звуков, хотя обратный порядок их сочетания (*у*+*в*) вполне приемлем для языка. Ср. *увухъес* 'освободиться', *увацлес* 'исчезнуть', *увасес* 'убрать, снять' и т.д. Как бы то ни было при допустимости в начальной позиции сочетания *у*+*в* сочетание *в*+*у* оказывается для даргинского языка неприемлемым. Здесь spirant *в* выпадает. Эта закономерность, т.е. выпадение *в* перед *у* в начальной позиции, характерна для всех диалектов даргинского языка, следовательно, для всего даргинского языка в целом. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сочетание *в*+*у* даргинский язык не терпит лишь в начальной позиции, внутри и в конце слова такое сочетание вполне закономерно. Больше того, здесь более реальными представляются случаи, когда исчезнувший в начальной позиции перед гласным *у* классный показатель *в*, оказавшийся внутри словесной формы, восстанавливается, а гласный *у* при этом выпадает. Несколько примеров: *авцес* 'поднять'

←а+уцес←а+[в]/уцес, савцес 'взять сюда'←са+уцес←са/[в]/уцес, кавцес 'взять вниз'←ка+уцес←ка+[в]/уцес, кавхэс 'устремитесь вниз'←ка+ухэс←ка+[в]/ухэс, савхэс 'устремитесь сюда'←са+ухэс←са+[в]/ухэс, авхэс 'устремитесь вверх'←а+ухэс←а+[в]/ухэс, чевхэс 'напасть'←че+ухэс←че+[в]/ухэс, гьалавхэс 'опередить'←гьала+ухэс←гьала+[в]/ухэс, гьелавхэс 'отстать'←гьела+ухэс←гьела+[в]/ухэс, ухІнавхэс 'войти'←ухІна+ухэс←ухІна+[в]/ухэс, дуравхэс 'выйти'←дура+ухэс←дура+[в]/ухэс и т.д.

По отношению к приведенным и другим аналогичным фактам, имеющим прямое отношение как к литературному языку, так и к его базовому акушинскому диалекту, не совсем адекватным и корректным представляется следующее положение С.Н. Абдуллаева [1964, 56]: "В акушинском диалекте классный показатель I класса *в* выпадает: после префиксов места *а, ка, са, че, че-в, гьа-в, у-в, гьала, гьела*, отрицания *хІе, хІа* и запрещения *ма, ме*".

В приведенном нами материале представлены провербы, *а, ка, са, че, гьала, гьела, ухІна, дура*, после которых не только не выпадает классный показатель *в*, а наоборот — восстанавливается. Но дело здесь в том, что С.Н. Абдуллаев в своем положении не уточняет позицию действия описываемого явления. Сами по себе перечисленные автором пространственные провербы (по автору: префиксы места) не имеют принципиального значения для описываемого явления. Здесь важнее не провербы сами по себе, а конкретная звуковая дистрибуция. Кстати, вполне возможно функционирование классного спيرانта *в* и после указанных автором провербов *че-в, гьа-в, у-в: чеввалкІес* 'заблудиться', *гьаввалкІес* 'навестить', 'выйти', *увварџес* 'сделать козлом отпущения' и т.д.

В качестве иллюстраций своего тезиса С.Н. Абдуллаев приводит такие акушинские материалы с провербами *а, са, ка, че*:

аэс 'дойти вверх' (ср. *араэс, абазэс*); *саэс* 'дойти сюда' (ср. *сараэс, сабаэс*); *каэс* 'дойти вниз' (ср. *караэс, кабаэс*); *чезс* 'увидеть' (ср. *черазс, чебаэс*) и т.д.

Эти факты действительно имеют место в акушинском диалекте. Но дело в том, что здесь выпадает не классный показатель *в*, а комплекс *ва*: *аэс←аваэс, саэс←саваэс, каэс←каваэс, чезс←чеваэс*. Стало быть, в авторском материале акушинского диалекта представлено одно явление, а в утверждении — другое. Кроме того, в авторском материале имеет место выпадение комплекса *ва*, а не только классного показателя *в*, доказываемое еще тем обстоятельством, что в акушинском диалекте неизвестны случаи получения *а* из сочетания *а+а*, получения *е* из сочетания *е+а*. Между тем известны случаи выпадения не только комплекса *ва*, но и комплексов *ви, вэ, да, ди*: *хІэкьун* 'не ходил'←*хІа+[вэ]кьун*, *айэс* 'подняться вверх'←*а+[ви]эс*, *хІекІуб* 'не пришли'←*хІе+[да]кІуб*, *майрид* 'не делай'←*ма+[ди]рид* и т.д. Здесь вместо комплексов *ви, ди* употребляется спирант *й*, а комплексы *вэ* и *да* исчезают бесследно.

Что же касается отрицательной частицы *хІе (хІа)* и запретительной частицы *ма (ме)*, после которых, по мнению С.Н. Абдуллаева, также выпадает классный показатель *в*, то и здесь фактически наблюдается выпадение не одного классного показателя *в*, а комплекса,

состоящего из этого согласного и следующего за ним гласного: *xlekles* 'не прийти'—*xlevakles*, *xləkjun* 'не ходил'—*xləvəkjun*, *maklab* 'пусть не придет'—*mavaklab* и т.д.

В языковых материалах П.К. Услара и С.Н. Абдуллаева, иллюстрирующих положения авторов о выпадении показателя I класса *в*, допускается одна неточность: не фиксируется латентный ларингал *ь*. Усларовские примеры *ис*, *шумlал*, *усис*, *ухъна* и т.п. в фонологически точной фиксации должны иметь вид: *ьис*, *ьшумlал*, *ьусис*, *ьухъна*. Примеры С. Абдуллаева *азс* (*аразс*, *абазс*), *сазс* (*саразс*, *сабазс*), *казс* (*каразс*, *кабазс*), *чезс* (*черазс*, *чебазс*) и т.д. в правильной фонологической записи должны иметь вид: *ьазес* (*ьараьес*, *ьабаьес*), *ьазес* (*ьараьес*, *ьабаьес*), *ьазес* (*караьес*, *кабаьес*), *ьезес* (*чераьес*, *чебаьес*) и т.д. Латентный ларингал *ь* должен фиксироваться и во всех таких примерах, как: *ьлхъес*, *ьукес*, *ьужес*, *ьучлес*, *ьумсес*, *ьумхлес*, *ьузес*, *ьучес*, *ьузи*, *ьуриш*, *ьуахъес*, *ьувацлес*, *ьувасес*, *ьубухъес*, *ьубатес*, в превербе направления 'вверх' *ьа-* и т.д.

Классный показатель *в* не исчезает бесследно, а замещается латентным ларингалом *ь*. В начальной позиции, где утрачивается классный показатель *в*, на его месте появляется латентный ларингал *ь*. Например, в мужском классе слово */в/ухъна* 'старик' должно было иметь префиксальный классный показатель *в*, но он исчезает (ср. *рухъна*, *бухъна*). В качестве рефлекса этого классного показателя в подобных случаях должен фиксироваться латентный ларингал *ь*: *ьухъна*. Таковы и примеры: *ьузи* (ср. *рузи*, *бузи*), *ьуриш* (ср. *руриш*), *ьузес* (ср. *рузес*, *бузес*), *ьучлес* (ср. *ручлес*, *бучлес*) и т.д.

Все это свидетельствует о том, что для фонологической системы даргинского языка вообще не характерен слог, открытый в левую сторону. Во всех подобных случаях должен фиксироваться латентный ларингал.

На основании сравнительного анализа выпадения согласных и звуковых комплексов в хюркилинском и акушинском диалектах представляется возможным сделать новое предположение относительно причины принципиального различия этих диалектов в вопросе о долгих гласных. Выше отмечалось, что наличие во многих диалектах даргинского языка долгих гласных делает как бы оправданным и корректным эмпирическое утверждение С.Н. Абдуллаева об их наличии и в историческом прошлом акушинского диалекта, а также положение автора о том, что акушинский диалект, утратив долгие гласные, в своем развитии пошел дальше других диалектов. Вместе с тем, установление закономерности выпадения в данном диалекте не одного только согласного или сочетания однородных согласных, а комплекса согласного (или согласных) и следующего за ним или предыдущего гласного, дает возможность предположить, что здесь не обнаруживаются обычные условия возникновения долгих гласных, т.е. нет сочетания двух гласных. В слове, скажем, *mlal*, 'столб' при образовании акушинского генитива процесс выпадения протекает так: *mlal*→*mla(l+la)*→*mla*, т.е. выпадает не только комплекс *лл*, но и следующий за ним гласный *а*. Стало быть, нет здесь сочетания *а+а*, дающее долгий *ā*. В хюркилинском же диалекте генитив от этого

слова имеет долгий $\bar{a}$: $m\bar{l}\bar{a}$, следовательно, здесь, в отличие от акушинского, выпадает лишь комплекс $лл$, в результате чего образуется сочетание двух a , дающее долгий $\bar{a}$: $m\bar{l}al \rightarrow m\bar{l}a(l+l)a \rightarrow m\bar{l}a+a \rightarrow m\bar{l}\bar{a}$. В словах, оканчивающихся в абсолютиве на $-ул$, при образовании акушинского генитива наблюдается выпадение комплекса $лл$ то с предыдущим, то с последующим гласным: $хьунул$ 'жена' $\rightarrow хьун[ул+l]a \rightarrow хьуна$, $мурул$ 'муж' $\rightarrow муp[ул+l]a \rightarrow мура$, $m\bar{l}ул$ 'палец' $\rightarrow m\bar{l}y[l+l]a \rightarrow m\bar{l}y$ и т.д. В хюркилинском и здесь выпадает лишь комплекс $лл$: $хьунул \rightarrow хьуну[l+l]a \rightarrow хьуну+a \rightarrow хьун^{\bar{o}}$, $мурьул \rightarrow мурьy[l+l]a \rightarrow мурьy+a \rightarrow мурь^{\bar{o}}$, $m\bar{l}ул \rightarrow m\bar{l}y[l+l]a \rightarrow m\bar{l}y+a \rightarrow m\bar{l}^{\bar{o}}$ и т.д. В составе выпадающих согласных и звуковых комплексов наблюдается различие и в других словах акушинского и хюркилинского диалектов. Ср.: акуш.: $цула$ 'зуб' $\rightarrow цула+[л]a \rightarrow цула$ (ген.), хюрк.: $цула \rightarrow цула+[л]a \rightarrow цула+a \rightarrow цула^{\bar{o}}$ (ген.); акуш.: $x\bar{l}ули$ 'глаз' $\rightarrow x\bar{l}y[ли+l]a \rightarrow x\bar{l}y$ (ген.), хюрк.: $x\bar{l}ули \rightarrow x\bar{l}y[ли+l]a \rightarrow x\bar{l}y+a \rightarrow x\bar{l}^{\bar{o}}$ (ген.); акуш.: $гьуни$ 'дорога' $\rightarrow гьy[ни+l]a \rightarrow гьy$ (ген.), хюрк.: $гьуни \rightarrow гьy[ни+l]a \rightarrow гьy+a \rightarrow гь^{\bar{o}}$ и т.д.

Наличие в хюркилинском диалекте долгих гласных и отсутствие таковых в акушинском объясняется, очевидно, именно принципиальным различием состава выпадающих звуков и звуковых комплексов. Ничем иным не может быть объяснено, почему в хюркилинском мы имеем долгие гласные, а в совершенно одинаковых условиях в акушинском им соответствуют простые гласные. Ср.

хюрк.

акуш.

$m\bar{l}\bar{a}$ (от $m\bar{l}al$ 'столб')	$m\bar{l}a$
$хь\bar{a}$ (от $хьали$ 'дом')	$хьa$
$шайm\bar{l}\bar{a}$ (от $шайm\bar{l}an$ 'сатана')	$шайm\bar{l}a$
$хьун^{\bar{o}}$ (от $хьунул$ 'жена')	$хьуна$
$мурь^{\bar{o}}$ (от $мурьул$ 'муж')	$мура$ (от $мурул$)
$ь\bar{a}тис$ 'поднять вверх'	$ьат\acute{e}с$
$с\bar{a}тис$ 'взять сюда'	$сат\acute{e}с$
$хь\bar{a}тис$ 'поставить'	$кат\acute{e}с$
$ь\bar{a}ьис$ 'дойти вверх'	$ьаь\acute{e}с$
$с\bar{a}ьис$ 'дойти сюда'	$саь\acute{e}с$
$хь\bar{a}ьис$ 'дойти вниз'	$каь\acute{e}с$
$ь\bar{a}ц\bar{l}ис$ 'подняться вверх'	$ьац\acute{l}eс$
$с\bar{a}ц\bar{l}ис$ 'подойти сюда'	$сац\acute{l}eс$
$хь\bar{a}ц\bar{l}ис$ 'спуститься вниз'	$кац\acute{l}eс$ и т.д.

Из сказанного вытекает, что в акушинском диалекте, очевидно, не произошла утрата долготы гласных, якобы имевшая место в его историческом прошлом, а скорее не было этой долготы вообще, так как для нее по природе своей этот диалект не имеет соответствующих условий. Только эмпирически можно полагать, что данный диалект утратил долгие гласные и тем самым пошел дальше других диалектов в своем развитии. С.Н. Абдуллаев [1954, 57] заметил, что в акушинском диалекте вместе с согласными выпадают и смежные гласные, в частности, классный показатель $\bar{d}$ "выпадает вместе с гласным регулярно" и "ни в одном другом даргинском диалекте

такое выпадение не наблюдается". Но, к сожалению, из этого автор не сделал соответствующего принципиального вывода относительно долгих гласных и счел возможным эмпирическое предположение об их утрате.

Следует, наконец, отметить, что в арбуском диалекте, где широко представлены долгие гласные, принципы их образования являются идентичными с хюркилинским диалектом. Долгота гласных здесь также обусловлена выпадением согласных. В результате выпадения согласных гласные приобретают или возместительную долготу или же образуется сочетание двух гласных, которое также служит образованию долготы гласных. Этот процесс на примерах выпадения вибранта *p* довольно обстоятельно описан А.А. Магоматовым [1950].

В конце раздела хочется обратить внимание на одно слово, которое бытует в даргинском языке в двух формах. Речь идет о формах *барес* — *баркъес*. Обе эти формы, с фарингальным смычным *къ* (*баркъес*) и без него (*барес*), существуют в литературном языке. Семантика обеих форм одна и та же: 'сделать'. Обе формы имеют видовую корреляцию: *барес* — *бирес*, *баркъес* — *биркъес*. Обе формы в соответствии с коррелятивными видовыми основами имеют свою полную парадигму по всем структурным категориям глагола. Вопрос заключается в том, какая из этих форм является первичной, какой процесс представлен в этих формах: выпадение фарингального *къ* в форме *барес* или же эпентеза (наращение) данного согласного в форме *баркъес*.

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует отметить, что в зависимости от существования той или другой формы даргинские диалекты делятся на три группы: а) диалекты, в которых представлена форма с фарингальным смычным *къ*, б) диалекты, в которых представлена форма без фарингального смычного *къ*, в) диалекты, в которых представлены обе формы. К первой группе относятся хюркилинский (*бăкъис*), арбуский (*бăкъий*), цудахарский (*баркъиз*), муиринский (*баркъара*), ко второй группе относится хайдакский (*барара*), к третьей группе относится акушинский (*барес*, *баркъес*).

Важно отметить также, что параллельное употребление двух разных форм привело к некоторой дифференциации их семантики. От значения 'сделать — делать' отпочковалась близкая к нему семантика 'родить — рожать'. В тех диалектах, где представлена только форма с фарингальным смычным *къ* или только форма без данного согласного, для выражения обоих этих значений ('сделать' и 'родить') соответственно употребляется та или другая форма. Дифференциация семантики произошла там, где представлены обе формы, т.е. в литературном языке и в его базовом акушинском диалекте. Здесь форма с фарингальным *къ* (*баркъес*) оказалась приспособленной к семантике 'родить', а форма без фарингального *къ* (*барес*) — к семантике 'сделать': *зурши варкъес* 'сына родить', *рурси раркъес* 'дочь родить', но *хлэнчи барес* 'работу сделать', *юрт барес* 'дом сделать' (построить)' и т.д.

Как известно, для большинства диалектов даргинского языка

характерна форма с фарингальным смычным *кь*, в одинаковой степени употребляемая здесь для выражения обоих значений. Это обстоятельство имеет немаловажное значение в решении вопроса о том, какая из этих форм является первичной, какой процесс мы имеем здесь: выпадение фарингального *кь* в форме *барес* или же наращение данного согласного в форме *баркьес*. По всей видимости, здесь представлен процесс выпадения. Этому свидетельствует и тот факт, что в акушинском диалекте, а также в литературном языке, где обычной нормой выражения значения 'сделать' является форма без фарингального *кь* (*барес*), при образовании сложных имен с участием основы данного глагола фарингальный *кь* восстанавливается: *вайбаркь* 'злой умысел', букв. 'зло делание', *гIэхIбаркь* 'добродетель', букв. 'добро делание'. Образование подобных слов без фарингального *кь* не характерно, что свидетельствует об исконности данного звука в указанном глаголе. В некоторых диалектах, в частности, в хюркилинском и арбухском, в данном глаголе имеет место выпадение и другого согласного, вибранта *р*: хюрк. *бэкьис*, арб. *бэкыйй*. Ср. цудах. *баркьиз*, муир. *баркьара*. При образовании имен с участием основы данного глагола восстанавливается и вибрант *р*, что свидетельствует также об его исконности.

Сказанное дает основание полагать, что форма с фарингальным *кь* в акушинском диалекте является поздним заимствованием из других диалектов, первоначально здесь существовала форма без фарингального *кь*, которая употреблялась для выражения обоих значений.

Параллельное употребление форм *барес* и *баркьес* с их коррелятивными видовыми основами в литературном языке не ограничивается дифференциальным выражением значений 'сделать' и 'родить'. Не менее примечательным свойство обеих этих форм заключается здесь и в том, что они отражают структурно-типологическое своеобразие даргинского предложения и тем самым выступают как бы импликациями эргативности. Это проявляется в том, что форма без фарингального *кь* (*барес* — *бирес*) более склонна к построению эргативной конструкции предложения, в то время как форма с фарингальным *кь* (*баркьес* — *биркьес*) имеет тенденцию к построению абсолютной конструкции: *нуни хIэнчи бирулра* 'я работу делаю' (эргативное построение), но *ну хIэнчили биркьулра* 'я работой занимаюсь' (абсолютное построение). Обратное употребление глагольных форм в этих построениях представляется необычным: *нуни хIэнчи биркьулра* ~ *ну хIэнчили вирулра*. Такая перестановка глагольных форм в данных конструкциях отдает диалектной спецификой, поэтому не является литературной нормой.

Одновременное функционирование в акушинском диалекте и литературном языке глагольных форм *барес* и *баркьес* можно трактовать и по другой версии. Очевидно, форма с корневым согласным -*кь*- является общей, исконной для всех даргинских диалектов, в том числе и для акушинского. Значение 'родить', 'произвести', которое заключено в корневой семанте этого глагола -*кь*-, первично по отношению к значению 'сделать', т.е. конкретное, частное значение ('родить') древнее абстрактного, обобщенного значения ('сделать'). Следовательно, общая для всех диалектов форма с корневым согласным -*кь*- (акуш. *баркьес*,

хюрк. *бэжыс*, цуд. *баркыиз*, арб. *бэжый*, муир. *баркыара*) и в агушинском диалекте первична по сравнению с формой без корневого согласного *-кь-* (*барес*). В последней корневой согласный *-кь-* утерян.

По всей видимости, из первичной, корневой формы глагола *баркэс* (*биркэс*) с конкретным значением 'родить' ('рожать') для передачи более позднего обобщенного значения 'сделать' ('делать') выделилась бескорневая форма *барес* (*бирес*). В литературном языке форма *баркэс* в значении 'сделать' не стала нормативной, последнее выражается здесь формой *барес*. И наоборот — для передачи значения 'родить' форма *барес* не употребляется, оно передается формой *баркэс*, нормативны: *хлэнчи барес* 'работу сделать' и *журши варкэс* 'сына родить', но не нормативны: *хлэнчи баркэс* и *журши варес*.

Наращение согласных

Наращение согласных в даргинском языке также является морфологическим процессом. Оно связано в основном с образованием коррелятивных видовых форм глагола. Образование видовых форм сопровождается различными звуковыми процессами, в том числе выпадением и наращением согласных и звуковых комплексов, в результате этих процессов имеет значимость не столько фонетическую, сколько грамматическую. Аспектуальная корреляция лежит в основе темпоральной оппозиции. Обе категории (вида и времени) в одинаковой степени характерны для грамматической структуры даргинского языка и довольно трудно сказать, какая из этих категорий играет более важную роль для спряжения глагола и структурной типологии языка в целом на современном этапе его развития.

В отличие от выпадения, процесс наращения не сопровождается какими-либо примечательными изменениями окружающих звуковых единиц. Обращает внимание тот факт, что согласные, характеризующие процесс наращения, в основном, те же, что подвергаются выпадению. Это латеральный *л*, вибрانت *р*, средняяязычный *й*. Спирант *й* в процессе наращения функционирует то как показатель мужского грамматического класса, то как нейтральная в отношении классификации именных денотатов звуковая единица. При образовании форм несовершенного вида встречаются также случаи наращения в начальной позиции звуковых комплексов *лр*, *бр*, *би*. Приведем некоторые иллюстрации наращения согласных. Наращение латерального *л* иллюстрируют такие примеры: *бацес* 'вспахать' — *балцес* 'вспахивать', *бэцес* 'разбить, сломать' — *балцес* 'разбивать, ломать', *басес* 'замазать, оштукатурить' — *балсес* 'замазывать, оштукатуривать', *батес* 'оставить' — *балтес* 'оставлять', *кабатес* 'посадить' — *кабалтес* 'сажать', *бухэс* 'выйти' — *булхэс* 'выходить' и т.д.

Наращение вибранта *р* наблюдается в таких примерах: *бурцес* 'подержать', 'поймать' — *бирцес* 'держать', 'ловить', *бэхэс* 'ударить' — *бирхэс* 'ударять', *кайэс* 'сесть' — *кайрес* 'садиться', *биклэс* 'выбрать' — *бирклэс* 'выбирать', *биэс* 'быть' — *бирес* 'бывать', *бэхлэс* 'подраться' — *бирхлэс* 'драться' и т.д.

Наращение спиранта *й* представлено в примерах: *касес* 'взять' —

кайсес 'брать', *кацлес* 'спуститься' — *кайцлес* 'спускаться', *ѡацлес* 'подняться' — *ѡайцлес* 'подниматься', *каѡес* 'дойти вниз' — *кайѡес* 'доходить вниз', *ѡаѡес* 'дойти вверх' — *ѡайѡес* 'доходить вверх' и т.д. В первом примере (*касес* — *кайсес*) спирант *й* не является классным показателем, а во всех остальных он является показателем мужского класса, выступающим вместо комплекса *ви* (*кайцлес*—*кавицлес*, *ѡайцлес*—*ѡавицлес*, *кайѡес*—*кавиѡес*, *ѡайѡес*—*ѡавиѡес*). Установлению замещающей функции спиранта *й* помогает тмезис данных глагольных форм.

Ряд глаголов, приведенных для иллюстрации наращенных *л*, *р*, *й*, участвует в образовании сложных глаголов, за счет которых значительно можно увеличить количество примеров с данным процессом. К таким сложным глаголам можно, в частности, отнести: *дуйлбухѡес* — *дуйлбулхѡес* 'побежать — бежать', *млѡхлбухѡес* — *млѡхлбулхѡес* 'прыгнуть — прыгать', *шиклбухѡес* — *шиклбулхѡес* 'пошевелиться — шевелиться', *чебулхѡес* — *чебулхѡес* 'напасть — нападать', *ѡахѡбуѡес* — *ѡахѡбурѡес* 'поднять — поднимать', *чеббиклес* — *чеббирклес* 'выбрать — выбирать', *чекаѡес* — *чекайѡес* 'направить — направлять' и т.д.

В литературном языке, а также в акушинском и хюркилинском диалектах, в одной форме несовершенного вида наблюдается наращение заднеязычного абруптива *кл*: *ѡес* 'сказать' (хюрк. *ѡис*) — *ѡиклес* (или *виклес*, хюрк. *ѡикл"ис*) 'говорить'.

Можно предположить, что глагольные формы *ѡес* ~ *ѡиклес*, образующие ныне аспектуальную оппозицию, исторически были самостоятельными лексическими единицами, семантически не связанными друг с другом передачей противопоставляемых видовых значений. В этом случае о наращении *кл* в форме *ѡиклес* чли же выпадении его в форме *ѡес* говорить не приходится.

Любопытная картина аспектуальной оппозиции форм наблюдается у глаголов *хес* 'принести', *хѡес* 'привести' и *ѡес* 'дать'. Сами по себе данные формы как бы соответствуют выражению действия совершенного вида. Вместе с тем, не имея противопоставляемых форм несовершенного вида, для выражения аспектуальной оппозиции они присоединяют к начальной позиции разные звуковые комплексы: *би*, *бу*, *лу*. Глаголы *хес* и *хѡес* могут принять комплексы *би* и *бу*: *бихес*, *бухес*; *бихѡес*, *бухѡес*. Формы с комплексом *бу* четко ощущаются как формы совершенного вида, а формы с комплексом *би* — как формы несовершенного вида: *бухес* 'отнести', *бухѡес* 'отвести' — *бихес* 'носить', *бихѡес* 'водить'. Если от глаголов *хес* и *хѡес* оппозиционные видовые формы образуются присоединением двух разных аффиксов (*бухес* — *бихес*, *бухѡес* — *бихѡес*), то глагол *ѡес*, выполняя функции формы совершенного вида, противопоставляемую форму несовершенного вида образует присоединением комплекса *лу*: *ѡес* 'дать' — *луѡес* 'давать'.

В широко развитой системе глагольных превербов, являющихся в своей основной массе выразителями пространственных значений действия, комплексы *бу*, *би*, *лу* стоят особняком. Выражение данными комплексами пространственных отношений не ощущается, хотя комплекс *бу* и подает некоторые признаки пространственности со значением "в сторону от говорящего": *бухес* 'отнести' (куда-нибудь в сторону

от говорящего), *бухьес* 'отвести' (куда-нибудь в сторону от говорящего). Некоторое ощущение признака пространственности у форм с комплексом *бу* моментально исчезает при видовой оппозиции форм с комплексом *би*. В этом случае характер выражения действия или процесса становится полным содержанием оппозиции данных видовых форм.

Изменения, происходящие при образовании форм аспектуальной оппозиции, не ограничиваются процессами выпадения и наращивания согласных или комплексов. Здесь нередки случаи замещения звуков, гласных и согласных. Но прежде чем говорить о замещении согласных в противопоставляемых формах глагольного вида, хочется отметить некоторые случаи наращивания звуковых комплексов при образовании форм множественного числа имен. Здесь прежде всего вызывают интерес комплексы *ур* (*ру*) и *лу*, которые при образовании форм множественного числа как бы вклиниваются между именной основой и формантом множественности.

В научной литературе системе образования множественного числа уделено значительное место. Выявлены форманты множественности. Но разными исследователями подчеркивается невозможность установления каких-либо регулярных зависимостей функционирования того или иного форманта множественности. П.К. Услар [1892, 27] пишет: "...Образование именительного падежа множественного числа не может быть подведено под определенные правила" Л.И. Жирков [1926, 56] утверждает, что "установление регулярных зависимостей между какими-либо типами единств числа и теми или другими окончаниями множ.ч.до сих пор не прослежено, как это было и во время П.К. Услара. Даргинское множ. число остается почти всегда формой изолированной, воспринимаемой как исключение".

Сказанное об отсутствии регулярных зависимостей касается и тех формантов множественности, перед которыми наращиваются комплексы *ур(ру)*, *ли*. Это обстоятельство привело к тому, что исследователи даргинского языка склонны трактовать эти комплексы не как наращивания, а как компоненты сложных формантов множественности. П.К. Услар, [1892, 25], в частности, считал, что "окончание *би* всего чаще встречается в виде *урби* и *руби*". Он, как видно, комплексы *ур* и *ру* не отделял от форманта множественности *би*, но вместе с тем не утверждал, что *би*, *урби* и *руби* являются тремя разными формантами множественности. В последующем исследователи даргинского языка разошлись во взглядах по этому вопросу. По мнению одних, все три единицы (*би*, *урби*, *руби*) являются самостоятельными формантами множественности. По мнению других, *би* является самостоятельным формантом множественности, а что касается *урби* и *руби*, то они представляют собой два параллельно функционирующих варианта другого форманта, полученного путем контаминации двух самостоятельных суффиксов множественного числа *ри* и *би*. По мнению же третьих, формантом множественности является *би*, что касается *урби* и *руби*, то исходной является форма *урби*, от которой путём перестановки *р* получена форма *руби*. Причем элемент *ур* — фонетически видоизмененная форма суффиксов-

детерминантов *ар* и *ур*. Первой из этих точек зрения придерживаются Л.И. Жирков [1926] и С.Н. Абдуллаев [1954], второй — С.Л. Быховская [1940], третьей — Ш.Г. Гаприндашвили [1953].

В данный момент наибольший для нас интерес представляют некоторые детали точек зрения С.Л. Быховской и Ш.Г. Гаприндашвили, касающиеся комплексов *ур* и *ру*. По мнению С.Л. Быховской, оба эти комплекса восходят к показателю множественности *ри*. Поэтому первичной формой для *урби* и *руби* является *риби*. Показатель же множественности *ри* стал принимать на себя показателя *би* в силу того обстоятельства, что "имеет малое распространение и в настоящее время уже не продуктивен, в то время как показатель *би* очень распространен и принадлежит к числу немногих продуктивных показателей множественности" [Быховская 1940, 72]

Аргументацию С.Л. Быховской трудно признать убедительной. Во-первых, с показателем множественности *-ри* примеров в даргинском языке довольно много, настолько много, что они не дают ни малейшего повода для вывода о малом распространении и непродуктивности данного показателя. Во-вторых, в даргинском языке нет ни одного примера, в котором подлинный формант множественности, будь он ничтожно мало распространен, присоединял бы к себе другой формант множественности. Поэтому тут едва ли уместны аналогии с армянским языком, где показатели множественности современного армянского языка *-еч*, *-неч* нарастают на древнеармянский показатель множественности *-q*: *mit-q-er* 'мысли'. По сравнению с *ри* формант множественности *и* распространен гораздо менее, но по этой причине он, однако, не присоединяет к себе другого форманта множественности. Поэтому "малое распространение", якобы характеризующее формант множественности *ри*, не может служить сколько-нибудь убедительным аргументом ни о его непродуктивности, ни о необходимости присоединения к нему другого форманта множественности. Еще менее убедительным представляется предположение автора, согласно которому комплексы *ур* и *ру* возводятся к показателю множественности *ри*. Это предположение базируется на довольно противоречивых предположениях. С.Л. Быховская [1940, 71—72] пишет, что "гласный, которым оканчивается основа, заменяется у": *ьанда* 'лоб' — *ьандурби*, *гами* 'судно' — *гамурби* и т.д. Стало быть, в форме *-урби* гласный *у* получен из другого гласного, которым оканчивается основа. Однако ниже автор [Там же, 72] предполагает, что "гласный *и* в показателе *ри*, как это обычно бывает с последним гласным перед показателем множественности, переходит в *у*". Здесь, как видно, *у* получен не из конечного гласного основы вообще, а из конкретного гласного *и* показателя *ри*. Стало быть, для слов с конечным гласным основы в качестве исходной постулируется форма с показателем множественности *ри*, т.е. для таких слов как *ьанда* 'лоб', *ванза* 'земля', *ьанк'и* 'пшеница', *мах'и* 'хутор', *дазу* 'граница', *к'уй'у* 'колодец' и т.д. исходными объявляются формы с показателем *ри*: *ьандри*, *ванзри*, *ьанк'ри*, *мах'ри*, *дазри*, *к'уй'ри* и т.д. Таким образом, с одной стороны, конечный гласный основы заменяется гласным *у*, с другой — исходным для конечных гласных основы является гласный *и* показателя *ри*.

Противоречия тут очевидны и едва ли нуждаются в комментариях. Следует отметить, что в языке встречаются примеры с согласным исходом и наличие форманта *ри* в них вообще трудно заподозрить, но тем не менее во множественном числе принимают формант *би* с предшествующим ему комплексом *ур*: *гџиниз* 'родник, источник' — *гџинзурби*, *гџиникъ* 'пещера' — *гџинкъурби*. Эти примеры фиксируются и С.Л. Быховской. Имея в виду эти факты, автор [1940, 72] пишет: "Если трехсложное слово оканчивается закрытым слогом, то его гласный выпадает", не уточняя, какой "гласный выпадает". Можно предположить, однако, что имеется в виду гласный *и*, так как гласный *у* автор выводит именно из этого гласного. Стало быть, С.Л. Быховская предполагает, что приведенные слова с согласным исходом первоначально имели вид: *гџинизи*, *гџиникъи*. Но никаких доказательств на этот счет не приведено.

Формант множественности *ри* фактически не имеет никакого отношения к комплексам *ур* и *ру*, наращиваемым между именной основой и показателем множественности. Вполне адекватным представляется предположение Ш.Г. Гаприндашвили, согласно которому исходным является комплекс *ур*, а *ру* получено путем перестановки *р*. С комплексом *ур* примеров довольно много, в то время как с комплексом *ру* их количество весьма ограничено. Например, из 33-х форм множественного числа, приведенных С.Л. Быховской [1940, 71] на формант *урби*/*рубџи*, только 4 формы представлены с комплексом *ру* (*џанкџи* — *џанкџруби*, *мухъи* — *мухъруби*, *џуси* — *џусруби*, *хџула* — *хџулруби*/*хџулруми*), а все остальные употребляются с комплексом *ур*. Причем форма множественности последнего из этих четырех примеров фактически будет не *хџулруби* и не *хџулруми*, а *хџулри*, так что с комплексом *ру* остаются всего три примера из 33-х. Возможно, что примеры с комплексом *ру* не исчерпываются этими тремя формами, но процентное отношение все равно остается то же. К тому же в этих примерах комплекс *ру* в речевой практике вполне может быть заменен комплексом *ур*. Отметим попутно, что комплекс *ру* встречается перед формантом множественности *ми*: *џула* 'сито' — *џулруми*, *гула* 'бык' (откормленный на убой) — *гулруми* и т.д. Но и здесь количество таких фактов весьма ограничено.

Об исходности комплекса *ур* по отношению к комплексу *ру* свидетельствует и закономерность линейного расположения его составных единиц. Как известно, гласный *у* в комплексе *ур* замещает конечный гласный основы: *џанда* — *џандурби*, *џанкџи* — *џанкџурби* и т.д. Следовательно, после основы имени закономерна линейность расположения элементов в виде *V + C* (гласный + согласный), что и наблюдается в комплексе *ур*. Обратный же порядок их расположения должен быть квалифицирован как позднейшая инновация. В то же время замещение гласным *у* конечного гласного основы (*а*, *и*) логически ведет к тому, что фактически наращением перед формантом множественности является не комплекс *ур*, а только *р*. Поэтому о комплексе *ур*, являющемся фонетически видоизмененной формой суффиксов-детерминантов *ар* и *ир*, можно говорить лишь условно. Видоизменение же суффиксов-детерминантов *ар* и *ир* пред-

полагается следующим образом: *ъанда*→*ъанд-ар-би*→*ъанд-ур-би*, *ъанкIу*→*ъанкI-ур-би*→*ъанкI-ур-би*.

Остается добавить, что *р* (или условный суффикс-детерминант *ур*) наращивается и перед формантом множественности *ти*: *къэйдI* 'правило' — *къэйдурти*, *пайда* 'польза' — *пайдурти*, *хIуллI* 'хитрость' — *хIуллурти* и т.д.

Если замещение конечных гласных основы *а* и *и* гласным *у* можно объяснить характерной для даргинского языка закономерностью их аблаутного чередования, то наращение согласного *р* перед формантами множественности не имеет пока удовлетворительного объяснения. В самом деле, почему форма множественного числа от слова *занзи* 'колючка, или *хIэнзи* 'белая колючка' не имеет наращения этого (*у*)*р*, а форма множественного числа от совершенно аналогичного слова *ганзи* 'лестница' или *гIэмзи* 'угол' имеет наращение этого согласного: *занзи* — *занзби*, *хIэнзи* — *хIэнзби*, но *ганзи* — *ганзурби*, *гIэмзи* — *гIэмзурби*. Очевидно, причина этого кроется в глубинных процессах развития языка, а быть может и в генезисе самой типологии структуры языка.

Сказанное касается и аналогичного же наращения согласного *л* (или условного суффикса-детерминанта *лу* с его вариантом *ул*) перед формантами множественности *ми* и *ти*: *гIэхIдешлуми* (от *гIэхIдеш* 'добро'), *вайбаркълуми* (от *вайбаркъ* 'зло'), *баркъудлуми* (от *баркъуди* 'действие'), *дүълуми* (от *дүъала* 'щепка'), *байхълуми* (от *байхъала* 'половина'), *бирцIлуми* (от *бирцIала* 'газырь'), *ъартIлуми* (от *ъартIала* 'отрезок', 'кусок'), *ъишарулти* (от *ъишара* 'знак', 'намек'), *минарулти* (от *минара* 'минарет') и т.д.

Закачивая разговор о наращениях согласных и некоторых комплексов, в частности *ру* и *ур* перед формантами множественности имен, следует заметить, что комплекс *ур* фактически не является единым суффиксом, гласный *у* относится к предшествующему согласному в качестве его огласовки, а *р* является обычной детерминативной вставкой. Особенно их расчленение делается наглядным в морфемной сегментации форм множественности, ср.: *маху* — мн. *ма-хъу-р-би*, *гIэмзи* — мн. *гIэ-м-зу-р-би*, *къада* — мн. *къа-ду-р-би*, *ъунза* — мн. *ъу-н-зу-р-би* и т.д. Кроме всего прочего, в этих и подобных им именах конечные гласные (*-и*, *-а*), подвергающиеся замене гласным *-у-*, являются формантами номинатива и не входят в состав его основы. Полиморфемная основа имени в даргинском языке может быть двух моделей: СГС и СГСС. Элементы, позиционно следующие за основами этих моделей, являются суффиксами. Гласный, следующий за конечным согласным основы, становится его огласовкой. В приведенных примерах такой огласовкой является *-у-*.

Замещение согласных в литературном даргинском языке представлено довольно ограниченным материалом как в отношении соотносимых звуковых единиц, так и в отношении иллюстрирующих их словесных форм. В качестве замещающихся звуковых единиц засвидетельствованы *гь—л*, *кI—ш* в противопоставляемых видовых формах глагола *багьес* — *балес* 'узнать — узнавать', *бакьес* — *баьес* 'прийти — приходить'.

Следует отметить, что на чисто фонологическом уровне даже трудно здесь говорить о замещении согласных, так как оно не имеет объяснения какими-либо дистрибутивными особенностями структуры форм аспектуальной оппозиции. Противопоставляемые звуковые единицы на современном этапе развития языка не функционируют в качестве показателей именной классификации денотатов. Единственной очевидной их функцией является противопоставление видовых форм глагола. Можно только предположить, что за этим противопоставлением скрывается нечто существенно важное для генезиса структурной типологии языка.

В этой связи довольно соблазнительной представляется аналогия некоторых форм аспектуальной оппозиции, в которых как бы в качестве взаимозамещающих звуковых единиц выступают, с одной стороны, показатель денотата мужского класса имен, с другой — нейтральная в отношении классной дифференциации имен звуковая единица. В роли первой выступает *й*, в роли второй — *л* и *р*: *кайхьес* 'лечь' — *калхьес* 'ложиться', *ьайзес* 'встать' — *ьалзес* 'вставать', *кайкес* 'упасть' — *каркес* 'падать', *кайхьес* 'положить' — *кархьес* 'класть'. По своей роли *й* и противопоставляемые ему *л* и *р* имеют существенное отличие, хотя выполняют ту же функцию дифференциаторов видовых форм, что и *гь—л*, *кI—ш* в формах *багьес* — *балес*, *бакьес* — *баьес*. Отличие это обусловлено наличием у *й* дополнительной функции и отсутствием таковой у *л* и *р*. Такой дополнительной функцией у *й* является выражение денотата мужского класса имен. Ср. соответствующие формы денотатов женского класса имен: *карихьес* — *карилхьес*, *ьаризес* — *ьарилзес*, *карикес* — *карикьес*, *карихьес* — *карикьес* или формы именных денотатов класса предметов: *кабихьес* — *кабилхьес*, *ьабизес* — *ьабилзес*, *кабикес* — *кабирьес*, *кабихьес* — *кабирхьес*. Сравнение этих форм показывает, что в формах дифференциации денотатов мужского класса имен фактически представлено вышеописанное явление наращения *л* и *р*, а не замещение ими согласного *й*. Согласный *й* является варьирующим показателем денотата мужского класса имен, в то время как *л* и *р* одинаково функционируют в формах денотатов всех классов и безразличны к их классной дифференциации.

Следует отметить, что взаимозамещающие согласные *кI—ш* в формах литературного языка *вакьес* — *ваьес* некоторыми исследователями принимаются за гоморганные звуки и их оппозиция квалифицируется как фонетическое чередование [С. Абдуллаев, 1954, 54]. Но такая трактовка оказывается неадекватной в силу наличия дока-

зательств гетерогенности данных согласных. Согласный *кI* в форме *вакIес* литературного языка, а также акушинского и хюркилинского (*вакIис*) диалектов своим происхождением связан с аффрикатой *чI*. Ср. цудахарское *вачIиз*. Согласный же *ш* в форме *вашес* литературного языка, а также акушинского, хюркилинского (*вашис*) и цудахарского (*вашиз*) диалектов гомогенным является по отношению к среднеязычному *хь*. Ср. хайдакское *вахьара*, цудахарское причастие *вахьай* 'ходящий' или форму общего времени *вахьу* 'ходит'. Таким образом, *кI* и *ш* в формах аспектуальной оппозиции *вакIес* — *вашес* не являются гомоганными звуками и говорить об их фонетическом чередовании нет оснований. В плане междиалектной консонантной системы даргинского языка *кI* чередуется с *чI*, а *ш* — с *хь*. Междиалектное чередование *кI* ~ *чI*, *ш* ~ *хь* подтверждается и материалом внутридиалектной системы функционирования данных согласных в диалектах цудахарского типа — цудахарского, хайдакского и арбуковского [там же].

В конце раздела следует подчеркнуть, что говорить о выпадении, наращении или замещении согласных в формах коррелятивной аспектуальной оппозиции довольно рискованно. Ни один из этих процессов не объясняется какими-либо дистрибутивными особенностями структуры глагольной словесной формы. Трудно объяснить, например, чем вызвано наращение или выпадение звуков *л*, *р*, *й*, а не каких-либо других звуков, почему от формы совершенного вида, скажем, *касес* 'взять' форма несовершенного вида *кайсес* образуется наращением *й*, а от аналогичной в дистрибутивном отношении формы *басес* 'смазать, оштукатурить' — наращением *л*: *балсес*, почему в формах *бекIес* — *дукIес* 'написать — писать' противопоставляются комплексы *бел* — *лу*, а в формах *белчIес* — *бучIес* 'прочитать — читать' — комплексы *бел* — *бу*, ведь в обоих случаях совершенный вид, из которого образуется противопоставляемый несовершенный вид, представлен одним и тем же комплексом *бел*. На фонологическом уровне явления форм аспектуальной оппозиции глагола не поддаются объяснению какими-либо дистрибутивными особенностями языка ни в плане синхронии, ни в плане диахронии. Но едва ли случайно, что эти явления сопровождаются в основном одними и теми же звуковыми единицами. В этой связи можно предположить, что формы аспектуальной оппозиции не имеют фонетических изменений, нет здесь ни выпадения, ни наращения, ни замещения. Эти изменения являются кажущимися на современном хронологическом срезе развития языка, а фактически представляют собой данные определенного хронологического уровня, характеризующие конкретную типологическую систему языка и являющиеся ее импликациями. Вполне возможно, что формы аспектуальной оппозиции, являющиеся ныне импликациями морфологической структуры, на определенной, более древней стадии развития типологии языка представляли собой лексические импликации этой стадии. Довольно любопытно в этом отношении разительное отличие оппозиционных видовых форм семантики 'прийти — ходить' в хайдакском диалекте, где форме несовершенного вида *вахьара* 'ходить' противопоставляются четыре супплетивных формы с выражением пространственных отношений: *вэна* 'уйти, ходить вообще', *цэвэна* 'прийти в

сторону говорящего', *хъавана* (или *кэвана*) 'прийти сверху вниз', *хлэвана* 'прийти снизу вверх'. В этом отношении не менее интересен супплетивизм форм арбуцкого диалекта: *сэкий* 'прийти' — *саший* 'ходить'.

Выпадение, наращение или замещение звуков и звуковых комплексов в формах аспектуальной оппозиции представляются ныне явным анахронизмом в структуре даргинского языка. Без связи с историей развития языка и генезисом его структурной типологии невозможно сколько-нибудь удовлетворительно объяснить, почему, скажем, формы аспектуальной оппозиции глагола отличаются друг от друга каким-либо звуком или звуковым комплексом. Ср. *барес* — *бирес* 'сделать — делать', *бицес* — *бирцес* 'продать — продавать', *бирцес* — *ыцес* 'помыть, постирать — мыть, стирать', *бацес* — *балцес* 'вспахать — вспахивать', *касес* — *кайсес* 'взять — брать', *белцес* — *бучцес* 'прочесть — читать', *белцес* — *лукцес* 'написать — писать', *багцес* — *балес* 'узнать — узнавать', *вакцес* — *вашес* 'прийти — ходить', *ьайцес* — *ьалцес* 'встать — вставать', *кайхцес* — *калхцес* 'лечь — ложиться', *кайкес* — *каркес* 'упасть — падать', *кайхцес* — *кархцес* 'положить — класть', *бержес* — *бужес* 'выпить — пить', *бердес* — *ьудес* 'износить — изнашивать', *бирбес* — *ыбес* 'сшить — шить' и т.д.

Сравним отдельно основы оппозиционных видов: *бар* — *бир*, *биц* — *бириц*, *бирц* — *ыц*, *бац* — *балц*, *кас* — *кайс*, *белц* — *бучц*, *белк* — *лук*, *баг* — *бал*, *вак* — *ваш*, *ьайз* — *ьалз*, *кайх* — *калх*, *кайк* — *карк*, *кайх* — *карх*, *берк* — *бук*, *берж* — *буж*, *берд* — *ьуд*, *бирб* — *ыб* и т.д. Во всех подобных противопоставлениях аспектуальных основ глагола за основой совершенного (терминативного) вида закреплено четко ощущаемое в речевой практике значение пожелания: 'чтобы сделал', 'чтобы пришел', 'чтобы вспахать', 'чтобы ел', 'чтобы пил', 'чтобы умер', 'чтобы убил', 'чтобы прочитал', 'чтобы написал' и т.д. Основы совершенного вида, таким образом, являются как бы формами пожелания активного действия. Такой семантической четкости противопоставляемые основы несовершенного (дуративного) вида не имеют. Стало быть, формы аспектуальных основ противопоставляются не только каким-то отличием во внешнем облике, но и в определенной степени отличием семантики. Причем в последнем имеется в виду не характер протекания действия или процесса, терминативность или дуративность действия, чем обычно противопоставляются аффиксальные формы аспекта, а нечто иное, а именно наличие или отсутствие пожелания активного действия, пожелания свершения того или иного действия.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Некоторые основы совершенного вида ныне воспринимаются и как имена. Например, основа совершенного вида *белк* воспринимается и как 'письмо', *белц* — как 'чтение', *бах* — как 'удар', *берк* — как 'еда' или 'поедание', *берж* — как 'питье' и т.д. Но семантика имени не является для основы совершенного вида такой всеохватывающей принадлежностью или признаком, каким является семантика пожелания свершения действия. Это дает основание полагать, что семантика имени оказалась здесь утраченной. Во всяком случае существует немало

оснований говорить о примате имени над глаголом, об именной природе глагола. Но при разговоре об именном характере глагольной основы прежде всего должна иметься в виду не основа транзитивного глагола, не основа оппозиции транзитивности ~ интранзитивности, а терминативная основа, основа аспектуальной оппозиции, так как в хронологической последовательности представляется менее адекватным соотношение стадии глагольной оппозиции по транзитивности ~ интранзитивности со стадией предполагаемой дифференциации имени и глагола, чем соотношение стадии аспектуальной оппозиции с последней. Вообще применительно к даргинскому языку вполне адекватным представляется утверждение о том, что "документированная история многих языков указывает на относительно позднее возникновение имен действия как отглагольных образований" [Кацнельсон 1967, 37]. Однако, поскольку речь идет не об имени действия только, а об отношении имени и глагола в плане их генезиса, в плане их дифференциации, то формы аспектуальной оппозиции, противопоставляемые корневым морфемам аспектуальных основ наталкивают на мысль об их именном происхождении. Возьмем к примеру формы *ваклес* — *вашес*. Никакими фонетическими законами не может быть объяснена оппозиция корневых морфем *-кI-* ~ *-ш-* в этих формах. Но возведение их к корневым дейкtonическим лексемам просится само собой: *-кI-* просится к указательному дейктониму *ыкI* 'он, тот' (наверху), а *-ш-* к указательному дейктониму *ыш* 'он, этот' (у говорящего). Возможно, что первоначально *ваклес* означало 'прийти сверху' (а не 'прийти вообще'), а *вашес* — 'ходить здесь, у говорящего' (а не 'ходить вообще'). Пространственная ориентация 'хождения' этих аспектуальных форм со временем утратилась и 'хождение' стало мыслиться вообще, безотносительно к пространству.

Акуинско-хюркилинская корневая морфема *-ш-* формы *вашес/вашис* сохраняется и в арбукском диалекте: *саший*. В хайдакском корневая морфема *-ш-* дала *-хь-*: *вахьара*. Корневая морфема *-кI-* формы *ваклес/ваклис* также подверглась дивергенции: в цудахарском она дала *-чI-*: *вачлиз* (при сохранении *-ш-* в противопоставляемой форме *вашиз*), в арбукском — *-кь-*: *сэкий*. В хайдакском корневой согласный исчез вообще, но здесь, в отличие от других диалектов, пространственная ориентация семантики 'прийти' осталась в своем первоначальном виде: *цэвэна* 'прийти к говорящему со стороны', *хьэвэна* (*кэвэна*) 'прийти сверху', *хIэвэна* 'прийти снизу'. Здесь пространственная ориентация переместилась на префиксальные элементы *цэ-*, *хьэ-* (*кэ-*), *хIэ-*, восходящие также к указательным дейктонимам (*цэ* ← *ыш*, *хьэ* (*кэ*) ← *ыкI*, *хIэ* ← *ых*).

Противопоставляемым видовым основам глагола не обязательно было образовываться из разных именных едкниц, обе видовые основы могли образоваться и из одного имени. Где обе видовые основы имеют единую корневую морфему, там, очевидно, образование шло от одного и того же имени. Важная роль в формировании корневой системы глагольных основ принадлежит процессу дивергенции исходных корневых единиц прономинальной лексики.

НАПРЯЖЕННЫЕ

Вопрос о напряженных согласных (или так называемых "геминатах") в даргинском языке представляет значительный научный интерес.

В специальной литературе существует мнение о том, что напряженные согласные характерны лишь для определенных диалектов даргинского языка.

В частности, диалекты так называемого цудахарского типа (хайлакский, арбукский, цудахарский) принято относить к диалектам с напряженными согласными, а диалекты хюркилинско-акушинского типа — к диалектам, характеризующимся отсутствием напряженных согласных.

Таким образом, наличие или отсутствие напряженных согласных отмечается как одна из характерных отличительных особенностей даргинских диалектов. Однако для такого мнения в действительности очень мало оснований. Факты дают нам возможность полагать, что напряженные согласные характерны почти для всех диалектов даргинского языка, в том числе и для хюркилинского.

В даргинском языке по признаку 'напряженный ~ ненапряженный' существует такая же привативная оппозиция согласных, какая существует по признаку 'лабиализованный ~ нелабиализованный'. Напряженные согласные представляют собой маркированный член привативной оппозиции. Маркировку этих согласных мы будем обозначать удвоением соответствующих немаркированных согласных.

Как известно, П.К. Услар [1892, 8—9] писал, что в хюркилинском диалекте "иногда встречаются два *в* рядом, как, напр., в форме *waцIализивит* — сквозь лес; в таком случае явственнее слышатся *бб*, чем *вв*".

В слове *waцIализивит* наблюдается сочетание двух одинаковых спирантов. Несмотря на то, что сочетающиеся *вв* являются в отдельности спирантами, по мнению П.К. Услара, они вместе, в сочетании воспринимаются как смычные *бб*, т.е. "явственнее слышатся *бб*, чем *вв*".

Эти слова П.К. Услара совершенно справедливы, они адекватно отражают действительное положение дел. Следует, к тому же, добавить, что в сочетании спиранты *вв* не просто слышатся как сочетание двух смычных *бб*, а слышатся как единый напряженный смычный согласный. Имея в виду все это, слова П.К. Услара мы в своей статье сочли возможным прокомментировать так: "П.К. Услар весьма тонко подметил явственное акустическое восприятие смычного напряженного *бб* при встрече двух спирантов *вв* рядом" [З. Абдуллаев 1962, 53].

В другом месте этой же статьи мы одновременно подчеркнули, что «Услар нигде не говорил о наличии в урахинском диалекте усиленных согласных, за исключением указания: "иногда встречаются два *в* рядом» [там же, 49—50].

Цитируя приведенные слова нашего комментария, Ш.Г. Гаприндашвили обвиняет нас в "приписывании П.К. Услару утверждения о наличии в урахинском диалекте напряженного звонкого *бб*" и, приводя то же утверждение П.К. Услара, заявляет, что "П. Услар нигде не говорил о напряженности *бб*", "Услар здесь говорит не о напряженности *бб*, а лишь о том, что при стечении *вв* слышится звук более близкий к *бб*, чем к *вв*..." [Гаприндашвили 1966, 24].

Если следовать игре слов автора, то можно сказать, что П.К. Услар нигде не говорил о каком-нибудь "более близком звуке", слова П.К. Услара "явственные слышатся *бб*, чем *вв*" гораздо ошибочнее синонимизировать со словами "слышится звук более близкий к *бб*, чем к *вв*", нежели со словами нашего комментария: "П.К. Услар весьма тонко подметил явственное акустическое восприятие смычного напряженного *бб* при встрече двух спирантов *вв* рядом". И фактически в примере П.К. Услара *waɥlaliɥivvɪt* → *waɥlaliɥibɪt* представлен напряженный согласный *бб*, а не какой-то "звук более близкий к *бб*". Но главное в том, что Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 25], не допуская ни тени сомнения в своей правоте, заявляет: "З. Абдуллаев ошибается, когда в урахинского диалекта считает спирантом, а не смычным спирантоидом".

В рукописи докторской диссертации и в автореферате звук *в* Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 16] характеризовал как смычный-размычный".

Везде наличие "смычного-размычного" *в* автор связывает с хюркилинским и губденским диалектами. Но анализ его артикуляционных свойств проводит в произношении некоего "кебах-мулебкинца".

Сравним несколько положений автора. В одном из них Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 104] утверждает: "Смычно-взрывной *б* в слове *бакʼлʼб* — 'пришел' (III грамм. класс) в произношении кебах-мулебкинца встречается в абсолютном начале и конце слова. В обеих указанных позициях он является чистым звонким". Через страницу автор пишет: "Осциллограмма смычного *в* в позиции между гласными в слове *ʒuvi* — 'мост' в произношении кебах-мулебкинца показывает спирантоидальный характер его артикуляции" [там же, 106]. На очередной странице читаем: "Несмотря на то, что *в* в позиции между гласными может перейти в спирантоподобный звук, в абсолютном начале и конце слова он всегда является полноценным смычным, о чем свидетельствуют осциллограммы слов *вакʼлʼв* — 'пришел', *цʼцʼври* — 'небеса' и т.д. в произношении представителей тех диалектов, где засвидетельствован звук *в*" [там же, 107].

Как известно, к "тем диалектам, где засвидетельствован звук *в*", Ш.Г. Гаприндашвили относит хюркилинский и губденский диалекты, но, между прочим, ни в том, ни в другом слово 'небеса' не имеет формы с напряженным согласным *цц*, здесь оно представлено формами *дзʼври* (хюрк.) и *зʼвре* (губд.), а не формой *цʼцʼври*. В двух приведенных утверждениях Ш.Г. Гаприндашвили ссылается на осциллограммы. Известно, что осциллограммы автор делал в произношении только "кебах-мулебкинца". Стало быть, звук *в* автор свидетельствует в одних

диалектах (в хюркилинском и губденском), а изучает его по данным осциллограмм в произношении представителя другого диалекта ("кебах-мулебкинца"). У одного и того же осведомителя одно и то же слово 'пришел' Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует двояко: на 104-й странице — в форме *бакʱуб* (III кл.), а на 107-й странице — в форме *вакʱив* (III кл.), но по-разному фиксированные звуки (*б* и *в*) в обоих случаях автор характеризует одинаково как "смычно-взрывные", как "полноценные смычные". Различие между ними автор видит лишь в том, что в интервокальном положении согласный *в* "показывает спирантоидальный характер" или "может перейти в спирантоподобный звук".

Однако автор не смог убедить нас в том, что в словах типа *ʒуви*, *вакʱив* (III кл.), *дзʉври* и т.д. согласный *в* является смычным, а не спирантом. И едва ли кому-либо удастся это, так как согласный *в* действительно является спирантом, а не 'смычным-размычным', не 'смычным-спирантоидом', не просто 'смычным', не 'полноценным смычным' и т.д.

Таким же спирантом согласный *в* является также в превербе *чев* и глаголе *вати* 'оставь', которые, сочетаясь, образуют сложный глагол *чеввати* с семантикой 'снимай'. В этом слове, как и в усларовском *waʃʱализивит* → *waʃʱализиббит*, сочетание двух спирантов *вв* дает смычный напряженный *бб*: *чеввати* → *чеббати*. Но Ш.Г. Гаприндашвили согласный *в* считает звонким смычным, в слове *чеввати* он видит сочетание двух "смычных звонких". В цудахарском диалекте это сочетание двух "звонких смычных" *вв* он превращает в сочетание двух глухих *пп*. Отсюда у Ш.Г. Гаприндашвили мнение, что геминаты получаются в результате стечения двух звонких смычно-взрывных.

И когда мы вслед за П.К. Усларом полагаем, что сочетание двух спирантов *вв* даст смычный напряженный *бб*, Ш.Г. Гаприндашвили хочет убедить нас, что здесь имеет место не этот процесс, а получение глухого напряженного (геминаты) *пп* из сочетания двух смычных *бб*: "Наше положение о получении геминаты в результате стечения двух звонких смычно-взрывных он (З. Абдуллаев. — З.А.) подменяет положением о получении напряженных звонких смычных в результате стечения спирантов" [Гаприндашвили 1966, 24—25].

П.К. Услар [1892, 83] характеризовал этот звук так: "В изображает тот почти неуловимый для нашего слуха звук, который служит переходом от нашего *б* к нашему *в*. Прислушиваясь к произношению туземцев, мы явственно слышим то *в*, то *б*, но даже в одном и том же слове один звук беспрестанно заменяет другой. Утвердительно можно сказать, что наши *б* и *в* смешиваются в хюркилинском *в*".

Этот почти неуловимый даже для чуткого слуха П.К. Услара звук, который для него служит переходом от *б* к *в*, в котором, по его мнению, смешиваются *б* и *в*, Ш.Г. Гаприндашвили "уловил" сходу и без колебаний отнес к смычным. Усларовский "наш *б*" является смычным, а "наш *в*" — спирантом. Следовательно, хюркилинский *в*

П.К. Услар считает переходом от смычного *б* к спиранту *в*. При характеристике этого же хюркилинского *в* Ш.Г. Гаприндашвили почему-то свой взор склонил в сторону смычного *б*, а не в сторону спиранта *в*, объявив его "полноценным смычным", а не полноценным спирантом. Между тем куда точнее была бы характеристика согласного *в* полноценным спирантом и такая характеристика была бы вполне адекватной реальной действительности.

Является ли спирант *в* фонемой и имеется ли фонологическое различие между ним и смычным *б*? На этот вопрос Л.И. Жирков [1926, 7] отвечает так: "Отсутствует различие между *в* и *б* как между фонемами". Нетрудно догадаться, что в основе этого утверждения лежит приведенное выше положение П.К. Услара. Н.С. Трубецкой также следует этому положению П.К. Услара, когда пишет, что "фонологическое противопоставление *в* и *б*... неизвестно в даргинском. Напротив, в даргинском языке существует факультативное вариантное соотношение между звуками *в* и *б* (как в кубачинском), — т.е. в каждом слове *в* может заменяться через *б* без изменения значения и без побуждения впечатления ошибки в произношении. В языковом сознании эти два фонетических варианта связываются в одну фонему — звонкую лабиального ряда, значит — *в*. Этот слабый или краткий *в* (произносится: *в* или *б*) противопоставляется сильному или долгому *·в* (произносится *вв*), который, насколько нам известно, существует только в окончании аблатива *·вut* (от...к)" [Trubetzkoy 1931, 36].

Неточное положение П.К. Услара о взаимозаменяемости *в* и *б* оказалось некритически подхваченным Л.И. Жирковым, Н.С. Трубецким и др. Между тем ни о какой взаимной замене этих согласных и речи быть не может, так как для исследованного авторами хюркилинского диалекта, впрочем как и для всего даргинского языка в целом, смычный *б* не характерен вообще (если не считать редких мимиоизобразительных или инфантилизированных слов типа *бев* — изображение мычания бугая, *баба* 'хлеб' или нарочитого произношения спиранта *в* как смычного *б*). Отсутствием смычного *б* объясняется и кажущееся отсутствие впечатления ошибки в произношении и кажущаяся возможность замены им спиранта *в* без изменения значения. Если бы в языке существовал смычный *б*, то едва ли можно было его заменить другим звуком без изменения значения слова и впечатления ошибки в произношении. Такое было бы исключено. Поэтому произношению смычного *б* вместо спиранта *в*, особенно в коммуникативной экспрессии, не всегда придается должное значение, оно не привлекает внимание носителей языка, так как не влечет собой изменение значения слова. Эта особенность даргинского языка до сих пор остается неизвестной науке и вызывает массу недоразумений в толковании спиранта *в* и несуществующего смычного *б*. Что же касается напряженного *бб*, полученного в результате стечения двух одинаковых спирантов *вв*, то он в принципе признается не только П.К. Усларом, но и Н.С. Трубецким, считавшим, что слабый *в* противопоставляется сильному *вв*, функционирующему в окончании аблатива.

Н.С. Трубецкой указывает на противоречия между П.К. Усларом, с одной стороны, и Н.Ф. Яковлевым и Л.И. Жирковым, с другой,

относительно некоторых напряженных согласных. Дело тут в следующем. В транскрипции для лакского языка при записи заднеязычного глухого напряженного согласного П.К. Услар [1890, 6] пользовался графемой *ḡ* ("к — ташдид") и из-за неудобства писать беспрестанно удвоенные буквы вводит в лакский алфавит букву *ḡ* вместо *кк*. Следовательно, в лакском языке буквой *ḡ* П.К. Услар обозначал напряженный согласный. Но впоследствии в исследовании хюркилинского диалекта даргинского языка этой же буквой (*ḡ*) П.К. Услар пользовался для обозначения другого звука — фарингального смычного *к̆*, указывая, что "к̆ несколько менее гортанно, чем *к*" (по Услару: *q*) [1892, 9]. Таким образом, П.К. Услар одной и той же буквой *ḡ* пользовался для обозначения разных звуков лакского и даргинского. По свидетельству Н.С. Трубецкого [1931, 35], "даргинский звук, который барон П.К. Услар транскрибирует через русское *к* с ташдидом, Н.Ф. Яковлев считает сильным переднедорсальным глухим (значит *кк*)" (сам же Н.С. Трубецкой полагает, что эта даргинская фонема относится не к переднедорсальным, а к заднедорсальному локализованному ряду, вероятно, что она является сильным заднедорсальным глухим) [там же, 35—36]. Л.И. Жирков, [1926, 7—9], отмечая отличительные от аварского языка особенности в области согласных даргинского языка, указанные ему Н.Ф. Яковлевым, полагает, что здесь "имеются усиленные глухие затворные" *пп*, *тт*, *кк* (по транскрипции автора, *ḡ* — "к-шадлат"). Это положение, к сожалению, не иллюстрируется какими-либо конкретными языковыми фактами с указанными усиленными согласными. При знакомстве с имеющимися в работе автора языковыми данными оказывается, что Л.И. Жирков фактически буквой *ḡ* обозначает не усиленный заднеязычный глухой *кк* (как П.К. Услар в лакском языке обозначал его буквой *ḡ*), а фарингальный звонкий *к̆* (как П.К. Услар в хюркилинском языке обозначал его той же буквой *ḡ*), буквой *тт* — усиленный дентальный глухой, но не хюркилинского диалекта, на материале которого строится его грамматика, а цудахарского диалекта, текст которого взят из произведений Р. Нурова [там же, 88—89].

Отмечая фиксацию П.К. Усларом напряженного *вв* в суффиксе аблатива, Н.С. Трубецкой [1931, 35] одновременно замечает, что Н.Ф. Яковлев об этом сильном *вв* ничего не сказал, хотя Л.И. Жиркову указал на наличие сильных *кк*, *пп*, *тт*, о которых П.К. Услар ничего не сказал. Вот, собственно, все противоречия Н.Ф. Яковлева и Л.И. Жиркова с П.К. Усларом относительно напряженных согласных даргинского языка.

Как видно из всего сказанного, в работах П.К. Услара, Л.И. Жиркова, Н.С. Трубецкого фактически нет каких-либо убедительных свидетельств наличия в хюркилинском диалекте напряженных согласных. Отсутствие конкретных научных положений и языковых фактов относительно напряженных согласных в трудах таких крупных авторитетов, как П.К. Услар, Л.И. Жирков, Н.С. Трубецкой, сыграло впоследствии немаловажную роль в формировании и укреплении взгляда, согласно которому хюркилинскому диалекту вовсе чужда категория напряженных согласных, хюркилинский диалект противо-

поставляется другим даргинским диалектам (кроме акушинского) именно отсутствием напряженных согласных.

Эту точку зрения особенно упорно и последовательно отстаивают Ш.Г. Гаприндашвили и А.А. Магометов. Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 10; 1948, 107, 114, 135] считает характерной особенностью хюркилинского диалекта "отсутствие геминат, как смычно-взрывных, так и спирантов". А.А. Магометов [1963, 40] утверждает, что "наличие геминат в кубачинском делает систему согласных более сложной сравнительно с урахинским и акушинским, где нет геминат".

Имеется надежное основание полагать, что такое мнение, во всяком случае относительно хюркилинского диалекта, не соответствует действительности. Этим основанием являются конкретные языковые факты.

В хюркилинском диалекте согласные напряженной маркировки представлены как среди смычно-взрывных и аффикат, так и среди спирантов. Мы не беремся утверждать, что в хюркилинском диалекте на современной стадии его развития система интенсивных согласных сохранилась в своем первоизданном виде. Это сказать трудно не только по отношению к хюркилинскому диалекту, но и к любому другому диалекту даргинского языка. Надо полагать, что процесс деградации категории интенсивных согласных шел по всему языковому фронту, но неравномерно: в одних диалектах система напряженных согласных сохранилась шире и лучше, чем в других. Но при всем этом несомненно одно: категория интенсивных согласных — исконное явление исторической фонетики даргинского языка в целом, а не только какой-либо части диалектов.

Приведем некоторые примеры интенсивных согласных хюркилинского диалекта: *виттахъ* 'по ту сторону', *виттэхъис* 'потеряться', 'исчезнуть', *ваттихъис* 'отправиться', 'идти' (I кл., ср. *даттихъис* — II кл., *ватвихъис* — III кл.), *хлэтта* 'словно', 'будто', 'как будто', *витлмлакис* 'потянуть' (ср. *витлакис* 'взвесить'), *Магга-Шарип* — имя собственное (мужское), *Магга-Мадина* — названия арабских городов, *гуггула* — мимеоизобразительное: 'кукарекание', *сиклал* 'вещь', *шиккьа* 'черное' (*шиккьа цлудара* 'черным черное', ср. *шикьа* 'чернила'), *вахъхъали* 'постоянно', 'систематически' (ср. *вахъали* — деепричастие 'ударив', *вахъас* 'ударить'), *вахъхъис* 'разрушить', 'разобрать', *вахъхъал* 'много', *маккь^о* 'горбатый', *виддзала* 'болезнь', *ьурадздзайа* 'уберитесь', 'уходите', *даджджал* 'верзила', *хлэджджар* 'плохой', 'грязный', 'не хороший', *вицццис* 'наполнить' (ср.: *вицццла* — повелит. 'наполни', но *виццла* — 'свеженаполненная кишка'), *вицццлал* 'десять', *щццццлал* 'пятьдесят', *глэжжеглив* 'удивительный', 'интересный', *лаззат* 'удовольствие', *вуссаглэт* 'сейчас', *дашше* 'идите сюда', *глэббаси* '20 копеек' и т.д.

В хюркилинском диалекте представлены также интенсивные согласные, полученные в результате явлений сандхи, т.е. в результате звуковых изменений, возникших на стыке морфем в составе слова. Одним из таких случаев является отмеченная П.К. Усларом встреча двух *вв* рядом, которая дает не щелевой напряженный *вв*, а смычный напряженный *бб*, как это тонко подметил еще П.К. Услар. Приведем

некоторые примеры на интенсивные сандхи: *гъаккавикI^Wис* 'качаться' (= *гъакI* + *хъавикI^Wис*), *гъаккавухъис* 'войти во вкус', 'приняться за дело' (= *гъакI* + *хъавухъис*), *гаккавэкъис* 'протолкнуть вниз' (= *гак* + *хъавэкъис*), *варккагъис* 'промыть' (= *варг* + *хъагъис*), *виццадвухъис* 'походить туда-сюда' (= *вит* + *садвухъис*), *виццакI^Wис* 'пододвинуться', 'придвинуться' (= *вит* + *сакI^Wис*), *хаппэкъис* 'схватить' (= *хап* + *вэкъис*), *кеппэкъис* 'споить'; 'насладиться' (= *кеп* + *вэкъис*), *џаппэкъис* 'похвалить' (= *џап* + *вэкъис*), *къәпI^Wлакъис* 'заккрыть' (= *къәпI* + *вэкъис*), *лапI^Wлакъис* 'взмахнуть' (= *лапI* + *вэкъис*), *хунI^Wлакъис* 'прихлебнуть' (= *хунI* + *вэкъис*), *чI^WәпI^Wлакъис* 'пососать' (= *чI^WәпI* + *вэкъис*), *гыммұғис* 'обидеться' (= *гым* + *вұғис*), *хъәммэкъис* 'схватить' (= *хъәм* + *вэкъис*), *ламмэкъис* 'опалить' (= *лам* + *вэкъис*), *күмми* 'животы' (= *кун* + *ви*, ед. к^Wони 'живот'), *күмми* 'сундуки' (= *күн* + *ви*, ед. к^Wонъи 'сундук'), *къәббэкъис* 'оторвать' (= *къәв* + *вэкъис*), *къәббирдис* 'оторваться', 'отколоться' (= *къәв* + *вирдис*), *ъуббатис* 'покинуть', 'оставить' (= *ъув* + *ватис*), *ъуббухъис* 'освободиться' (= *ъув* + *вухъис*), *гъаббухъис* 'убежать' (= *гъав* + *вухъис*), *гъаббуцис* 'повести' (= *гъав* + *вуцис*), *шиббәхъәс* 'отделить' (= *шив* + *вәхъәс*), *шиббухъис* 'сойти' (= *шив* + *вухъис*), *цI^Wәббис* 'потемнеть' (= *цI^Wәв* + *вис*), *цI^Wуббәкъис* 'побелить' (= *цI^Wүв* + *вэкъис*), *ърғәббит* 'по середине' (= *ърғәв* + *вит*), *дуббит* 'по краю' (= *дүв* + *вит*), *дуббат* 'завтрак' (= *дүв* + *ват*), *дүвүллишиббит* 'по горе' = *дүвүллишив* + *вит*), *waцI^Wализиббит* 'по лесу' (= *waцI^Wализив* + *вит*), *диъ^Wон* 'как мясо' (= *диъ* + *ъ^Wон*), *ниъ^Wон* 'как молоко' (= *ниъ* + *ъ^Wон*), *миъ^Wон* 'как лед' (= *миъ* + *ъ^Wон*), *байъ^Wон* 'как талия' (= *байъ* + *ъ^Wон*), *шаддиш* 'радость' (= *шад* + *диш*).

Остановимся на некоторых аргументах и критических замечаниях в наш адрес. Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 25] пишет: "З. Абдуллаев пытается доказать наличие в диалектах даргинского языка напряженных звонких и глухих смычных и спيرانтов. В качестве примеров он приводит любые формы с сочетанием двух одинаковых согласных, в том числе полученные в результате фонетических процессов ассимиляции, слияния и т.д., каковы: *виццадвухис*, полученная стечением *вит* + *сад* + *вухис* (автор искажает, у нас: *виццадвухъис* — З.А.); *гъаккавэкъис*, полученная в результате ассимиляции предыдущим к последующего спيرانта х6: *гъак* + *хъавэкъис* (автор искажает, в нашем примере в исходной основе *гъакI* представлен не к, а абруптив *кI*. — З.А.); *къәпI^Wлакъа*, полученная от *къәпI* + *wakъа* (автор искажает, у нас: *къәпI^Wлакъа* = *къәпI* + *вакъа*. — З.А.) и т.д."

Наличие интенсивных согласных в диалектах даргинского языка для нас, как и для других исследователей, не составляет никакой тайны. Поэтому доказывать это нет никакой надобности. Ш.Г. Гаприндашвили в приведенном положении ссылается на три наших примера и во всех трех допускает искажения. Но главное в том, что автор не согласен с подобного рода иллюстрациями напряженных согласных, так как, видите ли, они получены в результате определенных фонетических процессов. Допустим на минутку правоту автора и согласимся с ним. Но как быть тогда с настойчивым утверждением самого Ш.Г. Гаприндашвили о том, что в цудахарской форме *чеппате* представлена гемината, полученная в результате стечения двух

смычных бб? Разве в этом авторском примере нет фонетического процесса или, быть может, авторские критерии определения напряженных согласных применяются только к нашим примерам? У Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 26; 1948, 116] среди иллюстраций процессуальных геминат цудахарского диалекта встречается не только форма *чеппате*, полученная из *чeb + бате*, но и *самта* 'есмы', полученная из *сад + да*, *Аппакар*, полученная из *Абубакар* — имя мужское, *ичлутте* 'зажжешь', полученная из *ичлуд+де* (у автора неточно, должно быть: *ьидждж^жид-де=ьидждж^жид + де*), *дицлахьитти* 'наполнишь', полученная из *дицлахьид + ди* (автора неточно, должно быть: *дицлахьидде*), *хладиркьитта* 'не сделаешь', полученная из *хладиркьид + да* (у автора неточно, должно быть: *хладиркьидде*) и т.д.

Таким образом, Ш.Г. Гаприндашвили в своих трудах допускает иллюстрации геминат, полученных в результате определенных фонетических процессов, а у других авторов подобные же примеры характеризуются им как недопустимые "любые формы". С одной стороны, Ш.Г. Гаприндашвили отстаивает свое положение "о получении геминаты в результате стечения двух звонких смычно-взрывных", т.е. в результате фонетического процесса, а с другой — отвергает наши примеры с интенсивными согласными лишь по той причине, что они получены в результате фонетических процессов. С такой "логикой" автора едва ли можно согласиться. Напряженные согласные, полученные в результате определенных звуковых процессов, не перестают быть от этого фонемами. Они только характеризуются как вторичные. Характерной особенностью вторичных напряженных фонем является их разложимость, в отличие от неразложимости первичных напряженных фонем. Однако артикуляционная природа тех и других абсолютно идентична. Вторичные напряженные согласные, полученные из комплекса определенных звуковых единиц, при артикуляции теряют "комплексность" и своей интенсивной монолитностью ничем не отличаются от первичных напряженных согласных. Поэтому они вполне заслуживают должного внимания науки и места среди равных.

Ш.Г. Гаприндашвили полагает, что "вряд ли следовало приводить в качестве примеров" заимствованные слова типа *лаззат*, *буссаглэт*, *гладббаси*, *хлэмта*. Но почему заимствованные слова не могут иллюстрировать фонетические законы языка, если они полностью подчинены этим законам? Можно сравнить такой пример. В хюркилинском диалекте существует слово *гларада*. Думается, что это слово вполне может послужить иллюстрацией даргинского ларингального смычного *gl*, независимо от того, что заимствовано из русского *орудие*. Таких примеров в языке немало.

Считая нецелесообразным приводить заимствованные слова в качестве примеров напряженных согласных, в то же время Ш.Г. Гаприндашвили сам приводит их. Среди авторских примеров представлено, например, слово *ггавлак* 'мешок'. По свидетельству В.И. Абаева, [1958, 522—523], это слово, как и его грузинское соответствие *gvalagi* 'вьюк для вещей', восходит к персидскому *givał*. Кроме того, Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 119] привлекает для сравнения лакские слова *кькьачагь* 'разбойник', *кькьуллугь* 'служба', *кькьиргьу* 'коршун',

которые являются тюркскими заимствованиями (кстати, в этих лакских словах автор также подменяет звонкий напряженный *кхъ* глухим *хъхъ*).

Ш.Г. Гаприндашвили проявляет пренебрежение к мимиоизобразительным словам типа *гуггугIа* (автор искажает: *гуггугIа*), а также к словам типа *дашие* 'идите сюда', 'проходите' (ед. *ваше* 'иди сюда', 'проходи', автор искажает: *ваше*), "в которых наличие двух одинаковых согласных рядом грамматизировано" и т.д. В своих примерах типа *самта* 'есмы' Ш.Г. Гаприндашвили не видит грамматизации стечения двух одинаковых согласных, а слово *дашие* для него неприемлемо только по причине этой грамматизации. Логика поистине удивительная.

Приведенное нами хюркилинское слово *виттэхив* 'исчезло' Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 25] возводит к *витгэхив* и утверждает, что "удвоенный глухой придыхательный смычно-взрывной *тм*" получен в результате "прогрессивной ассимиляции спиранта *гь* смычным *т*". Но почему-то автор не дает никаких разъяснений относительно того, откуда взята для хюркилинского диалекта форма *витгэхив*, почему ассимиляция спиранта *гь* смычным *т* является в этом диалекте столь таинственной, что в многочисленных работах автора по фонетике даргинского языка нет более ни одного примера этой ассимиляции, почему гласный *а* мифической формы *витгэхив* превратился в фарингальный *э* (*виттэхив*) и т.д. К своему утверждению относительно происхождения хюркилинской формы *виттэхив* Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 25] добавляет: "Аналогичного происхождения и слово *умлмI+гьаклу*". Очевидно, здесь имеется в виду наш пример *умлмIаклу* 'тяни' (I кл.), *бумлмIаклу* 'потянуть'. Возводя нашу форму *умлмIаклу* к *умлмI+гьаклу*, Ш.Г. Гаприндашвили опять-таки не объясняет, откуда взялся для данной хюркилинской формы спирант *гь*. Кроме того, этот спирант *гь* автор приводит после напряженного согласного *тлмI*, поэтому процесс мифической ассимиляции искажен или отвергнут самим автором.

Вот некоторые образцы анализа Ш.Г. Гаприндашвили наших положений и приведенных нами языковых фактов относительно напряженных согласных хюркилинского диалекта даргинского языка. На основании подобного анализа Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 25] заключает: "Как видим, примеры на напряженные согласные в диалектах урахинского типа, приводимые З. Абдуллаевым, очень сомнительны и нуждаются в проверке".

Сомневаться никому не воспрещается, но в научной полемике сомнение само по себе не может стать аргументом, без доказательства оно превращается в пустую эмоцию. Для науки нужны аргументы и доказательства, базирующиеся на точных и реальных фактах.

По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в даргинском языке нет и быть не могут звонкие напряженные согласные. Это вытекает из воззрений автора, согласно которым в одних диалектах вообще отсутствуют напряженные согласные, а в других представлены только глухие напряженные согласные. Например, "... для групп диалектов урахинского и акушинского типов характерно отсутствие геминат, как

смычно-взрывных, так и спирантов" [Гаприндашвили 1956, 10], а "геминаты, встречаемые в цудахарском диалекте, — безголосые глухие [Гаприндашвили 1948, 115]; "...при стечении двух одинаковых звонких (гг, дд, бб) взрывных получают глухие геминаты..." [там же, 116]; "все геминаты являются глухими звуками" [Гаприндашвили 1956, 26].

Согласно с этими своими взглядами Ш.Г. Гаприндашвили повсеместно фиксирует или предлагает фиксировать только глухие напряженные согласные, подменяя ими звонкие напряженные даже в тех случаях, где их наличие, казалось бы, не требует особых доказательств. Между тем теория всеобщей глухости интенсивных согласных противоречит закономерностям междиалектных звуковых соответствий даргинского языка. Известно, например, что согласные *ǰ* и *г* одних даргинских диалектов (хюркилинского, акушинского) и напряженный *гг* других диалектов (хайдакского, цудахарского) соответствуют друг другу. Это соответствие является закономерным по всем фонологическим и этимологическим признакам. Однако вопреки этой закономерности вместо звонкого интенсивного *гг* Ш.Г. Гаприндашвили предлагает глухой интенсивный *кк*, который фактически не имеет отношения к согласным *ǰ* и *г*. Для иллюстрации можно сравнить некоторые хайдакские, хюркилинские и цудахарские формы:

хайдакские	хюркилинские	цудахарские
<i>веггара</i> 'дать'	— <i>витǰис</i>	
<i>варггара</i> 'найти'	— <i>варǰис</i>	
<i>ггули</i> 'овчинка', 'шкура'	— <i>ǰули</i>	<i>ггули</i>
<i>валгга</i> 'молитва'	— <i>валǰа</i>	<i>валгга</i>
<i>реггал</i> 'песть'	— <i>ǰуриǰал</i>	<i>ǰуреггал</i>
<i>ǰургга</i> 'в середину'	— <i>ǰурǰа</i>	<i>ǰургга</i>
<i>лигга</i> 'кость'	— <i>лига</i>	<i>лигга</i>
<i>ггалгга</i> 'дерево'	— <i>галга,</i>	
<i>дигга</i> 'любовь'	— <i>дига</i>	<i>диггай</i>
<i>ггурдда</i> 'лиса'	— <i>гурда</i>	<i>ггурдда</i>
<i>к^воргги</i> 'абрикос'	— <i>к^ворага</i>	<i>курегга</i>
<i>ггандзди</i> 'лестница'	— <i>гандзи</i>	<i>ггандзди</i>
<i>ггама</i> 'вдова'	— <i>гамъа</i>	<i>ггама</i>
<i>ггичва</i> 'козленок'	— <i>гиджва</i>	<i>ггечва</i>
<i>ггиши</i> 'голод'	— <i>гаши</i>	<i>ггаши</i>
<i>гг^вэгI</i> 'запах'	— <i>г^вэгI</i>	<i>гг^вэгI</i>
<i>ггадззда</i> 'кирка'	— <i>гадза</i>	<i>ггадззда</i>
<i>ǰиргги</i> 'молотильная доска'	— <i>ǰирги,</i>	<i>ǰиргеи</i>
<i>ггамул</i> 'палец ноги'	— <i>гувул</i>	<i>ггамул</i>
<i>джджагг^вел</i> 'красивый'	— <i>джаг^вол</i>	<i>джджагг^восе</i>
<i>вергг^вора</i> 'завернуть'	— <i>вирг^вис</i>	
<i>ǰавиггар</i> 'не хочу'	— <i>ǰахIвиги</i>	<i>ǰIǰавиггар</i>
<i>ǰагг^ворил</i> 'отсутствующий'	— <i>ǰаг^ворил</i>	
<i>виггара</i> 'любить', 'хотеть'	— <i>вигис</i>	
<i>вергг^вона</i> 'съесть' (о животном)	— <i>вирǰис</i>	<i>верггун</i>

Во всех подобных случаях, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили,

вместо звонкого интенсивного *гг* должен быть зафиксирован глухой интенсивный *кк*. Почему? По всей видимости, автор не познал до конца фонологической и этимологической разницы между *гг* и *кк* или же оказался в плену малокомпетентных осведомителей, которые при записи языковых фактов нередко грешат подобной неразборчивостью и неточностью. Можно было бы еще предположить, что Ш.Г. Гаприндашвили имеет в виду, так сказать, трехступенчатый процесс междиалектных звуковых соответствий: $\xi//g \rightarrow gg \rightarrow kk$. Но такое предположение будет беспочвенным, так как автор в принципе отрицает наличие звонких интенсивных согласных, не допуская их существования ни как первичных, ни как промежуточных, ни как исходных звуковых единиц. "Все геминаты являются глухими звуками" — вот сущность концепции Ш.Г. Гаприндашвили. Этой концепции подчиняет автор и запись всех интенсивных согласных. Между тем можно с уверенностью утверждать, что во всех подобных случаях фактически представлен звонкий интенсивный *гг*, а не глухой интенсивный *кк*. Это подтверждается и тем, что представлены переходы *к* в *гг* и *гг* в *к*, но нет случаев перехода *кк* в *г* или *г* в *кк*. Отсутствие последних можно объяснить отсутствием глухого интенсивного согласного *кк*.

Приведем некоторые иллюстрации перехода *к* в *гг* и *гг* в *к* в хайдакском и цудахарском диалектах. Переход простого глухого *к* в интенсивный звонкий *гг* по материалам хайдакского диалекта: *вук* 'олень' — мн. *вугги*, *лак* 'подъем' — мн. *лаггурви*, *силмик* 'фундук' — мн. *силмигги*, *чләнләрәк* 'лепешка' — мн. *чләнләрәгги*, *ьурдак* 'утка' — мн. *ьурдагги*, *ьахтерек* 'тополь' — мн. *ьахтерегги*, *гудек* 'буйволенок' — мн. *гудегги*, *чувек* 'чувяк' — мн. *чувегги*, *гларчумак* 'кнут' — мн. *гларчумагги* и т.д.

Примеры перехода звонкого интенсивного *гг* в глухой простой *к* в хайдакском диалекте: *валгга* 'молитва' — мн. *валкни*, *лигга* 'кость' — мн. *ликни*, *ггалгга* 'дерево' — мн. *ггилкни*, *к"оргги* 'абрикос' — мн. *куркми*, *ьиргги* 'молотильная доска' — мн. *ьиркни*, *ширгга* 'рог' — мн. *ширкми* и т.д.

Обратимся к материалам цудахарского диалекта. Примеры перехода простого глухого *к* в звонкий интенсивный *гг*: *ггавлак* 'мешок' — мн. *ггавлагге*, *лак* 'подъем' — мн. *лаггане*, *варк* 'внутренность' — мн. *варггане*, *ггүрчимәк* 'кнут' — мн. *ггүрчимәгге*, *джиггук* 'удод' — мн. *джиггугге*, *дүрук* 'веретено' — мн. *дүругге*, *ьиварак* 'пророк' — мн. *ьиварагге*, *сундук* — *сундугге* и т.д.

Примеры перехода звонкого интенсивного *гг* в простой глухой *к*: *валгга* 'молитва' — мн. *валкне*, *лигга* 'кость' — мн. *ликне*, *ьиргги* 'молотильная доска' — мн. *ьиркме* и т.д.

На основании приведенных материалов можно заключить, что в диалектах даргинского языка звонкий напряженный *гг* имеет широкое употребление, в то время как глухой *кк* отсутствует. Во всех случаях записи глухого *кк* имеет место подмена им звонкого *гг*. В связи с этим обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Ш.Г. Гаприндашвили утверждает, что при стечении двух одинаковых звонких взрывных *гг* получается глухая гемината *кк*,

но это свое теоретическое положение автор не подкрепляет и не может подтвердить языковыми фактам: среди авторских иллюстраций глухой геминаты *кк* нет ни одного примера, в котором бы эта гемината была получена из сочетания двух звонких взрывных *гг*.

Сказанное о подмене звонкого напряженного *гг* глухим *кк* в полной мере касается и других звонких напряженных согласных: *кккк*, *ддд*, *ббб*, *дзdz*, *дждж*. Приведем некоторые иллюстрации хайдакского звонкого интенсивного согласного *кккк* и их хюркилинские соответствия: *ымкккк*а 'речной камень' — *хIункккк*а, *кзаркккк*а 'камень' — *кзаркккк*а, *гIаккккк*и 'очаг' — *жанкккк*и, *шуккккк*а 'яма' — *чуккккк*а, *ырккккк*и 'щека' — *гIиркккк*и, *суккккк*ур 'слепец, слепой' — *суккккк*ур, *ваккккк*а 'череп' — *вакккк*а, *велккккк*ана 'насытиться' — *ылкккк*и, *вурккккк*ара 'вскопать' — *вуркккк*и, *вуккккк*ара 'отнести' — *вухис*, *цаккккк*ара 'принести' — *самхис* и т.д.

Как видно из этих примеров, хайдакскому звонкому интенсивному *кккк* в хюркилинском в основном соответствует простой звонкий *кк*. В хюркилинском глаголе *хис* 'принести' согласный *х* считается корневым. Формы *вухис* и *самхис* образованы из глагола *хис* и превербов *ву-* и *сам-*. В соответствующих хайдакских формах *вуккккк*ара и *цаккккк*ара представлены также превербы *ву-* и *ца-*, а также корневой глагол *кккк*ара. В этих глаголах хайдакскому звонкому интенсивному *кккк* в хюркилинском соответствует глухой спираント *х*. Это соответствие подтверждается и формами цудахарского диалекта *кккк*из и акушинского диалекта *хес*.

Для убедительности приведем также некоторые цудахарские соответствия с интенсивным звонким *кккк*. Ср.: *хIенкккк*о 'речной камень', *кзаркккк*а 'камень', *жанкккк*и 'очаг', *вуккккк*ух 'халва', *суккккк*ур 'слепец', 'слепой', *ваккккк*а 'череп', *велккккк*из 'насытиться', *вурккккк*из 'вскопать', *ккккк*из 'принести' (*вуккккк*из 'отнести', *саккккк*из 'принести', *виккккк*а 'давай') и т.д.

Следует отметить, что в материалах хайдакского и цудахарского диалектов наблюдаются случаи перехода звонкого напряженного *кккк* в простой глухой *хх* и простого глухого *хх* в звонкий напряженный *кккк*, но нет случаев перехода глухого напряженного *ххх* в простой звонкий *кк* или простого звонкого *кк* в глухой интенсивный *ххх*. Отсутствие этих последних случаев также свидетельствует об отсутствии в этих диалектах глухого интенсивного согласного *ххх*.

Приведем некоторые материалы перехода звонкого интенсивного *кккк* в простой глухой *хх* и простого глухого *хх* в звонкий интенсивный *кккк*.

Материалы хайдакского диалекта. Переход *кккк* в *хх*: *ымкккк*а 'речной камень' — мн. *ымхх*ни, *кзаркккк*а 'камень' — мн. *кзархх*ни, *ыркккк*и 'щека' — мн. *ыркхх*ми, *ваккккк*а 'череп' — мн. *вахх*ри и т.д.

Переход *хх* в *кккк*: *гIинихх* 'грот' — мн. *гIиникккк*и, *хъарахх* 'кошара' — мн. *хъаракккк*и, *вайрахх* 'знамя' — мн. *вайракккк*и, *вэлихх* 'рыба' — мн. *вэликккк*и, *буртахх* 'товарищ' — мн. *буртакккк*и, *цалихх* 'одинарный' — мн. *цаликккк*и, *ъарахх* 'стог' — мн. *ъаракккк*и,

ѡаталихъ 'стояк, жердь в стоге сена' — мн. ѡаталикѡкъѡи, тІуннехъ 'корзина для мякины' — мн. тІуннекѡкъѡи и т.д.

Аналогичные взаимные переходы звонкѡго интенсивного кѡкъ и простого глухого хъ наблюдаются также в материалах цудахарского диалекта.

Переход кѡкъ в хъ: кѡаркѡкъѡа 'камень' — мн. кѡархѡѡе, вакѡкъѡа 'череп' — мн. вахѡѡне, ѡанкѡкъѡи 'очаг' — мн. ѡанхѡѡне, хІенкѡкъѡо 'речной камень' — мн. хІенхѡѡне и т.д. В последнем примере представлен переход лабиализованного звонкого интенсивного кѡкъѡ в лабиализованный простой глухой хѡѡ.

Переход хъ в кѡкъ: вукѡкъѡухъ 'халва' — мн. вукѡкъѡукѡкъѡе, хѡарахъ 'кошара' — мн. хѡаракѡкъѡе, валихъ 'рыба' — мн. валикѡкъѡе, гІунихъ 'грот' — мн. гІуникѡкъѡе, вайрахъ 'знамя' — мн. вайракѡкъѡе, ѡавлахъ 'поле' — мн. ѡавлакѡкъѡе, викаІахъ 'материальное положение' — мн. викаІакѡкъѡе, ѡавгѡлихъ 'четверка' — мн. ѡавгѡликѡкъѡе и т.д.

На основании приведенных материалов можно заключить, что в диалектах даргинского языка широко употребляется звонкий напряженный согласный кѡкъ, в то время как глухой напряженный хѡхъ отсутствует. "Геминаты, встречаемые в цудахарском диалекте, — безголосные глухие" — утверждает Ш.Г. Гаприндашвили. Сколь далек автор в этом утверждении от реальной действительности наглядно демонстрируют приведенные примеры с интенсивным звонким кѡкъ. Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 118; 1966, 159—161] попросту подменил звонкий интенсивный кѡкъ глухим хѡхъ.

Интенсивный звонкий согласный дѡдѡ. Вместо данного звонкого интенсивного согласного в диалектах даргинского языка (цудахарском, хайлакском) Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует глухой цц. Между тем междиалектные звуковые соответствия имеют четкие закономерности и они неопровержимо свидетельствуют, что во всех подобных случаях фактически представлен звонкий дѡдѡ. Согласно этим закономерностям хюркилинскому и акушинскому дз или з в цудахарском и хайлакском закономеренно соответствует интенсивный звонкий дѡдѡ.

Сравним некоторые цудахарские и хюркилинские примеры: дѡдѡав 'дождь' — дѡав, дѡдѡзурви 'небеса' — дѡзурви, лимдѡдѡзи 'язык' (орган) — лимдѡми, дѡдѡе 'соль' — дѡи, видѡдѡзисе 'вкусный' — видѡзил, ѡидѡдѡзала 'болезнь' — ѡидѡдѡзала, ѡундѡдѡа 'дверь' — ѡундѡа, рудѡдѡзи 'сестра' — рудѡзи, ѡудѡдѡзи 'брат' — ѡудѡзи, ггандѡдѡзи 'лестница' — гандѡзи, дудѡдѡа 'лес' — дудѡа, дѡдѡзандѡдѡзи 'колючка' — дѡзандѡзи, ѡидѡдѡзиз 'болеть' — ѡидѡзис, ѡадѡдѡзиз 'искупаться' — ѡадѡзис, мадѡдѡа 'овца' — маѡа, дѡдѡзмасе 'густой' — зумал, хѡвѡдѡдѡзар 'земледелец' — хѡвѡзара, гѡѡнчидѡдѡзар 'работник' — хІѡнкизар, калдѡдѡзиз 'становиться' — хѡѡлзис и т.д.

В подобных словах цудахарского диалекта, как было сказано, Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует глухой цц. Писать две буквы цц гораздо легче, чем четыре буквы дѡдѡ. Этой легкостью нередко злоупотребляют некоторые носители цудахарского и хайдакского диалектов. Явно похоже, что Ш.Г. Гаприндашвили попал под влияние этой категории осведомителей. Но главное здесь авторское понимание

природы рассматриваемых согласных, согласно которому все геминаты являются глухими.

Слово 'болезнь' в цудахарском и хюркилинском диалектах имеет идентичную форму с интенсивным звонким: *ьидздзала*. Ш.Г. Гаприндашвили в цудахарском фиксирует ее с глухим *цц*, а "возможность удвоения согласного" в форме хюркилинского диалекта автор считает "очень сомнительной". Создается впечатление, что автор неточно фиксирует и субъективно анализирует подлинную картину языковых фактов, подгоняя их под заранее приготовленную версию.

В отношении звонкого интенсивного *дздз* материалы хайдакского диалекта ничем не отличаются от цудахарских. Ср.: *дздзилви* 'небеса', *лудздзуми* 'язык' (орган), *дздзе* 'соль', *видздзикай* 'вкусный', *ьидздзала* 'болезнь', *ьудздза* 'дверь', *ридздзи* 'сестра', *ьудздзи* 'брат', *ггандздзи* 'лестница', *дудздза* 'лес', *дздзадздзи* 'колючка', *ьидздзара* 'болеть', *вадздзара* 'скупаться', *мэрдздза* 'овца', *дздзумакай* 'густой', *хьудздзара* 'земледелец', *ьудздзара* 'работать', *кидздзара* 'стать' и т.д.

В материалах хайдакского и цудахарского диалектов наблюдаются взаимные переходы интенсивного звонкого *дздз* и простого глухого *ц*. Приведем некоторые примеры из хайдакского диалекта.

Переход *дздз* в *ц*: *ггадздза* 'кирка' — мн. *ггицци*, *дздзадздзи* 'колючка' — мн. *дздзицци*, *ридздзи* 'сестра' — мн. *рицци*, *ьудздзи* 'брат' — мн. *ьуцци*, *ьидздзала* 'болезнь' — мн. *ьиццлуми*, *гг^водздза* 'кобыла' — мн. *ггуцци*, *ьудздзара* 'работать' — *ьуцци* (масдар), *вадздзара* 'искупаться' — *вацци* (масдар), *виьудздзара* 'залатать' — *виьицци* (масдар), *вардздзара* 'устать' — *варцци* (масдар), *кудздзара* 'доить' — *куцци* (масдар), *вердздзара* 'поджарить' — *верцци* (масдар) и т.д.

Несколько цудахарских примеров перехода *дздз* в *ц*: *ггадздза* 'кирка' — мн. *ггацце*, *лимдздзи* 'язык' — мн. *лимцце*, *ьудздзи* 'брат' — мн. *ьуцце*, *рудздзи* 'сестра' — мн. *руцце*, *вувдздза* 'наковальня' — мн. *вуцце*, *гг^водздза* 'кобыла' — мн. *гг^воцце* и т.д.

Переход *ц* в *дздз* (ограничен материалом): *глиниц* 'родник' — мн. *глиндздзурви*, *ггуриц* 'вареник' — мн. *ггирдздзи*, *вац* 'месяц' — *вадздзе* 'в месяце', *вадздзела* 'месячный', *миц* 'крапива' — *мидздзе* 'за крапивой' и т.д.

Несколько цудахарских примеров перехода *ц* в *дздз*: *глиниц* 'родник' — мн. *глиндздзурве*, *гганц* 'шаг' — мн. *ггандздзурве*, *мец* 'язык' — мн. *медздзәне*, *ьарц* 'деньги', 'серебро' — мн. *ьардздзәне* и т.д.

Интенсивный звонкий согласный *дждж*. Вместо данного интенсивного звонкого согласного в диалектах даргинского языка (цудахарском, хайдакском) Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует глухой интенсивный *чч*. Такая фиксация нам представляется неточной. В позиции функционирования данного согласного в хюркилинском и акушинском диалектах представлены простые согласные *дж*, *ж*, *г*, которые закономерно (фонологически и этимологически) соответствуют цудахарскому и хайдакскому интенсивному звонкому *дждж*. Приведем некоторые хайдакские примеры с хюркилинскими соответствиями: *джджжишин* 'рассол' — *джишин*, *джджжал* 'спор' — *джал*, *джджжам* 'дужка' —

джам, джджимви 'кизил' — джуммари, джджагг^вел 'красивый' — джаг^вол, верджджара 'выпить' — вирджис, дждж^ве 'струна' — ж^ви, джджеми 'мост' — жуви, джджимисси 'айва' — гимиргы, диджджени 'корм' — дуғени, дуджджи 'ночь' — дуғи, виджджахара 'любить' — вигихыс и т.д.

Несколько цудахарских форм с интенсивным звонким дждж: джджиз 'дать', виджджиз 'отдать', виджджиз 'любить', 'хотеть', 'желать', варджджиз 'найти', вардждж^{из} 'завернуть', верджджиз 'выпить', верджджиз 'съесть' (о животном, прош. *всрггун* 'съел', ср. *верч^{из}* 'съесть' — о человеке, прош. *веркун* 'съел') и т.д.

В принципе в материалах хайдакского и цудахарского диалектов наблюдаются взаимные переходы интенсивного звонкого дждж и простого глухого ч. Но примеры с простым ч в позиции, могущей дать интенсивный звонкий дждж, чрезвычайно редки, примеры же перехода интенсивного звонкого дждж в простой глухой ч встречаются. Приведем некоторые из них:

Хайдакские примеры перехода дждж в ч: диджджени 'корм' — мн. *дичнубби*, верджджара 'выпить' — *верчни* (масдар), рурджджара 'кипеть' — *рурчни* (масдар), гъавиджджара 'срезать' — *гъавични* (масдар), ъуджджара 'пить' — *ѳучни* (масдар) и т.д.

Цудахарские примеры перехода дждж в ч: ггуджджа 'сука' — мн. *ггучне*, къаджджи 'теленки' — мн. *къачне*, дарджджжи 'одежда' — мн. *даркне* и т.д.

В последнем примере появление в форме множественного числа смычно-взрывного придыхательного к вместо придыхательной аффрикаты ч вполне закономерно, так как эти согласные в даргинском языке являются взаимочередующимися гомогенными согласными.

Два цудахарских примера перехода ч в дждж: *дерч* 'выпивка' — мн. *дерджджала*, *рамч* 'волна' — мн. *рамджджуре*.

Во многих своих работах Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 114] отрицает наличие в диалектах цудахарского типа звонких аффрикат дз и дж. "Диалекты урахинского типа характеризуются наличием звонких аффрикат дз и дж, которых нет в цудахарском, однако отсутствие их в последнем компенсируется выявлением глухих аффрикат цц и чч". "Характерными признаками цудахарского диалекта даргинского языка являются следующие: ...Отсутствие звонких аффрикат дз и дж как фонем и наличие на их месте геминированных аффрикат чч и цц" [Гаприндашвили 1956, 5]. "Хайдакский диалект даргинского языка относится к диалектам и говорам типа цудахарского диалекта, имея ряд общих с ними характерных признаков: ... Отсутствие звонких аффрикат как фонем" [там же, 6]. В хайдакском диалекте Ш.Г. Гаприндашвили признает аффрикаты дз и дж лишь как результат стечения спирантов з и ж с предыдущими сонантами л и н, т.е. как результат аффрикатизации спирантов з и ж под влиянием предыдущих сонантов л и н, т.е. лишь как варианты фонем з и ж. Между тем ни в одном диалекте даргинского языка, в том числе и в хайдакском, нет случая, чтобы аффрикаты дз и дж были получены из спирантов з и ж, или наоборот. Те и другие существуют совершенно независимо друг от друга. Сосуществовать

внутри диалекта или соответствовать друг другу в разных диалектах
спиранты *з* и *ж* и аффрикаты *дз* и *дж* могут вполне, но чтобы
в одном и том же диалекте одни из них были получены из других,
такое явление неизвестно, оно исключается. Аффрикаты *дз* и *дж*
Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 237 и далее] подменил не только
спирантами *з* и *ж*, но и интенсивными *цц* и *чч*.

Интенсивный звонкий *дд*. В материалах чудахарского и хайдакского диалектов вместо интенсивного звонкого *дд* Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует глухой интенсивный *тт*. Такая фиксация нам также представляется неточный. В позициях функционирования хайдакского и чудахарского интенсивного звонкого *дд* в хюркилинском и акушинском представлен простой *д*. Приведем некоторые хайдакские и хюркилинские соответствия: *ѡадда* 'отеп' — *ѡада*, *къадди* 'ущелье' — *къада*, *ѡелдда* 'надмогильник' — *ѡилда*, *вередда* 'топор' — *вуридда*, *ѡандда* 'лоб' — *ѡанда*, *ггурдда* 'лиса' — *гурда*, *гларддур* 'ляжка' — *гурдур*, *ниддур* 'бровь' — *нид*, *верддара* 'нарвать' — *вирдис*, *ддинпри* 'обувь' — *даври*, *ддура* 'наружу', 'вне' — *дура*, *ддаддагъ* 'петух' — *дагъ* 'о' и т.д.

Несколько цудахарских примеров: *вардда* 'топор' — мн. *вартне*, *ггурдда* 'лиса' — мн. *ггуртне*, *цѣлдда* 'надмогильник' — мн. *цѣлтне*.

Интенсивный звонкий *бб*. В материалах диалектов даргинского языка (цудахарского, хайдакского) вместо интенсивного звонкого *бб* Ш.Г. Гаприндашвили фиксирует глухой интенсивный *пп*. Это неточно. В позициях функционирования хайдакского и цудахарского интенсивного звонкого *бб* в хюркилинском и акушинском представлен спирант *в*. Некоторые хайдакские и хюркилинские соответствия: *ббала* 'шерсть' — *вала*, *ббул* 'петля' — *вул*, *бберебба* 'иголка' — *вурива*, *кьунбби* 'сундуки' (←*кьунви*←*кь^вони* 'сундук') — *кьумми* (←*кьунви*←*кь^воньи*), *хьичцIрубби* 'плечи' (ед. *хьичцIери*) — *хьуццIруви* (ед. *хьуццIари*), *мигIлубби* 'окна' (ед. *мигIэли*), *мэгIлубби* 'носы' (ед. *мэгIэли*).

чейтнубби 'торбы' (ед. чейтан), ббәнубби 'ремни' (ед. пәни) — вануви (ед. вани 'кожаный шнурок'), кьукьубби 'колени' (ед. кьукьа) — кьукьуви (ед. кьукьа), дщнубби 'корма' (ед. диджджени) — дуҗнурви (также: дуҗинти, ед. дуҗини).

Интенсивный звонкий *бб* в хайдакском диалекте чередуется с простым глухим *п*, подтверждая общую закономерность взаимных переходов звонких интенсивных согласных и соотносительных простых глухих. Несколько иллюстраций перехода *бб* в *п*: *кьубба* 'пуговица' — мн. *кьупни*, *бберевба* 'иголка' — мн. *ббирпни*, *чабба* 'тряпка' — мн. *чипни*, *гьибби* 'копна' — мн. *гьипри*, *цлибби* 'подставка для кастрюли' — мн. *цлипри*.

Переход *п* в *бб*: *тлуп* 'палец' — мн. *тлибби*, *ддуруп* 'шило' — *ддурубби*, *кьалип* 'трафарет, шаблон' — *кьалибби* и т.д.

Обнаружив в "Цудахарских песнях" Башира Далгата и в произведениях Р. Нурова, приложенных к "Грамматике даргинского языка" Л.И. Жиркова, записи звонких напряженных *бб*, *гг*, *дд*, Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 116] пишет, что "ни Далгат Башир, ни этот поэт не были связаны традицией письма, чтобы геминаты изобразить именно при помощи соответствующих звонких. Наличие возможности использования в этих же целях "соответствующих" глухих, но игнорирование их авторами показывает, что на слух последних геминаты *тт* и *кк* не резко отличались от удвоенных соответствующих звонких, что и нашло отображение в фонетическом письме авторов".

Думается, что Ш.Г. Гаприндашвили несправедлив и неправ по отношению к Баширу Далгату и Рабадану Нурову. Б. Далгат и Р. Нуров не игнорировали глухие геминаты. На их слух четко различались звонкие и глухие напряженные, поэтому там, где должны быть звонкие, они и записали именно звонкие напряженные, а не глухие. Башир Далгат, как представитель хюркилинского диалекта, иначе не мог писать, например, слово *глиббидара* (вместо явного звонкого *бб* писать глухой *пп* в этом слове было бы несоответствием действительности, искажением ее, а не "игнорированием возможности использования глухого *пп*". В этом слове суффикс *-ара* принадлежит цудахарскому диалекту (является экспонентом временного деепричастия с семантикой 'до тех пор', в хайдакском диалекте, который относится к диалектам так наз. цудахарского типа, *-ара* является экспонентом инфинитива), а остальной "корпус" слова взят из хюркилинского диалекта, где наличие аналогичного звонкого напряженного *бб* отмечена еще П.К. Усларом. В другом слове, например, *виттахъвухъун*, Башир Далгат пользуется глухим напряженным *тт*, и это вовсе не потому, что на его слух этот глухой напряженный не очень или "не резко" отличается от звонкого напряженного *дд*, а потому, что действительно в хюркилинском диалекте в данном слове представлен глухой напряженный согласный *тт* и автор точно фиксирует его.

Что же касается цудахарских слов типа *цлуддара* 'черный', *хлэдиркьидда* 'не совершу', встречающихся в текстах Б. Далгата, а также *ьанддалид* 'на лбу', *ьичч'идде* 'зажжешь', *дирицахъидде* 'наполнишь', встречающихся в текстах произведений Р. Нурова, то в одной из своих

статей мы писали, что "в них для цудахарского диалекта характерен глухой напряженный *тт*, а не звонкий *дд*". Приходится признать, что в этом утверждении мы все же оказались под влиянием теории глухих геминат Ш.Г. Гаприндашвили. При написании этой статьи, а также при исследовании хайдакского диалекта (1958) влияние теории глухих геминат Ш.Г. Гаприндашвили было настолько сильным, что в ряде случаев мы были склонны признать наличие глухого *хх* вместо фактического звонкого *кк*, глухого *чч* вместо звонкого *дждж*, глухого *тт* вместо звонкого *дд* и т.д. Теперь же, преодолев это влияние и признав свою неточность, уверенно можно сказать, что в приведенных цудахарских словах звонкий напряженный *дд* Б. Далгат и Р. Нуров зафиксировали совершенно точно и безо всякого влияния хюркилинского диалекта. В этих примерах цудахарскому звонкому напряженному *дд* в хюркилинском диалекте закономерно соответствует простой звонкий *д*: *цлудара*, *ххлдикуьсра*, *хандайлир*, *хигудра*, *дирицлухудра*. Формы *цлуддара*, *хлдирикьидда* и т.д., по мнению Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 23], также "являются чисто цудахарскими формами". Удвоенным начертанием *дд* в форме *хлдирикьидда* "передается гемината, полученная на основе морфологического стечения личного окончания *-да* с предыдущим *д* основы глагола" [там же] (кстати, заметим, между прочим, что здесь "грамматизированность" стечения двух одинаковых согласных рядов почему-то не мешает Ш.Г. Гаприндашвили говорить о геминате). Но удвоенное начертание звонкого смычно-взрывного *дд* в этой "чисто цудахарской форме" Ш.Г. Гаприндашвили склонен считать появившимся на месте глухой геминаты *тт* по недоразумению Башира Далгата, в результате якобы умышленного игнорирования им глухой геминаты *тт*.

Известно, что места артикуляции противопоставляемых простых глухих и звонких (*г~к*, *д~т*, *б~п*, *дз~ц*, *дж~ч*, *кх~хь*) довольно близки друг к другу, но тем не менее никто их не путает, да и акустическое разграничение их не составляет особого труда. Но зато постоянно путают напряженные глухие и звонкие, признавая одни и отрицая другие. У этой категории согласных, видно, не только места артикуляции глухих и звонких являются чрезвычайно близкими друг к другу и потому трудными для разграничения, но не менее трудным является также акустическое восприятие их артикуляционного различия. Как бы то ни было, между звонкими и глухими интенсивными согласными существует определенное различие. Это отличие прежде всего связано с местом их артикуляции: физиологически отчетливо ощущается, что место артикуляции звонких интенсивных более заднее, чем место артикуляции соответствующих глухих интенсивных.

Как известно, в научной литературе для обозначения рассматриваемых согласных используются различные термины: "удвоенные", "геминаты" (или "геминированные"), "долгие", "сильные" (или "усиленные"), "напряженные", "энергичные", "интенсивные", "тяжелые", "задержанные" (или "заторможенные") и т.д. Употребление того или иного термина в определенной степени вытекает из понимания природы

данных согласных. По мнению одних исследователей, эти звуки представляют собой сочетание двух одинаковых согласных, они являются просто "удвоенными согласными", по мнению других — важнейшим моментом их характеристики является долгота, которой сопровождается артикуляция, по мнению третьих — ни долгота, ни тем более удвоение не может считаться их дифференциальным признаком, а таковым является напряжение артикулирующих органов, по мнению четвертых — напряженные, интенсивные и геминированные представляют собой звуки совершенно разных модальных корреляций, а моменты долготы и удвоенности являются побочными элементами их артикуляции (например, относительная долгота характерна для артикуляции маркированного члена корреляции интенсивности, а удвоенность или "многофонемная значимость" характерна для корреляции геминированных) и т.д.

П.К. Услар [1890, 5], говоря о лакском языке, пишет, что этот язык "в высшей степени склонен к удвоению согласных". Вместе с тем лезгинский т автор характеризует как согласный интенсивной артикуляции: "т произносится при сильнейшем прижимании языка к зубам" [Услар 1896, 13]. Таким образом, у П.К. Услара "удвоенность" и "интенсивность" совмещаются в характеристике интересующей нас категории согласных. У А.М. Дирра [Dirr 1928, 33] наблюдается совмещение "геминированности" (= "удвоенности") и "долготы", у Л.И. Жиркова [1926, 7] — "геминированности" (= "удвоенности") и "усиленности".

Р.О. Шор впервые подвергла экспериментальному (инструментальному) исследованию так называемые геминаты (усиленные смычные) в ряде дагестанских языков (аварском, лакском, даргинском и лезгинском) и пришла к довольно интересным выводам. Надо сказать, что в отдельных моментах своих мыслей автор обнаруживает определенную близость с Н.С. Трубецким. Сошлемся на некоторые наиболее важные, на наш взгляд, положения автора. Р.О. Шор [1935, 137—138] пишет: "Очень показательны для определения т.н. геминат записи с хронометром-камертоном. Записи эти показывают с совершенной четкостью, что различия в долготе хотя и наличествуют, но не настолько значительны, чтобы можно было счесть их дифференциальным признаком этих двух типов фонем (типов придыхательных и геминат. — З.А.). С другой стороны, "геминаты" характеризуются менее энергичным взрывом, чем т.н. "краткие" согласные. И, наконец, анализ синхронических записей этого типа фонем свидетельствует о принадлежности их к разряду "чистых глухих", характеризующихся отсутствием придыхания и образованием следующего за согласным гласного непосредственно за моментом взрыва ртовой смычки". Записи наглядно показывают, что дифференциация геминат от других типов взрывных в яфетических языках Дагестана никоим образом не может быть сведена к факту протяжения (еще менее удвоения) к.-л. другого типа. Эта дифференциация основана на качественно иной работе органов речи при образовании этого четвертого типа взрывных, на ином отношении массы выбрасываемого воздуха к силе затвора и на иной работе гортани. Отсюда — в

результате большей затраты энергии на разрыв ртовой смычки — большая слабость взрыва геминат по сравнению со взрывом звуков негеминированных; отсюда же и сравнительно большая их длительность; отсюда, наконец, отсутствие в них придыхания, поскольку момент максимума экспираторного напряжения предшествует моменту взрыва". "Нам представляется, что существенным в звукообразовании "геминат" является напряжение артикулирующих органов, благодаря которому максимум экспираторного тока должен предшествовать моменту разрыва ртовой смычки. Именно отсутствием придыхания, вызываемым подобным распределением силы экспираторного тока, звуки четвертого типа и отличаются от простых ненапряженных придыхательных, при образовании которых — благодаря сужению голосовой щели — максимум экспираторного тока следует за взрывом смычки". "Специфический характер т.н. "геминат" объясняет и характер звонких взрывных в соответствующих фонетических системах: как показывает анализ синхронических записей, звонкие взрывные яфетических языков Дагестана не только в положении между гласными, но и в абсолютном начале слова являются действительно чистыми звонкими взрывными..." [Шор 1935, 137—138].

В мыслях Р.О. Шор наиболее существенными представляются моменты: 1) долгота не является дифференциальным признаком геминат; сравнительно большая их длительность обусловлена большей затратой энергии на разрыв ртовой смычки, значит, длительность является вторичным признаком, а не исходным; 2) непридыхательность является одной из характерных отличительных особенностей геминат; 3) существенным в образовании геминат является напряжение артикулирующих органов.

Существенный недостаток положений Р.О. Шор — отсутствие дифференциации звонких и глухих геминат, словно звонкие геминаты ничем не отличаются от глухих геминат, словно те и другие одинаково представлены во всех упомянутых языках и внутри каждого языка в отдельности. Лишь в последнем положении затрагивается характер звонких, но опять-таки нет четкости, идет ли речь о геминированных звонких или же простых звонких, судя по упомянутым позициям "между гласными" и "в абсолютном начале слова", приходится лишь полагать, что речь все же идет о геминированных звонких (если бы речь шла о простых звонких, то, очевидно, не было бы необходимости указывать эти позиции). Если наше предположение справедливо и Р.О. Шор имеет в виду именно звонкие геминаты, то это вполне адекватно с даргинской языковой действительностью и справедливо противостоит квазиглухости всех геминат, в том числе и в указанных позициях.

Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 116] придерживается несколько иного мнения: "Геминаты среди спирантов настолько отличаются по долготе от "соответствующих" нормальных, что сомнения в характеристике их, как долгих, исключено. В речи они оставляют впечатление двух, воедино слитых нормальных, объединенных единством экспираторного тока. Смычно-взрывные геминаты, хотя и в меньшей степени, но все же отличаются по долготе от других геминированных (может быть, от

негеминированных? — 3.А.) согласных. Следовательно, характеристика геминат, как *долгих согласных, более удачна, чем подчеркивание интенсивности их образования*”.

Геминированные согласные встречаются как среди смычных, так и среди спирантов; следовательно, термин “усиленные смычные” не охватывает всех геминат, спиранты геминаты остаются вне рамок такого определения. Кроме того, согласно такому определению среди геминат найдут место согласные диалектов урахинского и акушинского типов *kl, ш, ml, ɟl*, так как и они представляют собой интенсивно артикулируемые согласные. В действительности же они негеминированные “нормальные” согласные (кстати, об интенсивности их можно говорить лишь условно, так как в этих диалектах *kl, ш, ml, ɟl* не имеют — по интенсивности артикуляции — “нормальных” соответствий) [там же, 115].

Напряжение артикуляционных органов, — считает Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 25], — не может считаться, как полагает Р. Шор, наиболее характерным признаком для геминат, так как смычно-взрывные звуки усиленного образования имеются и в тех диалектах даргинского языка, где вовсе нет геминат (например, в урахинском”).

Однако о какой интенсивности или интенсивной артикуляции можно вести речь, имея в виду обыкновенные абруптивы *kl, ml, ɟl* или глухой спирант *ш*? Кстати, неверно и превращение этих согласных в достояние лишь хюркилинского и акушинского диалектов, так как все эти согласные существуют не только в названных диалектах, но и во всех остальных без исключения. Само собой разумеется, что ни “интенсивно артикулируемыми согласными”, ни “звуками усиленного образования” эти согласные считаться не могут. Ни о какой интенсивности согласных *kl, ml, ɟl, ш* — ни условно, ни безусловно — и речи быть не может. Это тем более касается хюркилинского диалекта, так как, вопреки мнению Ш.Г. Гаприндашвили, здесь существуют подлинные интенсивные *klkl, mlml, ɟlɟl, шш*. Можно сравнить такие примеры: *ɟlukla* ‘цыпленок’ — *sikklal* ‘вещь’; *ɟutluħ* ‘сосок’ — *ɟutmlaklu* ‘тяни’; *waɟla* ‘лес’ — *wiɟɟlɟal* ‘десять’; *даши* ‘иди’ (ед.ч., II кл.) — *дашше* ‘идите’ (мн. ч., для всех кл.)

Нетрудно заметить разницу между артикуляцией простых *kl, ml, ɟl, ш* в первых примерах и интенсивных *klkl, mlml, ɟlɟl, шш* — во вторых.

По мнению Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 27], смычно-взрывные геминаты могут быть без интенсивности артикуляции: “В говоре аула Кебах-Мулебки, например, трудно заметить интенсивность артикуляции смычно-взрывных геминат”. Непонятно только, каким это образом смычно-взрывные могут называться геминатами, если у них нет интенсивности артикуляции, ведь автор геминаты характеризует не как многофонемные значимости, не как сочетания двух самостоятельных (одинаковых или разных) фонем, а как неделимые фонологические единицы, произносимые единым импульсом экспираторного тока; автор часто подчеркивает свое понимание различия между понятиями “геминаты” и “удвоенного начертания” согласных. Если “геминаты” не являются согласными интенсивной артикуляции, если

"геминаты" не являются звуковыми сочетаниями, обозначаемыми "удвоенными начертаниями" согласных, то чем же они тогда являются? Остается им быть только долгими. Однако утверждение Ш.Г. Гаприладшвили, что наиболее характерным отличительным признаком так называемых "геминат" является долгота, выдвинутое им как антитезис к мнению Р.О. Шор, считавшей таким признаком данных согласных напряжение артикулирующих органов, не исключает последнего. Напряжение (интенсивность) является как бы причиной, а долгота — следствием. Следовательно, существенным в звукообразовании рассматриваемой категории согласных мы также склонны считать интенсивность (напряжение) артикулирующих органов, а для их обозначения наиболее подходящим термин "интенсивные" или "напряженные" (термин "интенсивные" можно было бы употреблять и в форме "интенситаты" — по образцу: "геминированные" — "геминаты").

Термины "интенситаты" и "геминаты" могли бы служить обозначением дифференциальных признаков разных категорий или подгрупп напряженных. При этом к "интенситатам" можно было бы отнести фонологические единицы монофонемной значимости, а к "геминатам" — фонологические единицы полифонемной значимости. Термин "напряженные" мог бы быть общим как для "интенситатов", так и для "геминатов", ибо напряжение артикулирующих органов остается основным признаком тех и других. Обратимся сначала к некоторым взглядам Н.С. Трубецкого и после них вернемся еще раз к терминологии.

Н.С. Трубецкой был и остается по сей день единственным специалистом, который пытался проводить различие типов артикуляционных преград и дифференциацию модальных корреляций по отношению к рассматриваемым согласным дагестанских языков. Но автор, к сожалению, не располагал достаточным и разнообразным материалом, в силу чего не смог учесть всех общих и отличительных свойств членов модальных корреляций разных степеней. Обратимся к некоторым теоретическим положениям Н.С. Трубецкого.

Как известно, Н.С. Трубецкой [1960, 167] установил ряд ступеней модальных корреляций. Например, одномерные оппозиции, существующие между тремя ступенями преград (смычных, спирантов и сонантов) — а) сонант ~ шумный, б) мгновенный ~ длительный, в) взрывной ~ фрикативный, г) фрикативный ~ сонант, д) взрывной ~ сонант — автор называет *модальной корреляцией первой степени*.

В отличие от единиц модальной корреляции первой степени, согласные модальной корреляции второй степени должны иметь однотипную преграду. "В любой коррелятивной паре, входящей в состав модальной корреляции второй степени, оба члена оппозиции должны быть согласными, образованными путем преодоления однотипной преграды" [там же, 173]. "...Модальные корреляции второй степени могут считаться таковыми лишь постольку, поскольку оба члена противоположения являются однофонемными" [там же, 193].

Н.С. Трубецкой выделяет шесть типов модальных корреляций второй степени:

1) *корреляция напряженности*, то есть противоположение сильных (fortes) и слабых (lenes):

- 2) *корреляция интенсивности* (или *динамическая корреляция*);
- 3) *корреляция звонкости*, то есть противоположение глухих и звонких;
- 4) *корреляция придыхания*, то есть противоположение придыхательных и непридыхательных;
- 5) *корреляция рекурсии*;
- 6) *корреляция размыкания*.

Здесь следует обратить внимание на два важных момента: а) члены противопоставления корреляции второй степени должны быть однофонемными; б) Н.С. Трубецкой разграничивает корреляции напряженных и интенсивных.

Наряду с корреляциями напряженных и интенсивных, относящихся к модальным корреляциям второй степени, Н.С. Трубецкой устанавливает и корреляцию геминации, являющуюся модальной корреляцией третьей степени. Чем же характеризуются эти три корреляции? Н.С. Трубецкой дает им такую характеристику:

"Корреляция напряженности, то есть противоположение сильных (*fortes*) и слабых (*lenes*). В этой позиции крепость преграды и необходимая для ее преодоления сила (давление воздушной струи) должны соответствовать друг другу: если благодаря напряжению мускулатуры рта усиливается преграда, то соответственно усиливается и давление воздушной струи, и наоборот, если мускулатура органов речи расслабляется, то соответственно ослабевает и давление воздушной струи" [там же, 173].

"Корреляция интенсивности (или *динамическая корреляция*) представляет собой несколько иного рода отношение между крепостью преграды и силой давления воздушной струи: при расслаблении мускулатуры органов речи напор воздушной струи оказывается слишком сильным, откуда краткость и возможная аспирация "слабого" члена оппозиции; при напряжении мускулатуры органов речи давление воздушной струи едва справляется со своей задачей, откуда относительная долгота, отсутствие придыхания и затрудненное преодоление преграды в "сильном" члене оппозиции" [там же].

Говоря о языках, располагающих различными корреляциями второй степени, Н.С. Трубецкой пишет, что "языки, имеющие более двух модальных корреляций второй степени для одного типа преграды, встречаются крайне редко. В восточнокавказских языках Дагестана... корреляции напряженности (или корреляции звонкости) сочетаются с корреляцией рекурсии* и с корреляцией интенсивности. Смычные имеют все три корреляции, которые в разных языках образуют разные пучки... Корреляция интенсивности у фрикативных встречается во всех языках Дагестана, за исключением лезгинского (кюринского) и рутульского; в корреляции звонкости противоположение смычных и фрикативных в этих языках большей частью фонологически

*Трубецкой Н.С. корреляцию рекурсии характеризует как "противоположение согласных, образуемых с помощью воздушной струи, подаваемой из легких, и согласных, образуемых массой воздуха, скопившейся над закрытой голосовой щелью и выталкиваемой поршнеобразно толчком закрытой гортани" [там же 173—174].

несущественно, а корреляция рекурсии совершенно чужда фрикативным". "Характерным для всех этих языков является неучастие сонантов во всех трех указанных модальных корреляциях второй степени" [там же, 184—185]. Относительно сонантов Н.С. Трубецкой делает такую сноску: "Наше предположение о том, что сонанты табасаранского языка принимают участие в корреляции интенсивности ("Caucasica, VIII, с. 25 и сл.), было ошибочным. В действительности здесь мы имеем корреляцию геминации, на что обратил мое внимание Моррис Сводеш" [там же, 185].

О корреляции геминации Н.С. Трубецкой пишет следующее: "Во многих языках имеются еще так называемые "геминированные" согласные. Они отличаются от "простых", или "негеминированных", большей длительностью и очень часто также более энергичной артикуляцией, что напоминает корреляцию интенсивности. Однако в положении между гласными геминированные согласные распределяются по двум слогам таким образом, что их приступ присоединяется к предыдущему слогу, а отступ — к последующему. Кроме того, эти согласные обнаруживаются только в тех положениях, где данный язык допускает группы согласных; на окружающие звуки они оказывают то же воздействие, что и группы согласных, и в общем ведут себя в языке так же, как группы согласных. Все эти признаки указывают на их многофонемную значимость, побуждая интерпретировать геминаты как сочетания из двух одинаковых согласных". "...Геминаты являются особыми согласными, которые отличаются от прочих согласных тем, что их начало и конец фонологически представляют собой два раздельных момента, тогда как у всех прочих согласных начало и конец фонологически совпадают в одной точке". "...В ряде языков существует особая *корреляция геминации*, признаком которой является раздельное существование начала и конца согласных (в противоположность совпадению начала и конца)". "Если модальные корреляции второй степени предполагают существование отдельных типов преград, то корреляция геминации, как правило, присуща отдельным классам модальных корреляций второй степени... Например, противоположение геминированных и негеминированных в некоторых дагестанских языках (табасаранском, агульском, лакском, даргинском, кубачинском, арчинском и андийском) свойственно только сонантам" [там же, 194—195].

"Отношение между корреляцией геминации и корреляцией интенсивности в разных языках складывается по-разному. Поскольку маркированные члены корреляции интенсивности очень часто имеют большую длительность, чем немаркированные члены (причем в некоторых языках это различие в длительности является даже обязательным), то между корреляцией интенсивности и корреляцией геминации обнаруживается большое сходство*. Разница между обеими корреляциями состоит прежде всего в том, что геминированные согласные

*"Это сходство часто усиливается еще и благодаря тому, что геминированные смычные являются непродыхательными, а соответствующие им негеминированные, — наоборот, продыхательными" (сноска Н.С. Трубецкого).

появляются *только* в таких позициях, где в данном языке встречаются также группы согласных, тогда как "тяжелые" согласные (то есть маркированные члены корреляции интенсивности) возможны *не только* в этих позициях" [там же, 196].

Мы привели некоторые наиболее важные теоретические положения Н.С. Трубецкого, имеющие определенное отношение к рассматриваемому вопросу о "напряженных" согласных в даргинском и других дагестанских языках. Н.С. Трубецкой в них дает довольно убедительную характеристику целому ряду сложных и спорных понятий, в частности, это вполне можно сказать по отношению к "долготе" и "геминации". Долгота является одним из признаков маркированного члена корреляции интенсивности. Долгота свойственна и геминированному, но к последним нельзя отнести интенсивные согласные в позиции абсолютного начала, так как, во-первых, эта позиция не относится к "позициям группы согласных", свойственным для геминированных, во-вторых, интенсивные в этой позиции не имеют слогового членения своего начала и конца, свойственного также для геминированных. Стало быть, долгота интенсивных и долгота геминированных существенно различаются прежде всего своими дистрибутивными масштабами. Поскольку интенсивные могут быть во всех позициях геминированных, а геминированные не могут быть во всех позициях интенсивных, в частности, в позиции абсолютного начала слова, то дистрибутивные масштабы у интенсивных шире, чем у геминированных. Ясно, что рассматриваемые согласные не могут быть названы по такому частному признаку, каким является их относительная долгота. Ясно, что называть данные согласные "долгими", как это настойчиво предлагает Ш.Г. Гаприндашвили, не просто нельзя, а в корне ошибочно.

Если строго и последовательно придерживаться взглядов Н.С. Трубецкого, то интенсивными в даргинском языке могут считаться лишь те согласные, которые функционируют в позиции абсолютного начала слова, согласные же других позиций попадают в разряд геминированных. Хотя Н.С. Трубецкой указывает, что противоположение геминированных и негеминированных в дагестанских языках свойственно только сонантам, тем не менее все интенсивные смычные в интервокальной позиции различают слоговое деление приступа и отступа: приступ относится к предыдущему слогу, а отступ — к последующему, как бы фонологически представляя собой два отдельных момента. В качестве примера можно сравнить слоговое членение слова 'кость' в хюркилинском и хайдакском диалектах. В хюркилинском диалекте (в литературном языке так же) имеем: *лига*, в хайдакском — *лигга*. Слоговое деление в хюркилинском таково: *ли-га*. Соответственно в хайдакском также должно было быть *ли-гга*, но здесь фонологически интенсивный согласный *гг* как бы расчленяется таким образом, что приступ относится к предыдущему слогу, а отступ — к последующему: *лиг-га* (ср. мн. *лик-ни*): Фонологически слоговое членение в виде *ли-гга* представляется даже несколько необычным и затрудненным. Значит ли это, однако, что мы имеем здесь не маркированный член корреляции интенсивности,

а геминату? Едва ли. Думается, что своеобразное расчленение приступа и отступа маркированных членов корреляции интенсивности в позиции между гласными еще не дает достаточного основания характеризовать их значимость как полифонемную или интерпретировать их как сочетания из двух одинаковых согласных. Следовательно, позиция между гласными или "позиция группы согласных", в которую попадают интенсивные согласные и которая обуславливает возможность своеобразного фонологического слогового расчленения приступа и отступа их артикуляции, сама по себе еще не решает вопроса об их природе — являются они интенсивными или же геминированными. Это свидетельствует лишь о том, что интенсивные согласные в данной позиции так же, как и геминированные, располагают двумя моментами своей артикуляции — приступом и отступом. Разграничение же начала и конца артикуляции в одинаковой степени свойственно интенсивным как в позиции между гласными, так и в позиции между согласным и гласным. Ср. цудахарские формы: *вакъкъа* 'череп' (позиция между гласными) и *ъанкъкъи* 'очаг' (позиция между согласным и гласным) или *валгга* 'молитва' и *лигга* 'кость' и т.д. Независимо от разграничения начала и конца артикуляции подобные интенсивные являются согласными однофонемной значимости, следовательно, они относятся к модальной корреляции второй степени. Значит, наличие разграничения начала и конца корреляции и однофонемная значимость не исключают друг друга, не являются признаками разных категорий согласных. Значит, разграничение начала и конца артикуляции, свойственное геминированным, и однофонемная значимость, свойственная интенсивным, могут совмещаться. Это обстоятельство не учтено в теории Н.С. Трубецкого.

Несколько слов о так называемых "позициях группы согласных" относительно интенсивных и геминированных. В чем же выражаются эти позиции и какие "группы согласных" имеются в виду? Применительно к материалам даргинского языка "группы согласных" не могут быть только в одной позиции — в позиции абсолютного начала слова. Следовательно, все остальные позиции можно считать "позициями группы согласных". Однако употребление или неупотребление группы согласных в той или иной позиции зависит не от природы какой-либо отдельной категории согласных, а является свойством специфики слогообразующей системы фонологических единиц языка в целом. Язык просто не терпит стечения двух согласных в позиции абсолютного начала слова и едва ли правомерно квалифицировать это как фонологический признак какой-либо конкретной категории согласных. Думается, что неупотребление геминированных в позиции абсолютного начала слов не предопределяет расчленения начала и конца их артикуляции. Эти свойства не связаны друг с другом и не обуславливаются друг другом. Значит, позиция группы согласных и расчленение начала и конца артикуляции не находятся во взаимной зависимости и не могут быть признаками только одной какой-либо категории согласных. Значит, дифференциация интенсивных и геминированных по наличию или отсутствию "позиции группы согласных" и слогового расчленения или нерасчленения начала и конца артикуляции не

находит себе оправдания. Очевидно, эти признаки имеют место и играют определенную роль в характеристике функциональных свойств интенсивных и геминированных согласных, но как частные явления они не могут считаться дифференциальными фонологическими признаками для данных категорий согласных. Для иллюстрации сказанного сошлемся на цудахарское слово *ѡанкѡкѡи* 'очаг', где согласный *кѡкѡ* имеет однофонемную значимость (ср. *ѡанчѡи* 'пшеница'), является маркированным членом корреляции интенсивности, в то же время находится в "позиции группы согласных" (ср. *ѡанцѡбукѡ* 'событие') и характеризуется слоговым расчленением начала и конца своей артикуляции: *ѡанкѡ-кѡи* (мн. *ѡанхѡ-не*). К тому же в слове *ѡанкѡкѡи* интенсивный согласный *кѡкѡ* является звонким непридыхательным, а соответствующий ему простой согласный *хѡ* (мн. *ѡанхѡне*) — немаркированный член корреляции интенсивности — глухим придыхательным. Значит, непридыхательность является характерной не только для согласных полифонемной значимости (геминированных), но и для согласных монофонемной значимости (интенсивных).

Несколько слов о понятии "многофонемной значимости" геминированных. Да, встречаются не только такие напряженные согласные, которые слоговым расчленением начала и конца своей артикуляции создают впечатление многофонемной значимости, но и такие, которые действительно образованы путем сочетания двух одинаковых согласных на стыке морфем. Можно сравнить, например, усларовское *ѡаѡлализиббит* 'по лесу', где звонкий напряженный смычный *бб* получен из сочетания двух одинаковых спирантов *ѡѡ* (*ѡаѡлализив+вит*), и хайдакское *бберѡбба* 'иголка', где *бб* в позиции между гласными характеризуется слоговым членением начала и конца своей артикуляции (*бберѡб-ба*). В первом случае мы имеем дело с подлинной многофонемной значимостью, в то время как во втором многофонемность является мнимой, кажущейся. Значит, есть необходимость четкого разграничения мнимой "многофонемной значимости" от подлинной. Только согласные подлинной полифонемной значимости могли бы называться геминированными, в отличие от интенсивных "позиции группы согласных", характеризующихся квазиполифонемностью.

Что же касается "полифонемной значимости" геминированных или "разложимости" геминированных на "составные части", то фонологически ее даже не следовало бы брать в расчет. Разве, скажем, *ѡуѡлали* 'пятьдесят' мы не считаем одним словом, хотя оно разлагается на составные части: *ѡу* — основа *ѡел* 'пять' и *ѡлали* — от *ѡѡлал* 'десять'?; разве *ѡѡв-* в глаголе, скажем, *ѡѡббухѡес* (*←ѡѡв+вухѡес*) 'сойти сверху' мы не считаем одним превербом, хотя оно состоит из *ѡѡ-* и *-ѡв-* (или *-ѡив* — одним суффиксом имени, скажем, *галгали-ѡив* 'на дереве' хотя также состоит из *-ѡи-* и *-ѡв*)? На уровне лексикологии никто не усомнится в том, что *ѡуѡлали* является одним словом, а не двумя, на уровне морфологии едва ли кто усомнится в функциональной мономорфемности преверба *ѡѡв-* или суф. *-ѡив*, но почему-то на уровне фонологии согласный *бб* в словах типа *ѡаѡлализиббит* или *ѡѡббухѡес* характеризуется как полифонемная значимость. Здесь, очевидно, имеется в виду "разложимость" не только в плане образования, но и

в плане слогового членения. Морфологически эти слова имеют такое слоговое членение: *wa-цла-ли-зив-вит*, *чев-ву-хъес*. Но совершенно при этом не учитывается различие фонологического членения от морфологического. Фонологически эти слова имеют такое слоговое членение: *wa-цла-ли-зи-ббит*, *че-ббу-хъес*. Ясно, что здесь "полифонемность" — понятие не столько фонологии, сколько морфологии или морфонологии (обстоятельство немаловажное для дифференциальной характеристики так называемых "геминированных", но никем, к сожалению, не учитываемое).

Сказанное дает основание полагать, что так называемые "интенсивные" и "геминированные" согласные обнаруживают сходство не только в длительности, но и в целом ряде других признаков. У этих категорий согласных общего гораздо больше, чем отличительного. Во всяком случае общее служит гораздо более веским аргументом для их объединения в единую категорию согласных, чем частное — для их разъединения в две самостоятельные категории. Самым существенным общим признаком интенсивных и геминированных согласных является напряжение артикулирующих органов, в одинаковой степени характерное для образования тех и других. Фонологически этот момент представляется куда важнее, чем противопоставление морфонологической полифонемности геминированных и фонологической монофонемности интенсивных. Весьма важным общим признаком интенсивных и геминированных представляется также их непридыхательность. По этим двум признакам (по напряжению артикулирующих органов и непридыхательности) интенсивные и геминированные вполне могли бы составить единый маркированный член привативной корреляции интенсивности (или напряженности). При этом единым немаркированным членом этой корреляции стал бы простой придыхательный согласный. Немаловажным представляется также противопоставление звонкости маркированного члена корреляции напряженности и глухости немаркированного члена.

Несколько слов следует сказать также о придыхательности и непридыхательности членов корреляции интенсивности. Как известно, Н.С. Трубецкой и Р.О. Шор в один голос утверждают, что маркированные члены корреляции интенсивности являются непридыхательными (по мнению Н.С. Трубецкого, непридыхательными являются как интенсивные, так и геминированные). Это мнение представляется вполне адекватным применительно к фактам даргинского языка. Однако Ш.Г. Гаприндашвили не совсем согласен с ним. Он утверждает, что геминаты в даргинском языке содержат в себе элементы придыхательности. Это утверждение Ш.Г. Гаприндашвили выдвигает как анти-тезис к мнению Р.О. Шор. Аргументом "элемента придыхательности" Ш.Г. Гаприндашвили считает переход напряженных в простые согласные в позициях абсолютного начала и конца слова. При этом Ш.Г. Гаприндашвили забыл одну малую малость: в даргинском языке в позиции абсолютного начала ни один напряженный согласный не переходит в простой согласный, а в позиции абсолютного конца напряженные согласные вообще не функционируют. Вот какой аргумент придыхательности Ш.Г. Гаприндашвили противопоста-

вил мнению Р.О. Шор в полемике. В качестве иллюстраций своего мнения Ш.Г. Гаприндашвили приводит цудахарские формы *ккаwлакк* и *ккаwлак* 'мешок' (для позиции абсолютного конца) и *ккули* и *кули* 'шкура' (для позиции абсолютного начала), утверждая при этом, что вторые формы (с простым *к* в абсолютном начале и конце) получены из первых (с геминированным *кк* в тех же позициях). Никому неизвестно, откуда взялись по два варианта этих слов. В цудахарском диалекте эти слова фактически представлены формами: *ггawлак* и *ггули*. Но Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 117—118], сам записывает и сам же утверждает: "Подобные примеры ставят под вопрос утверждение о непридыхательности смычно-взрывных геминат (Р. Шор). Если бы гемината *кк* не содержала в себе элемента придыхательности, то в результате изменений его, у нас, в данных примерах, было бы *кI*, а не *к*". Во-первых, Ш.Г. Гаприндашвили не дает никаких изменений своих примеров, не в их изменениях автор показывает переход *кк* в *к*, а в готовых вариантах номинатива; во-вторых, звонкий *гг* подменен в них глухим *кк*; в-третьих, в авторских описаниях звукопереходов нет случаев перехода геминаты *кк* в абруптив *кI* и непонятно, почему при отсутствии элемента придыхательности должен был быть именно этот переход. Утверждение — сугубо априорное.

Ш.Г. Гаприндашвили, продолжая свою интерпретацию "элемента придыхательности", пишет далее: "Когда *к*, полученное от *кк* в результате морфологических изменений, окажется "внутри" слова (склонение, словообразование), гемината восстанавливается: *лурчимак* 'кнут' — *лурчимаккале* 'кнутами', *лак* 'подъем' — *лаккле* 'по подъему', *варк* 'внутренность' — мн.ч. *барккане*; то есть налицо процесс $кк > к > кк$ " [там же, 118].

Позволим решительно не согласиться с автором, здесь нет этого процесса. В словах *гIурчимак*, *лак*, *варк* конечный глухой *к* не получен из геминаты *кк*. Эти формы являются первичными формами номинатива, стало быть, глухой *к* в них также является первичным, а не полученным в результате мифических морфологических изменений. Глухому *к* данных цудахарских форм в хюркилинском диалекте соответствует звонкий *г*: *гI'эрчимаг*, *лаг*, *варг*. В подобных случаях речь может идти или об оглушении звонкого *г*, или об озвончении глухого *к*, но не о первичности и вторичности. Конечный простой глухой *к* в цудахарской форме *гIурчимак* при образовании формы множественного числа переходит в звонкий напряженный *гг*: *гIурчимэгге*, эргатив множественного числа *гIурчимэг-гали** (что свидетельствует об оглушении звонкого *г* в цудахарской

*В статье о фонетических особенностях цудахарского диалекта даргинского языка форма эргатива множественного числа слова "кнут" Ш.Г. Гаприндашвили [1948, 113] фиксирует как *лурчимаккале* (номинатив ед.ч. *лурчимак*) и переводит 'кнутами' (в начале формы символом *I* обозначается звонкий спирант). В монографии по фонетике даргинского языка [1966, 19] эту же форму автор фиксирует как *г'арчимаккале* (номинатив ед.ч. *г'арчимак*) и переводит "кнотом" (здесь в начале формы символом *г'* обозначается лабиализованный ларингальный смычно-взрывной согласный).

форме *gJurчимэк* по сравнению с хюркилинской формой *gJ'арчимэг*). Значит, здесь представлен процесс $g > k > gg$. Совершенно аналогично положение и в слове *варк* "внутренность" (III кл.) — мн. *варггане*. Что же касается слова *лак* 'подъем', 'наклон', то оно в форме *лак* не имеет перехода простого глухого *k* в напряженный звонкий *gg*, здесь *k* остается без изменения. Вот фактическая действительность.

Ш.Г. Гаприндашвили [1956, 25—26] пишет, что в даргинском языке "смычно-взрывные геминаты в абсолютном начале и конце слов, как правило, переходят в гоморганные придыхательные смычно-взрывные звуки". Это положение не соответствует языковой действительности, поэтому не выдерживает критики: в даргинском языке напряженные согласные в позиции абсолютного начала ни в какие другие звуки не переходят, а в позиции абсолютного конца они не употребляются вообще. Встречающиеся у Ш.Г. Гаприндашвили цудахарские формы с напряженными согласными в позиции абсолютного конца типа *ккавлакк* 'мешок', *мецц* 'язык', *бацц* 'месяц' страдают неточностью записи. Фактически эти слова имеют формы: *ггавлак*, *мец*, *бац*.

Несостоятельность положения Ш.Г. Гаприндашвили очевидна. Следует подчеркнуть, что Ш.Г. Гаприндашвили, выдвигая такое неадекватное положение и многократно повторяя его в разных работах, нигде ни словом не обмолвился о том, что имеются в виду лишь отдельные случаи перехода смычно-взрывных геминат в соответствующие простые глухие придыхательные. Напротив, автор подчеркнуто утверждает, что "налицо процесс" перехода геминат в глухие придыхательные. Ясно, что когда речь идет об отдельных случаях, не пишут: "налицо процесс", ибо "процесс" — понятие соотносительное с "закономерностью", "системой", а не единичным случаем.

Все это приходится подчеркивать в связи с тем, что Ш.Г. Гаприндашвили, отвечая на нашу критику несостоятельности вышеуказанного положения автореферата, ссылаясь на свою статью о фонетических особенностях цудахарского диалекта, утверждает, что в этой статье речь идет об отдельных случаях перехода геминат в глухие придыхательные, а мы якобы игнорируем это обстоятельство.

Однако Ш.Г. Гаприндашвили не удалось сколько-нибудь убедительно опровергнуть мнение о непридыхательности маркированных членов корреляции интенсивности и доказать наличие в них "элемента придыхательности". Кроме искажения фактов и произвольного их толкования этому мнению автор не смог противопоставить ничего. Нетрудно понять, почему для Ш.Г. Гаприндашвили было столь важно доказать наличие в интенсивных согласных "элемента придыхательности": непридыхательность является характерным признаком интенсивных согласных и одновременно свидетельствует об их звонкости, а Ш.Г. Гаприндашвили утверждает, что все геминаты являются глухими. Доказательство наличия "элемента придыхательности" подкрепило бы позиции авторской теории о всеобщей глухости интенсивных. Но увы, неточность в одном ведет к неточности в другом: искажение языковых фактов непременно должно было привести к искажению теории. Между тем непридыхательность интенсивных

смычно-взрывных сопровождается звонкостью, а придыхательность — глухостью. Непридыхательность и звонкость, с одной стороны, и придыхательность и глухость, с другой, — являются как бы спутниками друг друга и в паре противопоставляются друг другу. Подменив звонкие интенсивные глухими, Ш.Г. Гаприндашвили оказался вынужденным искать в них придыхательность. Однако положение Н.С. Трубецкого и Р.О. Шор о непридыхательности маркированных членов корреляции интенсивности остается неизменным.

В принципе взгляды А.А. Магомедова относительно напряженных согласных мало чем отличаются от взглядов Ш.Г. Гаприндашвили. А.А. Магомедов так же, как и Ш.Г. Гаприндашвили, диалекты даргинского языка делит на две группы. К одной группе относятся диалекты с геминатами, а к другой — диалекты без геминат. Тем самым автор фактически отрицает наличие в языке привативной оппозиции по напряженности ~ ненапряженности. А.А. Магомедов ведет речь не о корреляции интенсивности, не о противопоставлении маркированного и немаркированного членов фонологической корреляции интенсивности, а о дегеминации геминат. По мнению автора, в арбухских формах типа *ликка* 'кость' — мн. *ликне* и *вахъ* 'чашка' — мн. *вухъхъе* представлена дегеминация геминат. Тем самым А.А. Магомедов [1963, 41] утверждает, что в этих словах геминаты *кк*, *хъхъ* по отношению к простым *к*, *хъ* первичны, следовательно, геминаты *кк*, *хъхъ* и простые *к*, *хъ* находятся на разных хронологических ступенях развития фонологической системы языка, одни из них являются исходными, а другие — производными. "Геминация" и "дегеминация" — понятия диахронической фонологии: "геминация" означает первичность простых согласных, а "дегеминация" — первичность геминат. Пользование терминами исторической фонологии "геминация" и "дегеминация" одновременно означает непризнание наличия в синхронической фонологии привативной оппозиции напряженности ~ ненапряженности, противопоставления маркированного и немаркированного членов корреляции интенсивности, ибо "происхождение" или "образование", означаемое "геминацией" (= образование геминат из простых согласных) или "дегеминацией" (= образование простых согласных из геминат) и синхроническое противопоставление геминат и простых согласных не одно и то же.

Признавая наличие "дегеминации", то есть первичности геминат по отношению к простым согласным, А.А. Магомедов [там же, 44] в то же время утверждает, что "геминаты (или "сильные" согласные) являются звуками вторичными". Автор в этом не видит никакого противоречия.

По мнению А.А. Магомедова, все напряженные согласные арбухского диалекта являются глухими. В работах автора употребление примеров со звонкими напряженными не наблюдается, везде фиксируются только глухие напряженные. Тем самым искажается фонологическая закономерность синхронического противопоставления напряженных звонких и простых глухих, характерная для диалектов так называемого цудахарского типа, куда входит и арбухский диалект. Например, А.А. Магомедов фиксирует *вахъ* — *вухъхъе* вместо

вахъ — *вукъкъе* или *ликка* — *ликне* вместо *лигга* — *ликне*. Здесь и в других примерах подмена автором звонких напряженных глухими налицо. Останавливаться на анализе всех авторских иллюстраций напряженных нет надобности. Отметим лишь, что теория всеобщей глухости напряженных согласных даргинского языка привела А.А. Магометова к необъяснимым противоречиям. Например, среди других примеров арбухских напряженных полифонемной значимости А.А. Магометов приводит формы: *чив-вусий* (→ *чиппусий*) 'держат верх предмета', 'накрыть на месте преступления' и *цлув-вāкый* 'побелить'. По мнению автора, в первом примере сочетание двух *вв* дает глухую геминату *пп* (*чив-вусий* → *чиппусий*), а во втором примере сочетание тех же согласных в той же интервокальной позиции не дает геминаты. Никакого объяснения этому странному различию результата совершенно одинакового сочетания одних и тех же согласных автор не дает. Имея в виду примеры типа *цлуввāкый*, А.А. Магометов только пишет, что встреча двух *в* "может и не дать геминату". В связи с этим возникает вопрос: если не геминату, то что же тогда дает сочетание двух *вв*? Неужели автор склонен полагать, что в слове *цлуввāкый* сочетание *вв* характеризуется фонологической эндоцентричностью, т.е. сочетание *вв* фонологически не отличается от согласного *в* в отдельно взятом слове *цлув* или *вāкый*? А.А. Магометов этого не утверждает. В словах типа *цлуввāкый* 'побелить', *тлалаввāкый* 'достать' фонологическая экзоцентричность сочетания *вв* вне всякого сомнения. Она выражается в том, что сочетание двух одинаковых спирантов *вв* дает звонкую смычную геминату *бб*: *цлуввāкый* → *цлуб-бāкый*, *тлалаввāкый* → *тлалаббāкый*. Совершенно аналогично положение и в *чиввусий* → *чиббусий*. Во всех этих арбухских примерах представлен тот же процесс, что и в усларовском *вацлализивит* → *вацлализиббит*, с той лишь разницей, что по мнению П.К. Услара, сочетание двух спирантов *вв* дает смычную звонкую геминату *бб*, а по мнению А.А. Магометова — то же самое сочетание двух спирантов *вв* в одном случае дает глухую геминату *пп*, в другом — не дает геминаты, но что дает — неизвестно.

Говоря о звукопереходах, о непридыхательности и придыхательности, о звонкости и глухости членов корреляции интенсивности, важно дифференцировать междиалектные звуковые переходы. Схематично перечислим их. Междиалектные соответствия:

1) хайдакскому и цудахарскому непридыхательному звонкому интенсивному *гг* в хюркилинском и акушинском соответствует непридыхательный простой звонкий *г* или спирант *ǵ*;

2) хайдакскому и цудахарскому непридыхательному звонкому интенсивному *ккъ* в хюркилинском и акушинском соответствует непридыхательный простой звонкий *к* или спирант *χ*;

3) хайдакскому и цудахарскому непридыхательному звонкому интенсивному *дздз* в хюркилинском и акушинском соответствует непридыхательный простой звонкий *дз* или спирант *ʒ*;

4) хайдакскому и цудахарскому непридыхательному звонкому интенсивному *дждж* в хюркилинском и акушинском соответствуют непридыхательные простые звонкие *дж*, *г* или спирант *ǵ*;

5) хайдакскому и цудахарскому непридыхательному звонкому интенсивному *дд* в хюркилинском и акушинском соответствует простой звонкий *д*;

6) хайдакскому и цудахарскому непридыхательному звонкому интенсивному *бб* в хюркилинском и акушинском соответствует звонкий спирант *в*.

В хайдакском и цудахарском диалектах наблюдаются внутридиалектные взаимные переходы: 1) непридыхательного звонкого интенсивного *гг* и придыхательного простого глухого *к*; 2) непридыхательного звонкого интенсивного *къкъ* и придыхательного простого глухого *хъ*; 3) непридыхательного звонкого интенсивного *дзdz* и придыхательного простого глухого *ц*; 4) непридыхательного звонкого интенсивного *дждж* и придыхательного простого глухого *ч*; 5) непридыхательного звонкого интенсивного *дд* и придыхательного простого глухого *т*; 6) непридыхательного звонкого интенсивного *бб* и спиранта *в*.

Междиалектные звуковые соответствия и внутридиалектные звуковые переходы образуют довольно стройные и последовательные системы. Обе эти системы представляют собой разные хронологические ступени развития языка: междиалектные звуковые соответствия характеризуют более раннюю стадию фонологической системы языка, внутридиалектные звуковые переходы — более позднюю стадию. Если учесть, что в междиалектных соответствиях оба члена корреляции являются звонкими, а во внутридиалектных переходах один член корреляции является звонким, а другой — глухим, то закономерна тенденция оглушения звонких: оглушению подвергается простой член корреляции, интенсивный остается звонким.

Вышеприведенные междиалектные звуковые соответствия и внутридиалектные звуковые переходы членов корреляции интенсивности можно представить общей схемой, где первым членом будет идти немаркированный член междиалектной корреляции, вторым членом — маркированный член и третьим — немаркированный член внутридиалектной корреляции:

г, ǵ	—	гг	—	к
къ, х	—	къкъ	—	хъ
дз, з	—	дзdz	—	ц
дж, з, ǵ	—	дждж	—	ч
д	—	дд	—	т
в	—	бб	—	п

По всей вероятности, даргинский язык в своем историческом прошлом располагал системой двух оппозиций интенсивности: "интенсивный глухой ~ простой звонкий" и "интенсивный звонкий ~ простой глухой". Ныне в хюркилинском диалекте представлены следы разрушения обоих видов корреляции интенсивности, спорадически функционируют здесь интенсивные глухие (*тт, пп, ххх, кк, цц*) по отношению к которым соответствующие простые звонкие (*д, б, къ, г, дз*) уже не являются членами фонологической корреляции, и интенсивные звонкие (*гг, дздз, дждж, бб*), по отношению к которым соответствующие простые глухие (*к, ц, ч, н*) также не являются членами фонологической оппозиции. Стало быть, ныне в хюркилинском диалекте нет системного противопоставления маркированного и немаркированного членов корреляции интенсивности (ни *тт ~ д, пп ~ б, ххх ~ къ, кк ~ г, цц ~ дз*, ни *гг ~ к, дздз ~ ц, дждж ~ ч, бб ~ н*).

В хюркилинском диалекте особняком стоят напряженные *кIkI, цIcI, къкъ, ьь*. Они свидетельствуют, что в даргинском языке интенсивность не была чужда и абруптивным согласным. Видимо, со временем их система также подверглась деградации, а наши примеры представляют собой реликты исторического состояния. В других диалектах (цудухарском, хайдакском и др.) нет оппозиции "интенсивный глухой ~ простой звонкий", но широко представлена живая и действующая система корреляции "интенсивный звонкий ~ простой глухой": *гг ~ к, къкъ ~ хъ, дздз ~ ц, дждж ~ ч, дд ~ т, бб ~ н*. В действующей системе оппозиции "интенсивный звонкий ~ простой глухой" интенсивный звонкий является маркированным членом, а простой глухой — немаркированным членом. В действующей системе корреляции интенсивности все маркированные члены являются звонкими, а немаркированные члены — глухими. В действующей системе корреляции интенсивности все маркированные члены являются непридыхательными, а немаркированные члены — придыхательными. Маркированные члены корреляции интенсивности функционируют во всех позициях, кроме позиции абсолютного конца. Междиалектная корреляция интенсивности функционирует в позициях абсолютного начала и "группы согласных". Внутридиалектная корреляция интенсивности функционирует лишь в позиции "группы согласных". Уменьшение позиций функционирования корреляции интенсивности — лишнее свидетельство тенденции ее разрушения.

ЛАБИАЛИЗОВАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ И ИХ КВАЗИРЕФЛЕКСЫ

Лабиялизованные согласные в даргинском языке имеют широкое распространение. За исключением акушинского диалекта, принятого за основу литературной нормы, лабиялизованные согласные характерны для всех диалектов даргинского языка. Они представлены, в частности, в хюркилинском, хайдакском, арбукском, цудухарском и других диалектах и говорах даргинского языка.

По мнению А.А. Магометова [1953, 404], "обычно лабиялизованные звуки даргинского языка — заднеязычные и фарингальные". В качестве таких "обычно лабиялизованных звуков даргинского

языка" автор приводит двенадцать согласных арбуцкого диалекта: $г^w$, $к^w$, $кк^w$, $кI^w$, $х^w$, $хх^w$, $гь^w$, $хьхь^w$, $гь^w$, $хь$, $хх^w$, $хь^w$, $хьхь^w$, $кь^w$. Кстати, за исключением $г^w$ эти лабиализованные согласные арбуцкого диалекта были засвидетельствованы еще Л.И. Жирковым [1930].

Очевидно, что к своему обобщению А.А. Магомедов пришел на материале родного для него арбуцкого диалекта. Но по материалам других диалектов, которые причастны к даргинскому языку не в меньшей степени, чем арбуцкий диалект, это мнение представляется не совсем точным. В даргинском языке лабиализованными могут быть не только заднеязычные и фарингальные согласные. Судя по материалам хюркилинского диалекта, круг лабиализованных звуков выходит далеко за рамки указанных групп согласных. В оптимальной дистрибуции здесь лабиализованными могут быть все согласные за исключением губно-губных $в$, $ф$, $пI$ и среднеязычного $й$. Среди лабиализованных наблюдаются даже губно-губные $б^w$, $п^w$ и сонорный $м^w$. Несколько примеров: *йэбу* 'лошадь' — генитив *йэб^wō*, *гI^wэбул* 'гвоздь' — генитив *гI^wэб^wō*, *губул* 'палец ноги' — генитив *губ^wō*, *кьапу* 'ворота' — генитив *кьап^wō*, *вакьну* 'земли при мечети' — генитив *вакьп^wō*, *кьарапул* 'медяк', 'черная монета' — генитив *кьаран^wō*, *зулму* 'насилие' — генитив *зулм^wō*, *р^wэхIму* 'жалость' — *р^wэхIм^wō*, *гIлму* 'наука' — *гIлм^wō* и т.д.

Система согласных даргинского языка характеризуется двумя всеохватывающими корреляциями — корреляцией по признаку "нелабиализованный ~ лабиализованный" и корреляцией по признаку "ненапряженный ~ напряженный". На современной стадии развития отсутствием обеих этих корреляций характеризуется лишь один акушинский диалект. Что же касается хюркилинского диалекта, то здесь, как и в других диалектах даргинского языка, представлены обе корреляции. Следует лишь заметить, что корреляция "ненапряженный ~ напряженный" имеет в хюркилинском диалекте определенные признаки своего разрушения, в то время как корреляция "нелабиализованный ~ лабиализованный" является наиболее полной и развитой.

В фиксации и толковании лабиализованных согласных и смежных с ними гласных хюркилинского диалекта в научной литературе существует много неточного и противоречивого. Поэтому прежде чем внести какие-либо обобщения о структурных и функциональных свойствах лабиализованных согласных, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать и проиллюстрировать каждый из них в отдельности. Сначала перечислим их. Губные: $п^w$, $б^w$, $м^w$; зубные: $д^w$, $т^w$, $тI^w$, $дз^w$, $ц^w$, $цI^w$, $з^w$, $с^w$, $н^w$; альвеолярные: $дж^w$, $ч^w$, $чI^w$, $ж^w$, $ш^w$, $р^w$, $л^w$; среднеязычные: $хь^w$; заднеязычные: $г^w$, $к^w$, $кI^w$, $гь^w$, $э^w$, $х^w$; фарингальные: $кь^w$, $хь^w$, $кь^w$, $кI^w$; ларингальные: $гI^w$, $ь^w$, $гь^w$.

В начале несколько слов о понятиях "лабиальный" и "лабиализованный". В научной литературе имеет место отождествление или одинаковое, синонимическое употребление этих понятий. Между тем они имеют определенное различие. Применительно к звуковой системе даргинского языка это различие следует подчеркнуть особенно четко. Здесь "лабиальным" можно назвать такой звук, при образовании которого основная и определяющая артикуляция является лабиальной. "Лабиализованный" же — это такой звук, при образовании которого кроме своей основной артикуляции имеет еще добавочную лабиальную артикуляцию. Например, фонема *к* имеет артикуляцию заднеязычного глухого смычно-взрывного звука, а лабиализованная коррелятива *к^в* кроме указанной артикуляции располагает еще дополнительной лабиальной артикуляцией. Условно "лабиальный" можно назвать звуком одномерной артикуляции, а "лабиализованный" — звуком двумерной артикуляции.

Имеются случаи, когда один звук может быть реализован обеими видами артикуляции, т.е. может быть как звуком одномерной, так и двумерной артикуляции. Как раз к такой категории звуков относятся губные лабиализованные согласные хюркилинского диалекта. К ним, в частности, относятся: *п^в*, *б^в*, *м^в*. Некоторые примеры:

п^в: *къапу* 'ворота' — ген. *къап^вō*, *вакьпу* 'вакуф' — ген. *вакьп^вō*, *къарапул* 'медяк' — ген. *къарап^вō*;

б^в: *йэбу* 'лошадь' — ген. *йэб^вō*, *гI^вэбул* 'гвоздь' — ген. *гI^вэб^вō*, *зубул* 'палец ноги' — ген. *зуб^вō*, *бул* 'узел' — ген. *б^вō*, *ыбул* 'шьющий' — ген. *ыб^вō*;

м^в: *гIлму* 'наука' — ген. *гIлм^вō*, *зулму* 'насилие' — ген. *зулм^вō*, *р^вэхлму* 'жалость' — ген. *р^вэхлм^вō* и т.д.

Все приведенные иллюстрации относятся к именам (*ыбул* 'шьющий' — причастие, тоже является отглагольным именем). Все они в исходе имеют лабиальный гласный -у или комплекс с этим гласным (-ул). В генитиве этому лабиальному гласному -у противопоставляется сочетание "лабиализованный согласный + лабиальный долгий гласный *ō*". Таким образом, фиксируется закономерная зависимость и взаимная обусловленность лабиального гласного у, с одной стороны, лабиализованного согласного и лабиального гласного о (или долгого гласного *ō*), — с другой. Не будем пока спешить с выводом о том, что лабиальный гласный у, поскольку находится в номинативной, начальной форме имени, является хронологически исходным, первичным, а лабиализованный согласный и сочетающийся с ним лабиальный гласный о (или лабиальный долгий гласный *ō*), поскольку находятся в генитивной, деривационной форме имени, являются вторичными. Такой вывод был бы поспешным в силу того обстоятельства, что указанная дистрибутивная последовательность не является абсолютной для этих звуков. Хочется обратить внимание лишь на то, что в приведенных иллюстрациях конечную позицию первичной формы занимает лабиальный гласный у, а лабиализованный

согласный и лабиальный гласный *o* (или лабиальный долгий гласный *ō*) представлены в конечной позиции деривационной формы имени.

Лабиализованные *n^w*, *b^w*, *m^w* являются согласными двумерной артикуляции, причем совмещающиеся в них артикуляционные свойства фонологической дифференциации, свойства основной и добавочной артикуляции являются лабиальными. Им противопоставляются лабиальные согласные одномерной артикуляции *n*, *b*, *m*.

Закономерную связь лабиализованного согласного с лабиальным гласным *y* мы будем в дальнейшем характеризовать как его оптимальную дистрибуцию.

Можно отметить, наконец, что губные *в*, *nl*, *ф* лабиализованными быть не могут. Согласный *в* является по своей артикуляции округленным, т.е. при его образовании губы слегка вытягиваются вперед и округляются, принимая форму, характерную для лабиализованных согласных. Но не билабиальная артикуляция причиной тому, что согласный *в* не может быть лабиализованным, не может иметь двумерной (основной и добавочной) лабиальной артикуляции. Причиной тому — отсутствие оптимальной дистрибуции: в хюркилинском диалекте сочетание "*в+y*", могущее дать лабиализацию согласного *в*, исключается, перед лабиальным гласным *y* билабиальный согласный *в*, как правило, выпадает. Согласный *ф* в хюркилинском диалекте представлен вообще в весьма ограниченном материале: фактически лишь в одном слове *ьуфикI^wис* 'дуть' (отсюда имя *ьуфикI^wон* 'дудка'). Согласный *nl* в хюркилинском диалекте имеет довольно широкое распространение, но лексемы с оптимальной дистрибуцией ("*nl+y*") для его лабиализации также не встречаются.

Зубные лабиализованные

К зубным лабиализованным относятся девять согласных: *д^w*, *т^w*, *мл^w*, *дз^w*, *ц^w*, *цI^w*, *з^w*, *с^w*, *н^w*. Некоторые примеры:

д^w: *д^wэгI* 'ветер' — мн. *д^wэгIэни*; *д^wэгIу* 'ограда' (от ветра); 'холод-д-а', 'ветры'; *д^wэд* 'дудка' — мн. *д^wэдани*, *чуд^wō* — генитив от *чуду* 'пирог', *ьурд^wō* — генитив от *ьурду* 'стан', *ьуд^wō* — генитив от причастия *ьудул* 'косящий', 'рвущий' и т.д.

т^w: *т^wэк* — а) основа семантики 'скользить': ср. *т^wэкбух^wис* 'поскользнуться', *т^wэкбикI^wис* 'скользить'; б) 'туз': *кьарала т^wэк* 'пиковый туз', *т^wэйри* — мн. от *тэй* а) 'жеребенок'; б) 'выюк'; *ьит^wō* — генитив от *ьиту* 'утюг'.

мл^w: *мл^wэхI* 'нога' — мн. *мл^wэхIми*, *битI^wō* — генитив от *битIу* 'мука'; *мл^wō* — генитив от *млIу* 'палец руки', *пистI^wō* — ген. от *пистIу* 'пистон', *хьармл^wō* — ген. от причастия *хьармлIу* 'наливающий', *хьелмл^wō* — ген. от причастия *хьелмлIу* 'вставляющий' (вниз), *ьелмл^wō* — ген. от причастия *ьелмлIу* 'вытаскивающий' (снизу), *селмл^wō* — ген. от причастия *селмлIу* 'вытаскивающий' (в сторону говорящего), *балмл^wō* — ген. от причастия *балмлIу* 'хулящий', 'осуждающий', *ьирмл^wō* — ген. от причастия *ьирмлIу* 'скроящий' и т.д.

дз^w: *дз^wэглуми* — мн. от *дзүгIала* 'забота', 'печаль'. Одновре-

менно с лабиализацией $d\bar{z}^w$ наблюдается и звуковая транспозиция $gl\bar{a} \sim \bar{a}gl$ (ср. также: $шухl\bar{a}ри$ 'желоб' — мн. $ш^w\bar{a}хl\bar{a}руми$, $\bar{y}ухl\bar{a}$ 'гость' — $\bar{y}^w\bar{a}хl\bar{a}$), $\bar{y}ид\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}ид\bar{z}ул$ 'болящий'.

$\bar{y}^w$: $\bar{y}^w\bar{a}ц$ — основа сложного глагола $\bar{y}^w\bar{a}ц\bar{h}абатис$ 'проглотить', 'сжрать', $\bar{y}ури\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{y}урицул$ 'дрова', $\bar{b}ури\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}урицул$ 'державший', $\bar{y}иц\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}ицул$ 'моющий'; 'стирающий' и т.д.

$\bar{c}l^w$: $\bar{c}l^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{c}lули$ 'зерно', $\bar{k}lуц\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{k}lуцлул$ 'ложка', $\bar{b}уцl^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}уцлул$ 'пекуший', 'жарящий', $\bar{b}ирицl^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}ирицлул$ 'наполняющий' и т.д.

$\bar{z}^w$: $\bar{z}^w\bar{a}з$ — символическое слово, изображающее характер 'тянучести'; ср. $\bar{z}уз$ в словах $\bar{z}уз\bar{b}а\bar{k}ьис$ 'потянуть', $\bar{z}уз\bar{b}итlис$ 'растянуться', $\bar{d}аз\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{d}азу$ 'граница', $\bar{y}уз\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}узул$ 'трудящийся', 'работающий', $\bar{y}из\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}изул$ 'доносящий' и т.д.

$\bar{c}^w$: $\bar{c}^w\bar{a}g\bar{r}и$ — мн. от $\bar{c}аg\bar{l}$ — мерка в 2,5 кг; $\bar{c}^w\bar{a}g\bar{l}и$ наречие 'обиженно', 'хмуро', 'пасмурно' (о человеке); $\bar{c}^w\bar{a}с$ — символическое слово, изображающее характер 'дыхания', 'сопения'; ср. $\bar{c}ус$ в слове $\bar{c}уси\bar{k}l^wис$ 'сопеть'; $\bar{c}ус\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{c}усул$ 'овес', $\bar{n}ус\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{n}усул$ 'пылинка', 'снежинка'; $\bar{y}ус\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}усул$ 'спящий'; 'режущий'; $\bar{y}ис\bar{z}^w\bar{o}$ — генитив от причастия $\bar{y}исул$ 'плачущий'; 'покупающий' и т.д.

$\bar{n}^w$: $\bar{x}уn\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{x}уицул$ 'жена'; $\bar{n}^wол = \bar{n}^wол$ 'только я', 'один я', 'только я один' от дейкtonима $\bar{n}у$ 'я'.

Альвеолярные лабиализованные

К альвеолярным (переднеязычным) лабиализованным согласным относятся семь согласных: $\bar{d}ж^w$, $\bar{ч}^w$, $\bar{ч}l^w$, $\bar{ж}^w$, $\bar{ш}^w$, $\bar{p}^w$, $\bar{l}^w$.

Приведем некоторые примеры:

$\bar{d}ж^w$: $\bar{d}ж^w\bar{a}рри$ — мн. от $\bar{d}ж\bar{a}р$ 'тополь'; $\bar{d}ж^w\bar{a}нни$ 'слюни'; $\bar{d}ж^w\bar{a}нд$ — пейоративное название овцы, барана; $\bar{d}ж^w\bar{a}ндар$ — пейоративное название кумыков; $\bar{b}удж\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}уджул$ 'пьющий'; $\bar{y}идж\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}иджул$ 'лижущий' и т.д.

$\bar{ч}^w$: $\bar{ч}^w\bar{a}ч$ 'култышка', 'чурка'; $\bar{ч}^w\bar{a}чма$ 'дробь'; $\bar{ч}^w\bar{a}лли$ — мн. от $\bar{ч}ал$ 'лента'; $\bar{ч}^w\bar{a}мадан$ 'чемодан'; $\bar{b}алч\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}алчул$ 'бьющий', 'разбивающий'; $\bar{b}урч\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}урчул$ 'собирающий' и т.д.

$\bar{ч}l^w$: $\bar{ч}l^w\bar{a}g\bar{l}и$ — мн. от $\bar{ч}lуg\bar{l}\bar{a}$ 'хворостинка'; $\bar{ч}l^w\bar{a}хl\bar{a}п\bar{a}р$ 'тополь', $\bar{ч}l^w\bar{a}хl\bar{a}б\bar{a}кьис$ 'вытащить'; $\bar{ч}l^w\bar{a}хl\bar{a}бикl^wис$ 'дергаться'; $\bar{ч}l^w\bar{a}нтl\bar{a}бикl^wис$ 'хлюпать'; $\bar{ч}l^w\bar{a}пl\bar{a}кьис$ 'пососать'; $\bar{ч}l^w\bar{a}пl\bar{a}шиис$ 'задираться'; $\bar{b}учl^w\bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{b}учлул$ 'читающий' и т.д.

$\bar{ж}^w$: $\bar{m}уж\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{m}ужул$ — деталь шубы.

$\bar{ш}^w$: $\bar{ш}^w\bar{a}м$ 'свеча'; $\bar{ш}^w\bar{a}тl$ 'свист'; $\bar{ш}^w\bar{a}тlукl^wон$ 'свисток'; $\bar{ш}^w\bar{a}ллитl$ 'свирель'; $\bar{ш}^wол$ 'пятъ'; $\bar{ш}^w\bar{a}хl\bar{a}руми$ — мн. от $\bar{ш}ухl\bar{a}ри$ 'желоб' (с транспозицией $\bar{x}l\bar{a} \sim \bar{a}хl$), $\bar{b}уриш\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{b}уришул$ 'толстый', $\bar{b}аиш\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{b}аишул$ 'ходящий' и т.д.

$\bar{p}^w$: $\bar{p}^w\bar{a}хl$ 'душа'; $\bar{p}^w\bar{a}хlму$ 'жалость'; $\bar{d}ар\bar{z}^w\bar{o}$ — ген. от $\bar{d}ару$ 'порох',

бар[̣]о — ген. от *бару* 'вал'; *ѡамр[̣]о* — ген. от *ѡамру* 'воля', 'приказ'; *ѡуср[̣]о* — ген. от *ѡусру* 'янтарь'; *загьр[̣]о* — ген. от *загьру* 'ял' и т.д.

л[̣]: *л[̣]эгI-*, *л[̣]эр-* — основы символического изображения характера 'глотания': ср. *л[̣]эгIхьаѡис* или *л[̣]эрхьаѡис* 'проглотить'; *л[̣]эгIбатис* или *л[̣]эрбатис* 'проглотить'; *бал[̣]о* — ген. от причастия *балул* 'знающий'.

Среднеязычные лабиализованные

К среднеязычным принято относить согласные *й* и *хь*. Как отмечалось выше, согласный *й* не может быть лабиализованным. Что же касается согласного *хь*, то он в ряде лексем имеет соответствующую для лабиализации оптимальную дистрибуцию. В частности, к таким лексемам можно отнести: *ѡурхь[̣]о* — ген. от *ѡурхьу* 'море'; *хь[̣]о* — ген. от *хьул* 'желание'; *бихь[̣]о* — ген. от причастия *бихьул* 'водящий' (*бихьес* 'водить'), *хь[̣]эрхь[̣]э* 'ничтожество' и т.д.

Заднеязычные лабиализованные

К заднеязычным лабиализованным относятся шесть согласных: *г[̣]*, *к[̣]*, *кI[̣]*, *гъ[̣]*, *ѣ[̣]*, *х[̣]*. Примеры:

г[̣]: *г[̣]оза* 'кобыла'; *г[̣]оджа* 'сука'; *г[̣]ондза* 'земля'; *г[̣]ор-* — основа сложных образований с семантикой 'катать/ся': *г[̣]орбикI[̣]ис* 'кататься', *г[̣]орбэкьис* 'обкатать', *г[̣]орикI[̣]он* 'скалка'; *г[̣]эгI* 'запах', *г[̣]энгуручI* 'булыжник'; *г[̣]эд-* — основа сложных образований, связанных с семантикой 'горло', 'горланить': *г[̣]эдбухьис* 'загорланить' (о курице), *г[̣]эдбикI[̣]ис* 'горланить', 'кудахтать', *г[̣]эдбуцис* 'заставить замолчать', букв. 'схватить за горло'; *г[̣]эр-* — основа сложных образований, связанных с семантикой а) 'мерцать', 'сверкать': *г[̣]эрбухьис* 'засверкать', 'замерцать' (о звездном небе), *г[̣]эрбикI[̣]ис* 'мерцать', 'сверкать'; б) 'трещать', 'стрекотать': *г[̣]эрбикI[̣]ис* 'стрекотать' (о характере свистка), *г[̣]эрбухьис* 'застрекотать'; *г[̣]ир-* — основа сложных образований, связанных с семантикой 'катать/ся': *г[̣]ирбухьис* 'покатиться', *г[̣]ирбэкьис* 'покатать', *г[̣]ирбикI[̣]ис* 'катиться', *г[̣]ирбатис* 'прокатить'; *гIэг[̣]о* 'лоскуток', 'тряпка'; *дэг[̣]о* 'осленок'; *г[̣]о* — частица 'же', 'ведь': *либг[̣]о* 'есть же', *ѡагуг[̣]о* 'нет же' и т.д.

к[̣]: *к[̣]ош* 'пригоршня'; *к[̣]ошин* 'шумовка'; *к[̣]очIа* 'лапа'; *к[̣]отIа* 'перчатка'; *к[̣]орага* 'абрикос'; *к[̣]они* 'живот'; *к[̣]онакъ* 'обжора'; *к[̣]ос* 'галоп'; *к[̣]огьлан* 'скакун'; *к[̣]орк[̣]орхьайкI[̣]ис* 'лихорадить', *к[̣]ичIа* а) 'миска', б) 'юла'; *к[̣]ирк* 'помет', *к[̣]эк[̣]эн* 'слива'; *к[̣]эхи* 'совок'; *ник[̣]о* 'ноготь'; *дик[̣]о* 'пища' (обрядовая), *чэк[̣]о* 'птица', *къэрк[̣]о* 'ракушка' и т.д.

кI[̣]: *кI[̣]ора* 'большой гончарный сосуд'; *кI[̣]орчIа* 'одеяло', 'покрывало'; *кI[̣]интI* 'губа'; *кI[̣]има* 'сливочное масло'; *кI[̣]ел* 'два'; *кI[̣]идарш* 'двести'; *кI[̣]илихь* 'двойка', *кI[̣]илизан* 'двойня'; *кI[̣]икьэрэкь* 'двустволка'; *дикI[̣]о* 'заплата'; *никI[̣]ол* 'недавно'; *балкI[̣]о* 'хромой', 'кривой'; *билкI[̣]о* 'пестрый'; *бикI[̣]ис* 'говорить'; *билкI[̣]ис* 'написать'; *биркI[̣]ис* 'очистить'; *балкI[̣]ис* 'искривиться'; *ѡākI[̣]ис* 'родиться', 'возникнуть', 'вырасти'; *сākI[̣]ис* 'оживиться'; *букI[̣]о* — ген. от *букIун* 'чабан'; *ѡбкI[̣]о* — ген.

от причастия *ъубкІул* 'умирающий', *ѡлкІѡ* — ген. от причастия *ѡлкІул* 'возникающий', *лукІѡ* — ген. от причастия *лукІул* 'пишущий' и т.д.

гъ^ѵ: гъ^ѵори 'борозда'; гъ^ѵориш 'бороздка'; гъ^ѵобза 'мужчина'; гъ^ѵэрица 'тонкий', 'узкий'; гъ^ѵэрихыс 'расколется', гъ^ѵэрибурдис 'расколеть/ся'; дагъ^ѵо 'петух', цигъ^ѵо 'чугун'; пигъ^ѵо 'халупа'; мигъ^ѵи 'чесотка'; вагъ^ѵō — ген. от вагъу 'яд'; кьиргъ^ѵō — ген. от кьиргъу 'ястреб'; ьиргъ^ѵō — ген. от причастия ьиргъул 'понимающий', 'слышащий'.

ž^w: ž^wi (ген. ž^wē) 'нитка', 'шнур', 'провод'; miž^wi 'желуди', ž^wō — ген. от *жули* 'шкура'; буž^wō — ген. от причастия *бужул* 'поедающий'; бур-
 ž^wō — ген. от причастия *буржул* 'находящийся'; луž^wō — ген. от при-
 частия *лужул* 'дающий' и т.д.

x^w : $x^w u$ 'собака'; $x^w isa$ 'пыль'; $x^w olal$ 'большой'; $x^w oshil$ 'свободный'; $x^w oshbuxis$ 'освободиться'; $x^w orgyari$ 'легкое' (анатом., мн. *хургъри*); $bix^w \bar{o}$ — ген. от причастия *bixul* 'носящий'; $\bar{y}ux^w \bar{o}$ — ген. от причастия $\bar{y}uxul$ 'сияющий', 'сверкающий' и т.д.

Фарингальные лабиализованные

К фарингальным лабиализованным относятся согласные: $k\delta^w$, $x\delta^w$, $k\delta^w$, $x\delta^w$. Иллюстрации:

кѣ^ѡ: кѣ^ѡѣлкѣ^ѡ 'коса'; кѣ^ѡѣр 'ряд'; кѣ^ѡѣнкѣ^ѡ 'нос'; кѣ^ѡѣнари 'кувшин'; кѣ^ѡѣни — мн. от кѣ^ѡѣна 'ложь'; кѣ^ѡѣотI 'квартал'; кѣ^ѡѣош 'лука седла'; кѣ^ѡѣонкѣ^ѡ 'деревянная лопата, используемая в пекарне'; кѣ^ѡѣордбухѣис 'споткнуться'; дикѣ^ѡ 'плач по погибшему'; кѣ^ѡѣукѣѡ — ген. от кѣ^ѡѣукѣу 'гром'; ѣукѣѡ — ген. от причастия ѣукѣул 'копающий' и т.д.

х^в: х^вэб 'шея'; х^вэни 'ненастье'; х^вэнтIа 'затылок'; х^вэрби 'груши' (ед. х^вэр 'груша'); х^вэчIбэжыс 'зажать'; х^ви 'клятва'; х^вори 'кизяк'; пэх^вō — ген. от пэху 'кувшин'; х^вō — ген. от ху 'пашня'; хIалх^вō 'ящерица'; бух^вō — ген. от причастия бухуа 'цветущий' и т.д.

кь^в: кь^вэл 'корова' (мн. кь^вэли); кь^вэри 'голеннице'; кь^вэртI а) 'сноп конопля'; б) 'глоток'; кь^вэртIу 'поминки'; кь^вэртIала а) 'ножны'; б) 'место вставки пояса в брюках'; кь^ви 'жареное зерно'; кь^волт 'вельвет, бархат, плюш'; кь^волтин 'ковер'; кь^вочIа 'сума'; кь^вотIа 'макушка'; кь^воньи 'чемодан, сундук'; кь^вольа 'комок'; пIилкь^во 'хрупкое, ломкое, слабое'; бикь^вола 'полено'; бикь^вис 'расколотить'; бамкь^вис 'замутиться'; бикь^вэй 'сходив' — деепричастие от буквэс 'сходить'; нукь^во — ген. от нукьун 'мука из печеного зерна', бикь^во — ген. от причастия бикьул 'делающий', вуркь^во — ген. от вуркьули 'доска' и т.д.

xI^w: *xI^wəli* 'внутренний жир'; *xI^wəb* 'могила'; *xI^wəna* 'след раны'; *xI^wəra* 'лом'; *xI^wərda* 'перекладина'; *xI^wəba* 'ремень'; *xI^wəšili* 'полно'; *XI^wəmri* 'Гамри' (название аула); *xI^wontla* 'скирд снопов'; *xI^wol-xIəol* 'только ты', 'ты один', 'один ты только' (от дейктонима *xI^wu* 'ты'); *xI^wō* — ген. от *xI^wuli* 'глаз'; *nəxI^wō* — ген. от *nəxI^wul* 'перо'; *bixI^wō* — ген. от прилагательного *bixI^wul* 'тонкий'; *bixI^wə* — ген. от причастия *bixI^wəl* 'сохраняющий, берегущий'; *balxI^wis* 'проснуться', *bamxI^wis* 'промокнуть' и т.д.

Фиксируя фарингальные лабиализованные согласные хюркилин-

ского диалекта, нельзя не отметить, что здесь удалось засвидетельствовать два фарингальных лабиализованных напряженной корреляции. Это тем более важно отметить, что наличие в хюркилинском диалекте напряженных согласных вообще не признается ученым миром. А тут напряженные, да сверх того лабиализованные. Это $k^w k^w$ и $h^w h^w$. Иллюстрируют их лексемы: *макк^wо* 'горбатый' и *бахх^wис* 'разобрать', 'разрушить'.

Ларингальные лабиализованные

К ларингальным лабиализованным относятся согласные: gI^w , δ^w , z^w . Они иллюстрируются такими фактами:

gI^w : $gI^w эри$ 'заяц'; $gI^w эмру$ 'жизнь'; $gI^w эми$ 'дырка', $gI^w эб$ — а) название съедобного растения, б) название кучи камней, собранных на пахоте; $gI^w эшири$ — мн. от $gI эш$ 'курдюк'; $gI^w энила$ 'подушка'; $gI^w энцила$ 'глухой'; $gI^w энд$ 'узел' (самостоятельно не употребляется, служит основой сложных образований: $gI^w эндайх^wис$ 'удушиться', $gI^w эндавиш^wис$ 'удушить', $gI^w эндитак^wис$ 'задушить' и т.д.); $ыр^wgI^w о$ 'дым' (ген. $ыр^wgI^w о$); $gI^w эх^w$ — именная основа с семантикой 'низкий': $gI^w эх^wли$ — наречие 'низко', $gI^w эх^wил$ — прилагательное 'низкий', $gI^w эх^wдиш^w$ — существительное 'низость' и т.д.; $бил^wgI^w ис$ 'сосчитать'; $битал^wgI^w ис$ 'застегнуть'; $бил^wgI^w эл$ — прич. 'крадущий' (ген. $бил^wgI^w э$); $мэл^wgI^w о$ — ген. от $мэл^wgI ун$ 'шельма' и т.д.

δ^w . В научной литературе для обозначения ларингального лабиализованного абруптива используются знаки (w) и δ^w . Когда речь идет о нелабиализованном, простом ларингальном абруптиве, обозначением его употребляется δ . Знак же апостроф (') употребляется обычно для обозначения прерыва голоса на стыке морфем. Но выясняется одно весьма примечательное в фонологическом отношении обстоятельство: так называемый прерыв голоса, обозначаемый апострофом ('), и ларингальный абруптив, обозначаемый символом δ , фактически представляют собой одну и ту же фонему. Ср. *мур'ул* 'муж' — мн. *муэли*.

Следует подчеркнуть, что при прерыве голоса, обозначаемом апострофом, наличие ларингального абруптива как будто бы не чувствуется, он носит латентный характер (*мур'ул*), в то время как в вариантной позиции, обозначаемой символом δ , он присутствует отчетливо и носит инлатентный характер (*муэли*). Видимо, латентность или инлатентность ларингального абруптива обуславливается влиянием законов звуковой дистрибуции и слоговой структуры. Ларингальный абруптив в позиции перед гласным может быть простым и лабиализованным в той же степени, в какой этой корреляцией он характеризуется в позиции перед согласным. Ср. *тар^wо* 'ласка' — мн. *тар^wни*, *бал^wис* 'разрезать' — масд. *бал^wни*, *бир^wис* 'засохнуть' — масдар *бир^wни*, *би^wис* 'иссякнуть', 'иссохнуть' — масдар *би^wни* (лабиализованный ларингал δ^w); *к^wо^wльа* 'комочек' — мн. *к^wо^wльни*, *мур^wа* 'плач по покойному' — мн. *мур^wни*, *вар^wа* 'мед' — мн. *вар^wни* (нелабиализованный ларингал δ).

Как известно, П.К. Услар и вслед за ним многие даргиноведы,

в их числе и С.Н. Абдуллаев, применительно к хюркилинскому и акушинскому диалектам, а также к даргинской литературной норме слово "имя" фиксируют без ларингального абруптива ʔ, как чистый гласный у. А.А. Магометов считает это ошибкой и настаивает на необходимости фиксации этого слова с ларингальным абруптивом: ʔу. Аргументация А.А. Магометова при этом сводится к тому, что в ряде диалектов даргинского языка это слово представлено в виде зу вместо хюркилинско-акушинского и литературного у: наличие согласного з в слове "имя" одних диалектов свидетельствует о наличии соответствующего ему ларингального абруптива и в других диалектах: зу ~ ʔу. Думается, что правильны обе точки зрения, ибо различие между ними обусловлено различием подхода к объяснению факта: П.К. Услар, С.Н. Абдуллаев и др. имеют в виду синхроническое описание факта, в то время как А.А. Магометов подвергает его диахроническому анализу.

В нормативных целях слово "имя" в хюркилинском и акушинском диалектах, а также в литературном языке допустимо, очевидно, фиксировать в форме у (без ларингального абруптива ʔ), как это делали П.К. Услар, С.Н. Абдуллаев и др., и как это принято в литературной норме современного даргинского языка. Но фонологически наличие в его составе ларингального абруптива ʔ несомненно: ʔу. Следует подчеркнуть, однако, что наличие ларингального абруптива ʔ в хюркилинской форме слова "имя" доказывается отнюдь не наличием только согласного з в соответствующей форме некоторых других диалектов. Таким доказательством служит, прежде всего, внутренняя структура фонетической системы самого хюркилинского диалекта, в данном же конкретном случае — оппозиция по признаку "нелабиализованный ~ лабиализованный", которой подвержен, как и другие согласные, интересующий нас ларингальный абруптив.

Известно, что в позиции после лабиализованного согласного употребление лабиального гласного у исключается. В этом случае его манифестирует долгий лабиальный гласный ȡ. В свою очередь известно также, что долгий лабиальный гласный ȡ не может употребляться самостоятельно, без предшествующего лабиализованного согласного. Если сказанное применить к хюркилинской форме слова "имя", то наблюдается следующая картина. В синхроническом состоянии это слово фиксируется в форме у, в генитиве оно имеет форму ȡ. Если известно, что в синхроническом состоянии перед лабиальным гласным у ларингальный абруптив ʔ не фиксируется, а долгий гласный ȡ не может употребляться без предшествующего лабиализованного согласного, то становится очевидным, что исторические формы номинатива и генитива данного слова должны быть зафиксированы так: ʔу — ʔȡ̄. Аналогичны: мурʔул — ген. мурʔȡ̄̄, муʔул — муʔȡ̄̄ и др.

Таким образом, выяснению подлинной дистрибуции лабиальной гласной фонемы у помогает ее аллофона ȡ, функционально связанная с лабиализацией предшествующего согласного. Все это лишнее свидетельство тому, что звуковые единицы независимо от того,

выполняют они фонологическую или же фономорфологическую функцию, не существуют сами по себе, изолированно и независимо друг от друга, а находятся в теснейшей связи друг с другом, образуя общую формальную систему языка.

К приведенным примерам, иллюстрирующим лабиализованный ларингальный абруптив ɸ^w , можно добавить: $\text{xI}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔon}$ 'животное' — ген. $\text{xI}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$, $\text{bap}^w\text{ʔon}$ 'немножко, слегка', $\text{dʒ}\dot{\text{a}}\text{vli}^w\text{ʔon}$ 'пораньше', $\text{nikI}^w\text{ol}^w\text{ʔon}$ 'недавно', $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{g}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{g}^w\text{ʔul}$ 'туча', $\text{tapa}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{tapa}^w\text{ʔul}$ 'траншея, канал', $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pa}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pa}^w\text{ʔul}$ 'караул', $\text{m}\dot{\text{x}}\text{I}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{m}\dot{\text{x}}\text{I}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔul}$ 'боярышник', $\text{y}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от причастия $\text{y}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔul}$ а) 'достигающий, доходящий', б) 'достаточный', 'хватаящий', $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от причастия $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔul}$ 'достигающий' (верха), $\text{x}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{x}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔul}$ 'достигающий' (низа), $\text{s}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{s}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔul}$ 'достигающий' (сюда, к говорящему) (другие классные формы: $\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{ɣ}\dot{\text{a}}\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{x}\dot{\text{a}}\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{x}\dot{\text{a}}\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{x}\dot{\text{a}}\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{x}\dot{\text{a}}\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{s}\dot{\text{a}}\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{s}\dot{\text{a}}\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$, $\text{s}\dot{\text{a}}\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ō}$ — ген. от $\text{s}\dot{\text{a}}\text{d}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔul}$), $\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔis}$ — усл. $\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ōli}$, $\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔis}$ — усл. $\text{b}\dot{\text{u}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ōli}$, $\text{b}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔis}$ — усл. $\text{b}\dot{\text{a}}\text{y}^w\text{ʔ}\text{ōli}$ и т.д.

Среди приведенных примеров $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pa}^w\text{ʔul}$ и $\text{tapa}^w\text{ʔul}$ являются тюркскими заимствованиями. Ср. кумыкские $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pavul}$, tapavul . Синхронически в формах номинатива $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pa}^w\text{ʔul}$, $\text{tapa}^w\text{ʔul}$ наличие ларингального абруптива совершенно не чувствуется. Но стоит образовать форму генитива, так сразу же появляется долгий лабиальный гласный ō , следовательно, перед ним и лабиализованный ларингальный абруптив ɸ^w : $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pa}^w\text{ʔ}\text{ō}$, $\text{tapa}^w\text{ʔ}\text{ō}$. Форма генитива свидетельствует, что в форме номинатива также должен быть зафиксирован ларингальный абруптив ɸ : $\text{k}\dot{\text{a}}\text{pa}^w\text{ʔul}$, $\text{tapa}^w\text{ʔul}$.

В хюркилинском диалекте форма ɣu представляет собой не только существительное с семантикой 'имя', но и величину, способную выполнять роль различных структурных единиц с пространственной семантикой 'под', 'вниз': она может быть превербом, суффиксом, именной основой. В некоторых диалектах даргинского языка хюркилинскому ɣu с пространственной семантикой 'под', 'вниз' соответствует ɣu . Как в семантике 'имя', так и в пространственной семантике 'под', 'вниз' в форме ɣu ларингальный абруптив не чувствуется. Но данный согласный присутствует в том и другом случае.

В хюркилинском диалекте ɣu служит пространственным превербом в целом ряде глагольных лексем. Но в результате определенных фонетических процессов он исчезает и его место занимает комплекс "ларингальный абруптив ɸ^w + лабиальный долгий гласный ō ". Несколько примеров: $\text{ɸ}^w\text{ōbat}\text{is}$ 'подставить' ← ɣu + $\text{ɣabat}\text{is}$; $\text{ɸ}^w\text{ōbak}\text{is}$ 'подсунуть' ← ɣu + $\text{ɣabak}\text{is}$; $\text{ɸ}^w\text{ōba}\text{ci}\text{s}$ 'подпахать' ← ɣu + $\text{ɣaba}\text{ci}\text{s}$; $\text{ɸ}^w\text{ōbiz}\text{is}$ 'подставить' ← ɣu + $\text{ɣabiz}\text{is}$; $\text{ɸ}^w\text{ōbu}\text{ki}\text{s}$ 'подвернуть' ← ɣu + $\text{ɣabu}\text{ki}\text{s}$; $\text{ɸ}^w\text{ōbu}\text{x}\text{is}$ а) 'подстелить', б) 'подколоться' ← ɣu + $\text{ɣabu}\text{x}\text{is}$; $\text{ɸ}^w\text{ōbu}\text{ci}\text{s}$ 'поддержать' ← ɣu + $\text{ɣabu}\text{ci}\text{s}$; $\text{ɸ}^w\text{ōbu}\text{hi}\text{s}$ 'подвернуть' ← ɣu + $\text{ɣabu}\text{hi}\text{s}$; $\text{ɸ}^w\text{ōb}\dot{\text{a}}\text{x}\dot{\text{a}}\text{s}$ 'подпереть' ← ɣu + $\text{ɣab}\dot{\text{a}}\text{x}\dot{\text{a}}\text{s}$.

Во всех приведенных примерах лабиализованный ларингальный абруптив ɸ^w функционирует в позиции абсолютного начала. Вместе

с ним начальный открытый слог составляет и лабиальный долгий гласный $\bar{o}$: $\bar{o}^w\bar{o}$ -. Аналогичный характер образования имеет и $\bar{o}^w\bar{o}b\bar{o}$ —*кыс* ← *бу* + *ъабэкыс*, но здесь $\bar{o}$ означает 'имя'. Примерно глагол $\bar{o}^w\bar{o}b\bar{o}kыс$ означает 'представить, предложить, назвать на расспрос, на оценку'. В нем начальный слог также является открытым, что обуславливает собой долготу лабиального гласного $\bar{o}$.

По характеру своего образования и начальной позиции лабиализованного ларингального абруптива к приведенным примерам можно отнести также: $\text{ɤ}^w\text{orbuk}^{\text{h}}\text{ɛs} \leftarrow \text{ɤu} + \text{ɤarbuk}^{\text{h}}\text{ɛs}$ 'вступить в период течки' (о животном); $\text{ɤ}^w\text{oyzi} \leftarrow \text{ɤy} + \text{ɤayzi}$ 'уходи', 'прочь'.

Отличие этих двух примеров в том, что в них лабиальный гласный *o* не является долгим, а начальный слог — открытым.

В хюркилинском диалекте существует ряд имен со сложным суф. -ула. Этот суффикс образовался сочетанием двух суффиксов -у и -ла. Сама по себе форма *ула* является вариантом имени *уди-ла* и имеет с ним общую семантику 'низ'. В форме *ула* суффиксом является *ла*, а *у-* представляет собой основу. Слово *ула*, присоединяясь к некоторым именным основам в качестве сложного суффикса, образует новые лексические единицы. В нормативной записи ни в самом *ула*, ни в сложных лексемах, образованных путем его присоединения, ларингальный абруптив не фиксируется. Но наличие его обнаруживается в результате известных фонетических процессов, связанных с дистрибутивными свойствами лабиального гласного у: в генитиве вместо суффиксального у появляется комплекс "лабиализованный ларингальный абруптив ɸ^w + лабиальный долгий гласный $\bar{o}$ ". Ср.: *к^wонӑ^w̄o* — ген. от *к^wонӑула* 'подпруга' (*к^wони* 'живот'), *зух̆лӑ^w̄o* — ген. от *зух̆лӑула* 'подмельничье', *г̆лэх̆^w̄o* — ген. от *г̆лэх̆ула* 'угодник', *г̆линӑ^w̄o* — ген. от *г̆линӑула* 'повитуха', *бурх̆^w̄o* — ген. от *бурх̆ула* 'подпотолочье', *г̆унь^w̄o* — ген. от *г̆уньула* 'подлорожье', *шай̆^w̄o* — ген. от *шай̆ула* 'подмышка' и т.д.

Несколько слов, наконец, о геминии ларингального абруптива. Как известно, в хюркилинском диалекте существует небольшое количество имен, где ларингальный абруптив функционирует в позиции абсолютного конца. Это имена *диъ* 'мясо', *ниъ* 'молоко', *миъ* 'лед', *вайъ* 'поясница', 'талия' (*в* — показатель мужского класса, ср. *байъ*, *дайъ*). Существует также сравнительная частица, в которой лабиализованный ларингальный абруптив функционирует в начальной позиции: *ъ^wон* 'как'. Эта частица присоединяется к вышеприведенным именам, в результате чего наблюдается сочетание двух ларингальных абруптивов — простого и лабиализованного и образование напряженного (интенсивного) лабиализованного ларингального абруптива: *диъъ^wон* 'как мясо', *ниъъ^wон* 'как молоко', *миъъ^wон* 'как лед', *вайъъ^wон* 'как талия'.

Гь^в. Материал, иллюстрирующий лабиализованный ларингальный спирант *гь*^в весьма ограничен. Удалось засвидетельствовать лишь несколько лексем: *гь*^{ви} 'семя', *балгь*^{вис} 'растаять', *билгь*^{вис} 'зарезать'; *ыргь*^{вис} 'бросить', *гь*^{в̄} — ген. от *гьуни* 'дорога'.

Как видно из всего приведенного иллюстративного материала, лабиализованные согласные в даргинском языке являются не только

заднеязычными и фарингальными. Среди них имеются также губные, зубные, переднеязычные, ларингальные и т.д., одним словом, лабиализация характерна для согласных всех категорий. Приведенные нами иллюстрации не являются исчерпывающими, они могут быть заметно дополнены и расширены. Но они вполне достаточны для определенных наблюдений и обобщений.

Следует отметить, что в хюркилинском диалекте, в отличие от, скажем, арбукского или цудахарского диалекта, лабиализованные согласные в позиции абсолютного конца не встречаются. Ср. арбукские: *мѣгъ* 'слеза' (хюрк. *ниргъ*, лит. *нергъ*), *микъ* 'дуб' (хюрк. *миѣ*), *ѣаки* 'река' (хюрк. *хларки*, лит. *хѣрки*), *хѣхъ* 'орех' (хюрк. *хив*), *дѣхъ* 'туман' (хюрк. *дириѣ*, лит. *дирихъ*), *дѣхъ* 'хлев' (хюрк. *дирхъ*, лит. *дерхъ*), *дигъ* 'засуха' (хюрк. *дигъ*, *дивъ*; лит. *дегъ*, *деѣ*), *дихъ* 'балка', 'перекладина' (хюрк. *дихъ*, лит. *дехъ*), *дикъ* 'молотьба' (хюрк. *диг*, лит. *дег*), *дики* 'мера длины' (хюрк. *дики*, лит. *деки*), *мѣхъ* 'червь' (хюрк. *мулкъ*, лит. *милихъ*) и т.д.

Наблюдаются случаи, когда в нескольких диалектах, для которых характерна лабиализация, те или иные слова имеют одни и те же лабиализованные согласные или их закономерные рефлексy. Ср. хюрк. *киинти* — арб. *киинти* 'губа', хюрк. *къоны* — арб. *къоне* 'сундук', хюрк. *хъи* — арб. *ххъе* 'собака', хюрк. *дагъо* — арб. *ддагъо* 'петух', хюрк. *гъоза* — арб. *ггъодзза* 'кобыла', хюрк. *къочла* — арб. *къочле* 'лапа', хюрк. *биркъис* 'съесть' — арб. *бѣкъий*, хюрк. *бахъхъис* — арб. *бахъий* 'разрушить', 'разобрать', хюрк. *бигъис* — арб. *биггъий* 'сжечь', хюрк. *багъис* — арб. *бахъий* 'засеять' и т.д.

Но такой параллелизм лабиализованных согласных в диалектах даргинского языка не является строгой закономерностью. Немало случаев, когда лабиализованному согласному одного диалекта соответствует не лабиализованный согласный другого диалекта. Тому свидетельством могут послужить вышеприведенные арбукские слова с лабиализованными согласными в позиции абсолютного конца и хюркилинские соответствия без лабиализованных.

В связи со сказанным возникают важные вопросы: а) о дистрибутивных свойствах функционирования и фонологической сущности лабиализованных согласных, б) о хронологическом соотношении лабиализованных и нелабиализованных коррелятивов.

Говоря о дистрибутивных свойствах лабиализованных согласных даргинского языка вообще, следует отметить, что они функционируют во всех трех позициях: а) в позиции абсолютного начала, б) в срединной позиции, в) в позиции абсолютного конца (за исключением хюркилинского диалекта). Наличие в словесной форме лабиализованного согласного и следующего за ним лабиального гласного у несовместимо: если есть лабиальный гласный у, то перед ним нет лабиализованного согласного и, наоборот, при наличии лабиализованного согласного употребление за ним лабиального гласного у исключается.

Что же из них первично, что от чего зависит, наличие лабиализованного согласного от лабиального гласного у или же наличие лабиального гласного у от лабиализованного согласного?

Отвечая на этот вопрос, А.А. Магомедов [1953, 401] признает примат лабиального гласного у: "Делабиализация согласного как в глаголе, так и в имени, зависит от наличия в именной или глагольной основе лабиализованного гласного у". В хюркилинской форме инфинитива *букъэс* 'сходить', по его мнению, согласный *кь* делабиализовался, благодаря наличию лабиального гласного у. В форме же деепричастия *бикъ^вэй* 'сходив' корневой согласный лабиализован, благодаря отсутствию лабиального гласного у [там же, 411]. Из этого вытекает, что, с одной стороны, в приведенных формах лабиализованный *кь^в* признается первичным по отношению к нелабиализованному *кь* (это видно хотя бы из того, что речь идет о "делабиализации", а о "делабиализации" можно говорить лишь предполагая наличие "лабиализации", ее первичность). С другой стороны, лабиальный гласный у в форме инфинитива *букъэс* признается вторичным по отношению к гласному *и* в форме деепричастия *бикъ^вэй*. Следовательно, форма деепричастия *бикъ^вэй* признается первичной по отношению к форме инфинитива *букъэс*; форма прошедшего времени *бикъ^вэнна* 'ходил' признается первичной по отношению к форме условного наклонения *букъэсли* 'если схожу' и т.д.

Допустим, что это так. Но как быть тогда с формой будущего времени *ъаркъэс* 'пойду', где нет ни лабиализации корневого согласного *кь*, ни лабиального гласного у, как хронологически определить ее место? Допустим, что она вторична по отношению к форме деепричастия *ъаркъ^вэли* 'уходя', но каково тогда ее соотношение с формой инфинитива *ъарбукъэс* 'уйти'? Если известно хронологическое соотношение между формами *ъаркъ^вэли* и *ъарбукъэс*, то соотношение между ними и формой *ъаркъэс* остается неясным. Что исторически вернее предположить в форме будущего времени *ъаркъэс* 'уйду' — наличие лабиального гласного у или же лабиализованности корневого согласного *кь*?

Думается, что ни то, ни другое предполагать не следует, ибо она тогда будет не формой будущего времени, а чем-то другим. Думается также, что при условной возможности говорить о хронологическом соотношении между лабиализованным согласным *кь^в* и нелабиализованным согласным *кь*, между лабиальным гласным у и нелабиальным гласным *и*, попытка установить такое же соотношение между лабиальным гласным у и лабиализованным согласным *кь^в* представляется бесплодной и бессмысленной. Несовместимость их употребления в одной словесной форме отнюдь не исключает их изохронности. Лабиализованный согласный и лабиальный гласный вполне могут быть изохронными и только артикуляционные свойства могут обусловить их несовместимость в одной форме. Кроме того известно, что в составе категориальных форм глагола гласный у обычно связан с несовершенным видом, а гласный *и* — с совершенным видом. Ср. хюркилинские формы: *билч^лис* 'прочсть' (соверш.) — *буч^лис* 'читать' (несоверш.), *биру^лис* 'зажарить' — *буу^лис* 'жарить', *бирк^вис* 'поесть', 'съесть' — *букис* 'есть' и т.д. Если в формах совершенного вида типа *билч^лис*, *биру^лис*

отсутствие лабиализации корневого согласного не зависит от наличия лабиального гласного у, так как его здесь нет, или в формах несовершенного вида типа *буч^лис*, *буц^лис* наличие лабиального гласного у не обуславливает отсутствия лабиализации корневого согласного, так как ее также нет здесь, то почему нужно ставить в связь лабиализованный согласный к^л и лабиальный гласный у в формах *бирк^лис* — *букис*? Почему их нельзя рассматривать как данные изохронной структуры? Если лабиальный гласный у по своим артикуляционным или физиологическим свойствам несовместим с предшествующим лабиализованным согласным, то лабиальный гласный о (или долгий *ō*) функционирует лишь в сочетании с предшествующим лабиализованным согласным. Эти две закономерности в системе хюркилинского диалекта, да и не только хюркилинского диалекта, находятся в тесной структурной связи.

Думается, что корневые согласные, образующие корреляцию по лабиализованности ~ нелабиализованности изохронны, изохронны также предкорневые аблаутные гласные. Поэтому бесплодным и бессмысленным представляется вопрос о первичности или вторичности лабиализованных одного диалекта по отношению к нелабиализованным другого диалекта. Снимается также вопрос о "делабиализации". Едва ли кому-либо удастся доказать вторичность лабиализации согласного в арбукской форме, скажем, *дѣхъ* 'хлев' и первичность нелабиализованного согласного в хюркилинской форме *дирхъ* (или в литер. форме *дерхъ*) или первичность нелабиализованного согласного в арбукской форме, скажем, *мика* 'ноготь' и вторичность лабиализованного согласного в хюркилинской форме *ник^ло*. Коррелятивы *хъ* ~ *хь*, *к^л* ~ *к*, *кь* ~ *кь*, как и все другие коррелятивы по "лабиализованности ~ нелабиализованности", изохронны. Поэтому в даргинском языке можно говорить о двуединой природе моноконсонантного корня: каждый глагольный корень, если взять с учетом всех диалектных данных, представлен двумя коррелятивами, противопоставляемыми по "лабиализованности ~ нелабиализованности".

Может создаться впечатление, что язык прибегает к излишеству и пренебрегает принципом экономии, допуская два варианта одной и той же структурной единицы: *к^л* ~ *к*, *хъ* ~ *хь* и т.д. Но такое впечатление будет ошибочным, так как каждая из таких коррелятив двуединого корня дает систему структурных величин, отличную от системы структурных величин другой коррелятивы. Например, корневой лабиализованный к^л образует формы: *бирк^лис* (инфинитив), *бирк^лиша* (будущее обусловленное), *бирк^лосли* (условное), *бирк^лин* (повелительное), *бирк^лисил* (причастие достоинства), *бирк^лори* (причастие достаточности), *бирк^лисли* (целевое наклонение) и т.д., а корневой нелабиализованный к образует формы: *биркун* (прошедшее), *биркуйра* (настоящее), *биркунил* (причастие прошедшее), *биркуй* (деепричастие общее), *биркунхили* (деепричастие временное), *биркуни-хлана* (деепричастие пространственное) и т.д.

Можно ли доказать первичность одних из этих форм и вторичность других? Едва ли, ведь все они вместе образуют единую парадигму одной и той же структурной величины. Система парадигма-

тических единиц нелабиализованной коррелятивы будет неполной без системы парадигматических единиц лабиализованной коррелятивы. Взаимодополняя друг друга, обе эти системы образуют единую и полную парадигму двуединого моноконсонантного корня.

Следует обратить внимание еще на одно положение. Говоря о лабиализованных согласных даргинского языка, постоянно используется понятие "делабиализации", допуская и утверждая тем самым первичность лабиализованных согласных по отношению к их нелабиализованным коррелятивам. Вместе с тем ведется речь также о "разложении лабиализованного звука". Полагая такое "разложение" лабиализованных согласных даргинского языка, А.А. Магомедов, в частности, указывает на хюркилинские слова *лавгъа* 'голубь', *ъавъал* 'четыре', *див* 'засуха', *дириѳ* 'туман', *хив* 'орех'. В этих хюркилинских словах билабиальный согласный *в* А.А. Магомедов возводит к лабиализующему моменту согласных, оставшемуся якобы после утери основных согласных. Для доказательства этого автор сравнивает соответствующие арбукские слова с лабиализованными согласными: *нахъ^а* 'голубь' (точнее было бы *нахъ^о*), *агъ^у* 'четыре' (точнее будет: *ъагъ^у*), *дигъ^у* 'засуха', *дирихъ^у* 'туман', *хъихъ^у* 'орех'. Во всех этих словах арбукского диалекта А.А. Магомедов утверждает первичность лабиализованных согласных, а в хюркилинских соответствиях обнаруживает результаты их разложения. По мнению автора, в хюркилинском слове *лавгъа* основной согласный *хъ* (по сравнению с арбукской формой *нахъ^а*) выпал, а его лабиализующий момент в виде *в* остался; в хюркилинском слове *ъавъал* основной согласный *гъ* выпал (по сравнению с арбукской формой *ъагъ^у*), а его лабиализующий момент в виде *в* остался; в хюркилинском слове *див* основной согласный *гъ* выпал (по сравнению с арбукской формой *дигъ^у*), а его лабиализующий момент в виде *в* остался и т.д.

Делать предположения, очевидно, никому не возбраняется. Поэтому и мы позволим себе высказать свое мнение: в приведенных хюркилинских словах (*лавгъа*, *ъавъал*, *див*, *дириѳ*, *хив*) билабиальный спирант *в* не является пережитком, рудиментом дополнительной лабиальной артикуляции исчезнувших согласных, здесь нет и не было лабиализованных согласных, которые могли бы разложиться. Скорее всего билабиальный согласный *в* выпал в арбукских формах. Правильнее предположить изменения в самих арбукских формах: *нахъ^о* ← **навхъ^о*, *агъ^у* ← **ъавгъ^у*, *дигъ^у* ← **дивгъ^у*, *дирихъ^у* ← **дириѳхъ^у*, *хъихъ^у* ← **хъивхъ^у*.

Такое предположение особенно становится корректным, если учесть характерную склонность даргинского билабиального спиранта *в* к выпадению. В данном случае довольно веским основанием для его выпадения выглядит предполагаемое сочетание с последующим лабиализованным согласным. К тому же восстанавливаемые первичные формы арбукского диалекта **навхъ^о*, **ъавгъ^у*, **дивгъ^у*, **дириѳхъ^у*, **хъивхъ^у* представляются и выглядят весьма достоверными в сравнении с соответствующими хюркилинскими словами *лавгъа*, *ъавъал*, *див*, *дириѳ*, *хив*.

Теория "разложения" лабиализованных согласных представляется

надуманной и недостоверной. В даргинском языке нет случаев "разложения" лабиализованных согласных. Нельзя смешивать билабиальный спирант *в* с символом *w*, используемым для обозначения дополнительной лабиальной артикуляции специфических согласных. По своим фонологическим и функциональным качествам билабиальный спирант *в* и дополнительная лабиальная артикуляция специфических согласных, обозначаемая символом *w*, представляют собой разные величины, и одна из них (*w*) не может превратиться в другую (*в*).

Следует отметить, однако, что такое превращение постулируется не одним только А.А. Магомедовым. Аналогичного взгляда придерживается и Ш.Г. Гаприндашвили. Больше того, у Ш.Г. Гаприндашвили существует целая теория рефлексов лабиализованных согласных, точнее рефлексов "лабиального момента" утерянных согласных. Кроме билабиального *в* к подобным рефлексам автор относит также *б*, *п*, *пI*. Все эти четыре согласных (*в*, *б*, *п*, *пI*), по мнению Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 226—236], являются рефлексами лабиализованных согласных, т.е. представляют собой рефлексы "лабиального момента" утерянных согласных.

По мнению Ш.Г. Гаприндашвили [Там же, 229—230], в хайдакском слове *г^wорси* 'бурка' (по записи автора: *г^wарси*) лабиализованный согласный *г^w* разложился, исходный *г* исчез, в результате чего образовалась хюркилинская форма *варгьи* и цудахарская форма *варси*. Аналогичной интерпретации подвергается и другое хайдакское слово: *г^wоца* 'мышь' (в записи автора: *г^wаца*). Лабиализованный *г^w* в данном слове также разложился, в результате чего образовалась общая для хюркилинского, акушинского и цудахарского диалектов форма *ваца*. В форме *ваца*, как и в слове *варгьи*, билабиальный спирант *в* Ш.Г. Гаприндашвили [Там же, 230], характеризует как "сохранившийся момент лабиальности" исчезнувшего по неизвестной причине исходного *г*.

Неадекватность предполагаемой трансформации доказывается внутренними законами фонетических систем названных диалектов. Хайдакские *г^wорси* и *г^wоца* во множественном числе имеют *гурсми* и *гуцни*, что подтверждают закономерность противопоставления сочетаний "лабиализованный согласный + лабиальный гласный *о* ~ "нелабиализованный согласный + лабиальный гласный *у*". Во множественном числе ни в хюркилинских *варгьи*, *вацни*, ни в цудахарских *варсне*, *вацне* нет лабиального гласного *у*. Отсутствие его служит свидетельством того, что в формах единственного числа не было лабиализованного согласного, который мог бы разложиться и дать билабиальный спирант *в*. Поэтому билабиальный спирант *в* хюркилинских и цудахарских слов является лишь соответствием хайдакскому лабиализованному *г^w*, но не преобразованием лабиальной артикуляции последнего, фонологическим рефлексом его лабиального момента.

Согласный *г^w* является лабиализованным заднеязычным смычным. Стало быть, у этого заднеязычного согласного артикуляция характеризуется двумя специфическими свойствами — лабиальностью

и смычностью. Эти оба свойства для данного заднеязычного согласного характерны в одинаковой степени. Поэтому вполне резонно можно поставить вопрос: почему лабиальное свойство артикуляции этого заднеязычного имеет способность преобразовываться в самостоятельную фонему, а другое свойство — смычность — не обладает такой преобразовательной способностью? Такой вопрос вызывается предположением о том, что *г* якобы разложился, в результате чего "исходный" *г* исчез, а его "лабиальный момент", обозначаемый символом *w*, превратился в спирант *в*. К тому же непонятно, почему спирант *в* одних диалектов должен образовываться в результате разложения лабиализованных согласных других диалектов? Это тем более неадекватно, если учесть, что фонетические изменения, происходящие в системе одного диалекта, как правило, объясняются внутренними законами данного же диалекта. Необходимо проводить различие элементарных вещей — билабиального спиранта *в*, являющегося самостоятельной фонемой, и дополнительной лабиальной артикуляцией согласных, условно обозначаемой символом *w* и являющейся лишь одним из фонологических признаков данной группы согласных.

В монографии Ш.Г. Гаприндашвили существуют специальные разделы, посвященные всем квазирефлексам лабиализованных согласных. «В речи, — пишет Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 231], — аула Чахрижи со значением "ухо" встречается *либа*. Данная форма засвидетельствована и в речи Санахари. Сравнение указанной формы с формами *лихли* (урах.) и *лехли* (цудах.) дает основание считать звук *б* рефлексом исходного лабиализованного звука».

Но в даргинском языке не встречается слово со значением "ухо", в форме единственного числа которого существовал бы согласный *б*. В цудахарском диалекте "ухо" имеет форму *лэхли*, а не *лехли*. Сравнивая неизвестную форму *либа* с диалектными формами даргинского языка *лихли* и *лэхли*, не так легко обнаружить какое-либо основание "считать *б* рефлексом исходного лабиализованного согласного". Однако Ш.Г. Гаприндашвили в дальнейшей интерпретации речь о данном согласном ведет как об общедаргинском звуке и ищет смычно-взрывной согласный, рефлексом которого можно было бы его объявить. «Однако слово "ухо" ни в одном из диалектов даргинского языка не показывает корневого смычно-взрывного звука, рефлексом которого мы могли бы считать звонкий смычно-взрывной билабиальный *б*» [Там же]. Но существует хайдакское *лэгI* 'ухо' — мн. *лигIба*, где налицо смычно-взрывной ларингальный *гI*, хотя едва ли оно могло стать доказательством того, что согласный *б* неизвестного слова *либа* является рефлексом смычно-взрывного ларингального *гI* хайдакского слова *лэгI*. К тому же ларингальный *гI* в хайдакском слове *лэгI* не является лабиализованным.

Почему Ш.Г. Гаприндашвили решил искать исходный звук для квазирефлекса *б* именно среди смычно-взрывных? Потому, оказывается, что согласный *б*, по мнению автора, сам является смычно-взрывным. "Надо полагать, — пишет он, — что и в даргинском языке при наличии смычно-взрывного билабиального согласного

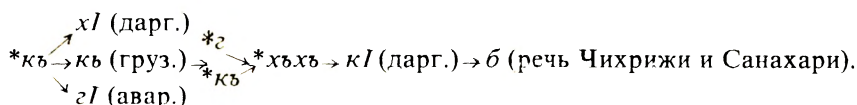
в качестве рефлекса исходного билабиализованного звука исходным согласным следует считать именно смычно-взрывной [там же], а не спирант". По этой причине, надо полагать, фарингальный спирант *xI* в слове *luxlu* оказался не подходящим для авторского исходного согласного.

В связи с поиском исходного согласного для "рефлекса *б*" среди смычно-взрывных следует напомнить, что Ш.Г. Гаприндашвили по отношению к спирантному квазирефлексу *в* не придерживался этого принципа соответствия "рефлекса" и "исходного согласного" по характеру их артикуляции. Автор в качестве "исходного" для спирантного квазирефлекса *в* указал на билабиализованный смычно-взрывной *г^в*, иллюстрируя это хайдакскими примерами *г^ворси* "бурка" и *г^воца* "мышь" и хюркилинскими соответствиями *варгьби* и *ваца*. Несмотря на это, Ш.Г. Гаприндашвили для "рефлекса *б*" решил найти более соответствующую базу — смычно-взрывной согласный. «То, что исходный корневой согласный на самом деле был смычно-взрывным, подтверждается тем, что в глаголе "прислушиваться", образованном от основы "ухо", корневым элементом выступает смычно-взрывной звук, а не спирант: *ликInawergara* — "прислушиваться" (хайл.). Данному слову в урахинском соответствует *lixlāx̣ɥis* (← *lixluax̣ɥis*). Из формы *ликInawergara* выделяется *ликIni*, где конечный *ни* — формант множественного числа. Основой единственного числа является *ликI* ← **ликlu*. Гласный *a* в форме *ликIn-a-wergara* является формантом основы эргатива» [там же].

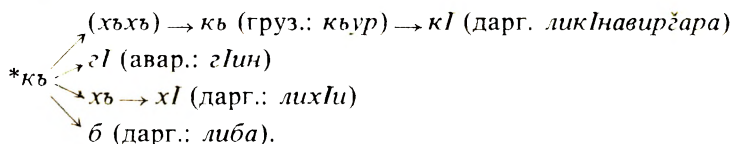
Таким образом, заднеязычный смычно-взрывной *кI* хайдакского слова *ликInawirǵara* (употребляется и в варианте с начальным *n*: *никInawirǵara*; по записи Ш.Г. Гаприндашвили: *ликInawergara*) объявлен свидетелем того, что "исходным" согласным "рефлекса *б*" является не спирант, а смычно-взрывной. Трудно понять, почему именно *кI* и только в хайдакском слове *ликInawirǵara* должен подтвердить смычно-взрывность "исходного" согласного для "рефлекса *б*". Это, очевидно, тайна автора. Между прочим отметим, что *ликIana* в хайдакском диалекте означает 'ждать', 'ожидать', *ликIni* — 'ожидание', *ликInali* — 'в состоянии ожидания', 'прислушиваясь'; ни *ликI*, ни *ликlu* не употребляется самостоятельно в значении 'ухо', это значение в данном диалекте передается словом *лэгI*.

Далее. Согласный *кI* объявлен как бы промежуточным звеном, свидетелем, а не "исходным" для "рефлекса *б*". «Смычно-гортанный взрывной *кI* в основе *ликlu* — 'ухо' (здесь *ликlu* подается уже без "звездочки" как действующее слово. — З.А.) не мог дать нам в качестве рефлекса звонкого смычно-взрывного *б*. Ясно, что данный резкий согласный (*кI*) сам был получен из соответствующего звонкого согласного» [там же, 231]. Из какого это соответствующего согласного? "Получить из звонкого смычно-гортанный возможно через геминацию: *звонкий* → *гемината* → *смычно-гортанный*" [там же, 231—232]. Из какого звонкого? "Думаем, исходным должен быть гомоганный звонкий *г^в*". Почему гомоганный *г^в*, а не *к*? Ответа нет. Поэтому поверим предположению автора: *звонкий г^в* → *гемината (?)* → *кI* → *б*. Но выясняется, что хайдакскому смычно-взрывному

κI (слово *ликIнавирџара*) в грузинском языке соответствует фарингальный *кь* (слово *кьури* 'ухо'), а в аварском языке — ларингальный щелинный *гI* (слово *гIин* 'ухо'), а эти соответствия, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, "дают основание исходным звуком считать звук более заднего образования" [там же]. Таким исходным звуком "более заднего образования" автор указывает фарингальный *кь*. Попутно фарингальный *кь* предполагается исходным как для грузинского смычно-взрывного *кь* и аварского спиранта *гI*, так и для даргинского спиранта *хI*. Следовательно, допускается нарушение принципа соответствия характера артикуляции "исходного" и "рефлекса": смычно-взрывного смычно-взрывному — процесс закрытой билабиализации и спиранта спиранту — процес открытой билабиализации. Между тем звук *кь* "в результате геминации мог перейти в *хьхь*, а последний в *κI*, который сохранен в слове *ликIнавирџара*" [Там же, 232]. Здесь выяснилось, что геминатой, из которой мог бы образоваться *κI*, является *хьхь*, которая, в свою очередь, образуется из мифического *кь*. Выходит, что гемината *хьхь* одновременно образуется из двух мифических звуков — из *кь* и *г*. В итоге получается такая схема трансформаций:

В приведенной схеме "звездочкой" обозначены звуки, происхождение и языковую принадлежность которых из интерпретации автора невозможно узнать ввиду отсутствия каких-либо иллюстраций. По Ш.Г. Гаприндашвили, эти согласные трансформируются в разные живые звуки разных языков:

Во всем этом изложении, как нетрудно заметить, лабиализованность не отмечается ни у одного из указанных согласных, словно речь идет не о якобы существующем в даргинском языке распадении или разложении лабиализованных согласных. Бесследно исчез и "гоморганный звонкий *г*", который, по автору, "должен быть исходным". Однако в заключительном положении и авторской схеме предполагаемых изменений исходного корневого согласного слова 'ухо' неожиданно стала отмечаться лабиализация мифических фарингальных: *кь*., *хь*.. Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 232] пишет: "*Кь* → *б* (в слове: *либа* — в речи аула Санахари и Чахрижи). Звонкий *б* в речи данных аулов получен из момента лабиальности исходного лабиализованного *кь*. Процесс осуществляется через распадение лабиализованного комплекса *кь* на составные элементы, а затем утерю исходного лабиализованного согласного". Общая схема распадения

исходного согласного слова 'ухо' у автора представлена в виде:

↗ (рефлекс исходного звонкого)
(делабиал.) б ← (к̣ъ.) → (х̣х̣ъ.) (геминация) → κI (передвиж.)
↓
х̣ъ. (оглушение)
↓
хI (рефлекс исходного глухого х̣ъ.) [Там же].

"В результате стечения нескольких фонетических процессов, — пишет автор, — корневой согласный к̣ъ. подвергался разным изменениям, и получилось многочисленное соответствие: к̣ъ. : к̣ъ : κI : хI : б. Наличие звонкого рефлекса (смычно-взрывного б) дает основание восстановить исходный звонкий смычно-взрывной к̣ъ. [Там же].

У Ш.Г. Гаприндашвили каждый согласный может переходить в любой другой звук, одни и те же языковые факты могут быть зафиксированы им по-разному, в одних и тех же целях он может одновременно оперировать то простыми к̣ъ, х̣, то лабиализованными к̣ъ., х̣., словно лабиализованность ~ нелабиализованность того или иного согласного зависит от авторского желания. Автору ничего не стоит вывести губно-губной спираント в из заднеязычного смычного г̣" или губно-губной спиранто б из фарингального смычного к̣ъ". Звук, обозначаемый буквой б, в даргинском языке является спирантом, но для Ш.Г. Гаприндашвили он является смычно-взрывным.

КВАЗИДИФТОНГИ И СТРУКТУРА СЛОГА

В этом разделе речь пойдет о том, чего нет в даргинском языке и по фонетическим и функциональным свойствам гласных быть не может, но в научной литературе постоянно затрагивается и характеризуется как реально существующее в данном языке фонетическое явление. Речь идет о так называемых дифтонгах.

Нет необходимости подробно распространяться о теории дифтонгов, отметим лишь, что дифтонг характеризуется как двугласный слог, как монофонематическое сочетание двух гласных в одном слоге [Vachek 1933; Vachek 1933a; Трубецкой 1960; Матусевич 1948; Зинлер 1960]. Такая дефиниция понятия дифтонга считается общепринятой. Поэтому мы здесь также будем исходить из такого понимания природы дифтонга.

Что же в даргиноведении характеризуется как дифтонг и что фактически имеется в даргинском языке?

Как известно, в даргинском языке существуют лабиализованные согласные, образующие собой маркированный член привативной оппозиции (простые, нелабиализованные согласные образуют немаркированный член этой оппозиции). Привативная оппозиция "лабиализованный ~ нелабиализованный" является одной из наиболее ярких характерных особенностей фономорфологической системы даргинского языка. Казалось бы, такое широко распространенное явление языка не может иметь двоякого понимания в науке. Однако в трактовке лабиализованных согласных немало противоречивого

и неадекватного. Особенно вольной трактовке подвергается фонологический статус дополнительной лабиальной артикуляции специфических согласных.

Для обозначения маркировки лабиализованного члена привативной оппозиции в научной литературе употребляются различные дополнительные знаки: *w*, *в*, *о*. Например, маркировка лабиализации заднеязычного *к* может встретиться в таких изображениях: *kw*, *кв*, *к^о*, *к_о*. По своим артикуляционным свойствам момент лабиализованности согласных и округленно-билабиальный спирант довольно близки друг к другу. Условные знаки (символы) *w* и *в*, употребляемые для обозначения лабиализованности того или иного согласного, одновременно используются также для обозначения самостоятельной фонемы — округленно-билабиального спиранта. Ср. хюркилинские: *кь* 'экь' 'узел' и *вакьа* 'арбуз' (или *кьвакь* и *вакьа*).

В научных исследованиях момент лабиализованности согласных и округленно-билабиальный спирант не только обозначаются одним и тем же символом (*w* или *в*), но в сущности своей смешиваются друг с другом. Иные исследователи между ними фактически не видят никакой разницы и воспринимают их как одно целое. Налицо отождествление фонологически разнородных величин — самостоятельной фонемы (округленно-билабиальный спирант) и признака фонемы (момент лабиализованности согласных). В результате отождествления одну из этих величин возводят к другой, одну выдают за другую. Казалось бы, лабиализованность является неотделимым фонологическим признаком маркированного члена привативной оппозиции, однако ее отделяют от согласных и выдают за самостоятельную округленно-билабиальную фонему. Тем самым маркированный член привативной оппозиции искусственно превращается в свой антипод, а сама привативная оппозиция "лабиализованный ~ нелабиализованный" искусственно разрушается. И наоборот, казалось бы, округленно-билабиальный спирант является самостоятельной фонемой. Его происхождение и функционирование не связано ни с лабиализованными согласными, ни с какими-либо иными звуковыми единицами. Однако его искусственно возводят к моменту лабиализованности, оставшемуся якобы после распада лабиализованных согласных и утери его носителей. Тем самым самостоятельная фонема превращается в манифестацию признака другой фонемы, в его рефлекс.

Как бывает нередко, одна неточность ведет к другой, и образуется клубок взаимосвязанных противоречий. Так и здесь. Отождествление момента лабиализованности согласных и округленно-билабиального спиранта привело в даргиноведении к созданию не только квазирефлексов лабиализованных согласных, к числу которых относится также округленно-билабиальный спирант, но и квазидифтонгов. Лабиализованность согласных, искусственно изолированная от своих носителей и возведенная в ранг самостоятельной фонемы, оказывается квалифицированной не только в качестве округленно-билабиального спиранта, но и в качестве гласного. Эта лабиализованность согласных, изолированная от своих носителей

и возведенная в ранг гласного, и есть один из компонентов так называемых дифтонгов.

Виновником подобной путаницы является П.К. Услар, который не заметил и не отметил лабиализацию согласных хюркилинского диалекта, и момент лабиализованности согласных он везде смешивает с округленно-билабиальным спирантом. Отделив от своих носителей и возведя в ранг самостоятельной фонемы, лабиализованность согласных, обозначаемую символом *w*, П.К. Услар отнес к последующему гласному и зафиксировал сочетания: *wa*, *wə*, *we*, *wi*: *g^waza* 'кобыла', *g^wabza* 'мужчина', *k^wani* 'живот'; *g^wəgl* 'запах', *k^wənk^w* 'нос', *x^wəb* 'шея', *kl^wel* 'два', *ǰ^wi* 'нитка', *kl^wintl* 'губа', *x^wi* 'собака' и т.д.

Для П.К. Услара не было разницы между лабиализованностью согласных в приведенного типа словах (*g^w*, *g^wə*, *k^w*, *k^wə*, *kl^w*, *ǰ^w*, *x^w* и т.д.) и округленно-билабиальным спирантом *w* в словах типа: *wawa* 'цветок', *waɰa* 'мышь', *warǰɰi* 'бурка', *waɰla* 'лес', *wacɰar* 'торговля, сделка', *wiɰɰal* 'десять', *wagl* 'хозяин', *wəxl* 'лицо' и т.д. Во всех случаях П.К. Услар [1892, 9] считает их одинаковыми сочетаниями: *wa*, *wə*, *we*, *wi* и характеризует как дифтонги: "*W* совершенно соответствует английской букве того же начертания. Этот звук составляет крайне беглый переход между нашими *y* и *v*. Сочетания *wa*, *wə*, *we*, *wi* встречаются весьма часто; на них можно смотреть, как на дифтонги; *wy* никогда не встречается, но в составном слове может случиться, что один слог кончается на *w*, а другой начинается с *y*, как, напр., *wiwuxɰis* — сойти, слезть (с лошади или с арбы); в составных словах *y* после гласной обыкновенно превращается в *w*, напр. *xəwuxɰis* — спуститься, вм. *xəuxɰis*".

Гласный *y*, разумеется, не превращается и не может превратиться в согласный *w* не только по той простой причине, что *y* является гласным, а *w* согласным, но и потому, что гласный *y* совершенно нейтрален по отношению к категории класса, в то время как согласный *w* является показателем мужского класса. В глагольной форме мужского класса *yuxɰis* согласный *w* в начальной позиции перед гласным *y* выпал: *yuxɰis* ← *wuxɰis*. Ср. формы других классов: *buxɰis*, *duxɰis*.

Что же касается сложных форм, образованных путем сочетания *wuxɰis* и пространственных превербов *wiw* и *xəa*, типа *wiwuxɰis* и *xəawuxɰis*, то здесь представлены разные случаи функциональных отношений согласного *w* и гласного *y*. Форма *wiwuxɰis* получена от *wiw* + *wuxɰis* (а не от *wiw* + *uxɰis*; ср. также формы других классов: *wiɰb* + *buxɰis*, *wiɰr* + *duxɰis*), где преверб *wiw* в исходе своем имеет согласный звук. Конечный согласный преверба *wiw* обуславливает выпадение начального согласного сочетающегося с ним глагола *wuxɰis* при сохранении следующего за ним гласного *y*. Ср. также *gəwuxɰis* ← *gəaw* + *wuxɰis* 'убежать'. Форма *xəawuxɰis* получена от *xəa* + *wuxɰis* (а не от *xəa* + *uxɰis*; ср. также формы других классов: *xəa* + *buxɰis*, *xəa* + *duxɰis*), где преверб *xəa* в исходе своем имеет гласный звук. Конечный гласный преверба *xəa* обуславливает выпадение не начального согласного сочетающегося с ним глагола

уухъис, а следующего за ним гласного у. Ср. также *сawхъис* ← *са* + *уухъис*.

Сочетание в определенных позициях округленно-билабиального согласного *w* и лабиального гласного *y* язык воспринимает как своего рода фонологический плеоназм и старается преодолеть его. Поэтому при стечении этих звуков срабатывает своего рода закон исключения одного из них, закон дистрибутивной несовместимости этих лабиальных звуков. Причем исключение (выпадение) одного из этих лабиальных звуков (*w* и *y*) происходит по строгим правилам слогообразования и чередования звуков (гласных и согласных) в линейном ряду их расположения.

Сказанное делает наглядной неадекватность утверждения о превращении *y* в *w*. С другой стороны, едва ли правильно характеризовать даргинский округленно-билабиальный спирант *w* как крайне беглый переход между европейскими *y* и *в*. Даргинский *y* мало чем отличается от европейского *y*, можно сказать даже ничем не отличается. Европейскому *в* также имеется в даргинском соответствие — тот же *в* (согласный, обозначаемый в современном даргинском языке русской буквой *б*). Поэтому, если даргинский *w* составляет крайне беглый переход между европейскими *y* и *в*, то такой же переход он должен составлять и между даргинскими *y* и *в*. Однако было бы неточно характеризовать округленно-билабиальный спирант *w* как нечто промежуточное между лабиальным гласным *y* и другим билабиальным спирантом *в*. При произношении даргинского *y* губы вытягиваются вперед и округляются (восходящая лабиализация), а при произношении *w* — вытянутые губы округляются и как бы отступают назад (нисходящая лабиализация). Что же касается билабиального спиранта *в*, то при его произношении губы сближаются друг с другом, но не округляются. Уже из этих общих артикуляционных свойств видно, что гласный *y* и согласные *w* и *в* существенно различаются друг от друга по основному признаку своего образования. Короче говоря, *y* является гласным, а *w* согласным, поэтому постулирование превращения *y* в *w* так же неадекватно, как неадекватна характеристика *w* как полугласного, как нечто крайне близкого к гласному *y*. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть, так как оно служит основой придачи согласному *w* роли компонента дифтонга, т.е. роли гласного. Кстати, можно заметить, что для отдельных исследователей *w* и как согласный годится в компоненты дифтонгов. Для них нет никакой разницы, согласный он или гласный.

Вернемся к сочетаниям *wa*, *wə*, *we*, *wi*, характеризуемым П.К. Усларом как дифтонги. Среди них следует выделить сочетание *wa*. П.К. Услар фиксирует это сочетание в двух группах слов. К одной из них относятся слова типа: *г^ваза* 'кобыла', *к^вани* 'живот'; *к^ваньи* 'сундук', *г^вабза* 'мужчина' и т.д. К другой группе относятся слова типа: *waцла* 'лес', *waца* 'мышь', *wawa* 'цветок', *warгьи* 'бурка' и т.д. П.К. Услар не видит разницы между сочетанием *wa* в этих группах слов. Между тем в первой группе слов фактически представлено сочетание лабиализованного согласного и следующего за ним лаби-

ального гласного *о*. В правильной записи эти слова имеют форму: *г^воза, к^вони, к^воны, г^вобза* и т.д. Сравнив формы множественного числа *гузни, кумми, к^вумми, г^вубзни*, нетрудно убедиться в закономерности дистрибутивной оппозиции сочетаний "лабиализованный согласный + лабиальный гласный *о*" ~ "нелабиализованный согласный + лабиальный гласный *у*". Наличие этой фонетической закономерности в свою очередь свидетельствует, что в хюркилинском диалекте после лабиализованного согласного гласный *а* не употребляется. Следовательно, в словах первой группы фактически представлено сочетание *wo*, а не *wa*. П.К. Услар и многие его последователи в позиции после лабиализованных согласных гласный *о* подменяют гласным *а*. Что же касается элемента *w*, то он здесь представляет собой лабиальный момент, неотъемлемый признак специфических согласных, маркировку члена привативной оппозиции, а не самостоятельную фонему. Поэтому отнесение его к последующему гласному и создание сочетаний *wa, wə, we, wi* глубоко ошибочно. Фактически в слове, скажем, *к^вони* представлено сочетание *к^во*, а не *-wa-*, в слове *к^вэл* представлено сочетание *к^вэ*, а не *-wə-*, в слове *к^вл^вел* представлено сочетание *к^вл^ве*, а не *-we-*, в слове *х^ви* представлено сочетание *х^ви*, а не *-wi* и т.д. В сочетаниях *к^во*, *к^вэ*, *к^вл^ве*, *х^ви* представлено по две фонемы, а не по три. Одна из них является лабиализованным согласным (*к^в, к^в, к^вл^в, х^в*), а другая гласным (*о, э, е, и*).

П.К. Услар имел превосходное чутье лингвиста и, как правило, точно фиксировал материалы доселе неизвестного и чуждого ему языка. Воздавая ему должное в этом отношении, утверждение о наличии дифтонгов в подобных словах можно было бы характеризовать как досадное недоразумение.

В отличие от П.К. Услара, Ш.Г. Гаприндашвили одновременно утверждает как о наличии дифтонгов, так и о наличии лабиализованных согласных. При этом в виду имеется один и тот же материал.

Не говоря уже о расширенном, необычном толковании понятия дифтонга ("согласный" + гласный), само по себе такое понимание дифтонга, казалось бы, должно было исключить утверждение о наличии лабиализованных согласных, так как "согласный", являющийся якобы компонентом дифтонга, фактически представляет собой маркировку лабиализованности согласных, а не самостоятельную фонему. Казалось бы, дифтонги и лабиализованные согласные несовместимы, так как один и тот же лабиальный момент, обозначаемый символом *w*, не может одновременно принадлежать предыдущему согласному и последующему гласному.

Однако Ш.Г. Гаприндашвили придерживается именно таких взаимоисключающих утверждений. По мнению автора, вполне допустимо одновременное отнесение лабиальной маркировки члена привативной оппозиции согласных как к предыдущему согласному, так и к последующему гласному. По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в хюркилинском слове, скажем, *к^вэл* 'корова' одновременно представлен лабиализованный согласный *к^в* и дифтонг *wэ*, в слове *г^вэл* 'запах' — лабиализованный согласный *г^в* и дифтонг *wэ*, в слове

gI^ʷəmry 'жизнь' — лабиализованный согласный gI^ʷ и дифтонг wə, в слове kI^ʷel 'два' — лабиализованный согласный kI^ʷ и дифтонг we, в слове kI^ʷintI 'губа' — лабиализованный согласный kI^ʷ и дифтонг wi, в слове k^ʷoni 'живот' — лабиализованный согласный k^ʷ и дифтонг wo (по Гаприндашвили: wa) и т.д.

В своей фонетике Ш.Г. Гаприндашвили дает раздел, посвященный лабиализации согласных в диалектах даргинского языка, где в качестве иллюстраций среди фактов разных диалектов приводятся хюркилинские слова: k^ʷəl 'корова', kI^ʷel 'два', g^ʷəgI 'запах', k^ʷəʃ 'нога', gI^ʷəmry 'жизнь', gI^ʷəncIa 'глухой' (по Гаприндашвили: gI^ʷancI), ɣurɣI^ʷo 'дым' (по Гаприндашвили: gIurɣI^ʷa), k^ʷənk^ʷ 'нос' (по Гаприндашвили: k^ʷənk^ʷ), g^ʷəori 'борозда' (по Гаприндашвили: g^ʷəuri), x^ʷolal 'большой' (по Гаприндашвили: x^ʷalal), g^ʷəza 'кобыла' (по Гаприндашвили: g^ʷadzə), k^ʷoni 'живот' (по Гаприндашвили: k^ʷani), k^ʷočIa 'лапа' (по Гаприндашвили: k^ʷacI), kI^ʷintI 'губа' (по Гаприндашвили: kI^ʷentI), ʃ^ʷol 'пять' (по Гаприндашвили: ʃ^ʷal), d^ʷəgI 'ветер' (по Гаприндашвили: d^ʷəgI), t^ʷəkuχ^ʷis 'поскользнуться' (по Гаприндашвили: t^ʷəkuχ^ʷis), tI^ʷəxI 'нога' (по Гаприндашвили: tI^ʷaxI), ɣurɣ^ʷə 'дров' (ген. от ɣurɣul, по Гаприндашвили: urɣ^ʷə), ɣI^ʷə 'зерна' (ген. от ɣIuli, по Гаприндашвили: ɣI^ʷə) [Гаприндашвили 1966, 224--225].

Среди иллюстраций лабиализации согласных Ш.Г. Гаприндашвили приводит также хюркилинские слова dурxI^ʷə 'ребенок' и xI^ʷuxI^ʷu 'ржание' [Там же, 224]. Но фактически в этих словах нет лабиализованных согласных и в правильной записи они имеют форму: dурxIə и xIuxIu.

В той же фонетике Ш.Г. Гаприндашвили имеется также раздел, посвященный упрощению дифтонгов в диалектах даргинского языка, где приводятся те же хюркилинские слова: x^ʷolal 'большой' (по Гаприндашвили: x^ʷalal), d^ʷəgI 'ветер' (по Гаприндашвили: d^ʷəgI), gI^ʷəmry 'жизнь' (по Гаприндашвили: gI^ʷəmry), gI^ʷəri 'заяц' (по Гаприндашвили: gI^ʷəuri), ɣарик^ʷən 'ушел' (по Гаприндашвили: арик^ʷən), k^ʷəʃ 'нога' (по Гаприндашвили: k^ʷəʃ), gI^ʷərcimaɣ 'плеть' (по Гаприндашвили: gI^ʷərcimaɣ), k^ʷoni 'живот' (по Гаприндашвили: k^ʷani), kI^ʷel 'два' и т.д.

В этих словах Ш.Г. Гаприндашвили обнаруживает дифтонги wa и we, которые, по его мнению, упрощаясь, дают гласные o и y. Как это происходит? По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, слово 'большой' в цудахарском диалекте имеет форму холал (фактически: ххуласе или ххулал), она получена из x^ʷalal (?), ср. хюркилинское x^ʷalal (фактически: x^ʷolal); слово 'отправился' в цудахарском диалекте имеет форму ареглон (фактически: ɣареглун), она получена из арегI^ʷан (?); ср. хюркилинское арик^ʷəн (фактически: ɣарик^ʷəн); слово 'ветер' в цудахарском диалекте имеет форму догI (фактически: дугI), она получена из d^ʷəgI (?), ср. хюркилинское d^ʷəgI (фактически: d^ʷə-gI); слово 'жизнь' в цудахарском диалекте имеет форму gIомру (фактически: gIumry; кстати, на 224 стр. это же слово автор фиксирует в другой форме: gI^ʷəmry), она получена из gI^ʷəmry (?), ср. хюркилинское gI^ʷəmry (фактически: gI^ʷəmry); слово 'хозяин' в цуда-

харском диалекте имеет форму *хобчаб* (фактически: *ххубчаб*), она получена из *х^вабчаб* (?), ср. хюркилинское *х^вабчаб* (фактически: *хабчаб*) [Там же, 197].

Таким образом, во всех этих случаях, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, дифтонг *wa* упростился и дал гласный *o*. Из авторских сравнений видно, что дифтонг *wa* принадлежит хюркилинскому диалекту, а гласный *o* — цудахарскому диалекту. Читателю будет нетрудно сравнить данные нами в скобках фактические формы названных диалектов с авторскими и судить о наличии или отсутствии дифтонга *wa* и его упрощения.

Далее. По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, слово 'пошел', 'отправился' в цудахарском диалекте имеет форму *арег^лун* (на предыдущей странице автор это слово приводил в форме *арег^лон*), она получена из *арег^лан* (?), ср. хюркилинское *арик^ван* (фактически: *ьарик^вэн*); слово 'нога' в цудахарском диалекте имеет форму *к^вуш*, она получена из *к^ваш* (?), ср. хюркилинское *к^ваш* (фактически: *к^вэш*); слово 'плеть' в цудахарском диалекте имеет форму *г^лурчемак* (фактически: *г^лурчимэк*; кстати, на 19 стр. это же слово автор фиксирует в другой форме: *варчимак*), она получена из *г^ларчемак* (?), ср. хюркилинское *г^ларчимаг* (фактически: *г^лэрчимаг*); слово 'живот' в цудахарском диалекте имеет форму *к^вуни*, она получена из *к^вани* (?), ср. хюркилинское *к^вани* (фактически: *к^вони*); слово 'заяц' в хайдакском диалекте имеет форму *г^лура* (фактически: *г^вэри*), она получена из *г^лара* (?), ср. хюркилинское *г^лари* (фактически: *г^лэри*); слово 'большой' в хайдакском диалекте имеет форму *хулакан*, она получена из *х^валакан* (?), ср. хюркилинское *х^валал* (фактически: *х^волал*) [Там же, 198].

Таким образом, во всех этих случаях, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, дифтонг *wa* упростился и дал гласный *у*. При этом дифтонг *wa*, как нетрудно заметить из авторских сравнений, принадлежит опять-таки хюркилинскому диалекту, а гласный *у* — цудахарскому и хайдакскому диалектам.

Можно было бы продолжить показ так называемого упрощения авторских дифтонгов, но думается, что и приведенные иллюстрации достаточны для представления о взглядах Ш.Г. Гаприндашвили на этот счет, который даже показатель мужского класса *в*, выпадающий перед гласными *у* и *и*, характеризует как компонент дифтонга. Например, слово, обозначающее 'старик', 'старый' имеет форму *вух^вна*, она получена из *вух^вна* путем выпадения показателя мужского класса *в* перед гласным *у* (ср. *рух^вна* 'старуха', 'старая', *бух^вна* — то же о животном). Этот, известный со времен П.К. Услара, факт выпадения показателя мужского класса *в* отмечается Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 259] в специальном разделе, носящем название "Фонетические изменения спиранта *w* перед гласными *у* и *и* в диалектах даргинского языка". Вместе с тем в восстанавливаемой форме мужского класса *вух^вна* автор обнаруживает дифтонг *wu* (*ву*), который, якобы упрощаясь, дает гласный *у*. Аналогичное явление Ш.Г. Гаприндашвили усматривает и в слове, скажем, *ьилк^вис* 'наестся', где перед начальным гласным выпал показатель

мужского класса *в*. В восстанавливаемой форме *wilkʰis* Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 200] находит дифтонг *wi* (*vi*), который, также якобы упрощаясь, дает гласный *и*.

Таким образом, с одной стороны, один и тот же элемент в одной и той же работе Ш.Г. Гаприндашвили рассматривает по-разному: в одном случае *w* для автора является согласным звуком, спирантом, в другом — компонентом дифтонга. С другой стороны, синхронически функционирующие в языке явления и факты Ш.Г. Гаприндашвили переворачивает с ног на голову и ставит в диахронические условия. По мнению автора выходит, что "дифтонги" *wa*, *we*, *wi*, *wə*, *wu* являются первичными, исходными по отношению к гласным *a*, *e*, *и*, *ə*, *у*, причем такую диахронизацию автор проводит не в рамках одного диалекта, а между разными диалектами. Стало быть, по мнению Ш.Г. Гаприндашвили, факты одного диалекта являются первичными, исходными по отношению к фактам другого диалекта. Ш.Г. Гаприндашвили разрушает существующую фонологическую систему даргинского языка. Расчленяя маркировку лабиализованности согласных (*w*) и относя ее к последующему гласному как самостоятельную фонему, Ш.Г. Гаприндашвили фактически разрушает и ликвидирует привативную оппозицию согласных по признаку "лабиализованный ~ нелабиализованный", но вместе с тем автор не перестает утверждать наличие лабиализованных согласных. Ничего противоречивого в этом автор не усматривает.

Лабиализованные согласные, представляющие собой маркированный член привативной оппозиции, создают определенную дистрибуцию для функционирования последующих гласных. Известно, в частности, что в позиции после лабиализованных согласных употребление гласных *a* и *у* исключается, в то время как гласный *o* функционирует лишь в позиции после лабиализованных согласных. Однако Ш.Г. Гаприндашвили гласным *a* в позиции после лабиализованных согласных постоянно подменяет гласные *ə* и *o*. В силу отсутствия употребления гласных *a* и *у* в позиции после лабиализованных согласных авторские дифтонги *wa* и *wu* вообще не должны иметь места, не говоря уже обо всех квазидифтонгах даргинского языка. Фонологически закономерной является оппозиция сочетаний "лабиализованный согласный + гласный *o*" ~ "нелабиализованный согласный + гласный *у*" (" $C^w + o \sim C + y$ "). Для фонетиста Ш.Г. Гаприндашвили в плане синхронической системы языка фонологическая оппозиция звуковых сочетаний (" $C^w + o \sim C + y$ ") не существует, поэтому автор постоянно стремится один член этой оппозиции возвести к другому, поставив их на разные хронологические плоскости.

Как компонент дифтонга Ш.Г. Гаприндашвили [1966, 202] характеризует не только классный показатель *в*, но и *й*, и даже суффикс эргативного падежа имени *й*: "В диалектах урахинского типа в формах родительного падежа получаем долгие гласные, а в формах эргативного — нисходящий дифтонг, согласным элементом которого является спирант *й*, полученный из гласного элемента основы эргатива *-и*". Для примера к сказанному можно взять хюркилинские слова *букʰун* 'чабан' и *кьʰэл* 'корова'. Эргатив этих слов представлен

формами: *бук/уй*, *кь^вэй*. По мнению Ш.Г. Гаприндашвили, в этих формах эргатива элементы *-уй* и *-эй* являются нисходящими дифтонгами. Не говоря о неадекватности этого утверждения, остается непонятным, из какого это "гласного элемента основы эргатива *и*" получен согласный *й* в этих формах? Весьма странно то обстоятельство, что автор суффиксальный согласный выводит из несуществующего гласного основы и объявляет компонентом дифтонга.

Следует, наконец, отметить, что Ш.Г. Гаприндашвили [1948; 1966] свои дифтонги с согласными *w* и *й* делит на два типа: восходящие (*wa*, *we*, *wi*, *wə*, *wy*; *йа*, *йе*, *йи*, *йə*, *йу*) и нисходящие (*aw*, *ew*, *iw*, *əw*, *yw*; *ай*, *ей*, *ий*, *эй*, *уй*).

А.А. Магометов также признает наличие лабиализованных согласных и дифтонгов в одних и тех же языковых фактах, причем маркировке лабиализованности согласных он также придает роль самостоятельной фонемы, расчленяет ее от согласных и относит к последующим гласным, создавая тем самым так называемые дифтонги. По мнению А.А. Магометова, в хюркилинском слове, например, *гь^вабза* 'мужчина' (фактически: *гь^вобза*) одновременно представлены лабиализованный согласный *гь^в* и дифтонг *wa*.

А.А. Магометов и Ш.Г. Гаприндашвили расходятся во взглядах лишь по вопросу о происхождении гласного *у* формы множественного числа *гьубзни*. Ш.Г. Гаприндашвили полагает, что гласный *у* образовался из дифтонга *wa*, а А.А. Магометов — из одного только гласного основы. По мнению А.А. Магометова [1953, 397—398], при этом происходит делябиализация лабиализованных согласных: *гь^вабза* — *гьубзни*, *гь^ваза* — *гузни* и т.д.

Таким образом, А.А. Магометов также разрушает привативную оппозицию согласных по признаку "лабиализованный ~ нелабиализованный". Делябиализация — понятие исторической фонетики. Стало быть, по мнению А.А. Магометова, лабиализованный согласный *гь^в* хронологически предшествует нелабиализованному согласному *гь*. Если *гь^в* и *гь* относятся к разным хронологическим ступеням развития языка, то они синхронически не могут быть единицами привативной оппозиции — таков неизбежный вывод, вытекающий из взгляда А.А. Магометова. Кроме того, автор также путает употребление гласных в позиции после лабиализованных согласных. Например, в этой позиции во всех хюркилинских словах автор гласный *о* подменяет гласным *а*. В плане синхронической системы языка фонологическая оппозиция звуковых сочетаний "*г^в + о ~ С + у*" для А.А. Магометова также не существует. Между прочим, постановка вопроса о "происхождении" или "возникновении" гласного *у* из дифтонга (*w*, *wi*) или из другого гласного основы представляется в принципе неверной. Думается, что здесь может идти речь лишь о замене, чередовании или соответствии, но только не о происхождении, так как гласный *у* не может произойти ни из какого-либо дифтонга, ни из какого-либо другого гласного основы. Фонема *у* существует сама по себе, со своими, присущими только ей, артикуляционными свойствами. В определенных дистрибутивных условиях гласный *у* может манифестироваться другими звуками, например,

гласным *о* или долгим гласным *о̄*. Но это другое дело, это не происхождение, а одна из его функциональных особенностей. Образование и функционирование того или иного звука, в том числе и гласного *у* — разные вещи и путать их не следует.

А.А. Магометов компонентом так называемого дифтонга считает не только классный показатель *в*, но и другой классный показатель: *й*. Как известно, в даргинском языке оба эти согласные являются показателями мужского класса. В отношении классного показателя *й* арбукский диалект составляет исключение. Здесь согласный *й* является показателем женского класса. А.А. Магометов полагает, что показатель женского класса *й* в арбуком диалекте получен из *р*. Очевидно, автор пришел к такому предположению на основании того, что в ряде диалектов даргинского языка показателем женского класса является *р*. Фонологически предположение автора не имеет подтверждения, так как в даргинском языке неизвестны случаи образования *й* из *р* или изменения *р* в *й*. Независимо от этого, А.А. Магометов [1963, 40] утверждает, что показатель мужского класса *в* и показатель женского класса *й* ($\leftarrow p$) в арбуком диалекте являются компонентами дифтонгов: "Сочетания классных показателей *в* (I кл.) и *й* ($\leftarrow p$) (II кл.) с последующими или предыдущими гласными образуют дифтонги — восходящие или нисходящие (в зависимости от того, выступает классный показатель в начале или в конце слова)". Автор иллюстрирует свое утверждение такими арбускими примерами: *ва-хьулда* 'иду' (субъект I кл.); *йа-хьулда* 'иду' (субъект II кл.); *ви-тад* 'побил' (объект I кл.); *йи-тад* 'побил' (объект II кл.); *йу-чIуннида* 'учусь' (субъект II кл.); *дицц-ив* 'у меня', *дит-ав* 'передо мной'; *дицц-ий* 'у меня', *дит-ай* 'передо мной'; *бат-ий* 'оставить', *бас-ий* 'вспахать'; *ба́къ-ай* 'сделал', *бис-ай* 'продал'; *кахь-ай* 'убил', *сай* 'есть', 'суть' (II кл.); *чакай* 'сахар'.

А.А. Магометов также делит дифтонги на два типа — восходящие и нисходящие, классный показатель *й* он также вводит в состав дифтонгов, следовательно, фиксирует полный комплекс дифтонгов. Если П.К. Услар называет дифтонгами четыре сочетания: *wa*, *wi*, *we*, *wə*, то Ш.Г. Гаприндашвили и А.А. Магометов увеличивают их количество: *wa*, *wi*, *we*, *wə*, *wу*; *aw*, *iw*, *ew*, *əw*, *yw*; *йа*, *йи*, *йе*, *йə*, *йу*; *ай*, *ий*, *ей*, *эй*, *уй*. Авторы не дают такого полного перечисления всех этих дифтонгов, но признание ими дифтонгов П.К. Услара, добавление к ним сочетания *wу*, включение согласного *й* в качестве компонента новых дифтонгов и деление всех их на восходящие и нисходящие само собой делают "наличие" всех перечисленных дифтонгов очевидным. Если следовать логике авторов, характеризующих классные показатели *в* и *й* компонентами дифтонгов, то количество дифтонгов можно значительно увеличить путем такой же характеристики и других классных показателей: *б*, *р*, *д*. В самом деле, почему показатель мужского класса спирант *в* может считаться компонентом дифтонга, а показатель класса предметов спирант *б* не может считаться таким же компонентом дифтонга? Почему показатель женского класса *й* (арбукий диалект) может быть компонентом дифтонга, а показатель того же класса *р* (литературный

язык) — не может быть компонентом дифтонга, тем более если учесть, что, по мнению А.А. Магометова, *й* получен в результате "изменения" *р*? Почему дифтонги с маркировкой лабиализованности согласных *w* (хюрк. *x^wи*, *k^wэл*, *kI^wел* и т.д.) и дифтонги с классным показателем *w* (литер. *wakIes*, *wices*, *welk^wes* и т.д.) должны отождествляться? Почему дифтонги с грамматикализированным согласным *w* (классным показателем) и дифтонги с неграмматикализированным спирантом *w* (литер. *wawa*, *gaw*, *dew*, *daw*, *waw* и т.д.) должны отождествляться? Почему дифтонги с классным показателем *й* и дифтонги с суффиксом эргатива *й* должны отождествляться, почему эти обе разновидности дифтонгов с грамматикализированным согласным *й* должны отождествляться с дифтонгами, согласным компонентом которых выступает неграмматикализированный спирант *й*?

Ставя такого рода многочисленные "почему?", понятие дифтонга можно расширить так, что сочетание любого согласного с любым гласным в конечном счете окажется дифтонгом.

Любопытно заметить, что А.А. Магометов в хюркилинских словах типа *g^wabza* 'мужчина', *g^waza* 'кобыла' и т.д. дифтонгом считает *wa*, а в арбукском слове *ka^wh^way* 'убил' — не *wa*, а *ay*. Почему? Автор не дает объяснения такому раздвоению принципа. Далее. Форма *say* 'есть', 'суть' в арбукском диалекте относится к женскому классу. Здесь А.А. Магометов дифтонгом считает *ay* (*й* — классный показатель). Эта же форма в литературном даргинском языке, а также в других диалектах относится к мужскому классу. Если в арбукской женской форме *say* сочетание *ay* является дифтонгом, то надо полагать, что и в мужской форме литературного языка *say* сочетание *ay* также является дифтонгом. А.А. Магометов утверждает, что сочетание классного показателя *й* с предыдущим или последующим гласным образует дифтонг. Возьмем к этому положению вопросительную форму литературного языка *sayu*? Где же в этой форме дифтонг: *ay* или *йу*? По теории А.А. Магометова, оба эти звуковые сочетания одинаково подходят под дифтонги. Но не может же быть, чтобы в одной и той же форме один и тот же звук (*й*) одновременно был компонентом двух разных дифтонгов, причем следующих друг за другом. Одно из двух: либо *ay* является дифтонгом, либо *йу*. Это "либо — либо" встает и перед формой *ka^wh^way*, так как по теории А.А. Магометова, здесь также логично представить два дифтонга: *wa* и *ay*. Затруднительное положение возникает при попытке определить дифтонги и в таких словах: *vay* 'зло', *vav* 'крик', *ɣaval* 'четыре', *ɣava* 'безрогий', *mava* 'круг', *ɣav* — ответное женское междометие, *йей* — ответное мужское междометие и т.д.

Дилемма "либо — либо", неизбежно возникающая перед подобными языковыми фактами, заводит теорию квазидифтонгов Ш.Г. Гаприндашвили и А.А. Магометова в тупик. Этого и следовало ожидать, так как эта теория построена на песке, фактически же в даргинском языке нет никаких дифтонгов и по функциональной природе гласных они быть не могут.

В чем заключается специфичность функциональной природы гласных даргинского языка, мешающая существованию дифтонгов? Она

заключается в характере слогообразования, в том, что каждый гласный в даргинском языке является слогообразующим, а потому монофонематическое сочетание двух гласных в одном слоге, характеризующее дифтонгом, быть не может.

Слог в даргинском языке может состоять: 1) из сочетания "согласный+гласный" (CV), 2) из сочетания "согласный + гласный + согласный" (CVC), 3) из сочетания "согласный + гласный + согласный + согласный" (CVCC).

В качестве иллюстраций можно привести: *ба-ѡ-ри* 'достаточный', *ѡ-ба-ѡ-ла* 'достаточность', *ки-би-ѡ-ри* 'заплата', *кѡ-ба-ѡ-ли* 'оборвав', 'перерыв', *че-ба-ѡ-ли* 'увидя', *че-ба-ѡ-иб-мад* 'как только увидел', *че-ба-ѡ-ас-ли* 'если увижу', *ѡ-члес* 'читать', 'заниматься', *ѡ-кес* 'есть', *ѡ-л-хѡес* 'танцевать', *бух-лух* 'пиявка', *бер-га-раг* 'сверток', *хѡрх-ба-рес* 'поторопить', 'ускорить', *чѡбх-бу-хѡес* 'расплескаться' и т.д.

Как видно, в современном даргинском языке слог имеет три структурных типа: CV, CVC, CVCC. Слоги, состоящие из одного гласного и из сочетания "гласный + согласный", т.е. слог с начальным гласным, или открытые в левую сторону, не характерны для даргинского языка. В начальной позиции слогов этих двух типов также представлен согласный — латентный ларингал. Фактически они имеют структуру: "согласный + гласный" (CV) и "согласный + гласный + согласный" (CVC). Поэтому фактически слог в даргинском языке представлен тремя структурными типами: 1) "согласный + гласный" (CV), 2) "согласный + гласный + согласный" (CVC), 3) "согласный + гласный + согласный + согласный" (CVCC). Сказанным одновременно констатируется, что современные даргинские слова с начальным гласным имеют неточную фиксацию, они должны фиксироваться с начальным согласным, каковым выступает либо показатель мужского класса *в*, либо ларингальный абруптив *ѡ*. Восстановление классного показателя *в* не составляет особого труда, так как на помощь этому приходят показатели других классов и сравнение их делает все очевидным. Например, слово с начальным ларингалом *ѡх-на* 'старик', 'старый' получено из *вух-на*, ср. *рух-на*, *бухна*, *духна*; *ѡ-члес* 'читать', 'заниматься' получено из *в-члес*, ср. *ручлес*, *бучлес*, *дучлес* и т.д. Что же касается ларингального абруптива *ѡ* в неклассных формах, то его наличие в ряде случаев вызывает некоторые сомнения. Но сравнение с другими диалектными формами, где представлен тот или иной закономерно соответствующий этому абруптиву согласный (*ѡ*, *гѡ*, *кѡ*, *з*, *ж*, *кI*, *мI*, *гѡ*, *х*), а также свойства внутренней структуры дают возможность постулировать наличие ларингального абруптива и там, где его функционирование носит латентный характер. Например, в современном состоянии хюркилинского и акушинского диалектов, а также литературного даргинского языка слово 'имя' как будто бы представлено формой, состоящей из одного гласного *у*. В ряде других диалектов (хайд., цудах. и др.) мы имеем соответствующую форму с начальным согласным: *зу*. Известно, что в этих диалектах согласный *з* является одним из закономерных соответствий хюркилинского ларингального абруптива *ѡ*. Но этого еще недостаточно для

того, чтобы постулировать наличие ларингального абруптива $\bar{v}$ в хюркилинской форме слова 'имя'. К такому предположению прибавляется доказательная аргументация в виде закономерностей внутренней структуры хюркилинского диалекта. Как известно, слово y 'имя', сочетаясь с простыми глаголами, участвует в образовании сложных глаголов, при этом в его составе возникают изменения, в результате чего появляется его дивергент — долгий гласный $\bar{o}$ (гласный y может и исчезнуть), а долгий гласный $\bar{o}$ может функционировать лишь в позиции после лабиализованных согласных. Стало быть, наличие начального согласного в слове 'имя' делается очевидным. Возьмем хюркилинское слово $\bar{v}\bar{o}b\bar{a}k\bar{y}is$ 'пустить на расспрос'. Получена эта форма из $\bar{y}u$ 'имя' и глагола $\bar{v}ab\bar{a}k\bar{y}is$ 'поднять', 'вынести'. Исторически эти формы предполагаются с начальным ларингальным абруптивом: $\bar{y}u + \bar{v}ab\bar{a}k\bar{y}is$. При их соединении ларингальный абруптив глагола $\bar{v}ab\bar{a}k\bar{y}is$ выпадает как явление плеонастичное, а сочетание гласного y с последующим гласным a дает долгий гласный $\bar{o}$. Но долгий гласный $\bar{o}$ не может функционировать после простого согласного, он употребляется только в позиции после лабиализованного согласного, поэтому ларингальный абруптив в слове $\bar{y}u$ лабиализуется: $\bar{y}u + \bar{v}ab\bar{a}k\bar{y}is \rightarrow \bar{y}u + ab\bar{a}k\bar{y}is \rightarrow \bar{v}\bar{o}b\bar{a}k\bar{y}is$. В современном состоянии хюркилинского диалекта это слово фиксируется в форме $\bar{o}b\bar{a}k\bar{y}is$ (без лабиализованного ларингального абруптива $\bar{v}$): $\bar{o}b\bar{a}k\bar{y}is \leftarrow y + ab\bar{a}k\bar{y}is$, что нельзя считать адекватной с точки зрения фонологической записи. Точнее будет: $\bar{v}\bar{o}b\bar{a}k\bar{y}is$.

Возьмем еще несколько хюркилинских примеров. В слове, скажем, $du-a-la$ 'шепка' средний слог как будто бы представлен одним гласным a . Но фактически это слово имеет форму $du-\bar{v}a-la$, где все слоги, в том числе и средний, имеют одинаковую структуру типа "согласный + гласный" (CВ). Форма множественного числа $du\bar{v}-lu-mi$ свидетельствует о наличии ларингального абруптива $\bar{v}$ в среднем слоге слова $du-\bar{v}a-la$, причем этот абруптив является корневым.

В форме деепричастия $ba-u-li$ 'хватив' от $baic$ 'хватать', 'быть достаточным', лит. $ba\bar{e}s$, средний слог как будто бы представлен гласным u . Но фактически перед ним существует ларингальный абруптив $\bar{v}$, и слог имеет структуру "согласный + гласный". О наличии абруптива в форме $ba-\bar{v}u-li$ свидетельствует форма масдара $ba\bar{v}-ni$. Ларингальный абруптив $\bar{v}$ здесь также является корневым: $ba-\bar{v}is$ — инфинитив (литер. $ba-\bar{v}es$), $ba-\bar{v}a-ri$ — причастие и т.д.

Эти краткие сведения о структуре слога ясно свидетельствуют о невозможности монофонематического сочетания двух гласных в одном слоге, т.е. о невозможности существования дифтонга в даргинском языке. Если же дифтонг понимать как сочетание согласного с гласным, не говоря уже об отнесении маркировки лабиализованности согласных к последующему гласному и создании искусственных сочетаний $wa, wi, we, w\bar{a}, wu$, как это делают некоторые даргиноведы, то недолго и до заключения, что весь язык состоит из одних дифтонгов. Согласные даргинского языка v и $\bar{y}$, являющиеся к тому же классными показателями, не составляют и ничем не заслуживают исключения из общего правила.

Вопрос об ударении — это своего рода пробный камень для исследователя-фонетиста. Особенно он труден для разрешения в языках с сильным диалектным членением и сложной вокалической системой, к которым относится и даргинский. Вообще специалисты по фонетике дагестанских языков вопроса об ударении чаще избегают, чем его исследуют, а имеющиеся в научной литературе отдельные высказывания носят либо общий, неконкретный характер, либо страдают существенными неточностями и противоречиями (А. Шифнер, П.К. Услар, А. Дирр, Н.С. Трубецкой, Л.И. Жирков и др.).

В 1926 г. Л.И. Жирков [1926, 12] писал: "Ударение в даргинском языке не занимает в слове определенного места (как и в аварском). Также как в последнем оно выражено слабо и далеко не достигает силы, например, русского ударения. Законы даргинского ударения и его фонетическая характеристика, к сожалению, — дело еще предстоящих работ и изучений".

Это все, что мог сказать о даргинском ударении Л.И. Жирков в своем раннем изучении даргинского языка. Фактически автор к этому вопросу больше не возвращался, если не считать его нескольких аналогичных высказываний в статье о законах лезгинского ударения. Для полноты картины сошлемся и на эти высказывания: "Законы ударения в яфетических языках Дагестана изучены совершенно недостаточно. О месте ударения и его природе в даргинском и лакском языках не опубликовано ничего определенного" [Жирков 1940, 107]. В сноске автор добавляет: "О даргинском ударении Услар в своей работе (Хюркилинский язык) ничего не сказал; в даргинских словах в тексте грамматики и в словаре ударение не отмечено. В "Грамматике даргинского языка" пишущего эти строки (Москва, 1926) также не упомянуто об ударении" [там же].

Это первые высказывания о даргинском ударении. В изучении данного вопроса ряду дагестанских языков повезло больше. По ударению в аварском языке, например, помимо ранних довольно интересных высказываний, независимо от их правильности или неправильности, достаточности или недостаточности, А. Шифнера [1872] и П.К. Услара [1889], существуют определенные взгляды еще целого ряда известных и молодых исследователей — Л.И. Жиркова [1862; 1938], Ш.И. Микаилова [1958], М.-С. Саидова [1967], Т.Е. Гудава [1967], И.А. Исакова [1981] и др.

В 1954 г. была посмертно опубликована статья С.Н. Абдуллае-

ва [1954], специально посвященная изучению ударения в даргинском языке. Фактически этой статьей начинается и кончается все, что известно об ударении даргинского языка. По данному вопросу в науке более ничего существенного не было опубликовано. Поэтому неудивительно, что придется здесь прежде всего останавливаться на некоторых положениях статьи С.Н. Абдуллаева и высказать свои соображения и размышления об ударении в даргинском языке, сверяя их адекватность с конкретными фактами языка.

Делом предстоящих работ и изучений, неясным вопросом ударение в даргинском языке остается по сей день. Ш.Г. Гаприндашвили и А.А. Магомедов много внимания уделили анализу вопросов фонетики и морфологии различных диалектов даргинского языка, но вопрос об ударении в их работах так и остался незатронутым. Вообще исследователи даргинского языка, как правило, обходят стороной этот вопрос, избегают суждений о нем, хотя, казалось бы, вся структурная организация языка связана со спецификой акцентной системы. Известно, что диалекты и говоры даргинского языка существенно отличаются друг от друга, но характерное произношение языковых фактов говорящим и специфика их слухового восприятия слушателем, своеобразие акцентной системы и просодики языка почему-то остаются вне поля зрения специалистов. Звуки, морфемы, лексемы, словосочетания и предложения изучаются без анализа характера и форм их произношения и восприятия, без четкого представления об их звучании в связной речи, без представления об экспрессивном, эмоциональном отношении говорящего лица к выражаемой реалии.

Общезвестно сложное диалектное членение даргинского языка. Своеобразие многочисленных диалектов и говоров отражается на всех структурных уровнях языка. Исключения не составляет и система акцентуации и просодики. Однако на сегодня трудно говорить об акцентной и просодической системе даргинского языка в целом. Поэтому сразу же следует оговориться, что в данном случае речь пойдет в основном об ударении в литературном даргинском языке и хюркилинском диалекте. Мы сейчас не готовы вести речь об ударении в других даргинских диалектах и говорах, поэтому речь идет не об ударении в языке в целом, а лишь в рамках ограниченного материала.

Акцентная система даргинского языка чрезвычайно сложна. Каждый диалект имеет свою просодику. По своеобразию сверхсегментных свойств диалектной речи — по тону (мелодии), длительности (количеству) и громкости (силе) — даргинский язык среди дагестанских занимает, на наш взгляд, особое место. Отличие диалектов между собой по этим признакам легко воспринимается их носителями.

Хюркилинский и мулебкинский диалекты территориально соседствуют друг с другом. Оба эти диалекта пользуются одной и той же формой личного дейктика единственного числа *ну* 'я'. Но формы множественного числа в диалектах различаются: в хюркилинском представлена форма *нушá*, а в мулебкинском — *ну́гьа*. Раз-

личие этих форм заключено не только в морфемах множественности *-ша* и *-гъа*, точнее в морфемных согласных *-ш-* и *-гъ-*, но и в различной просодике, в специфике ритмико-акцентуационного контура — синдеме, обеспечивающей интеграцию сегментов и непрерывность речевого потока. Представители хюркилинского диалекта мулебкинскую форму *нўгъа* не произнесут так, как ее произносят сами мулебкинцы и наоборот — представители мулебкинского диалекта хюркилинскую форму *нушă* не произнесут так, как произносят ее сами хюркилинцы. Такая просодическая специфика порою трудно уловима. В приведенных диалектных формах в одном случае ударение является наосновным (*нўгъа*), а в другом — наформантным (*нушă*). В своем противопоставлении наосновное ударение носит характер немаркированного, а наформантное ударение — маркированного, ср. *нў* — *нўгъа* и *нў* — *нушă*.

Наиболее распространенным среди специалистов по дагестанским языкам представляется мнение, согласно которому в этих языках вообще, в даргинском в частности*, ударение слабое, малозаметное или почти незаметное, вместе с тем динамическое, подвижное (правда, динамическое ударение в аварском языке И.А. Исаков [1981, 88] почему-то противопоставляет тоническому, музыкальному, хотя в зависимости от внутренней строфики подвижным может быть и музыкальное ударение, нельзя исключать смешанного музыкально-динамического ударения).

Это мнение по отношению к даргинскому языку может быть оценено двояко — как адекватное и как неадекватное. Обычно динамическое ударение принято понимать как ударение разноместное, подвижное, свободное, т.е. ударение как явление морфонологического аспекта. Как таковое ударение в даргинском языке может считаться динамическим, подвижным не в одинаковой степени по отношению к разным диалектам. Если взять, например, хюркилинский и акушинский (литературный) диалекты, то такое ударение характерно для хюркилинского диалекта, но не характерно для акушинского диалекта. Можно сравнить хюркилинские формы *ъăсис* 'взять снизу вверх' ~ *ъасис* 'купить' или *ъис* 'сказать' ~ *ъис* 'быть', 'стать' (I кл.), в литературном же диалекте мы такой морфонологической подвижности ударения не встретим, здесь нет противопоставляемых по ударению минимальных пар.

Когда же речь идет о динамическом, подвижном ударении в фонетическом плане, в плане выдыхательности, экспираторности, силе выделения сверхсегментными свойствами того или иного слогового

* С.Н. Абдуллаев [1954, 236] пишет: "Характерной особенностью ударения в даргинском языке является то, что оно акустически слабо выражено, мало заметно; в акушинском и урахинском диалектах иногда даже трудно установить, на каком слоге стоит ударение. Определение ударения в урахинском диалекте осложняется и тем обстоятельством, что этот диалект изобилует долгими гласными. Что же касается акушинского диалекта, то между говорами различных селений существуют различия в ударении". См.: Абдуллаев С.Н. Ударение в даргинском языке, с. 236.

сегмента речевого потока, то здесь определение ударения в дагестанских языках, в их числе и в даргинском, как слабое, малозаметное или почти незаметное представляется вполне закономерным. Но и здесь существует одно обстоятельство, которое не учтено быть не может. Речь идет о том, что слабое, малозаметное ударение сразу же становится заметным, как только нарушается принятая норма произношения слова. В литературном языке в двухсложном слове, скажем, *бард́а* 'топор' ударение слабое, малозаметное, но стоит нарушить общепринятую произносительную норму этого слова с иным ударением, как это нарушение моментально становится заметным. А какова же эта общепроизносительная норма? Такой нормой является ударение на конечном слоге: *бард́а*. Попытка переместить ударение на другой слог здесь неприемлема, она будет восприниматься как нарушение общепринятой произносительной нормы данного слова. Следовательно, малозаметность, слабость ударения в фонетическом аспекте вовсе не означает отсутствие ударения вообще. Характеристика слова целиком единым тональным контуром или фиксация тональной схожести слогов, считая предопределенной тональную схему слова тоном первого слога, вовсе не означает отсутствие ударения в слове, как об этом пишут некоторые специалисты [Кибрик, Колзасов, Старостин 1978, 24]. Ударение существует, оно лишь слабое, малозаметное, следовательно, нет тональной предопределенности слогов. К тому же, говорить о предопределенности тональной схемы второго слога тональной схемой первого слога, приводя примеры односложной структуры типа *на́хъ* 'рука', *ху́нкI* 'кулак', *къэ́нкъ* 'нос', *та́й* 'жеребенок', *ми́рш* 'серп' и т.д., представляется не совсем уместным [там же]. Дело не меняет, что рядом с подобными односложными примерами перечисляются еще и некоторые двусложные слова типа *шали́* 'бок', *нихъэ́* 'овес' (у авторов 'ячмень'), *му́хъи* 'ячмень' (у авторов 'овес'), *ла́гъа* 'голубь', *да́хIи* 'снег' и т.д. Ни в харбузском, ни в каком-либо ином диалекте даргинского языка, где эти двусложные слова в одинаковой степени функционируют, а они функционируют и в литературном языке, и в хюркилинском диалекте, и во многих других диалектах, если не сказать во всех, они не могут ни предопределить тональную схему односложных слов, ни быть свидетельством отсутствия ударения. Во всех подобных двусложных словах в литературном языке ударение фиксируется на последнем слоге. Слово *ла́гъа* в литературном языке принято произносить с ударением на последнем слоге, произношение его с ударением на начальном слоге *ла́гъа* не может быть воспринято как норма, хотя в акушинском диалекте, по свидетельству С.Н. Абдуллаева, носителя мугинского диалекта, ударение в подобных двусложных словах вполне может фиксироваться на начальном слоге. Я держу в руках пожелтевшее от времени письмо С.Н. Абдуллаева, адресованное Л.И. Жиркову и датированное 31 марта 1947 г., где даются два ряда примеров акушинского и мугинского диалектов и демонстрируется разноместное ударение в их формах — на начальном слоге акушинской формы и на

конечном слоге мугинской формы. Приведем некоторые из этих примеров:

акуш.	муг.
<i>бáрда</i>	<i>барттá</i> 'топор'
<i>тáвра</i>	<i>таврá</i> 'сумка'
<i>хIáка</i>	<i>хIякá</i> 'шуба'
<i>бáла</i>	<i>ппалá</i> 'шерсть'
<i>áдам</i>	<i>адíм</i> 'человек'
<i>хIáйван</i>	<i>хIэйвáн</i> 'животное'
<i>ХIэсан</i>	<i>ХIэсáн</i> — имя собств.
<i>хIэкíм</i>	<i>хIэкíм</i> 'начальник'
<i>шíнкьá</i>	<i>шинкьáн</i> 'мельница' и т.д.

• Вслед за этими примерами в своем письме С.Н. Абдуллаев заключает: "Акушинское ударение, поскольку я знаю, не отличается от урахинского или отличается мало".

Если это утверждение С.Н. Абдуллаева о сходности ударения в акушинском и хюркилинском диалектах является адекватным, то и в хюркилинских соответствиях приведенных автором акушинских примеров ударение, надо полагать, падает на начальный слог. Но фактически здесь представлено совсем другое положение. Во всех приведенных автором акушинских примерах и соответствующих им хюркилинских формах ударение фиксируется на конечном слоге: *бардá, таврá, хIэкá, балá, ьадáм, хIэйвáн, ХIэсáн, хIэкíм, шинкьá* (ср. хюрк. *буридá, таврá, хIэкá, балá, ьадамьилí, хIэйвóн, ХIэсáн, хIэкíм, шинкьáн*). Приведенные примеры и высказывание об идентичности ударения в акушинском и хюркилинском диалектах показывают, насколько С.Н. Абдуллаев был далек от действительного положения вещей. Наблюдается явное недоразумение.

По мнению С.Н. Абдуллаева, в акушинском и хюркилинском диалектах ударение встречается всегда на первом слоге: "Ударение в диалектах цудахарской группы встречается не всегда на первом слоге, как в акушинско-урахинской группе" [1954, 236]. Это видно и из таких высказываний автора: "В акушинско-урахинской группе диалектов и в диалектах мекегинской группы ударение имеет постоянное место: первый слог — в акушинско-урахинской и второй — в мекегинской, с незначительными отклонениями..." [там же, 237]; "Как мы уже говорили, ударение в этом диалекте (акушинском. — З.А.) всегда стоит на первом слоге, за некоторыми исключениями..." [там же, 239].

Едва ли можно согласиться с таким мнением С.Н. Абдуллаева. Приводимые автором иллюстрации начального ударения в акушинском и хюркилинском диалектах, как и само положение об этом, искажает языковую действительность. У автора с начальным ударением фиксированы такие примеры — акушинские: *тáвра* 'сумка', *бáгьур* 'узнал', *ýрчи* 'лошадь', *ýрши* 'сын', *рýрси* 'дочь', *гьáлмагь* 'невеста', 'жених', *вáргьи* 'бурка', *ýчра* 'сосед', *тáбтар* 'книга'; хюркилинские: *бýлкIун* 'написал', *бáгьур* 'узнал', *бýриб* 'сказал' [там же, 237].

Если взять акушинский диалект как основу современного лите-

ратурного языка, а мы его берем именно таким, а также современный хюркилинский диалект, то все приведенные автором слова фактически имеют ударение на конечном слоге: акушинские *таврá*, *багъ'ур*, *ьурч'и*, *ьуриш'и*, *рурс'и*, *ьгаимáгъ*, *варг'и*, *ьунрá*, *табтáр*, хюркилинские *билк'ун*, *багъ'ур*, *буриб* и т.д. Возможно, что в каком-либо говоре встречаются случаи фиксации ударения в этих словах исключительно на первом слоге, но нам такой говор неизвестен, он не назван и у С.Н. Абдуллаева. Поэтому мы вправе авторский "акушинский диалект" воспринимать здесь как основу современной литературной нормы, а приведенные им формы с ударением на первом слоге не могут считаться нормой литературного языка, они не являются нормой и для хюркилинского диалекта. Они демонстрируют искаженную картину языковых фактов.

Итак, мнение об ударяемости начального слога в литературном (акушинском) и близком к нему хюркилинском диалектах не соответствует действительности. Относительно хюркилинского диалекта у С.Н. Абдуллаева речь идет не о разноместном ударении в минимальных парах типа *ьáсис* 'взять снизу вверх' ~ *ьас'ис* 'купить', а о многосложных словах без акцентованного противопоставления, словах с прочно фиксированной акцентовкой типа *таврá*, *ьурч'и*, *ьуриш'и*, *рурс'и* и т.д.

С.Н. Абдуллаев неточен и относительно ударения в сложных словах: "Наряду с безударными словами, в даргинском языке часто наблюдаются сложные слова с двумя ударениями. Например, слово *таманбиуб* 'закончился' имеет одно ударение, а отрицательная и вопросительная формы этого глагола будут с двумя ударениями *таманх'ебарес* — 'не закончить', *таманбарибу?* — 'закончил?'" [там же, 238].

Во-первых, глагольная форма *таманбиуб* (а не только отрицательная и вопросительная формы) является сложной и правильно автор указывает, что она имеет одно ударение, но оно им проставлено на первом слоге ошибочно, фактически здесь ударным является последний слог: *таманбиу'б*. Во-вторых, в отношении одноударности и конечнослоговости ударения эти три формы ничем друг от друга не отличаются: в отрицательной и вопросительной формах *таманх'ебарес* и *таманбарибу?*, как и в форме не-лица (3 л.) прошедшего времени *таманбиу'б*, фактически ударение фиксируется на последнем слоге. В-третьих, отрицательная форма *таманх'ебарес* и вопросительная форма *таманбарибу?* не являются формами глагола *таманбиу'б*. Глаголы *таманбарес* 'закончить' и *таманбиьес* 'закончиться' — разные глаголы. Приводимые автором отрицательная (*таманх'ебарес*) и вопросительная (*таманбарибу?*) формы относятся к глаголу *таманбарес*, а форма не-лица прошедшего времени (*таманбиу'б*) — к глаголу *таманбиьес*. Автор перепутал формы разных глаголов не только в фиксации ударения, но и в их словообразовательной и словоизменительной парадигмах.

Неверно и другое утверждение С.Н. Абдуллаева относительно ударения литературного (акушинского) диалекта: "В отрицательных и запретительных формах глагола ударение всегда стоит на показателе

отрицания или запрещения:

váklec 'прийти', *xléklec* 'не прийти'
chébaэс 'увидеть' — *чехléбаэс*
léxlaхэс 'послушать' — *лехlxléхэс*
xléрэс 'посмотреть' — *xléрхлэс*,
ýбихэс 'подложить' — *ухléбихэс*
káбикес 'упасть' — *кахléбикес*
xléрýа 'посмотри', *xléрмаýрид* — 'не смотри'
káсса 'бери', *камаýсид* 'не бери' и др." [там же, 233].

В более точной записи с фиксированным ударением эти примеры в литературном языке выглядят несколько иначе: *ваклéс* — *xléклéс*, *чебаýэс* — *чехлебаýэс*, *лехlaхэс* — *лехlxléхэс*, *xлёрýэс* — *xлёрхлёрýэс*, *ýбихýэс* — *ýхлёрбихýэс*, *кабикéс* — *кахлёрбикéс*, *xлёрýа* — *xлёрмаýклéид* (запретительная форма *xлёрмаýрид*, приводимая автором, относится к глаголу *xлёрварес* 'выходить', 'выкормить', 'вырасти', а не к глаголу *xлёрýэс* 'посмотреть', 'осмотреть', 'взглянуть' или *xлёриклес* 'смотреть'), *каса́* — *кадмаýсид* (/камаýсид).

Во всех приведенных положительных и отрицательно-запретительных формах литературного языка ударение фиксируется на последнем слоге. Ни ударения на начальном слоге, ни ударения на показателях отрицания-запрещения, тем более двух ударений в отрицательно-запретительных формах современный даргинский литературный язык не знает.

В той же мере ошибочно и положение, согласно которому "в вопросительной форме ударение стоит на втором слоге с начала слова" [там же, 240]. В трехсложных вопросительных формах типа приводимых автором *ýахленý?* 'не есть ли?', *вакlубý?* 'пришел ли?', *бицибý?* 'продал ли?' фактически ударение фиксируется на последнем формантном слоге. Ни один грамотный человек в литературном языке не произнесет эти слова с ударением на втором слоге с начала слова. Такое произношение не может считаться нормальным. Что же касается двусложных вопросительных форм типа *лебу?* 'имеется ли?', *сайу?* 'является ли?', *сабиw?* 'является ли?' (III кл.) и т.д., то авторское положение "ударение стоит на втором слоге с начала слова" оказывается эквивалентным положению "ударение стоит на конечном слоге". Если перенести это положение на трех- и более сложные слова, то оно оказывается в противоречии с фактами. В таких многосложных вопросительных формах С.Н. Абдуллаев ставит два ударения — одно "на именную часть или префикс", а другое — "на втором слоге собственного глагола". В качестве иллюстраций двухударных вопросительных форм глагола автор приводит:

та́манби́бу? 'закончено ли?',
пи́криба́рибу? 'подумал ли?',
гýалаби́кибу? 'опередил ли?' [там же].

Наблюдается полное противоречие как между разными утверждениями автора, так и его положений реальным фактам языка. Многосложные вопросительные формы фактически характеризуются од-

ним ударением, и ставится оно на последнем слоге: *таманбиъубу?*, *пикрибарибу?*, *гылабикибу?* Характерно заключительное положение выводов автора: "Во многих отношениях ударение в даргинском языке, в особенности акушинско-урахинских диалектах, остается неясным" [там же, 254].

Сложность акцентной системы в диалектах даргинского языка вне всякого сомнения. Тем не менее существуют определенные закономерности, очевидные даже для неискушенного в лингвистике человека. Кто знает современный литературный даргинский язык, кто пользуется его произносительными нормами и соблюдает их, тот должен знать, что фонетическое ударение здесь носит устойчиво фиксированный характер — нормой является произношение слова с ударением на последнем слоге. Слабое оно или сильное, заметное или малозаметное — это другое дело, но попытка переместить ударение с последнего слога на какой-либо из предшествующих слогов должна быть заметной как нарушение произносительной нормы литературного языка. В литературном языке нет минимальных пар слов, фонетически противопоставляемых разноместным ударением. Здесь нет также долгих гласных, которые могли бы перетянуть ударение на себя, находясь в разных слоговых позициях слова. Литературный язык с его базовым акушинским диалектом характеризуется конечнослоговым фиксированным слабым ударением. Ни пространственные, ни отрицательно-запретительные или иные превербы, ни показатель каузатива (-ахъ-) не образуют собой ударный слог, ибо они в литературном языке не могут функционировать в позиции конечного слога, исключительно являющегося здесь ударным. Что же касается имени, то закономерность ударения конечного слога неукоснительно соблюдается во всей парадигматике словоизменения и словообразования. От односложного слова *шин* 'вода' образуется, например, двусложное слово *шинкъя́* (хюрк. *шинкъя́н*) 'мельница', а от этого двусложного слова — четырехсложное слово *шинкъя́нкула́* 'мельник'. Ударение фиксируется на последнем слоге. Если в рамках словоизменительной парадигмы на четырехсложное слово *шинкъя́нкула́* нарастить соответствующие падежные форманты, то в каждой словесной форме ударение все равно окажется на конечном слоге, оно будет передвигаться вправо, ср.: эрг. *шинкъя́нкула́ни́*, ген. *шинкъя́нкула́ла́*, дат. *шинкъя́нкула́с*, адит. *шинкъя́нкула́чи́*, тем. *шинкъя́нкула́чили́а́*, мед. *шинкъя́нкула́чили́ви́*, абл. *шинкъя́нкула́чива́д* и т.д. Это норма литературного языка.

Что же касается других даргинских диалектов, то положение дел в акцентной системе здесь намного сложнее. К сожалению, у нас нет сейчас возможности подвергнуть всестороннему анализу не только акцентную систему даргинского языка в целом, но даже несколько отдельно взятых диалектов. Эта сложная и интересная проблема заслуживает отдельного монографического исследования. Хотелось бы здесь вкратце остановиться лишь на некоторых особенностях акцентуации одного из диалектов со сложной вокалической системой — хюркилинского.

Ни П.К. Услар, ни Н.С. Трубецкой, никто иной из их последо-

вателей в изучении фонетической системы хюркилинского диалекта не выявили здесь каких-либо акцентных закономерностей. Акцентная концепция С.Н. Абдуллаева по отношению к хюркилинскому диалекту фактически свелась к ошибочной версии об ударении на первом слоге.

Акцентная система хюркилинского диалекта, как и многих других диалектов даргинского языка, остается совершенно неисследованной по сей день. Настоящая наша попытка в этом плане является первой.

Прежде всего следует отметить, что в хюркилинском диалекте, в отличие от литературной нормы, существуют минимальные пары слов, противопоставляемых фиксированным разноместным (при многосложности форм) или качеством (при односложности форм) ударением. Приведем некоторые примеры.

Минимальная пара *ъасис* 'взять снизу вверх' ~ *ъасис* 'купить' (противопоставляемые формы несовершенного вида: *ъайсис* ~ *ъисис*). В глагольной форме *ъасис* 'взять снизу вверх' первый ударный слог *ъа́-* представляет собой пространственный преверб семантики направления 'снизу вверх'. В нем гласный *-а́-* является долгим и ударным. Аналогичным образом долготой и ударением характеризуется гласный и в других противопоставляемых по семантике пространственного направления превербах *хъа́-* 'сверху вниз', *са́-* 'со стороны к говорящему, сюда'. Все три преверба пространственной ориентации направления (*ъа́-* 'снизу вверх', *хъа́-* 'сверху вниз', *са́-* 'со стороны к говорящему, сюда') характеризуются ударным долгим гласным. Они могут функционировать в структуре глагола в разных позициях, исключая позицию конца слова. Однако не во всех случаях они остаются ударными, в ряде случаев снимается также долгота гласного. Ср. долгие ударные: *шиб-а́-сис* 'снять снизу вверх' (← *шиб-ъа́-сис*), *шиб-хъа́-сис* 'снять сверху вниз', *шиб-са́-сис* 'снять в эту сторону'; ординарные безударные: *ъу-са-буцис* 'подобрать', *ъу-хъа-буцис* 'накрыть' и т.д. Долгота и ударение, их совмещение или несовмещение в пространственных превербах направления (*ъа-*, *хъа-*, *са-*) имеют, очевидно, определенные закономерности, связанные со слоговой структурой слова.

Минимальная пара *ъис* 'сказать' ~ *ъис* 'быть', 'стать' (I кл.) (противопоставляемые формы несовершенного вида: *ъикIъис* ~ *ъирис*). Глагол *ъис* относится к неклассным глаголам. В отличие от него, глагол *ъис* является классным, ср. *дъис* (II кл.), *бъис* (III кл.). Глаголы *ъис* и *ъис* являются односложными, поэтому позиция ударного слога в них одна и та же. Они отличаются качеством ударного гласного — в одном случае представлен простой, ординарный гласный *-и-*, а в другом — долгий гласный *-и́-*.

Если обратиться к другим многосложным категориальным формам этих глаголов, то они будут различаться ударением и определенными звуковыми изменениями, но среди таких форм могут найтись и такие, которые будут совпадать друг с другом. Возьмем к примеру формы деепричастий: *ъили* 'сказав', *ъили* 'став, сделавшись' (отличаются разноместным и качественным ударением), формы I л.

условного наклонения: *ѡслѣ* 'если скажу' ~ *ѡесли* 'если стану, сделаюсь' (ударение в обеих формах разноместное и качественное, в одной из них изменился также гласный основы, ср. также формы 2 л.: *ѡдлѣ* 'если скажешь' ~ *ѡдлѣ* 'если станешь, сделаешься' и формы не-лица (3 л.): *ѡлѣ* 'если скажет' ~ *ѡлѣ* 'если станет, делается' (в последних двух формах позиция ударного гласного и качество совпадают, но сами гласные отличаются — в одном случае представлен *-ѡ-*, а в другом — *-ѣ-*). Для демонстрации совпадения отдельных категориальных форм рассматриваемых глаголов подошли бы, например, формы временных деепричастий: *ѡбхлѣлѣ* 'когда было сказано' ~ *ѡбхлѣлѣ* 'когда стал, сделался', *ѡммѡд* (← *ѡб* + *мѡд*) 'как только сказал' ~ *ѡммѡд* (← *ѡб* + *мѡд*) 'как только стал, сделался' и т.д.

Минимальная пара *ѡѣ* 'скажи' ~ *ѡѣ* 'фермент'. Односложная пара слов, глагола *ѡс* 'сказать' в форме императива и имени в форме номинатива, противопоставляются качеством ударного гласного — в одном случае он является долгим, а в другом — ординарным. Форма не-лица (3 л.) условного наклонения глагола *ѡс* будет *ѡлѣ*, а форма эргатива имени *ѡѣ* — *ѡлѣ*. Эти обе двусложные формы отличаются друг от друга позицией и качеством ударного слога — в одном случае он занимает позицию начала слова (*ѡлѣ*), а в другом — позицию конца слова (*ѡлѣ*). Обе эти формы также образуют минимальную пару.

Минимальная пара *ѡѣ* 'дай' ~ *ѡѣ* 'ость'. Односложная минимальная пара слов, противопоставляемых качеством гласного, форма императива глагола *ѡс* 'дать' и номинатива имени. Различие гласных основы и их акцентуация особенно четко проявляются в двусложных формах не-лица условного наклонения и эргатива, которые также образуют минимальную пару противопоставляемых форм, ср.: *ѡлѣ* ~ *ѡлѣ*.

Минимальная пара *ѡѣ* 'в село' ~ *ѡѣ* — генитив от *ѡлѣ* 'бок'. Данную минимальную пару образуют наречие от *ѡлѣ* 'село' и форма генитива имени *ѡлѣ* 'бок'. Противопоставляются качеством ударного гласного. Кстати форма номинатива *ѡлѣ* как будто бы находится в минимальной паре с формой эргатива *ѡлѣ* от *ѡлѣ* 'вода' (ср.: *ѡлѣ ѡдѡѡс* 'водой напиться', *ѡдѡѡн ѡлѣ ѡѡѡѡѡс* 'наполнить кувшин водой'), но здесь произносительная форма эргатива *ѡлѣ* (от *ѡлѣ* 'вода') не учитывает наличия почти незаметного форманта эргатива *-ѡ* (ср.: *ѡлѣ ѡдѡѡс* 'водой напиться', *ѡлѣ ѡдѡѡн ѡѡѡѡѡс* 'наполнить кувшин водой').

Минимальная пара *ѡѣ* 'гнида' ~ *ѡѣ* 'поздно'. Данная пара противопоставляемых слов состоит из имени существительного в форме номинатива и усеченной формы наречия (существует впечатление, что это наречие в конце своем имеет почти не ощущаемый элемент *-ѡ*: *ѡѣ*). В произносительной норме *ѡѣ* и *ѡѣ* отличаются качеством ударного гласного, ср.: *ѡѣ ѡѡѡс* 'найти гниду' и *ѡѣ ѡѡѡс* 'поздно вернуться'.

Минимальная пара *ѡѣ* 'будь', 'находишься' (II кл.) ~ *ѡѣ* — эргатив от *ѡлѣ* 'религия'. Противопоставляемая пара состоит из формы им-

ператива будущего времени классного глагола *дѣс* 'быть', 'находиться' и формы эргатива от существительного *дин* 'религия'. И здесь существует впечатление, что провозносительная форма эргатива *дѣ* отличается от реальной морфологической с формантом *-й*: *дѣй*. Можно сравнить: *хлѣ бархлѣхъ гышкѣлѣр дѣ* 'ты вечером будь здесь' ~ *дѣ хъабизухъурѣл гѣдѣат* 'религией установленный адат (закон)'.

Минимальная пара *ѣри* 'скажи-ка' ~ *ѣрѣ* 'воля', 'право' состоит из глагольной формы императива *ѣ* в сочетании с постпозитивной частицей *-ри* (представляющей собой, очевидно, усеченную форму частицы *гъари*) и имени существительного *ѣрѣ*. В паре ударение разноместное и качественно отличное — в глагольной форме *ѣри* оно подчеркнуто долготой гласного и носит квантитативный характер, а в имени *ѣрѣ* — слабое, малозаметное.

Минимальная пара *ѣбѣис* 'скрести снизу вверх' ~ *ѣбѣѣис* 'обрасти, отрастить' (о бороде, волосах) образована двумя глаголами сложной структуры. Глагол *ѣбѣис* содержит в своем составе двух разных пространственных превербов: *ѣб-* 'внизу, под' и *ѣа-* 'снизу вверх': *ѣб-ѣа-ис* → *ѣб-ѣ-ис*. Этот глагол в описательном переводе означает 'снять нижний слой грунта или чего-нибудь по направлению снизу вверх'. Ударение падает на преверб направления 'снизу вверх' *-а-* (← *ѣа-*), размещенный в позиции между пространственным превербом *ѣб-* и основой простого глагола. Другой глагол пары *ѣбѣѣис* имеет преверб *ѣу-*, означающий 'под', общее значение глагола примерно таково: 'подрости, подскочить, дойти до предельного роста' (о волосе, бороде).

Приведенные примеры минимальных пар, а они не являются исчерпывающими, свидетельствуют о функционировании в хюркилинском диалекте разноместного и разнокачественного ударения. Они не дают никакого основания утверждать, что в данном диалекте ударение является исключительно принадлежностью первого слога.

Одновременно следует подчеркнуть, что в хюркилинском диалекте ударение на первом слоге — одно из позиционных наформантных ударений, но его нельзя рассматривать как единственное или исключительное для данного диалекта. Ударение на первом слоге встречается не только в минимальных парах противопоставляемых форм, но и в различных глагольных формах с пространственными превербами или долгими гласными. Обратимся к некоторым иллюстрациям.

Выше отмечалось, что в хюркилинском диалекте пространственные превербы направления *ѣа-* 'снизу вверх', *хъа-* 'сверху вниз', *са-* 'со стороны к говорящему, сюда' в начальной позиции, как правило, являются ударными, причем гласный этих превербов характеризуется определенной долготой, что делает ударение подчеркнутым и квантитативным. Вместе с тем отмечалось также, что эти превербы в срединной позиции не всегда бывают ударными.

От чего зависит ударность или неударность пространственных превербов направления (*ѣа-*, *хъа-*, *са-*) в срединной позиции, пока остается неясным. Для выяснения этих закономерностей, пожалуй,

лучше обратиться к языковым фактам. Приведем сначала несколько примеров с ударными превербами: *ши-хъа́-сис* 'выдержать', 'выдюжить', 'вытерпеть', *ши-сѧ́-сис* 'взять на себя', 'обязаться что-то сделать', *ше́-сис* (← *ши-ѧ́-сис*) 'обязаться', 'взять на себя'; *ѧуб-хъа́-сис* 'снять сверху вниз', *ѧуб-сѧ́-сис* 'снять в эту сторону, сюда', *ѧуб-ѧ́-сис* (← *ѧуб-ѧ́-сис*) 'убрать'; *ѧѧб-хъа́-сис* 'прорвать, пробить сверху вниз', *ѧѧб-сѧ́-сис* 'пробить в эту сторону', *ѧѧб-ѧ́-сис* (← *ѧѧб-ѧ́-сис*) 'пробить снизу вверх' и т.д.

Во всех этих примерах пространственные превербы направления (-хъа-, -са-, -а-/ѧа-) в срединной позиции являются ударными. Им предшествуют также пространственные превербы, но иной группы. При выпадении преверба направления 'снизу вверх' -ѧа- его ударение переместилось на преверб начальной позиции: *ше́-сис* ← *ши-ѧ́-сис*, причем гласный этого преверба получил возместительную долготу, а ударение квантитативный характер. В приведенных примерах следует обратить внимание на количество слогов после ударных превербов направления, а именно представлен лишь один слог (-сис). Приведем теперь примеры с неударными превербами направления: *ши-хъа-ба́тис* 'посадить на что-то сверху вниз' (на лошадь, на машину), *ши-са-ба́тис* 'пересадить в эту сторону' (перен. 'навязать', 'всучить'), *ше́-ба́тис* (← *ши-ѧа-ба́тис*) 'посадить на что-то снизу вверх'; *ѧуб-хъа-ба́тис* 'отнять сверху вниз', *ѧуб-са-ба́тис* 'отнять в эту сторону', *ѧуб-а-ба́тис* 'отнять снизу вверх', *ѧѧб-хъа-ба́тис* 'выпустить сверху вниз', *ѧѧб-са-ба́тис* 'выпустить в эту сторону', *ѧѧб-а-ба́тис* 'выпустить снизу вверх' и т.д.

В этих примерах пространственные превербы направления (-хъа-, -са-, -а-/ѧа-) в той же срединной позиции не являются ударными, ударение здесь находится на последнем слоге. Отличие примеров этой группы от предыдущих в том, что после указанных превербов следует двусложный компонент (-ба́-тис). Чтобы такое различие было более наглядным, расположим рядом две группы форм, одни с ударными превербами, а другие — без ударения:

шиб-хъа́-сис 'снять сверху вниз' — *шиб-хъа-бух́ис* 'сойти сверху вниз'
шиб-сѧ́-сис 'снять в эту сторону' — *шиб-са-бух́ис* 'сойти в эту сторону'
шиб-ѧ́-сис 'снять снизу вверх' — *шиб-а-бух́ис* 'сойти снизу вверх'
и т.д.

Внешнее перемещение ударения с пространственного преверба направления на конечный слог как будто бы обусловлено слоговым составом слова. Но вопрос оказывается намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Если за пространственным превербом направления с долгим и ударным гласным следует многосложный компонент, то наблюдается ряд закономерностей функционирования долготы гласного и ударения:

а) гласный в превербе перестает быть долгим и ударение перемещается на последний слог:

шиб-хъа-ба́хъѧс 'отрезать сверху вниз' — *шиб-хъа-би́хъис* 'спасть сверху вниз'

шиб-са-бэхъэс 'отрезать в эту сторону' — *шиб-са-бихъйс* 'спасть
в эту сторону'

шиб-а-бэхъэс 'отрезать снизу вверх' — *шиб-а-бихъйс* 'спасть снизу
вверх' и т.д.

б) гласный в превербе может остаться долгим, но ударение рас-
средоточивается на последний слог:

шиб-хъā-сибларгĭŭ 'после того, как будет снято сверху вниз',

шиб-сā-сибларгĭŭ 'после того, как будет снято в эту сторону',

шиб-ā-сибларгĭŭ 'после того, как будет снято снизу вверх' и т.д.

В хюркилинском диалекте акцентная система вызывает наиболь-
ший интерес в связи с функциональными особенностями долгих
гласных. Хотя эти оба явления — долгота гласных и ударение —
тесно связаны между собой, в данном случае нет возможности вновь
возвращаться к описанию системы долгих гласных, это в известной
мере было осуществлено в соответствующем разделе работы, поэто-
му в связи с ударением отметим лишь наиболее характерные осо-
бенности параллельного функционирования этих морфонологических
явлений диалекта.

Долгота гласных не является однородным морфонологическим
признаком хюркилинского диалекта. В зависимости от позиции в
структуре слова долгота гласного может быть двоякой — базовой
(основной) и формантной. В понятие базовой долготы гласного
следует внести уточнение. Дело в том, что в хюркилинском диа-
лекте существуют пространственные превербы с долгим гласным,
входящие в состав основы глагола. В такого рода глагольных
формах формантная долгота гласного одновременно является и ба-
зовой (основной), ср.: *ъāсис* 'взять снизу вверх', *ъāкл̃ис* 'родиться',
ъāхъэс 'зачерпнуть', *ъāхъис* 'повесить', *хъāсис* 'снять сверху вниз',
хъāгис 'упасть', *хъāтис* 'посадить', *сāсис* 'взять', *сāкл̃ис* 'оживиться',
сāхъис 'набраться' и т.д. Долгие гласные в подобных случаях явля-
ются одновременно компонентами пространственных превербов (фор-
мантов) и основ. Потому они и могут считаться одновременно
формантными и базовыми (основными) долгими.

В зависимости от своего образования долгота гласного также
может быть двоякой — природной и комбинаторной. Природная
долгота гласных заложена в специфике исконных или заимствован-
ных слов, а комбинаторная долгота вызвана происходящими в сло-
весной форме изменениями, чаще всего выпадением звуков или зву-
ковых комплексов. Комбинаторная долгота гласных, связанная с вы-
падением звуков или звуковых комплексов, носит компенсаторский
(возмездительный) характер.

Природная долгота гласных в хюркилинском диалекте представ-
лена прежде всего в превербх пространственной ориентации на-
правления *хъā-*, *сā-*, *ā-/ъā-*. Следует здесь же подчеркнуть, что в этих
превербах в зависимости от слоговой структуры слова долгий глас-
ный может перейти в ординарный гласный.

Природная долгота гласных наблюдается также в словесных фор-

мах указательных дейктонимов, особенно когда базовый слог оказывается открытым, ср.: *гыиш* 'этот, у 1-го лица', эрг. *гый-ши-ыи-н*, ген. *гый-ши-ла*, дат. *гый-ши-с* и т.д.

Природная долгота гласных наблюдается также в отдельных арабских и тюркских заимствованиях, среди которых встречаются и некоторые собственные имена (мужские и женские), ср.: *gl̥ḍam* 'адат' ('закон, обычай'), *kyādar* 'судьба', *nāyib* 'наиб', *nāsib* 'предназначение', *zālim* 'храбрец, удалец', *ḍāyim* 'постоянно', *khāyin* 'изменник, предатель', *gāmūsh* 'буйвол', *Kyāgyur* — имя собств., *Rāsul* — имя собств., *Pāmīumat* — имя собств. и т.д.

В основной своей массе фактов в исконных словах хюркилинского диалекта долгота гласных носит формантный характер. Возникает вопрос: всякий ли долгий гласный является ударным или между долготой и ударением существует разница?

Вопрос о соотношении долгого и ударного гласного, об их совпадении или несовпадении — сложный вопрос. Его окончательное решение потребует, очевидно, экспериментальное исследование. Однако хотелось бы высказать некоторые свои предположения и наблюдения над фактами, не претендуя на окончательное и исчерпывающее решение вопроса.

Как правило, долгий гласный бывает ударным. Но было бы ошибкой абсолютизировать такую закономерность. У нас есть основания полагать, что в слове долгий гласный не всегда является одновременно и ударным, что долгота и ударность слога — не одно и то же. Чтобы ответить на этот вопрос, удобными представляются примеры с комплексами различных пространственных превербов. Обратимся к некоторым из них.

гъа-хъа-батис 'протянуть сверху вниз',
гъа-са-батис 'протянуть в эту сторону, сюда',
гъа-батис (← гъа-ха-батис) 'протянуть снизу вверх'.

В первых двух примерах (с превербными комплексами *ɣ̣a-x̣ʷa-* и *ɣ̣a-sa-*) ударение фиксируется на последнем слоге. В третьем примере существует долгий гласный, образованный в результате выпадения преверба *-ɣ̣a-*, в то же время глагол входит в группу форм с ударением на последнем слоге. Здесь вполне закономерно полагать о существовании различия между долгим и ударным слогами. Аналогичными представляются также примеры:

ши-хъа-батис 'посадить сверху вниз',
ши-са-батис 'пересадить в эту сторону',
ше-батис (← *ши-ъа-батис*) 'посадить снизу вверх';

ɣʏ-ɣʌ-*batúic* 'посадить сверху вниз',
 ɣʏ-*sa-batúic* 'отсадить в эту сторону',
 ɣ^wō-*batúic* (← ɣʏ-ɣʌ-*batuic*) 'вставить снизу вверх';

ɣu-xʰa-buɰɰɰc 'покрыть сверху вниз',
 ɣu-sa-buɰɰɰc 'полобзать в эту сторону',
 ʷō-buɰɰɰc (← ɣu-ʰa-buɰɰɰc) 'подставить снизу вверх' и т.д.

Хюркилинские глаголы типа ъ^wобатѣс и ъ^wобуцѣс своим образо-

ванием, морфонологическим структурным обликом и акцентным строем представляют значительный научный интерес. Таких глаголов немного — их всего около десяти-пятнадцати единиц. Перечислим некоторые из них: $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbux}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'настелить' и 'вонзиться', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'настелить', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbiz}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'подставить снизу вверх', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbuk}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'подобрать вверх', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbax}^{\text{w}}\text{ās}$ 'подпереть вверх', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōba}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'дорости до предела', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbat}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'подшить вверх', $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ 'подставить вверх' и т.д.

В приведенных формах начальный слог состоит из лабиализованного ларингала ʔ^{w} и долгого гласного ō : $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ō}$ -. Образование этого слога и долгого гласного ō в нем таково. В приведенных формах присутствует пространственный преверб катафронта ʔu - 'под, вниз'. К этому превербу присоединяются различные простые глаголы с превербом направления ʔa -, в сочетании с которым происходят определенные изменения: гласный -u - переходит в долгий гласный -ō -, а предшествующий ему ларингал становится лабиализованным, ср.: $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbux}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-bux}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-bu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbiz}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-biz}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbuk}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-buk}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbax}^{\text{w}}\text{ās} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-bax}^{\text{w}}\text{ās}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōba}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-ba}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbat}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-bat}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$; $\text{ʔ}^{\text{w}}\text{ōbu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is} \leftarrow \text{ʔu-ʔa-bu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$ и т.д.

В начальном слоге приведенных примеров долгий гласный ō налицо. Является ли этот слог ударным, вызывает, однако, некоторое сомнение в силу того обстоятельства, что в аналогичных формах с пространственными превербами других противопоставляемых направлений (-xʔa -, -sa -) ударным является последний слог, ср.: $\text{ʔu-xʔa-bux}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-xʔa-bu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-xʔa-biz}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-xʔa-bu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-xʔa-bax}^{\text{w}}\text{ās}$, $\text{ʔu-sa-bux}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-sa-bu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-sa-biz}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-sa-buk}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-sa-ba}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-sa-bat}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$, $\text{ʔu-sa-bu}^{\text{w}}\text{y}^{\text{w}}\text{is}$.

Несколько ниже в связи с возникновением долгих гласных в сложных словообразовательных структурах нам еще раз придется вернуться к вопросу о соотношении долгого и ударного слогов. Тем не менее здесь следует подчеркнуть, что несмотря на наличие определенного языкового материала, вызывающего сомнение в совпадении долгого и ударного слогов, такое совпадение представляется широко распространенным и очевидным. Такое совмещенное с долгой ударение носит квантитативный характер. Среди иллюстраций встречаются разнослоговые слова.

Существует группа односложных имен структуры "согласный + гласный", причем гласным чаще всего выступает в них -u . В форме номинатива ударение почти не ощущается, но в форме генитива гласный -u заменяется долгим гласным -ē и ударение становится четким, ср.: ʃu 'село' — ген. ʃē (любопытно, что форму генитива ʃē имеет также имя ʃu 'вода'), dzi 'соль' — ген. dzē , xu 'побег растения' — ген. xē , xʔu 'кровь' — ген. xʔē , ʒu 'нить' — ген. ʒē , xʔu 'клятва' — ген. xʔē и т.д.

В хюркилинском диалекте существуют двусложные слова с исходным ударным слогом типа -li или -ni , а в основе — гласный -u или -a -. Такие имена обычно образуют генитив в односложной форме, с усечением исходного слога и целого ряда изменений в тех случаях, если в основе представлен гласный -u -. Примеры: $\text{gʔun}^{\text{w}}\text{li}$ 'дорога' — ген. $\text{gʔ}^{\text{w}}\text{ō}$, $\text{ɕʔul}^{\text{w}}\text{li}$ 'зерно' — ген. $\text{ɕʔ}^{\text{w}}\text{ō}$, $\text{ʒul}^{\text{w}}\text{li}$ 'шкура' — ген.

ж^во́, хІулі́ 'глаз' — ген. хІ^во́, шалі́ 'бок' — ген. ша́, хъали́ 'дом' — ген. хъа́ и т.д. Как свидетельствуют некоторые из приведенных примеров, гласный основы -у- в форме генитива переходит в долгий гласный о́. Но поскольку в диалекте существует фонологическая оппозиция звуковых комплексов "нелабиализованный согласный + гласный у = лабиализованный согласный + долгий гласный о́" ("С + у = С^в + о́"), то появление долгого гласного о́ оказывается сопряженным с лабиализацией предшествующего ему согласного. В приведенных примерах комплекс "С^в + о́" получен из комплекса "С + у".

В хюркилинском диалекте существует и другая группа двусложных слов, оканчивающихся на -л или -н, которые в форме генитива теряют эти конечные элементы, в результате чего конечный ударный слог становится открытым и долгим, ср.: зарáл 'ущерб' — ген. зарá, сукъбан 'камзол' — ген. сукъба́, кьуръáн 'коран' — ген. кьуръá, гаджін 'кувшин' — ген. гаджé, сатін 'сатин' — ген. сатé, супіл 'ус' — ген. супé, тІаніл 'шнур' — ген. тІанé, кІуцІу́л 'ложка' — ген. кІуцІ^во́, гІ^вбу́л 'гвоздь' — ген. гІ^вб^во́, муьу́л 'веник' — ген. муь^во́, губу́л 'палец ноги' — ген. губ^во́ и т.д.

У группы двусложных имен, оканчивающихся на ударный гласный -і́, генитив маркируется заменой этого гласного долгим ударным гласным -é, ср.: гІині́ 'зима' — ген. гІинé, к^воні́ 'живот' — к^вонé, гІэмі́ 'дыра' — гІэмé, тІилі́ 'ручка кувшина' — тІилé, кьэлі́ 'ветвь' — кьэлé, хІ^вэлі́ 'внутренний жир' — хІ^вэлé, дэху́ 'рана' — дэхé, к^воньі́ 'сундук' — к^воньé, муху́ 'ячмень' — мухé, ьанкІі́ 'пшеница' — ьанкІé, ьуршй́ 'сын' — ьуршé, рурсі́ 'дочь' — рурсé и т.д.

В аналогичных двусложных именах с конечным гласным -у генитив маркируется заменой его долгим ударным гласным о́ с лабиализацией предшествующего согласного, ср.: гІэкьлү́ 'ум' — гІэкьл^во́, гІилмү́ 'наука' — гІилм^во́, зулмү́ 'гнет' — зулм^во́, р^вэхІмү́ 'милость, милосердие' — р^вэхІм^во́, буху́ 'крупа' — бух^во́, ьурху́ 'море' — ьурх^во́ и т.д.

У двусложных имен с конечным гласным -а генитив маркируется долготой этого же гласного, ср.: ьундзá 'дверь' — ьундзá, г^вондзá 'земля' — г^вондзá, кьаркзá 'камень' — кьаркзá, галгá 'дерево' — галгá, ьулá 'сито' — ьулá, мурá 'сено' — мурá и т.д.

В связи с долгим ударным гласным можно отметить еще закономерность функционирования такого гласного в форме генитива множественного числа. Как известно, в наиболее распространенных суффиксах множественного числа (-и, -би, -ми, -ни, -ти, -ри) представлен огласовочный гласный -и. При образовании формы генитива этот гласный -и форманта множественного числа заменяется ударным долгим гласным -é. Приведем несколько примеров: бицІ́ 'волк' — мн. буцІ-і́, ген. буцІ-é-ла, галгá 'дерево' — галгу-бі́ — галгу-бé-ла; ьу́ 'имя' — ьу-мі́ — ьу-мé-ла; ьурху́ 'море' — ьурхь-ні́ — ьурхь-нé-ла; хІáйь^вон́ 'животное' — хІáйь^вон-ті́ — хІáйь^вон-тé-ла; сумá 'стернь' — сум-рі́ — сум-рэ́-ла и т.д.

Это наиболее характерные случаи функционирования ударного долгого гласного в хюркилинском диалекте. В каком слогe слова функционирует долгий гласный, в том и сосредоточивается ударение.

Поэтому здесь трудно говорить о существовании какой-то закономерности ударения в иерархическом отношении первого, второго или третьего слога. Ударный долгий гласный может оказаться в позиции слога любой последовательности, это зависит от слоговой структуры самого слова. Например, в силу характера образования форм множественного числа путем присоединения специальных категориальных формантов словоформы множественности имеют не менее двух слогов, следовательно, в зависимости от количества слогов ударный слог в них может быть вторым, третьим или даже четвертым, ср. *буцI-ѐ-ла* (2-й слог), *галгу-бѐ-ла* (3-й слог), *махIэу-тѐ-ла* (4-й слог) и т.д.

Говоря об ударении в хюркилинском диалекте, нельзя не сказать об одной характерной особенности словообразования этого диалекта. Речь идет о своеобразном слиянии слов друг с другом и образовании многокомпонентных сложных конструкций со своим специфическим акцентным и просодическим строем. В разговорной речи диалекта нередки такие, например, фразы: *хIузи́кIулѐхIиннану́ бу́йн* 'так как не тебе я говорю, успокойся' (слились: *хIузи́ ыкIули́ ыхIиннану́*) или *сунизи́ ну вашIкIулѐхIинниг^{ъó} вакIуб* 'хотя я его не приглашал, он пришел' (слились: *вашI ыкIули́ ыхIинниг^{ъó}*) и т.д.

Слияние ряда слов и образование многокомпонентных сложных глагольно-именных конструкций, довольно характерных для хюркилинского диалекта, обуславливаются спецификой акцентной и просодической системы, существованием для таких конструкций единого ритмико-интонационного контура, обеспечивающего интеграцию сегментов и непрерывность речевого потока. Синдема подобных образований укрепляет мнение, согласно которому долгий и ударный слог не всегда одно и то же. Это различие особенно наглядно просматривается в приведенных двух примерах, где долгий слог размещен на стыке двух компонентов, а ударный слог — в конце сложного новообразования.

Такое же явление раздвоения долготы и ударности слогов наблюдается и в некоторых сложных образованиях в поэзии Батырая. К таким примерам можно отнести в частности: *ЧукуллѐхIурирану́* 'не был бы я так скован' (слились: *чукулли ыхIурирану́*), *Ваттихы-лѐрик^ъэнна́* 'отправился пешком' (слились: *ваттихыли ьарик^ъэнна́*), *ЧатIнѐлāлāхIургъули́* 'не слыша даже ласточек' (слились: *чатIнѐла ьалла ыхIургъули́*). В этих батыраевских стихах долгота также находится на стыке двух компонентов, а ударение — на конечном слоге общей конструкции.

Из приведенных трех батыраевских примеров выделяется последний — *ЧатIнѐлāлāхIургъули́*, где в одной сложной конструкции представлены сразу три долгих гласных — один (-ѐ-) в категориальной морфеме множественности (*чатI-ни* — ген. *чатI-нѐ-ла*), а два других — на стыках сливающихся компонентов (*чатIнѐла* + *ьалла* и *ьалла* + *ыхIургъули́*). Если бы каждый слог с долгим гласным был одновременно и ударным, то в этом сложном образовании было бы три ударных слога. Однако ударение здесь одно, и оно находится на последнем слоге конструкции.

Там, где в подобных сложных образованиях нет долгих гласных, ударение сосредоточивается на последнем слоге. В этом отношении характерны также примеры из Батырая: *Дибъахъадикъулану* 'запирает', *Дибъахъадэкьибхилу* 'когда запер', *Гъэзбъхъадуркълулану* 'мучает', *Хларикълувъирагъó* 'смотрел', *Гъайикълувъирагъó* 'говорил', *Къэкъаллахълбакисáра* 'не вырастет ли хоть зернышко', *Гилахъадихъараиш* 'пока скроется'. Перевод этих стихотворных строчек Батырая условен, он не может претендовать на передачу специфического содержания оригинала.

Немало подобных сложных конструкций представлено и в работе П.К. Услара "Хюркилинский язык". П.К. Услар при изучении хюркилинского диалекта вопрос об ударении не разрабатывал. В этом плане у автора действительно, как указывал Л.И. Жирков, нет каких-либо высказываний. Но в языковых материалах автора немало случаев, когда отмечается долгота гласного. Существуют и определенные высказывания автора относительно характера возникновения и функционирования долгих гласных, хотя вопрос о соотношении долгих и ударных гласных остался незатронутым автором. Приведем несколько усларовских [1892, 7—8] примеров с использованием в их составе отрицательного глагола или преверба отрицания (примеры даются в нашей записи): *пагъм^огъóр* 'бесталанный', букв. 'таланта не имеющий' (у Услара: *пагъм^агъар* — 73), *чаллāхълкълб* 'никто не пришел' (74), *вайнāхълннā* 'я не дурен' (76), *вайтēхълннā* 'мы не дурны' (76), *валанēхълн* 'не знаком' (76), *глэхлнāхълс* 'не быть хорошим' (102), *члукъāхъллāв?* 'не похудел ли?' (105), *глэйиркълнāхълбхъллүв?* 'из-за того, что не сделался охотником?' (105) и т.д.

На стыке сливающихся слов возникает долгота гласного, если слог является открытым. Если же слог оказывается закрытым, то нет долготы гласного, ср.: *глэхл-нā-хълс* (I кл.) — *глэхл-нахл-дүс* (II кл.), *члу-кълā-хълл-лāв?* (I кл.) — *члу-кълахл-дил-лāв?* (II кл.) и т.д.

Подобного рода примеры сложных образований, в составе которых могут встретиться даже несколько долгих гласных, укрепляет мнение о разнородности долгого и ударного слогов. Разнородность этих слогов (долгого и ударного) обуславливается различием их образовательных и функциональных позиций — ударный слог тяготеет к формантной позиции (начала или конца слова), в то время как долгота слога возникает комбинаторным способом, в результате выпадения или изменения каких-то структурных элементов. Поскольку эти изменения нередко происходят в формантной позиции, то и совпадение ударного и долгого слога оказывается закономерным. Долгий слог оказывается ударным чаще, чем ударный слог долгим. Но следует помнить, что не всякий долгий слог является ударным так же, как не всякий ударный слог является долгим.

В хюркилинском диалекте ударение встречается в различных позициях, но наформантность ударения является здесь основной чертой, наиболее характерной и широко распространенной акцентной закономерностью. Если исключить вышеописанные случаи ударения в минимальных парах, в пространственных превербах и в различных слогах с долгими гласными, то наиболее характерной по-

зицией наформантного ударения является последний слог. Этой позиционной закономерности подчиняется акцентный строй полиморфной структуры падежной парадигмы имени. Если взять, например, слоговую структуру падежных форм аблатива: *галга-ли-шиб-хъád* 'с дерева', *вацла-ли-зиб-сáд* 'из леса', *ьурхъ-на-зи-бáд* 'из моря' и т.д., то ударение в них постоянно находится на последнем слоге. Если образование категориальных форм связано с насаиванием одного форманта на другой, то ударение закономерно перемещается в правую сторону, на конечную слоговую морфему, ср.: *вацлá* 'лес', эрг. *вацлáли*, адит. *вацлáлизí*, лок. *вацлáлизíб*, абл. *вацлáлизибáд* и т.д. В подобных случаях справедливо будет назвать ударение наформантным. Наформантность можно считать характерной особенностью хюркилинского ударения. Морфонологическое назначение ударения налицо.

Наосновное ударение имеет узко ограниченные рамки, обусловленные открытостью слога. Наформантное же ударение имеет более широкий диапазон функционирования как на открытых, так и на закрытых слогах. Для демонстрации и подтверждения сказанного можно еще раз обратиться к словоформам двух хюркилинских глаголов: *ьй-с* 'быть, стать, сделаться' и *ьи-с* 'сказать'. Если взять глагол *ьй-с* 'быть, стать', то существует впечатление определенной долготы гласного, некоей его внутренней тональной протяженности, чего совершенно нет в глаголе *ьи-с* 'сказать'. Если же сравнить многосложные категориальные формы этих глаголов, то это впечатление подкрепляется четко выраженной долготой и наосновным ударением на открытом слоге, ср.: *ну ьй-ра* 'я стал (сделался)' — *нуни ьйрá* 'я сказал', *хIу ьё-ди* 'ты стал (сделался)' — *хIуни ьадí* 'ты сказал'. В личных формах *ьй-ра* (1 л.), *ьё-ди* (2 л.) наосновное ударение падает на открытый слог. Ср. формы условного наклонения: *ну ьес-ли* 'если я стану', *хIу ьед-ли* 'если ты станешь', *гьит ьё-ли* 'если он станет'. В формах 1 и 2 л. условного наклонения наосновной слог является закрытым, поэтому ударение переместилось на конечный слог. В форме же не-лица (3 л.) *ьё-ли* базовый слог является открытым, поэтому ударение и долгота гласного сохраняются в этом слоге. В словесных формах глагола *ьи-с* 'сказать' ударение фиксируется на конечном слоге, ср.: *нуни ьйрá* 'я сказал', *хIуни ьадí* 'ты сказал', *нуни ьасли* 'если я скажу', *хIуни ьадли* 'если ты скажешь'. Исключение составляет форма не-лица условного наклонения, где базовый слог является открытым, сосредоточивающим в себе долготу гласного и ударение: *гьитиьин ьá-ли* 'если он скажет'.

Интерес представляют закономерности хюркилинского ударения и функционирования долгих гласных в вопросительных формах глагола при наличии или отсутствии в тексте вопросительных дейктионимов. Как известно, в литературном языке, а также в хюркилинском диалекте, существуют два вопросительных форманта: *-у* и *-в*. Вопросительный формант *-у* присоединяется к форме с согласным исходом, а вопросительный формант *-в* — к форме с гласным исходом. Ударение в том и другом случае, как правило, падает на последний слог, ср.: *ливí?* 'имеется ли?', *сайí?* 'является ли?',

вакIубу? 'приходил ли?', *бэкыIубу?* 'сделал ли?', *вакIулiв?* 'пришел ли?', *бэкылiв?* 'сделано ли?' и т.д.

В вопросительных формах конечную позицию ударение сохраняет и в тех случаях, когда преверб пространственной ориентации направления (*ѡа-*, *хѡа-*, *са-*) содержит долгий гласный, ср.:

ѡā-сиб-у? 'взял ли?', *ѡā-хѡэб-у?* 'зачерпнул ли?' (вверх),
хѡā-сиб-у? 'снял ли?', *хѡā-хѡэб-у?* 'зачерпнул ли?' (вниз),
сā-сиб-у? 'взял ли?', *сā-хѡэб-у?* 'зачерпнул ли?' (сюда);

ѡā-силi-в? 'взял ли?', *ѡā-хѡэлi-в?* 'зачерпнуто ли?' (снизу),
хѡā-силi-в? 'снял ли?', *хѡā-хѡэлi-в?* 'зачерпнуто ли?' (сверху),
сā-силi-в? 'взял ли?', *сā-хѡэлi-в?* 'зачерпнуто ли?' (сюда).

Эти примеры еще раз свидетельствуют о том, что долгий и ударный слоги — это разные вещи, они не всегда совпадают. Разнородность этих слоговых гласных особенно четко проявляется в хюркилинских многосложных формах.

Теперь обратимся к некоторым примерам вопросительных форм при наличии в фразе того или иного вопросительного дейктонима: *ча?* 'кто?', *си?* 'что?', *мурт?* 'когда?', *кани?* 'куда?', *каниб?* 'где?'. Здесь существует одна закономерность: при наличии в фразе вопросительного дейктонима вопрос в глагольной форме выражается с помощью вопросительного форманта *-а*, ср.: *ча сай-а?* 'кто есть?', *ча лив-а?* 'кто имеется?', *ча вакIуб-а?* 'кто пришел?', *шини бэкыиб-а?* 'кто сделал?' и т.д. Если глагольная форма в своем окончании имеет гласный *-а*, то в вопросительной форме он заменяется долгим гласным *-ā*, ср.: *ну сайрā* 'я есмь' — *ну ча сайрā?* (сокр. *ну чарā?*) 'кто я есмь?', *ну ливрā* 'я имеюсь' — *ну канив ливрā?* 'я где имеюсь?'. Если же глагольная форма в своем окончании имеет гласный *-и*, то этот гласный заменяется долгим гласным *-ē*, ср.: *хIу сайрi* 'ты еси' — *хIу ча сайрē?* (сокр. *хIу чарē?*) 'ты кто еси?'.

Эти закономерности наблюдаются не только при вопросительном дейктониме *ча?* 'кто?', но и при других вопросительных дейктонимах. Для подтверждения сказанного приведем еще примеры с вопросительным дейктонимом *мурт?* 'когда?':

ну вакIурā 'я пришел' — *ну мурт вакIурā?* 'я когда пришел?'
хIу вакIадi 'ты пришел' — *хIу мурт вакIадē?* 'ты когда пришел?'
гьит вакIуб 'он пришел' — *гьит мурт вакIубā?* 'он когда пришел?'

Говоря в связи с ударением о вопросительных формах, следует еще отметить, что в хюркилинском диалекте существует также частица *ѡāра* (лит. *вара*) с наосновным ударным слогом, которая присоединяясь к глагольным формам то в данной полной форме, то в сокращенной форме в виде *-ара* или *-ра*, выражает как бы делиберативный (консультативный) вопрос. И при этом ударение, естественно, падает на базовый слог частицы, ср.:

Халид вакIуб 'Халид пришел' — *Халид вакIубāра?* 'пришел ли Халид?',
Гьит Халид сай 'он — Халид' — *Гьит Халид сайāра?* 'он Халид ли?',

ну сайра́ 'я являюсь' — ну сайра́ра? 'я ли являюсь?',
 хлу сайри́ 'ты являешься' — хлу сайре́ра? 'ты ли являешься?',
 гыит сай 'он является' — гыит сайа́ра? 'он ли является?' и т.д.

Сказанное дает основание заключить, что в хюркилинском диалекте ударение, долгота гласного и характер слога (открытость или закрытость) тесно связаны между собой. Ударение существует наосновное и наформантное. Долгота гласного также носит характер наосновности и наформантности. Форманты бывают слоговые и неслоговые. Слоговые форманты являются, как правило, открытыми, а неслоговые форманты не имеют огласовки. Например, в форме хюркилинского эргатива имени *бицI-ли-џи-н* слоговые форманты *-ли-* и *-џи-* являются открытыми, а неслоговой же формант *-н* не огласован. Если взять глагол *џа-си-с* 'взять снизу вверх', то здесь представлен неогласованный и неслоговой формант *-с*. Из предшествующих ему открытых слогов один является базовым (*-си-*), а другой — формантным (*-џа-*), но поскольку превербы принято считать входящими в состав основ, то превербный слог *џа-* одновременно может считаться формантным и базовым.

Если в двухсложной форме первый слог содержит долгий гласный, то этот же слог одновременно может быть и ударным: *џа́сис* 'взять снизу вверх', *џа́кI'ис* 'родиться', *џа́хъас* 'зачерпнуть' и т.д. Если в трех или более сложных словах долгий гласный представлен в первом слоге, то ударным может быть последний слог: *џа́сибу́?* 'взял ли?', *хъа́хъали́в?* 'зачерпнуто ли?' (сверху вниз). Если в многосложных (трех и более) словах долгий гласный находится во втором слоге, то ударение может не совпасть с долготой, ударным может отказаться последний слог: *ва́йнāхIинна́* 'я не дурен', *чIу́кьа-хIу́ллāв?* 'не похудел ли?' В формах множественного числа ударение, как правило, падает на формант множественности, ср. номинатив: *џу́нц-и́, гаму́р-би́, џу́ллу-ми́, гавла́гу-ни́, хIа́йџ'он-ти́, хIу́ркI-ри́*, эргатив: *џу́нц-а́, гаму́р-ба́, гавла́гу-на́, хIа́йџ'он-та́, хIу́ркI-ра́* и т.д., генитив: *џу́нц-е́-ла, гаму́р-бе́-ла, гавла́гу-не́-ла, хIа́йџ'он-те́-ла, хIу́ркI-ре́-ла* и т.д.

Таких различных случаев функциональной дифференциации долгого и ударного слогов в хюркилинском диалекте множество. Подвести их под какие-то строго соблюдаемые закономерности невозможно. Ударение здесь характеризуется и фонетическим аспектом (тональностью, динамичностью, квантитативностью и т.д.), и морфонологическим аспектом (подвижностью, открытостью, формантностью), и лексико-синтаксическим аспектом (фразовостью, логичностью, тактовостью) и т.д.

Хотелось бы в конце затронуть один очень важный, на наш взгляд, вопрос, связанный с ударением. Речь идет о том, как возникло разноместное ударение, исторически существовали ли в языке многосложные слова?

Ответ на этот вопрос в определенной степени содержится в положении о наформантности ударения: если в даргинском языке или в хюркилинском диалекте ударение в основном является наформант-

ным, а форманты — это результат грамматикализации лексики, то ударение может рассматриваться как вторичное явление, связанное с возникновением грамматических формантов. Наформантность ударения и его морфонологический характер — сущностные признаки акцентной системы современного даргинского языка вообще и хюркилинского диалекта в особенности.

Что же касается наосновного (базового) ударения, то его связь с открытым слогом наводит на мысль об исторической первичности основы структуры открытого слога "согласный + гласный" (СГ). Эта мысль укрепляется еще и тем, что в основах структуры закрытого слога (СГС) или же в слоговых сегментах той же структуры исходный согласный оказывается неслоговым (или неогласованным) формантом (корневым или аффиксальным), ср. хюрк. *гы-ш* 'этот' (-ш — неогласованная корневая морфема), *хи-с* 'принести' (-с — неогласованная аффиксальная морфема), *ли-в* 'имеется' (-в — неогласованная аффиксальная морфема) и т.д.

Из всего этого вытекает, что в своем историческом развитии акцентная система даргинского языка идет от наосновного (базового) к наформантному ударению. Об этом свидетельствует и процесс перемещения ударения в правую сторону, в сторону конечного слога при полиморфемном синтетизме в словообразовательной и словоизменительной парадигматике. Принцип акцентуационного выделения основы от формантных сегментов в даргинском языке идет к деградации, в литературном (акушинском) диалекте он утрачен основательно. В основной массе фактов современного состояния развития даргинского языка наблюдается принцип акцентуационного выделения огласованного форманта, преимущественно конечного, если ударение не сопряжено с долгим слогом иной позиции, как это наблюдается в некоторых материалах хюркилинского диалекта.

Ударение — сложная и многоаспектная проблема. Она не может быть исчерпана ни данным небольшим очерком, ни какой-либо одной отдельной статьей. Проблема ударения в даргинском языке заслуживает самостоятельного монографического исследования.

В данном небольшом разделе хотелось бы дать в самом общем и кратком виде очерк об основных понятиях взаимосвязанных и взаимообусловленных кратчайших единиц структуры языка — звука, фонемы, морфонемы и морфемы, соотнести с некоторыми дефинициями этих понятий конкретные факты даргинского языка и на этой основе выразить свое отношение к ним. Мы не ставим перед собой задачу исчерпывающего анализа существующих в науке различных фонологических и морфонологических концепций.

Как известно, *phōnēma* 'фонема' — слово греческого происхождения и переводится как 'голос', 'звук' (лингв. как минимальная единица звукового строя языка). Казалось бы, все тут просто и ясно. Однако в лингвистике понятия звука и фонемы, а также их соотношение трактуются далеко не однозначно. Существуют десятки и сотни противоречивых, а подчас взаимоисключающих характеристик природы этих понятий. Дефиниции морфонемы и морфемы страдают теми же противоречиями.

Нет возможности, да и необходимости тоже, приводить здесь все существующие в отечественной и зарубежной литературе взгляды на природу звука, фонемы, морфонемы и морфемы, но было бы нелишне обратиться к некоторым характеристикам этих понятий, данным известными и признанными специалистами, и попытаться осмыслить соотношение этих теоретических постулатов и конкретных фактов исследуемого нами даргинского языка. Осмысление такого соотношения представляется особенно важным в силу того обстоятельства, что понятия звука, фонемы, морфонемы и морфемы, а также их функциональные особенности и взаимоотношения в лингвистической теории освещаются как нечто однородное или единоприродное для всех языков. Действительно, в каждом человеческом языке есть звуки, потому они и называются "звуковыми языками" (хотя "нечеловеческих" или "незвуковых" языков не бывает).

Справедливо, очевидно, введение в науку понятия "фонемы" (хотя в давнем это понятие греческом языке оно означает тот же "звук"), так как звук в разных языках может произноситься и функционировать по-разному и это различие (разнообразие) должно быть описано в терминах соответствующего уровня анализа. Тем не менее звуки и фонемы в разных языках различаются, различаются также их соотношение и функционирование. Следовательно, подход к анализу звуков и фонем различных языков должен быть дифференцированным. Не могут быть дефиниции лингвистических

понятий, сформулированные на основе данных одного языка, механически перенесены на факты другого языка. Если различаются звуки и фонемы разных языков, то различными должны быть и их характеристики. Стало быть, во всем единой для всех языков и для всех методологических направлений лингвистической теории быть не может. Теория должна строиться на основании фактов конкретного языка, т.е. лингвистическая теория должна быть такой же конкретной, как и сам ее объект — язык. Это, однако, не значит, что в разных языках не могут обнаружиться сходные явления, а в их теоретических характеристиках близкие формулировки. Такие сходные факты и близкие формулировки вполне реальны. На их основании, на наш взгляд, и должны строиться лингвистические обобщения и общетеоретические постулаты. Без предварительного выявления сходных фактов разных языков и соответствующей их научной характеристики общетеоретические обобщения были бы бессмысленны. В лингвистической теории прогнозирование для разных языков единых теоретических установок чревато опасностью. В этом плане нельзя не согласиться с Э. Бенвенистом, когда он пишет: "Прогресс в языкознании, как и в других науках, прямо связан с тем, настолько оно способно увидеть *сложность* своего объекта: этапы в развитии науки о языке и есть ступени в осознании этого. Следует, впрочем, всегда помнить ту истину, что рассуждения о языке плодотворны только тогда, когда они опираются на данные конкретных языков. Изучение этих реальных, данных нам в опыте исторических систем, какими являются отдельные языки, — единственно возможный путь к пониманию общих механизмов языка и его функционирования" [Бенвенист 1974, 17]; "ибо язык вообще всегда реализуется в каком-либо отдельном языке, в определенной конкретной языковой структуре, неотделимой от определенного конкретного общества" [там же, 31].

Один из основоположников учения о фонеме И.А. Бодуэн де Куртенэ [1963, 121] дает фонеме такое определение: "... Фонема есть сумма обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков. Иначе: фонема есть фонетическое неделимое с точки зрения сравниваемости фонетических частей слова". Различие звука, фонемы и морфемы И.А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивает так: "Неделимое с антропофонической точки зрения есть звук, неделимое с фонетической точки зрения есть *фонема*, неделимое с морфологической точки зрения есть *морфема*" [там же]. Он считает, что "с антропофонической точки зрения фонема может равняться цельному, неделимому звуку", причем такое равенство (равнение) автор характеризует как "случай самый частый" [там же].

При определении фонемы И.А. Бодуэн де Куртенэ допускает равенство фонемы не только с цельным, неделимым звуком, но и с "неполным звуком", "известные свойства" которого "идут в пользу другой, рядом стоящей фонемы: (*сяду//сад*), т.е. фонемой могут быть не только цельные, неделимые звуки (как *v* в словах *ворот*,

ров), но и часть звука, отдельная звуковая меризма (как мягкость с в слове *сяду* по ср. с *сад*).

В дальнейшем понятие фонемы И.А. Бодуэн де Куртенэ [там же, 271] связал с психологическим представлением: "Фонема = единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка". Кстати, И.А. Бодуэн де Куртенэ [там же, 272] психологическое толкование дает и понятию морфемы: "Морфема = любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения (то есть с точки зрения самостоятельной психической жизни). Это понятие охватывает, следовательно, *корень* (*radix*), все возможные *аффиксы*, как *суффиксы*, *префиксы*, *окончания*, служащие показателями синтаксических отношений, и так далее". И.А. Бодуэн де Куртенэ называет фонему "психическим эквивалентом звука"; "фонема — это единый, неделимый в языковом отношении антропофонический образ, возникший из целого ряда одинаковых и единых впечатлений, ассоциированных с акустическими и фонационными (произносительными) представлениями. Иначе говоря: фонема — это единое фонетическое представление, возникшее от произнесения одного и того же звука" [там же, 351].

Итак, в представленных формулировках И.А. Бодуэна де Куртенэ фонема — это "полноценный звук", "часть звука", "сумма антропофонических свойств части слова", "единое фонетическое представление", "психический эквивалент звука", "антропофонический образ" и т.д.

Ученик Бодуэна де Куртенэ Л.В. Щерба [1983, 14] в 1912 г. дал следующее определение фонемы: "Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова".

Будучи на позициях ассоциативной психологии, Л.В. Щерба, с одной стороны, определяет фонему как "общее фонетическое представление данного языка", с другой — отмечает способность этого представления "ассоциироваться со смысловыми представлениями". В этом определении Л.В. Щерба впервые четко подчеркивает смысловоразличительную функцию фонемы. Смысловоразличительную функцию фонемы Л.В. Щерба [1957, 18] подчеркивает и в других характеристиках этого понятия: "... В живой речи произносится значительно больше, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т.е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных *звуках речи*. Мы будем называть их *фонемами*. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в ко-

тором реализуется общее (фонема), будем называть *оттенками фонем*".

У звука речи Л.В. Щерба отмечает три аспекта: физический, биологический и лингвистический ("поскольку лингвистика является социальной наукой — социальной"). Он пишет: "В самом деле, вопросительная частица *а?*, произнесенная громко или шепотом, басом или дискантом, представляет собой, конечно, совершенно разные звуки и физически и биологически. Однако с лингвистической точки зрения — это одна и та же частица, один и тот же звук. Следовательно, мы в данном случае в частных явлениях, каковыми являются физически и биологически эти разно произнесенные *а?*, видим нечто общее, которое и утилизируем в целях общения. Чем же определяется это общее? Очевидно, именно общением, которое является основной целью языка, т.е. в конечном счете смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же. Но и дальше, только такое общее важно для нас в лингвистике, которое дифференцирует данную группу (скажем разные *а?*) от другой группы, имеющей другой смысл (например, от союза *и*, произнесенного громко, шепотом и т.д.). Вот это общее и называется *фонемой*. Таким образом, каждая фонема определяется, прежде всего, тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп" [там же, 19—20]. Таким образом, смыслоразличение слов и их форм Л.В. Щерба считает основным назначением фонемы.

В одной из своих ранних работ Н.Ф. Яковлев [1928, 46] также подчеркнул смыслоразличительную функцию фонемы. Фонема Н.Ф. Яковлева, в отличие от фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, не связана с элементами психологии. Н.Ф. Яковлев пишет: "... Фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты *в отношении к различению значимых элементов языка*".

Впоследствии Н.Ф. Яковлев в соавторстве с Д.А. Ашхамафом подробно разработал вопрос о соотношении звука, фонемы и семы (значимой части слова) применительно к одному из кавказских языков — адыгейскому. Идеи и положения Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа относительно названных понятий (звука, фонемы и семы) представляются оригинальными, значительными и потому заслуживающими специального разбора, что и будет сделано несколько ниже. Здесь же приведем авторскую формулировку фонемы, данную ими в связи с понятиями звука и семы. Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф [1941, 406] пишут: "Фонемой называется простейшая звуковая частица в языке, исторически выделившаяся на основе развития значений в словах-понятиях, на основе выделения сем в составе этих слов. Фонем в каждом языке ограниченное количество. Иначе их

можно назвать самостоятельными звуками языка". И еще: "Короче, мы можем определить фонему как звук, исторически выделенный значением слова и его форм" [там же, 408].

Фонема, по Н.Ф. Яковлеву и Д.А. Ашхамафу, тесно связана и своей функциональной природой, и происхождением со звуком и семой (значимой частью слова). Объемное качество фонемы как "кратчайший звуковой момент", подчеркнутое Н.Ф. Яковлевым в своем первоначальном определении общего понятия фонемы, впоследствии как-то перестало фигурировать в определении фонемы относительно адыгейского языка. Это обращает на себя внимание в связи с тем, что в теории фонемы, разработанной на базе индоевропейских языков, членимость ~ нечленимость (разложимость ~ неразложимость) фонемы на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы и позиционный характер ее функционирования стали считаться определяющими признаками фонемы. Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф [1941, 269] подчеркивают существенное различие соотношения между делением на семы и на слоги, следовательно, различие связанных с ними звуков-фонем в языках различных структур, например, адыгейского и русского. При этом нет упоминания ни о разложимости ~ неразложимости фонемы, ни о связи ее функционирования с той или иной позицией. Здесь уже фонема рассматривается в историческом соотношении со звуком и семой.

В фонологии довольно высокую оценку специалистов получила теория микро- и макрофонем американского фонолога В.Ф. Тводделла, который охарактеризовал фонему как абстрактную фикцию. С.К. Шаумян [1962, 54] называет заслугу В.Ф. Тводделла "огромной" и характеризует как "серьезный вклад в разрушение наивных представлений о фонеме как элементе физической реальности, данном в прямом наблюдении". В свое время весьма положительно отозвался о теории В.Ф. Тводделла и Н.С. Трубецкой. Хотелось бы привести сперва некоторые положения этой теории в интерпретации Н.С. Трубецкого. "Высказывание" (то есть конкретный речевой акт) представляет собой физическое явление (звучание), связанное с определенным значением. Звуковой комплекс, который повторяется в разных высказываниях и всюду имеет одно и то же значение, называется "формой". Две формы с разными значениями различаются в принципе и по звучанию (если отвлечься от омонимов, которые во всех языках являются относительно редкими). Степень звукового несовпадения двух разных форм может быть различной. Минимальное звуковое различие между двумя несходными формами соответствует отрезкам данного звукового комплекса. Группа форм, минимально отличающихся друг от друга, образует "класс". Этот класс характеризуется звуковым комплексом, общим для всех его членов; если минимальное различие во всех этих членах затрагивает один и тот же отрезок (например, начало или конец), то такой класс является "упорядоченным". Так, например, немецкие слова *nahn* — *lahn* — *kam* — *Rahn* — *Scham* — *zahn* образуют упорядоченный класс. Отношения между членами класса суть минимальные фонологические оппозиции; члены таких оппозиций Тводделл называет "микрофо-

немами" (в нашем случае $n - l - k - r - sch - ts$ являются "микрофонемами" класса форм, характеризующегося последующим *am*). Два класса форм называются "равноупорядоченными", если отношения между их микрофонемами тождественны. Так, например, английские классы *pill - till - kill - bill* и *nap - gnat - knack - nab* равноупорядочены, ибо, несмотря на то, что фонетическое качество микрофонема в обоих случаях не является абсолютно одинаковым (*p, t, k* в начале слова аспирированы, в исходе не аспирированы), отношения между этими микрофонемами все же тождественны. Все микрофонемы, занимающие одно и то же место в разных равноупорядоченных классах форм, образуют "макрофонему", которая соответствует фонеме в нашем понимании [Трубецкой 1960, 50].

Итак, совокупность микрофонема, функционирующих в идентичной позиции в разных равноупорядоченных классах форм, называется макрофонемой, а макрофонема — это абстрактная фикция, удобная для описания отношений между элементами языка.

Сам Н.С. Трубецкой определяет фонему таким образом: "Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, мы называем фонемами. Следовательно, фонема является кратчайшей фонологической единицей языка" [там же, 42—43]. Поскольку В.Ф. Твотделл характеризует свою макрофонему как абстрактную фикцию, а Н.С. Трубецкой считает, что макрофонема Твотделла "соответствует фонеме в нашем понимании", то с логической последовательностью из этого вытекает, что Н.С. Трубецкой также склонен считать свою фонему фикцией.

Фонологическая концепция Твотделла — Трубецкого впоследствии оказала огромное влияние на теорию фонемы. Под влиянием этой концепции многие специалисты явно или завуалированно стали характеризовать фонему как фикцию (эквивалентом "фикции" используются также понятия "конструкта", "пучка различительных признаков", "модели" и т.п.). «В. Твотделл не употребляет термина "конструкт", — пишет С.К. Шаумян, — но когда он характеризует фонему как абстрактную фиктивную единицу, то это в общем соответствует тому, что мы понимаем под термином "конструкт"...» [1962, 55]. Здесь очевидно синонимичное использование "фикции" и "конструкта". Не останавливаясь подробно на фонологической концепции С.К. Шаумяна в целом, приведем некоторые положения автора относительно понятий звука и фонемы.

С.К. Шаумян полагает, что в господствующей в современной фонологии реляционно-физической теории фонемы (автор так называет теорию фонемы Н.С. Трубецкого) имеются антиномии (автор их называет еще "фундаментальными трудностями, которые могут быть преодолены только путем построения новой теории"). Преодолеть эти антиномии "можно только на основе разграничения в фонологии двух ступеней абстракции — ступени наблюдения и ступени конструктов" (ступень наблюдения также характеризуется автором как ступень абстракции) [Шаумян 1962, 35].

Разграничив таким образом две ступени абстракции, С.К. Шаумян [1962, 35] пишет: "С точки зрения двухступенчатой теории абстракции мы можем рассматривать фонемы как идеальные диакритические элементы, которые сами по себе не даны в прямом наблюдении, но воплощаются в том или ином физическом субстрате" (различительные элементы фонем названы идеальными и не подлежащими в прямом наблюдении, а субстрат их воплощения — физическим). "Таким образом, фонемы должны считаться элементами, которые не заключают в себе ничего физического" (а воплощение их различных элементов в физическом субстрате?); "С этой точки зрения фонемы и звуки относятся к разным ступеням абстракции: фонемы представляют собой гипотетические единицы, относящиеся к ступени конструкторов, а звуки — это данные в прямом наблюдении элементы, служащие субстратами фонем" [там же].

Еще несколько высказываний автора относительно соотношения звука и фонемы. С.К. Шаумян пишет: "Поскольку свойство быть фонемой не дано в прямом наблюдении, подобно физическим свойствам звуков, а приписывается звукам в качестве гипотетического элемента, то в силу этого возникает необходимость постулировать наличие между звуками и фонемами особого гипотетического отношения, которое мы будем называть отношением воплощения" [там же]. "Звуки, находящиеся в отношении воплощения к фонемам, — это не просто физические элементы, а реляционные физические элементы, поэтому мы будем называть их особым термином — "фонемные субстраты". "Нужно строго различать и не смешивать друг с другом следующие три понятия: понятие звука, понятие фонемного субстрата и понятие фонемы. Звуки — это физические элементы, фонемные субстраты — это реляционные физические элементы, а фонемы — это чисто реляционные элементы, т.е. конструкторы"; "В нашей теории фонема рассматривается как первичное, неопределяемое понятие"; "На ступени наблюдения фонемы воплощаются в звуках"; "... Переход от понятия звука к понятию фонемы происходит от индивидуальных звуков к индивидуальным фонемам через индивидуальные фонемные субстраты" [там же, 37, 41].

Оказывается, каждый индивидуальный звук может быть субстратом индивидуальной фонемы [Шаумян 1962, 40]. Например, в первых ударных слогах слов *палка* и *тачка* представлены разные индивидуальные звуки: a_1 и a_2 . Индивидуальный звук a_1 (в позиции между твердыми согласными) служит субстратом индивидуальной фонемы a_1 , а индивидуальный звук a_2 (в позиции после твердого согласного и перед мягким согласным) служит субстратом индивидуальной фонемы a_2 . Поскольку таких позиционно различающихся (варьирующих) индивидуальных звуков "а" может быть множество (по мнению Л.Р. Зиндера, русская фонема "а" имеет три разных оттенка в зависимости от позиции между мягкими и твердыми согласными [Зиндер 1960, 16], Р.И. Аванесов в современном русском литературном языке насчитывает их до восьми [1956, 95], а по мнению А.А. Реформатского [1979, 9], "количество получающихся в различных сла-

бых позициях вариаций и вариантов поистине неисчислимо", то предполагается и соответствующее количество индивидуальных фонем "а". Если существует восемь индивидуальных звуков "а" ($a_1, a_2, a_3, a_4, a_5, a_6, a_7, a_8$), то существует и восемь соответствующих индивидуальных фонем "а". Следовательно, по теории С.К. Шаумяна [1962, 45—46], в русском литературном языке существует по крайней мере восемь фонем "а". Чтобы совсем не утратить признаки соотношения звука и фонемы, автор вводит понятия двух "фонем" — "фонемы" как названия индивидуальной фонемы и "фонемы" как названия класса индивидуальных фонем, и чтобы различать эти две "фонемы", вводятся еще термины "конкретная фонема" для обозначения индивидуальной фонемы и "абстрактная фонема" — для обозначения класса индивидуальных фонем. Стало быть, восемь индивидуальных фонем "а" — это класс индивидуальных фонем, определенное множество фонем "о" — это другой класс индивидуальных фонем, определенное множество фонем "и" — это третий класс индивидуальных фонем и т.д. Таким образом, каждый класс индивидуальных фонем (класс "а", класс "о", класс "и", класс "е", класс "у") состоит из определенного множества индивидуальных (или конкретных) фонем. Если учесть наличие множества различных функциональных (позиционных) дистрибуций гласных и согласных, то в общей сложности набирается довольно солидное количество индивидуальных фонем. Только не совсем понятно при этом количественное соотношение звуков и фонем: если каждый индивидуальный звук является субстратом индивидуальной фонемы, то сколько звуков — столько же и фонем.

Таково количественное и качественное соотношение звуков и фонем по двухступенчатой абстрактной наблюдательно-конструктивной фонологической теории С.К. Шаумяна. Однако, существует еще соотношение фонем и аллофонов, о котором С.К. Шаумян пишет: "... Аллофоны представляют собой не что иное, как индивидуальные звуки, служащие субстратами индивидуальных фонем. Чтобы различать индивидуальный звук, служащий субстратом индивидуальной фонемы, и класс индивидуальных звуков, служащий субстратом тождественных индивидуальных фонем, целесообразно ввести термины "конкретный фонемоид" для обозначения первого и "абстрактный фонемоид" — для обозначения второго"; "На ступени наблюдения мы имеем дело с конкретными и абстрактными фонемоидами, а на ступени конструкторов — с конкретными и абстрактными фонемами". "Фонема" и "фонемоид" С.К. Шаумяна — не терминологическое разграничение соотносительных понятий языка-объекта и метаязыка [1962, 46].

Таким образом, по мнению С.К. Шаумяна, существуют конкретные звуки и соответствующие им конкретные фонемы, абстрактные звуки и соответствующие им абстрактные фонемы. При этом остается без ответа наивный вопрос: чем звуки отличаются от фонем, достаточно ли терминологическое их разграничение? Двухступенчатая фонологическая теория С.К. Шаумяна полна противоречий и не достигает поставленной цели: фундаментальные трудности, обнару-

женные автором в других фонологических теориях, осложнились и усугубились в его теории еще больше.

Взгляд на фонему как на абстрактную фикцию характерен для целого ряда фонологов. Известный советский теоретик фонологии Л.Р. Зиндер [1960, 35] понятие фонемы определяет "как наименьшую линейно неделимую звуковую единицу языка". Вместе с тем, по мнению автора, "звука речи как некоей дискретной единицы, обладающей определенной физической характеристикой..., которая могла бы лежать в основе анализа понятия фонемы, реально не существует", и фонема в силу того, что она не имеет однозначной артикуляторно-акустической характеристики, какая подразумевается в звуке, представляет собой абстракцию в известном смысле [Зиндер 1979, 377, 375]. С одной стороны, фонема — это звуковая единица языка, с другой — нет звука, который бы лежал в основе фонемы. Получается, что фонема — это звуковая единица, оторванная от звука или лишенная звуковой основы.

Смыслоразличительное назначение фонемы Л.Р. Зиндер [1979, 37] признает и подчеркивает неоднократно: "По Щербе, членение речи на отдельные звуки осуществляется не благодаря звуковым ассоциациям, не просто потому, что, например, *а* в слове *папа* совпадает или сходно в акустическом отношении с *а* в слове *мама*, а благодаря тому, что *а* может оказаться наделенным самостоятельным значением". Но, отмечая, что выражение "смыслоразличительная функция фонемы" стало общепонятным и общепринятым, тем не менее автор усматривает в нем известную неточность. По его мнению, она заключается в том, что "значение слова... не зависит от его фонемного состава", что "фонемы не могут служить для дифференциации значений"; "Не подлежит сомнению, что *стол* и *стул*, например, являются разными словами не потому, что они имеют разные гласные, а потому, что они обозначают разные понятия. Равным образом и различная огласовка их объясняется не необходимостью отличить одно слово от другого, а историей этих слов" [там же].

Трудно разделить высказанные мысли автора. Понятия приводимых им слов *стол* и *стул* выдаются как возникшие задолго до возникновения самих слов и извечно существующие. Огласовку этих слов автор связывает с их историей, но какая история слова *стол* могла обусловить использование в нем именно гласного *о*, а в слове *стул* — именно гласного *у*?

Если фонему рассматривать только как абстракцию, причем как фиктивную единицу современного синхронического среза языка, то положение о том, что "фонемы не могут служить для дифференциации значений", может выглядеть корректным. Но если учесть, что фонема вполне может соответствовать и реальному звуку, и реальной морфеме, что исторически морфема предшествует фонеме, морфема лежит в основе фонемы, что первоначально звуки-фонемы были корневыми морфемами и лишь впоследствии они стали восприниматься как абстрактные звуковые единицы речи-языка, то положение, что "фонема... лишена содержания", что она не может диф-

ференцировать значения разных слов, может оказаться в противоречии с языковой реальностью, не говоря уже о противоречии с известным и общепринятым положением теоретической лингвистики, согласно которому единицы всех уровней языка, в том числе и звуковые, характеризуются двумя взаимосвязанными сторонами, дихотомией формы и содержания. Отрицать содержание, например, мягкой аффиксальной фонемы *сь* в глагольной словоформе *являюсь* или твердой корневой фонемы *сь* в дейктической (прономинальной) словоформе *сам* при очевидной их генетической общности едва ли разумно. Разве субстанция лица, выражаемая данными согласными (*сь, сь*), не является их содержанием? Утверждать одновременно смысловоразличительную функцию фонем и наделенность их самостоятельным значением, с одной стороны, и независимость различия значений слов от различия функционирующих в них фонем и отсутствие у них своего содержания, — с другой, значит стать на заведомо противоречивые позиции по коренному вопросу теории фонемы. В приведенных высказываниях Л.Р. Зиндера наблюдаются именно такие противоречия.

В отличие от Л.Р. Зиндера его учитель Л.В. Щерба назвал фонему различителем слов и морфем и в академической грамматике русского языка: "Слоги делятся на отдельные звуки речи, или *фонемы*, — термин, специально подчеркивающий лингвистическую, а следовательно, и социальную природу этого понятия. Фонемы являются в данном языке различителями значений слов и морфем: ср. *балка* и *палка*, *вол* и *вал*, *брат* и *брать* и т.д." [Щерба, Матусевич, 1953, 51].

В отношении признания у фонем самостоятельного значения и способности их дифференцировать значения слов вполне выдержанно и определение фонемы, данное М.И. Матусевич [1948, 11]: "... Звуковые типы, которые, противопоставляясь в данном языке всем другим, могут принимать участие в смысловой дифференциации слов или в различении морфологических форм, носят название фонем". Или: "Фонема — это исторически сложившаяся мельчайшая линейно неделимая единица языка, противопоставленная всем другим фонемам, могущая иметь самостоятельное значение, входящая в состав звукового облика слов или их форм и способная их дифференцировать: она существует в речи в различных оттенках в зависимости от их фонетического положения" [Матусевич 1976, 41].

Хотелось бы обратить внимание еще на одну мысль Л.Р. Зиндера. [1979, 376]: "Если бы неизбежное акустическое разнообразие звуков, обусловленное индивидуальными особенностями говорящих, имело языковое значение, общение было бы невозможным, так как каждый индивидуум обладал бы только ему свойственным набором звуковых единиц". На первый взгляд, в этом положении как будто все приемлемо. Но только на первый взгляд. Фактически же многие моменты в нем вызывают недоразумения. Получается, что каждый индивидуум обладает только ему, и никому больше, свойственным набором звуковых единиц, ведь индивидуальные особенности говорящих обуславливают неизбежность акустического разно-

образия звуков (при этом общение допускается лишь благодаря тому, что эти индивидуальные особенности говорящих не имеют языкового значения; если же каждый индивидум не обладает только ему свойственным набором звуковых единиц, то это также благодаря тому, что индивидуальные особенности говорящих не имеют языкового значения).

Не ведет ли утверждение неизбежной обусловленности индивидуальных особенностями говорящих акустического разнообразия одних и тех же звуков к отрицанию узуальных норм языка? Не будут ли при этом индивидуальные особенности говорящих приняты за узуальные нормы языка, а набор свойственных индивидуму звуковых единиц — за типичные оттенки фонем? Остается неясным также вопрос о том, как реально обнаружить эти индивидуальные особенности говорящих в произношении того или иного общеизвестного слова, в данном случае, скажем, слова *мама*. Может быть, это будет *мямя* или *меме*, *муму* или *мими*? Таких комбинаций с изменением гласных можно построить множество. Но вопрос в том, можно ли в таких "индивидуальных особенностях говорящего" гласные *и*, *о*, *е*, *у*, *э* считать "неизбежным артикуляционным разнообразием", и, следовательно, вариантами или оттенками фонемы "а"? Как обнаружить в слове *мама* акустическое разнообразие гласного звука "а" или согласного звука "м", какими еще звуками может быть реализована в данном слове фонема "а", а какие индивидуальные оттенки (варианты) могут быть у фонемы "м"? (в данном случае речь идет лишь о сегментных единицах — звуках и фонемах, а не о несегментных, точнее суперсегментных акцентных величинах — ударении, синдеме, просодеме и т.п.).

Едва ли мы дождемся позитивных ответов на эти вопросы. Причиной тому — гипостазирование неизбежной обусловленности индивидуальных особенностями говорящих акустического разнообразия одних и тех же звуков и отрицание тем самым существования общепринятых и единых для всех членов данного общества производительных норм языка. Положение о неизбежности обусловленного индивидуумами акустического разнообразия звуков и отсутствии какого-либо звука речи с определенной физической характеристикой ведет к отрицанию реальности звуковой субстанции, могущей лечь в основу понятия фонемы. Правда, в фонологической литературе отмечается, что не все оттенки фонемы равноценны и какой-то из них является более типичным, чем другие. Но наличие определенной физической характеристики у этого более типичного оттенка фонемы не фиксируется, хотя "для простоты" и "лишь когда это будет почему-либо важно" он также будет называться фонемой. Л.В. Щерба [1957, 18] пишет: "Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде, и собственно он один только и сознается нами как речевой элемент. Все остальные оттенки нормально нами не сознаются как отличные от этого типичного оттенка...". Тем не менее в кругу сторонников концепции фиктивности (или конструк-

ности) фонемы общепринятым оказывается тезис, согласно которому "нет и двух высказываний, которые были бы совершенно одинаковы" [Блумфилд 1968, 74], или: "точно повторить один и тот же звук в одной и той же звуковой позиции практически невозможно" (или, что то же: "дважды произнести в точности один и тот же звук практически невозможно" [Трубецкой 1960, 49], или: "недалеко от истины утверждение, что мы в жизни, разговаривая, ни разу не произнесли одинаковых звуков" [Панов 1979, 91], или: "...В одном и том же слове каждый человек произносит звуки по-своему. И не всегда одинаково" [Касаткин 1982, 98] и т.д. В этом "фатальном" разнообразии произносительных норм о "самом типичном оттенке" Л.В. Щербы никто не вспоминает, а по свидетельству ряда специалистов, например, "американцы в общем скептически смотрят на выделение какого-либо одного аллофона в качестве главного члена фонемы" [Арутюнова и др. 1964, 216]. Более того, оказывается, что практически невозможно определить степень различия оттенков фонемы, так как сами различительные признаки фонем не являются идентичными во всех языках, например, лабиализованность ~ нелабиализованность согласных в русском и даргинском языках. В русском под лабиализованностью согласных имеется в виду неконститутивный оттенок лабиальности согласных, возникающий под влиянием последующего лабиального гласного *о* или *у*, например, в словах *ток* и *тук* по сравнению с *так*, в то время как в даргинском лабиализованные согласные — это класс специфических звуков, за которыми лабиальный гласный *у* вовсе не употребляется, а употребление же лабиального гласного *о* образует комплекс "лабиализованный согласный + *о*", закономерно противопоставляемый комплексу "простой согласный + *у*", ср., например, лабиализованный *к*^в и простой *к* в формах типа: *к^вони* 'живот' ~ мн. *кумми* (← *кунби*), *ни^ко* 'ноготь' ~ мн. *никуби* и т.д. Очевидно, что лабиализованность согласных в русском и даргинском языках — это совершенно разные свойства звуков: в первом она является неконститутивным признаком, а во втором — конститутивным. В русском языке лабиализованность согласных не зависит от самих звуков, а в даргинском — наоборот, она является внутренним свойством определенного класса фонем. Кроме всего прочего при допущении беспредельного разнообразия индивидуальных артикуляционных особенностей и производства бесконечного количества звуков критерий проверки снимается начисто, правомерность того или иного члена из этого многообразия звуков становится неоспоримой, его статус — заранее предопределенным.

Создается впечатление, что разграничение речи и языка и соответственно фонетики и фонологии некоторые специалисты рассматривают чуть ли не как создание двух ничем друг с другом не связанных лингвистических миров. Речевое — это конкретное, ситуативное, индивидуальное, бессистемное; языковое — это абстрактное, устойчивое, социальное, системное. Соответственно фонетическое — это индивидуальное, нереляционное, речевое; фонологическое — это социальное, реляционное, языковое. Полное разграничение, словно одно

к другому не имеет отношения. Одно (речевое, фонетическое) определяется как система чисто материальных величин, лишенных каких-либо реляционных свойств, а другое (языковое, фонологическое) — как система чисто реляционных свойств, система "чистых отношений". Искусственное отграничение языковых элементов от их же функциональных (реляционных) свойств очевидно. С позиции автономности сфер фонетических и фонологических единиц определяется и соотношение звука и фонемы: в речи нет фонем, как нет звуков в языке. В этом плане характерно категорическое высказывание А.А. Реформатского [1975, 15]: "Есть фонемы, морфемы, лексемы, синтагмы. Больше ничего в языке не бывает и не может быть". А звуки? Очевидно, по мнению автора, как и других сторонников теории фиктивности фонемы, звуки не имеют языкового значения. "Особенно характерно для фонетики полное исключение какого бы то ни было отношения исследуемых звуковых комплексов к языковому значению" [Трубецкой 1960, 17].

Если отрицать существование звука в языке на том основании, что звук в этом случае берется сам по себе, без отношения к другим звукам, то с тем же успехом могут считаться несуществующими в языке также морфема и лексема (слово), взятые сами по себе, без отношения к другим морфемам и лексемам. Морфема и лексема в той же степени относятся к речи, что и звук, если иметь в виду их как чисто сигнификативные данности, взятые вне ономазиологических отношений с другими величинами соответствующих уровней.

Если звук просто произнесен, то это область фонетики. Если звук различает значение слова, то это уже не фонетика, а фонология. Но ведь звук произносится именно с целью выразить значение, с целью передать слушателю определенную информацию. Иллюстраты в счет не принимаются. Сигнификация звука (чистое его произношение) не может отдельно рассматриваться от его номинации (функциональности или релятивности). Звук сам по себе, без цели, без назначения, в человеческой речи не производится. Звук и фонема, фонетика и фонология не существуют и не могут существовать друг без друга. В языке фонема без звука существовать не может, если существует фонема, то непременно существует и звук. Фонология — это функциональная фонетика, фонема — это функциональный звук.

Отчуждение языка от речи, фонологии от фонетики, фонемы от звука, утверждение отсутствия в языке звука и фонетики, а в речи — соответственно фонемы и фонологии как в плане языка-объекта, так и в плане метаязыка — вот поистине, по терминологии С.К. Шаумяна, "фундаментальная трудность" современной лингвистической теории. Между тем давно пора осознать, что идея и попытки противопоставить друг другу или отгородить друг от друга звук и фонему, фонетику и фонологию, речь и язык стали вопиющим анахронизмом, мешающим изучению звукового строя языка.

Речевые единицы становятся языковыми лишь тогда, когда они вступают в отношения с другими единицами соответствующих

уровней. Все в языке взаимосвязано и взаимообусловлено определенными отношениями. Вне отношений и взаимосвязей в языке нет ничего. Вне морфологии вопросы фонетики не могут быть решены, как вне синтаксиса не могут быть решены вопросы морфологии. В фонетике все морфологично, а в морфологии все синтаксично. Пора понять, что нельзя говорить о той или иной речевой данности (звуке, морфеме или лексеме) без учета ее функциональных или реляционных свойств, без учета ее отношений с другими данностями. Единицы речи и их отношения между собой — это единое целое, определяющее язык как социальное явление. Все, что существует в языке, существует и в речи, и наоборот — все, что существует в речи, существует и в языке. Речь, единицы речи — это этик (etic), алло-, член; язык, языковые единицы — это эма, тип. Все этическое (речевое) существует в эмическом (языковом), а все эмическое состоит из этического. Без речевого (этического) языковое (эмическое) существовать не может. Речевое не противопоставляется языковому, а образует его основу. Сам Ф. де Соссюр, который впервые четко сформулировал распадение изучения речевой деятельности на две части: язык и речь, не противопоставлял их как абстрактное конкретному. Напротив, он подчеркивал, что "язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе. Языковые знаки... — не абстракции; ассоциации, ... в своей совокупности составляющие язык, суть реальности"; "Несомненно, оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку" [Соссюр 1977, 53, 57].

А.А. Реформатский [1977, 7] пишет: "Фонема — это и не звук, и не "звуковой тип", и не "удобное сокращенное обозначение" чего-то, а лингвистическая единица, функционирующая в составе морфем и тем сопряженная с морфологизацией и семасиологизацией, хотя собственного значения и не имеет, а обладает лишь значимостью и интенцией на значение (возможность морфем состоять из одной фонемы: *щ-и, щ-еу; у, о, с, к, в* — предлоги; *и, а* — союзы; *а!, о!, у!* и т.п. — междометия)".

Довольно мудреная характеристика фонемы. Если разобраться в деталях, она и столь же противоречива. "Не звук, а лингвистическая единица, функционирующая в составе морфемы" — что же это такое, фикция? "Лингвистическая единица, не имеющая собственного значения" — понятие не более ясное. Что же касается "значимости фонемы" А.А. Реформатского, то это, очевидно, значимость фонемы Н.С. Трубецкого: "Так как фонема принадлежит языку, а язык представляет собой социальное установление, то фонема тем самым является значимостью (ценностью) и обладает тем же способом бытия, что все значимости. Значимость денежной единицы (например, доллара) точно так же является не физической и не психической реальностью, а чисто абстрактной и "фиктивной" величиной. Однако без такой "фикции" не могло бы существовать

государство...". При всем авторитете Н.С. Трубецкого в области фонологии следует заметить, что деньги и денежная значимость — это реальности, а не абстрактные величины, фонема же и фонемная значимость, по признанию многих фонологов, — наоборот, абстрактные величины, фикции, а не реальности. По обладанию способом бытия эти понятия не могут сравниваться.

В приведенной характеристике фонемы А.А. Реформатский отмечает ее связь с морфологизацией и семасиологизацией, но не сказано, что фонемой морфологизируется и семасиологизируется. После этих слов автор отсылает читателя к "Введению в языковедение" И.А. Бодуэна де Куртенэ, давая знать, что эти понятия им используются в понимании последнего. И.А. Бодуэн де Куртенэ [1963, 276] в соответствующем месте указанного труда пишет: "... Фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы... становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями".

Как видно, у И.А. Бодуэна де Куртенэ морфемы ассоциируются с семасиологическими и морфологическими представлениями, а у А.А. Реформатского фонема морфологизирует и семасиологизирует морфему (?), или сопряжена с ее морфологизацией и семасиологизацией. Понимание далеко не идентичное. Но и без того приведенная характеристика фонемы А.А. Реформатского едва ли может быть безоговорочно принята специалистами. Фактически в ней фонема представлена как абстрактная величина, фикция, не имеющая никакого отношения к звуку и лишь сопряженная с морфемой.

Хочется привести еще одно высказывание А.А. Реформатского, связанное с характером употребления (или функционирования) фонем: "Выбор той или иной фонемы зависит от смысла словоформы (ср.: *мал* — *мол* — *мул* — *мыл*; *мёл* — *мья* — *мил*; *укра* — *игра*, *кора* — *гора*, *том* — *дом* — *сом* — *ком* — *лом*; [*щот* — *жот*], *мал-а* — *мал-о*, *мул-а* — *мул-у*; *кол-ю* — *кол-и*; *серд-и-сь* — *серд-я-сь* и т.п.) и ее образования в связи с морфонологическими альтернативами фонем в пределах той же морфемы (*друг* — *друзья* — *друж-еск-ий*; *тек-у* — *теч-ешь*; *ход-и-т* — *хаж-ив-а-л*; *визг* — [*ви-жать*], *писк* — *пищать*) и т.п." [Реформатский 1977, 7].

Судя по процитированному мнению А.А. Реформатского, использование той или иной фонемы зависит или от смысла словоформы или от ее образования. Это значит, что не фонема играет в словах смысловоразличительную функцию, а смысловоразличие и формообразование слов играют фонемотборочную функцию: существует готовая словоформа и она в зависимости от своего смысла выбирает ту или иную фонему.

Трудно согласиться с такой формулировкой функциональной особенности фонемы. В слове *мал* использование фонемы *а* едва ли зависит от смысла данной словоформы. Напротив, данная словоформа и ее смысл обусловлены совместным использованием именно всех данных фонем (*м*, *а*, *л*), в их числе и фонемы *а*. В этом плане

прав был Е.Ф. Яковлев [1928, 46], когда писал, что "фонемы выделяются... не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке, как в социально выработанной грамматической системе, эти звуки выполняют особую грамматическую функцию". Не готовая словоформа в зависимости от своего заранее известного значения (смысла) дополнительно выбирает ту или иную фонему (если существует готовая словоформа, то дополнительно выбирать для нее фонемы нет необходимости), а одно из двух: либо сочетание тех или иных фонем создает данную словоформу, либо данная словоформа разлагается на составные фонемы. Л. Блумфилд [1968, 168] допускает оба варианта: "Про составляющие говорят, что они *содержатся* в комплексных формах (или *включаются*, или *входят* в них)". Каждая комплексная (сложная) форма в одном случае "целиком разлагается на морфемы", а в другом — "целиком строится из морфем". Ср.: "Каждая комплексная форма целиком разлагается — в той мере, в какой это касается ее фонетически определимых составляющих, — на морфемы" [там же, 168—169], или: "... Каждая комплексная форма целиком строится из морфем" [там же, 170].

Понятия "разлагается на" и "состоит из" в одинаковой мере присутствуют и у Н.С. Трубецкого [44]: "... Каждое слово *без остатка разлагается* на фонемы, ... оно *состоит* из фонем".

Вопрос о том, слово "разлагается на" или "состоит из" — не методический вопрос, а носит принципиальный характер. Мы к нему еще вернемся. Здесь же отметим, что в морфонологических альтернациях типа *друг* ~ *друзь* ~ *друж*-, *тек*- ~ *течь*-, *писк* ~ *пищ*- (← *писи*-), *ход*- ~ *хаж*- и т.п. выбор противопоставляемых фонем *г* ~ *з* ~ *ж*, *к* ~ *ч*, *к* ~ *ш*, *д* ~ *ж* также едва ли зависит от образования данных словоформ (*друг* ~ *друзья* ~ *дружеский*, *теку* ~ *течишь*, *писк* ~ *пищать*, *ходит* ~ *хаживал*). Думается, что не образование словоформ обуславливает использование данных противопоставляемых фонем, а наоборот — противопоставлением данных фонем образуются соответствующие словоформы. Кроме того, представляется возможным предположить, что морфонологически противопоставляемые согласные не являются компонентами сложных морфем, а образуют самостоятельные корневые морфемы, имеющие один общий источник своего происхождения и являющиеся как бы иллюстрациями процесса дивергенции. Процесс дивергенции создает альтернацию корней-фонем и дает возможность образовать с их помощью новые словоформы. Формы *друг* ~ *друз*- ~ *друж*-, например, состоят из двух, а точнее из трех морф каждая: *др-у-г* ~ *др-у-з*- ~ *др-у-ж*-. Морфы *г* ~ *з* ~ *ж* представляются корневыми, они образуют корневую морфему. Противопоставление (альтернация) данных морф не может быть объяснено какими-либо поверхностными фонологическими особенностями их функционирования, оно по всей вероятности связано с глубинным процессом дивергенции первичных корней. Алломорфы *г* ~ *з* ~ *ж* имеют, очевидно, один общий источник своего происхождения. Данные единицы вполне подходят под понятие морфонемы.

Предположение о генетической общности морфонологически чередующихся согласных и существовании единого источника их происхождения представляется плодотворным и научно значимым. Довольно противоречиво положение о том, что морфонологические единицы "уже не относятся к фонологии и еще не относятся к грамматике" [Реформатский 1955, 100; 1975, 104]. Выражение "уже не относятся к фонологии" можно понять и так, что они раньше, когда-то в историческом прошлом относились к фонологии, но сейчас, "уже" перестали относиться. Выражение "еще не относятся к грамматике" также можно понять, что они на каком-то этапе в будущем будут относиться к грамматике. Ни то, ни другое выражение при всей их общей афористичности не дают ни сколько-нибудь ясной характеристики уровневой принадлежности анализируемых морфонологических единиц, ни тем более — переходов их от одного уровня к другому. Между тем они "никогда не выходили из фонологии и всегда находились в грамматике".

Следует подчеркнуть, что наш "общий источник происхождения" морфонологически чередующихся согласных типа $г \sim з \sim ж$, $к \sim ч$, $к \sim ц$, $к \sim ш$, $д \sim ж$ существенно отличается от "комплексного (или "сложного") образа" Н.С. Трубецкого. Тем не менее в какой-то степени можно было бы допустить, что именно общий источник происхождения или референт этого источника Трубецкой и имел в виду в качестве "комплексного образа" (*idée complexe*): «Так, в русских словах *рука* и *ручной*, фонетические сочетания *рук* и *руч* осознаются как две фонетические формы той же самой морфемы, которая существует в языковом сознании. Одновременно это две фонетические формы, или, точнее, это одна форма $ру\frac{К}{Ч}$, где $\frac{К}{Ч}$ представляют собой комплексный образ... Эти комплексные образы двух или более фонем, способных в качестве производных от условий морфологической структуры слова заменять друг друга внутри одной и той же морфемы, могут называться "морфофонемами" или "морфонемами» [Trubetzkoy 1929, 85].

А.А. Реформатский довольно эмоционально отверг "комплексный образ" Н.С. Трубецкого: "Мысль Н.С. Трубецкого возвести такие факты к "*idée complexe*" диовинна. Какое же общее "представление" может быть у [к] и [ч], у [г] и [ж] (в первой паре "глухость", что ли? А во второй — "звонкость"? А у *берегу* — *беречь* — явление того же порядка, но ни то, ни другое...)" [Реформатский 1955, 99]. Из этого видно, что в "комплексном образе" Н.С. Трубецкого А.А. Реформатский видит лишь субстанцию фонологического уровня и поэтому, очевидно, он ищет ассоциативную величину его соотношения в различительных признаках согласных — то в "глухости", то в "звонкости". Но если обратить его ("комплексный образ") в сторону иных уровней, например, в сторону первичных корней и их содержательных субстанций, то думается, что здесь "комплексный образ" мог бы иметь иную ассоциативную (или эквивалентную) величину. Такой величиной мог бы быть общий корневой источник происхождения морфонологически чередующихся согласных с его содержательной субстанцией. В "комплексном образе" Н.С. Трубецкого хо-

телось бы видеть или подчеркнуть ту идею, что чередующиеся морфемы все же имеют общее начало, единый источник своего происхождения.

Чтобы усилить свою аргументацию против "комплексного образа" Н.С. Трубецкого, А.А. Реформатский [Там же] чередование беглого гласного с нулем типа *сон* ~ *сна*, *день* ~ *дня* ставит на одну доску с чередованием согласных типа *к* ~ *ч*, *г* ~ *з* ~ *ж*. «Что "общее", — пишет он, — у беглых гласных с нулем (а ведь это точно такое же "чередование", что и [к] — [ч] или [г] — [ж]). Какая же тут может быть "idée complexe"?». Едва ли случайно слово "чередование" А.А. Реформатский поставил тут в кавычки. Автор не мог не знать, что далеко не одинаковы чередования [к] — [ч] в *руке* ~ *ручной*, с одной стороны, и [о] или [е] — [нуль] в *сон* ~ *сна* или *день* ~ *дня*, с другой. Чередующиеся согласные *к* ~ *ч* представляют собой или образуют корневые морфемы, а "чередующиеся" гласный [о] или [е] и [нуль] — наличие или отсутствие огласовки. Поэтому мысль об одинаковости («а ведь это точно такое же "чередование"») этих чередований действительно диковинна. Тем более "чередование" "гласная ~ нуль" Д.С. Уорта типа *день* ~ *дня*, *окно* ~ род. *о́кон* — основа {ок#н} сам автор довольно остроумно назвал "абстрактной кижевщиной": «"Морфонема" Д.С. Уорта {#} — это же подпоручик Киж, который числится, имеет регалии, но "фигуры не имеет"!» [Реформатский 1975, 115]. С одной стороны, чередование "гласная ~ нуль" — "точно такое же чередование, что и [к] — [ч] или [г] — [ж]", с другой — "абстрактная кижевщина".

Решительно отвергая целым набором высказываний понятие морфемы, выводя морфонологически чередующиеся согласные за пределы фонологии (= это "уже не фонология") и не вводя, не допуская их в состав грамматики (= это "еще не морфология"), А.А. Реформатский [1955, 112] предоставляет морфонологии быть некоей воздушной "пограничной полосой между фонетикой и морфологией, когда позиции устранены, а факты еще не обладают значимостью".

Обратим внимание на положения: "позиции устранены", "факты еще не обладают значимостью". Могут ли быть в языке подобные вещи: чтобы языковые факты не имели позиций и чтобы языковые факты не обладали значимостью? Думается, что нет. Языковые факты безусловно обладают и позициями, и значимостью. Однако дело в том, что понимать под позицией и значимостью и как их трактовать, факты какого языка при этом иметь в виду. Нельзя строить общую теорию, выносить общие дефиниции на основании фактов какого-то известного автору языка. Дефиниции ни фонемы, ни морфемы, ни морфемы, ни фонологии, ни морфонологии, ни морфологии не могут быть общими для разных языков.

Современные фонологи охотно принимают или готовы принять концепцию, согласно которой фонема характеризуется как абстрактная фонологическая единица (фикция, конструкт, пучок, тип, модель, пересечение), но вовсе не обращают внимания на то, что фонема — продукт исторического развития языка. Н.Я. Марр [1936а, 244; 1936б, 423—424] характеризовал фонему как "социальное явление", как

"вклад социального творчества", как "отработанный человечеством членораздельный звук", как "звук, направляемый мышлением".

Т.П. Ломтев [1972, 4] отмечает, что определение фонемы как социально-отработанного звука, предложенное в свое время Н.Я. Марром, имеет весьма важное значение для определения позиции фонологии как общественной (гуманитарной) дисциплины. Однако, почему марровское определение фонемы имеет весьма важное значение для фонологии, а не для самой фонемы как продукта исторического развития языка? Определение, данное Н.Я. Марром элементу языка-объекта, Т.П. Ломтев отвел к метаязыку. В своем определении фонемы Т.П. Ломтев не отражает эту "весьма важного значения" сущность звука — его социальную отработанность: "Фонема есть звук, взятый в составе его дифференциальных элементов, в его отношении к другим звукам в тождественных условиях их употребления и имеющих в этих условиях различительное назначение" [Там же, 34].

Как известно, Р. Якобсон и М. Халле [1962, 254—258] считают, что фонемы всех языков мира образуют собой одно общее множество, а характеристику отдельной фонемы можно осуществить путем установления единых для всех фонем известных языков мира внутренних различительных признаков. По мнению авторов, эти внутренние различительные свойства фонем в языках мира сводятся к двенадцати противопоставлениям, и каждый язык выбирает из их числа то, что ему нужно. Коррелятивные пары выделяются по наличию или отсутствию того или иного (артикуляционного и акустического) признака, например: гласный ~ негласный, согласный ~ несогласный, напряженный ~ ненапряженный, звонкий ~ глухой, носовой ~ ртовый и т.д.

В противовес взгляду Р. Якобсона и М. Халле Т.П. Ломтев [1972, 6] утверждает, что "фонемы разных языков не образуют одного множества. Более того, фонемы одного языка не образуют, с фонологической точки зрения, одного множества. В каждом языке фонемы распадаются на два фонологически независимые множества: множество согласных фонем и множество гласных фонем;... дифференциальные элементы формируются для множества согласных фонем и для множества гласных фонем в пределах одного языка; причем состав дифференциальных элементов, образующих модель данной фонемы, в каждом отдельном случае не подбирается, а определяется конструктивным методом с помощью установленных правил комбинаторики".

Здесь взгляды Т.П. Ломтева представляются вполне приемлемыми. Жаль только, что автор в определении фонемы не отразил ни ее социальной отработанности, ни формирования ее дифференциальных элементов в пределах данного конкретного языка, ни характера их установления с помощью известных правил комбинаторики данного языка. Судя по приведенной формулировке определения фонемы, взгляды Т.П. Ломтева ориентированы на универсальный характер понятия фонемы и ее дифференциальных признаков. "Фонема не пучок (или множество) различительных признаков, — пишет Т.П. Ломтев, — а реально существующие объекты языковой дей-

ствительности. Пучком (или множеством) различительных свойств являются их модели как научные построения" [Там же, 5].

Фонема действительно не пучок различительных признаков, но и не модель (образец, тип). Каждая фонема индивидуальна, самобытна, имеет комплекс характерных только для нее различительных признаков (тождество или близость некоторых из них с признаками другой фонемы или других фонем не играет роли), поэтому не может считаться моделью в смысле образца или типа. У каждой фонемы свое множество различительных признаков. Поэтому множество дифференциальных элементов фонемы не может образовать модель (образец, тип). Каждая фонема отличается от другой, следовательно, каждая фонема по-своему уникальна. Модель же — понятие типологического свойства, а не индивидуального.

Судя по различным направлениям лингвистического анализа языковых фактов и обзорам идей этих направлений, обнаружить сколько-нибудь единообразного понимания анализируемых величин довольно трудно. Это касается величин всех уровней анализа — звука, фонемы, морфонемы, морфемы, лексемы, словосочетания, предложения. Весьма противоречивы и характеристики самих уровней и аспектов языковых фактов и их соотношений. Лингвистическая теория все больше и больше ведет, точнее уводит анализ языковых фактов от конкретных данностей к умозрительным абстракциям и фиктивным сущностям, одни реальности воспринимаются не непосредственно, а через посредство других и в результате характеризуются не как реальные данные, а как некие опосредованные абстрактные сущности и им противопоставляются другие в иной функциональной данности и т.д. По мнению А.А. Реформатского [1960, 203], например, "грамматику как таковую непосредственно воспринимать нельзя, — она сама по себе не материальна, ... вне фонетической материальности немыслима". Стало быть, у фонетики материальность имеется, а у грамматики ее нет. Сущность грамматики во всем объеме ее проявлений автор сводит к звучащей внешности ее элементов, "материальной оболочке" и предлагает рассматривать грамматику через составляющие фонетику звучащие элементы. Поскольку составляющие фонетику звучащие элементы относятся к речи, а грамматика — к области языка, то продукт языка считается возможным воспринять только через продукт речи.

По мнению определенной части современных фонологов, звуки для грамматики не имеют никакого значения, так как они характеризуются как акустические (физические) реальности, а грамматика — как реляционная абстрактность. Фонетика и речь — реальности; фонология, грамматика и язык — реляционные абстракции — так характеризуются и дифференцируются лингвистические данности. Но дело не кончается простой классификацией и рассортировкой этих данностей, необходимо еще установить уровни и аспекты их исследования. Тут и возникают сложности.

Одни специалисты считают целесообразным различать в качестве основных направлений анализа уровней величин одни аспекты исследования, другие — другие, третьи — третьи. По одной кон-

цепции, существуют "нижние" и "верхние" уровни анализа, которые подчиняются односторонней зависимости и поэтому изучение данных этих уровней следует проводить, соблюдая иерархическую последовательность — от "нижних" к "верхним" (от фонологии к морфологии, от морфологии к синтаксису). По другой концепции, разные уровни не имеют прямых отношений друг с другом, поэтому лингвистическое исследование должно проводиться автономно в рамках каждого отдельно взятого уровня. По третьей же концепции, единицы всех уровней анализа должны исследоваться во взаимной связи, ибо они образуют единое целое — язык.

Не останавливаясь более на различных концепциях анализа уровней величин языка, отметим лишь некоторые особенности анализа звуков речи. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в установлении аспектов изучения звуков речи далеко не всегда учитывается человеческий фактор — присутствия в качестве основополагающего фактора участников акта речи — говорящего и слушающего.

Как известно, принято говорить о трех аспектах звуков речи: 1) анатомо-физиологический (или биологический), 2) акустический (или физический) и 3) лингвистический (или функциональный, или социальный).

По первому аспекту в виду имеется учет деятельности центральной нервной системы, по выражению Л. Блумфилда [1968, 48] "спускового механизма", деятельность нервов в коре головного мозга, подача сигналов и их отражение (сигнальная система), в результате действия которых произносится звук. Однако, если подобным образом производство звука связывать с анатомическими органами, то дело не кончается нервами и их сигнальной системой, так как ни нервы, ни их деятельность не могут существовать без деятельности сердца и кровообращения. Так что в производстве звука должен быть учтен говорящий, а не деятельность тех или иных анатомических органов. В этом случае аспект будет артикуляторным. В этот аспект будут входить все анатомо-физиологические свойства звука как составные компоненты.

Среди лингвистов по сей день происходит спор о том, какой аспект исследования речевых единиц должен быть признан наиболее существенным — артикуляторный или акустический. Не вдаваясь в подробности решения этого вопроса, можно отметить, что для всех речевых единиц существует один способ их производства — речевой акт, осуществляемый двумя его участниками — говорящим и слушающим. Без говорящего и слушающего не может произойти ни одна речевая единица. Говорящий — это тот, кто представляет артикуляторный аспект производства речевых единиц, а слушающий — тот, кто представляет аспект акустического восприятия речевых единиц. Качество производимых речевых единиц и характер их акустического восприятия могут быть различными, но независимо от этого аспект артикуляторного производства и аспект акустического восприятия не должны и не могут противостоять друг другу — это две стороны одного и того же продукта акта речи. Если

учесть принцип эгоцентризма, примат говорящего лица, то аспект артикуляторного производства кажется наиболее существенным в исследовании речевых единиц, но если учесть принцип взаимообратимости участников акта речи (в акте речи говорящий — лицо "я" может стать слушающим — лицом "ты" и наоборот), то аспект акустического восприятия речевых единиц является столь же существенным, что и аспект их артикуляторного производства. Кроме того, язык, как известно, общественное явление. Единицы речи производятся для реализации основной функции языка как общественного явления — служить орудием общения людей между собой. Если единицы речи производятся в целях общения людей между собой, то присутствие слушающего в акте их производства, т.е. наличие аспекта акустического восприятия, в той же мере является обязательным, что и говорящего, т.е. аспекта артикуляторного производства речевых единиц.

Таким образом, вопрос о том, какой аспект исследования должен быть признан наиболее существенным — артикуляторный или акустический, может быть переведен в плоскость производства акта речи: что важнее для акта речи — присутствие говорящего (представителя артикуляторного аспекта производства речевых единиц) или слушающего (представителя акустического аспекта восприятия речевых единиц). Без того и другого одновременно речевые единицы ни существовать, ни выполнять свои функции не могут. Следовательно, при учете человеческого фактора — создателя и носителя языка вопрос о более или менее важности артикуляторного и акустического аспектов исследования речевых единиц может быть снят вообще или перенесен в область исследования внутренних признаков артикуляторного производства и акустического восприятия звуков. По этой причине трудно согласиться с тезисом Пражского лингвистического кружка: "... В лингвистическом исследовании на первый план выступает не двигательный, а акустический образ, так как именно последний имеет своей целью говорящий" [Тезисы... 1965, 126]. Нет, своей целью говорящий имеет вовсе не акустический образ, а сообщение определенной мысли слушателю, а такое сообщение немислимо без одновременного присутствия аспекта артикуляционного производства и аспекта акустического восприятия речевых единиц.

В лингвистической теории нередко встречаются выражения, связанные с понятием материальности тех или иных объектов и уровней анализа: "фонетическая материальность", "материальная оболочка слова", "материальная звуковая оболочка", "звуковая материя", "звуковая материя языка" и т.д. Л.Р. Зиндер [1979, 373] пишет: "... Материальная сторона языка и имеет акустическую природу, а не какую-либо иную". Из этого положения можно вывести и другое: акустическая сторона языка имеет материальную природу.

Материальность звука и языка не противоречит марксистской теории. В этом отношении показательно известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса [Т. 3, 29]: «На "духе" с самого начала лежит проклятие — быть "отягощенным" материей, которая высту-

пает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка».

“Материя, которая выступает в виде звуков, в виде языка” или «звуки и язык — вид материи “духа”» — довольно четкое признание материальности звуков и языка. Однако что же в самом деле материального в звуке? Ответ на этот вопрос следует, очевидно, искать в аспектах звука — артикуляции и акустике, в движении органов речи и “движущихся слоях воздуха”. Нельзя скидывать со счетов и модальное значение акустического сигнала (образа), приводящего в “материальную деятельность” и “материальное общение людей” (выражения К. Маркса и Ф. Энгельса). Идеи, представления, сознание облечены в звуковую материю, приводящую людей к общению и “материальным действиям” (выражение К. Маркса и Ф. Энгельса).

Если деятельность, действия, общение людей можно назвать “материальными”, то производство слов артикулирующими органами и восприятие их слуховым органом можно было бы назвать материальным процессом речепроизводства. В языке представлены система элементов и процесс их функционирования. Система и процесс свойственны единицам всех уровней анализа. Отрицание звуков в языке и признание фонем означает отрицание системы элементов и признание процесса их функционирования, отрыв языковых элементов от их же реляционных свойств. Отрицание звука в языке и признание фонемы в качестве абстрактной величины языка (фигуры, конструкта, пучка, пересечения, модели, типа) означает дематериализацию языка. Если звук — вид материи, то материальными надлежит признать и аспекты производства звука — артикуляторный и акустический. Без признания материальности артикуляторного и акустического аспектов материальность звука лишается смысла. Материальность звука не может быть обоснована односторонним признанием материальности акустического аспекта, в той же мере должен быть признан материальным и артикуляторный аспект. Оба эти аспекта в плане их материальности должны быть признаны равнозначными.

Следует оговорить здесь еще одно обстоятельство. Когда речь идет о материальности языка, у иных философов обнаруживается склонность отождествлять материальность с вещественностью. Материально лишь вещественное, а что не вещественно, то не материально, язык же — абстрактное явление, из него должна быть исключена звуковая материя, следовательно, в языке нет ничего материального, язык — система “чистых отношений”. По свидетельству С.К. Шаумяна [1962, 56], известный теоретик языкознания Л. Ельмслев полагает, например, что реальными единицами языка должны считаться не звуки и значения, а манифестируемые в звуках и значениях элементы чистых отношений. Фонема есть не что иное, как единица плана выражения, которая в качестве элемента чистых отношений манифестируется в звуках, но сама по себе не заключает в себе ничего физического.

Во всей этой релятивистской философии кроме всего прочего упускается одна малая малость — человек, создатель и носитель

языка, один из видов живой материи. Между тем, если человек материален, относится к материальному миру, то следует признать материальными и все его сущностные признаки, в первую очередь сознание и речь. Без сознания и речи нет человека. Они онтогенетически взаимосвязаны. Следовательно, вопрос о том, материален язык или идеален (абстрактен, является системой "чистых отношений"), должен быть решен в связи с вопросом о его носителе — материален человек или идеален. Без человека нет языка и наоборот — без языка нет человека. Язык идеален, если идеален его носитель — человек. Если человек материален, то материален и язык — продукт его исторического бытия.

Не углубляясь далее в философские проблемы языка, отметим, что для нас язык — что ни на есть материальная данность. Язык человека всегда был и остается корневым. Материальность языка заложена как в материальности его производителя — самого человека, так и в его корневой сущности.

Мы вкратце коснулись лишь некоторых сторон дефиниции фонемы и аспектов анализа речевых единиц. При этом не ставилась задача детального осмысления и всестороннего анализа фонологических взглядов того или иного автора. Важно было уяснить общее направление и тенденции развития фонологической теории и попытаться соотнести с нею факты изучаемого нами языка. При близком знакомстве с фонологической теорией обнаружилось, что она целиком ориентирована на особенности индоевропейских языков и мало учитывает специфику языков иных систем. Артикуляторная база и характер акустического восприятия, дифференциальные признаки и функциональные особенности звуковых единиц индоевропейских языков — вот фундамент, на котором возведено основное здание современной фонологической теории.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, Э. Сепир, Л. Блумфилд, Г. Глисон, В. Тводделл, Д. Джоунз, Н. Хомский, З. Харрис, Ч. Хоккет, Ю. Найда, М. Халле, Г. Фант, А. Мартине, Э. Косериу, Е. Курилович, Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Й. Вахек, Б. Трнка, С.И. Бернштейн, М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндер, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Т.П. Ломтев, С.К. Шаумян, М.В. Панов, Л.В. Бондарко — вот далеко неполный перечень имен отечественных и зарубежных ученых, наиболее активно занимавшихся в прошлом или занимающихся в настоящем теорией фонемы и внесших заметный вклад в развитие различных направлений общей теории фонологии. Все они — специалисты в области индоевропейских языков. Все свои сколько-нибудь оригинальные идеи и концепции по теории фонологии они обосновывали на материале индоевропейских языков. Фонологическая теория в своих основных направлениях разработана ими на базе индоевропейских языков. Поэтому с полным основанием современную теорию фонологии можно назвать индоевропейской. Те незначительные материалы из других языков, которые привлекаются в отдельных работах по индоевропейской фонологии, существа дела не меняют. В существо теории фонемы не вносят сколько-нибудь заметного вклада и те

исследования, которые посвящены описанию фонетических систем неиндоевропейских языков. В них, как правило, понятие фонемы используется, но не трактуется. Исключение составляют взгляды Н.Ф. Яковлева.

Н.Ф. Яковлев, замечательный русский кавказовед, в теории фонологии занимает особое место. Еще Н.С. Трубецкой [1960, 43], основоположник реляционно-физической теории фонемы, в своих "Основах фонологии" воздал должное раннему определению фонемы Н.Ф. Яковлева, охарактеризовав его как "уже очищенное от элементов психологизма" (в виду имеется психологизм И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Шербы). Но дело не столько в самой формулировке определения фонемы, сколько в общей фонологической концепции автора, построенной на базе одного из "неиндоевропейских" языков — адыгейского. К сожалению, фонологическая теория Н.Ф. Яковлева впоследствии осталась в стороне от общей теории фонологии и редко кто обращается к его взглядам. В птичьем дворе индоевропейской фонологии теория Н.Ф. Яковлева оказалась, подобно сказочному персонажу Г.Х. Андерсена, гадким утенком. Однако при всей своей внутренней противоречивости (ниже будут отмечены и такие моменты) теория Н.Ф. Яковлева содержит немало рациональных идей и позитивных положений. В теории фонологии они не могут быть игнорированы.

Одним из основополагающих моментов фонологической теории Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа [1941, 404] является взгляд авторов на звук (фонему) как на продукт исторического развития: "... отдельный звук, или фонема, представляет собою продукт весьма длительного исторического развития". Столь четкий историзм в определении фонемы не проявлял еще ни один представитель индоевропейской фонологической теории.

Каким мыслят авторы это историческое развитие звука/фонемы? Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф [1941, 244] понятие фонемы связывают с понятием семы — значимой части слова: "Под семой мы понимаем всякую часть слова, которая имеет в нем какое-либо значение, независимо от того, представляет ли она собою корень слова, префикс или суффикс, имеет ли она реальное или формальное значение, служит ли она для словообразования или для словоизменения и представляет ли она собой частицу соотносительную или несоотносительную с другими словами и их семами в предложении"; "...Каждая сема имеет значение лишь в целом и не делится внутри себя ни на какие более мелкие значимые части. Внутри семи могут быть выделены лишь звуки-фонемы. Следовательно, сему мы можем назвать простейшей значимой частицей в составе речи вообще" [Там же, 244].

По мнению авторов, в слове выделяются одна или несколько сем, имеющих так называемое "реальное" (т.е. корневое) значение. "... Реальными семами мы называем такие, которые имеют значение, отражающее какое-либо реальное содержание, реальное понятие. Из нескольких сем в составе данного слова реальной будет та, значение которой и придает данному слову то содержание, которое делает это слово понятием, отражающим действительную жизнь. Каждая реальная сема в отдельности может быть названа корнем данного слова" [Там же].

Таким образом, сема — это корень и аффикс. Реальная сема — это корень, формальная сема — это некорневой аффикс. Если внутри семы могут быть выделены звуки-фонемы, то, следовательно, сема может состоять не только из одного, но и более звуков-фонем. Это значит, что сема шире, чем звук-фонема. Сема соотносится не со звуком-фонемой, а со слогом. "... Многие семы, на первый взгляд состоящие из одного согласного, раскрываются как семы, состоящие из первичного слога"; "...В словах древнего происхождения не может быть случая, чтобы слоговая граница не совпала бы с какой-либо из сематических границ и, таким образом, части одной и той же семы оказались бы отнесенными в разные слоги, которые объединяли бы часть одной семы с другой семой в один слог. Этот строй адыгейского языка совершенно отличает его от русского и других европейских языков" [Там же, 269].

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф рассматривают вопросы о первичной структуре слога, о характере первичного словообразования, о процессе дивергенции и т.д. Исторические звук (фонема), слог и слово интерпретируются в тесной связи друг с другом и с семой. В этом отношении характерны высказывания: "Древнейшие слова адыгейского языка... представляли собою открытый слог. Каждое из них начиналось на согласный и оканчивалось на гласный"; "В этих словах-корнях первоначально согласный еще не был отдельным звуком, а являлся лишь звуковым началом слова. Гласный тоже не был еще отдельным гласным звуком, а был лишь типичным концом каждого слова. Слово в целом еще было равно слогу. Внутри себя каждое такое слово-слог тогда еще не выделяло никаких формальных частиц. Оно было еще односложным, аморфным, состоящим из единого слитного слога-звука — слогом-словом. Единственным средством образовывать новые слова в эту эпоху было звуковое изменение начала слов, т.е. изменение того, что составляло в них согласный элемент. Так развилось в адыгейском большое количество звуковых разновидностей согласных. Гласный при этих согласных вначале собственно был один" [Там же, 404]. "Итак, — заключают авторы, — первоначальное слово было равно внутри себя цельному слогу и цельному звуку. В дальнейшем появляются первичные односложные слова, в которых звук равен семе, а все слово внутри себя разлагается на согласный, или сочетание согласных — в начале, и гласный (обычно краткий) в конце" [Там же, 406].

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф "звук" и "фонему" нередко ставят рядом или через дефис, как бы используя их синонимически, признавая их тождество. Вместе с тем авторы отмечают их различие, особенно в историческом плане: звук — основа языка, "с самого начала возникновения речи язык был звуковым" [Там же, 404], фонема же — это "непосредственно не связанная со значением абстрактная звуковая частица", возникшая или "окончательно выделившаяся" "в сравнительно недавнее время, в связи с новым обогащением адыгейского языка через русский за счет советских и интернациональных слов" [Там же, 406]; "... Физически (т.е. физиолого-акустически) различные звуки могут существовать в языке как грамматически

единный звук, как одна фонема. Наоборот, физически совершенно одинаковые звуки иногда существуют в языке как различные грамматические звуки, как различные фонемы. Следовательно, звук как физическое явление и грамматически существующий звук — фонема — не одно и то же" [Там же, 407].

Любопытно, что авторы не относят фонему к особому уровню грамматики — к фонологии. Уровень анализа, где рассматривается фонема, авторы называют фонетикой, а не фонологией: "Наука, изучающая фонемы, — фонетика — представляет собою неотъемлемую часть грамматики, а наука о звуках речи как о физиолого-акустических явлениях — их физиология и акустика — является для фонетики лишь вспомогательной, так как изучать звуки данного языка физически можно лишь после того, как они будут установлены в нем грамматически"; "Звук существует в языке прежде всего грамматически: как одна из основных грамматических его форм. Язык же — продукт развития общества. Поэтому все его формы, в том числе и фонемы, являются "общественно отработанными" формами" [Там же, 407].

Теория фонемы Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа вызывает определенный интерес. Она особенно ценна своим историзмом, имеющим многоаспектное выражение: а) звук-фонема — продукт длительного исторического развития языка, б) звук-фонема — это исторически корень (корневая морфема дала звук-фонему), в) первичные слова имели структуру открытого слога, согласный в таких словах-словах представлял собой корневое начало, а гласный — конечную огласовку корня и т.д.

Эти и многие другие положения фонологической концепции Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа представляются значительными. Вместе с тем она страдает, на наш взгляд, и определенными противоречиями. Например, с одной стороны, каждая сема "состоит или из одного согласного или из одного гласного" [405], с другой — сема соотносится со слогом, состоящим из более одного звука-фонемы; с одной стороны, "с самого начала возникновения речи язык был звуковым" [404], с другой — звуки не были звуками, а представляли собой "лишь сырой звуковой материал" [с. 404], поэтому первые слова состояли не из отдельных выделившихся звуков, а "из нераздельной слитной звуковой материи, они в целом равнялись каждое — одному слитному звуку" [404]. Слитному с чем? С другим звуком? Если один звук сливается с другим звуком (а больше не с чем!), то это уже не туманный "нераздельный слитный звуковой материал" или "сырой звуковой материал" (?), а что ни на есть сочетание звуков. Допустив туманные понятия "сырой звуковой материал" и "слитный звуковой материал", авторы усложнили свою концепцию соотношения исторических звука-фонемы и семы, семы и слога, слога и слова, слова и корня: сема равна то слову, то цельному слогу, то цельному звуку-фонеме, то корню-слову. С одной стороны, "вначале звуки еще не были самостоятельно выделены, они были лишь сырым звуковым материалом" [404], с другой — "первоначально слово было равно ... цельному звуку" [406]; с одной стороны, фонема — это исторический, общественно отработанный звук, с

другой — это сравнительно недавно выделившаяся абстрактная звуковая частица и т.д.

Следует отметить, что помимо целого ряда внутренних противоречий и неувязок теория фонемы Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа оказалась еще в противоречии с известным в кавказоведении положением (А.М. Дирр, Н.С. Трубецкой, Л.И. Жирков, А.С. Чикобава, Г.В. Рогава, Т.Е. Гудава и др.), согласно которому корень слова состоит из одного согласного. По Н.Ф. Яковлеву и Д.А. Ашхамафу, сема соотносится со слогом, а слог состоит из более одного звука-фонемы. Следовательно, теория слогового корня, состоящего из более одного звука-фонемы, не совсем согласуется с теорией корневого моноконсонантизма кавказских языков. Однако следует еще раз подчеркнуть, что при всей своей противоречивости теория фонемы Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа содержит много оригинальных идей и положений, которые должны быть учтены при разработке фонологической концепции.

Хотелось бы еще раз вернуться к морфонеме и морфонологии. Известно, что понятиями "морфонема" и "морфонология" наука обязана Н.С. Трубецкому. Первоначально Н.С. Трубецкой представлял себе морфонологически чередующиеся согласные типа русских $k \sim \check{c}$ в *рука* ~ *ручной* как некий комплексный образ (*image complex*) и под морфонемой имелся в виду такой комплексный образ, манифестируемый несколькими взаимозамещающими внутри одной и той же морфемы фонемами. В тезисах Пражского лингвистического кружка говорится: "Важной проблемой лингвистики (в частности, лингвистики славянской) является ... морфологическое использование фонологических различий (или *морфофонология*, сокращенно *морфонология*). *Морфонема* играет первостепенную роль в славянских языках. Это образ, состоящий из двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга, согласно условиям морфологической природы, внутри одной и той же морфемы (например, в русском языке морфонема $k/\check{c}$ в комплексе *рук*: *рука*, *ручной*). Необходимо определить строго синхронически как все морфонемы, существующие в данном языке, так и место, занимаемое данной морфонемой внутри морфемы" [Тезисы... 1965, 127; Trubetzkoy 1929, 85]. Несколько позже понятие морфонемы получило уточнение и стало пониматься автором как совокупность чередующихся фонем, как "сложное представление (*idéé complexe*), состоящее из всех членов... морфологического чередования" [Projet 1931, 322; Trubetzkoy 1934, 30], или как "мыслимая как морфонологическое единство совокупность фонем, участвующих в данном чередовании" [Там же].

Следует подчеркнуть, что авторские понятия "комплексный образ взаимозамещающих фонем" и "совокупность участвующих в данном чередовании фонем" довольно близки друг к другу, если не сказать — тождественны. Вместе с тем, на наш взгляд, едва ли справедливо характеризовать эти понятия Н.С. Трубецкого как "то же самое, что *Vorstellung* ("представление") Бодуэна де Куртенэ" [Реформатский 1955, 99]. В них куда справедливее было бы видеть общее лингвистическое понятие, нежели психологическое представление, ведь

в фонеме тоже усматривается совокупность звуковых признаков, мыслимая как фонологическое единство, хотя такой образ фонемы сейчас никто не отождествляет с психологическим представлением (*psychologische Vorstellung*).

К понятию морфонемы Н.С. Трубецкого впоследствии отношение лингвистов сложилось более негативное, нежели к понятию морфологии. При признании все же нецелесообразным его окончательно отвергать, у одних плодотворность понятия морфонемы вызывает сомнения [Булыгина 1964, 83], другим оно представляется "в высшей степени неоперативным" [Макаев, Кубрякова 1969, 108], третьи же решительно отвергают его как понятие, совершенно ненужное для изучения структуры языка и потому без нужды придуманное Н.С. Трубецким*. Любопытно, что под редакцией А.А. Реформатского (совместно с В.В. Ивановым), решительного и ярого противника понятия морфонемы, в 1980 г. вышла книга, посвященная анализу морфонемы русского глагола**.

А.А. Реформатский пишет, что "первым, кто ввел термин "морфонема", был польский лингвист Генрик Улашин" в работе "Laut, Phonema, Morphonema", опубликованной в IV томе трудов Пражского лингвистического кружка в 1931 г. Между тем автор все время "воюет" не с Г. Улашиным, а с Н.С. Трубецким, обвиняя его в том, что "придумал несуществующую и ненужную для структуры языка единицу", и при этом ссылается на работу Н.С. Трубецкого "Sur la morphologie", опубликованную в I томе тех же трудов Пражского лингвистического кружка в 1929 г.

Мы не собираемся оспаривать мнение о первенстве Г. Улашина в создании и введении в науку понятия "морфонема". К тому же имеются и слова самого Н.С. Трубецкого об этом, которые тоже цитируются А.А. Реформатским [1955, 98]: "Термин "морфо-фонема" и его "аббревиация "морфонема" были придуманы Г. Улашиным". Здесь наше внимание привлекает другое: Н.С. Трубецкой указывает, что термин "морфонема" придуман Г. Улашиным, а А.А. Реформатский, цитируя эти слова и имея в виду ту же "морфонему", пишет, что "Н.С. Трубецкой придумал несуществующую единицу".

Действительно о морфонеме впервые высказались Г. Улашин и Н. Трубецкой. Обычно ссылаются на следующее определение морфонемы Г. Улашина: "Ein Morphonema ist... ein Phonema in Semasiologisch-morphologischer Funktion" ("Морфонема — это фонема в семасиолого-морфологической функции" [Ulaszyn 1931, 58]. Высказывание Н.С. Тру-

***В поисках прямолинейной систематики Н.С. Трубецкой придумал несуществующую и ненужную для структуры языка единицу — ей нет соответствия в объективной действительности языка"; "...Понятие "морфо(фо)немы" — ненужное понятие" [Реформатский 1955, 99]; "Термин "морфонема" для меня не существует в любом его осмыслении"; "Я готов и сейчас утверждать и мифичность, и ненужность понятия "морфонемы"; "...Морфонема" — такой единицы нет и не должно быть"; "Морфонема" Д.С. Уорта {#} — это же подпоручик Кижэ, который числится, имеет регалии, но "фигуры не имеет"!"; "Термин "морфонема" — мифический объект"; "Никакой "морфонемы" нет и быть не может" и т.д. [Реформатский 1975, 99, 101, 109, 115, 116].

**Ильина Н.Е. Морфология глагола в современном русском языке. М., 1980.

бецкого о морфонеме приводилось выше. Напомним, что автор морфонеми характеризует как комплексный образ (*idée complexe*) двух или более фонем, способных заменять друг друга внутри одной и той же морфемы.

Осмысливая эти первые определения морфонеми — Г. Улашина и Н. Трубецкого, приходится констатировать, что они далеки от совершенства и едва ли могут претендовать на всеобщее признание. Но дело в том, что в ряде случаев эти определения морфонеми не анализируются, не критикуются, а огульно отвергаются, при этом не предлагается взамен ничего. Впечатление такое, что негативное отношение к понятию морфонеми в отечественной лингвистике — это не отказ от ошибок и не четкая аргументация нового понимания этого понятия, основанного на углубленном осмыслении совокупных признаков морфонологических единиц разных языков, а своего рода поддержка позиции А.А. Реформатского, последовательно и упорно отвергающего это понятие. И "морфонема — псевдоединица" Н.Д. Арутюновой кажется прямой наследницей "морфонеми — мифического объекта" А.А. Реформатского, и положение об отсутствии у морфонеми инвариантного содержания — лингвистической перефразировкой категорического утверждения А.А. Реформатского: "ей нет соответствия в объективной действительности языка".

Если же морфонема характеризуется как "псевдоединица" по причине якобы отсутствия у нее инвариантного содержания с точки зрения общей системы языка, то такой же "псевдоединицей" является и фонема, так как выделение какого-либо аллофона в качестве инварианта фонемы с той же точки зрения общей системы языка представляется довольно затруднительным, если не невозможным. Кстати, отсутствие инвариантного содержания у морфонологически чередующихся согласных — вопрос спорный: не исключено, что такое содержание вполне может обнаружиться при историко-этимологическом подходе к анализируемым фактам. Особенно это представляется вероятным, если учесть, что в первичном лексико-грамматическом фонде некоторых языков морфонологически чередующиеся согласные оказываются корнями дейктонимического (прономинального) происхождения. Например, в даргинском языке видовые глагольные формы *вакI-е-с* ~ *ваш-е-с* 'прийти ~ приходиться' имеют морфонологически чередующиеся согласные /кI/ и /ш/. При историко-этимологическом анализе выясняется, что глагольная форма *вакI-ес* с корневым /кI/ восходит к дейктониму *ыкI* 'он, тот (наверху, выше говорящего)' и первоначально означала, очевидно, 'прийти сверху (в сторону говорящего)', а глагольная форма *ваш-ес* с корневым /ш/ восходит к дейктониму *ыиш* 'он, этот (у 1-го лица)' и первоначально означала 'ходить здесь, у говорящего'. Первоначально глагольные формы *вакI-ес* ~ *ваш-ес* не были формами видовой оппозиции, а выражали движение в различной пространственной ориентации по отношению к говорящему лицу. В результате анализа историко-генетического соотношения дейктонимических корней в свою очередь доказывается, что для корневых /кI/ и /ш/ инвариантом является /ш/ (*кI* восходит к **ш*), а /ш/ — онтологический интерпретатор лица. Следовательно, морфо-

нологически чередующиеся согласные /кІ/ ~ /ш/ не могут считаться здесь лишенными инвариантного значения.

Аналогичная ситуация в даргинском языке наблюдается и с другими морфонологически чередующимися в структуре различных грамматических формантов согласными. Например, форманты датива имени -с, -з, -ж, -й генетически восходят к дейктонимическому корню лица /ш/ [Абдуллаев З.Г. 1982; 1986]. Форманты инфинитива глагола -с, -з, -ж, -й, совпадающие с формантами датива имени, имеют тот же источник своего происхождения — дейктонимический корень лица /ш/ и т.д.

Можно ли в подобных случаях морфонологически чередующиеся согласные считать лишенными инвариантного содержания и на этом основании характеризовать их как "псевдоединицы"? Едва ли такой взгляд будет правильным. Морфемы — что ни на есть самые подлинные единицы языка. И для определения морфем вовсе не требуется, чтобы у морфонологически чередующихся согласных была бы единая совокупность признаков и чтобы эта совокупность признаков была бы общей только для них. Т.В. Булыгина [1964, 83] пишет: "...Веским соображением против существования морфемы в понимании Трубецкого представляется невозможность ее определения в терминах дифференциальных признаков: совокупность признаков, общих для альтернантов морфемы г/ж/з (идентифицирующих морфему *друг-/друж-/друз-*) или г/ж/ч (идентифицирующих морфему *берег-/береж-/береч-*) и т.д., не является общей только для них" [См. также: Макаев, Кубрякова 1969, 107—108].

В этом антиморфоне матическом высказывании обращает на себя внимание тезис: морфемы г/ж/з идентифицируют морфему *друг-/друж-/друз-*, морфемы г/ж/ч идентифицируют морфему *берег-/береж-/береч-*. Так ли это? Является ли *друг-* (соответственно и *друж-*, *друз-*) единой морфой, не разлагается ли она на более мелкие единицы? Может быть, здесь представлена не идентификация единой морфемы тремя разными морфами, а дифференциация основы путем противопоставления генетически общностных корневых дивергентов? Почему такая трактовка исключается? Мы склонны думать, что здесь представлена именно такая картина. Правда раскрыть ее до конца куда сложнее и труднее, чем констатировать, что в явлениях подобного рода ничего фонетического нет и в грамматику они входят незаконно. Именно в силу этого, очевидно, оказалось подхваченным многими лингвистами высказанное А.А. Реформатским мнение, что морфонологически чередующиеся согласные "уже не относятся к фонологии и еще не относятся к грамматике". Между тем, к подобным морфонологическим единицам куда более адекватно подошла бы формула: "они еще остаются в грамматике и уже относятся к фонологии". Наша формула направлена на объяснение исторического характера возникновения и функционирования морфем: являясь общностными дивергентами, они одновременно функционируют и как фонологические единицы. Лексический уровень языка древнее грамматического: корни лежат в основе "социальной отработки" звуков. Поэтому с точки зрения существа исторических отношений

между фонемой и морфемой далеко небезразлично, складывается ли корневая морфема из фонемы или, наоборот, фонема состоит из морфемы. Разумеется, что отношения между фонемой и морфемой не являются отношениями части и целого, но тем не менее и этот вопрос подлежит решению при анализе их взаимоотношений.

При анализе морфонологических единиц историко-генетический подход представляется крайне важным потому, что в ряде случаев только с его помощью можно установить и распознать их инвариантное содержание. Можно сослаться в этом плане еще на один пример из даргинского языка. Как известно, здесь существуют две формы личного дейктонима 1 лица единственного числа: *ду* и *ну* 'я'. Что это, фонологическое чередование *д* и *н*? Иные ученые так и характеризуют эти формы — фонетические варианты, а иные просто разводят руками. Во всяком случае удовлетворительный ответ на этот языковой феномен еще не найден, но определенные предположения уже имеются. Взятые сами по себе эти дейктонимические формы 1 л. ничего не дают. Инвариантное значение их корней помогают раскрыть первичные слова дейктонимического происхождения. Среди них и термины родства, в первую очередь, термины 'отец' и 'мать'. Какие инвариантные семемы характерны для этих терминов? Н.Д. Арутюнова [1969, 40] пишет: "...Для значения слова *отец* релевантны признаки: предок (1) первого колена (2) по прямой линии (3) мужского пола (4). Изменение любого из этих признаков побуждает говорящих изменить означаемое. Замена признака "мужской пол" на "женский пол" ведет к замене слова *отец* на слово *мать*, отражаясь тем самым на структуре противоположного плана". Далее автор рассматривает, как эти признаки меняются по отношению к другим понятиям родства (*сын*, *дочь*, *внук*, *внучка*, *невестка*, *сноха* и т.д.).

Прекрасный анализ, все в нем правильно, но только с точки зрения поверхностно-теоретического осмысления терминов родства на современном синхроническом срезе их развития. Но если подойти к ним с глубинной историко-генетической точки зрения, то может обнаружиться, что эти термины имеют совсем другие релевантные признаки. Например, в даргинском языке доказывается, что термины "отец" и "мать" (*дудеш* и *неш*) генетически восходят к параллельно функционирующим в языке двум формам дейктонима 1 л. *ду* и *ну* 'я'. В результате для термина *дудеш* 'отец' первоначальное, инвариантное значение устанавливается 'я самый' (или 'моя самость'), а для термина *неш* 'мать' — значение 'я самая' (или 'моя самость'). Возникает основание предположить, что первоначально своим инвариантным значением термины 'отец' и 'мать' не различались (такой содержательный синкретизм обнаруживается и у терминов 'брат' и 'сестра', 'сын' и 'дочь'). Дейктонимическое (прономинальное) происхождение терминов родства *дудеш* 'отец' и *неш* 'мать' наталкивает на размышления об инвариантных значениях дейктонимических корней *д* и *н*: очевидно, корень *д* был ориентирован на интерпретацию социальной категории мужчины, дейктоним *ду* использовался, когда 'я' произносил мужчина, а корень *н* был ориентирован на интерпретацию социальной категории женщины, дейктоним *ну* использовался,

когда 'я' произносила женщина. Мужчина и женщина в этот период занимали, очевидно, определенные, пространственно (первично) и социально-иерархически (вторично), позиции по отношению друг к другу.

Можно ли после всего этого утверждать, что у морфемы нет инвариантного содержания? Едва ли. Сколько-угодно примеров, наглядно демонстрирующих конкретное категориальное или понятийное значение у морфем. Вопрос в том, что понимать под морфемой: в узком смысле только непозиционно чередующиеся фонемы типа *г/ж/з*, *г/ж/ч*, *к/ч* и т.д., или же в широком смысле вообще морфемы, функционирующие в качестве фонем.

Неточность определения морфемы Г. Улашина заключается, на наш взгляд, в том, что в основу характеристики морфемы здесь положено понятие фонемы: морфема — это фонема в семасиолого-морфологической функции. Неточность определения усугубляется тем, что сама фонема является функциональной единицей. Получается, что морфема — это функциональная единица (фонема) в функции. Ошибка ориентации на фонему наблюдается и в некоторых последующих определениях морфемы.

Неточность определения морфемы Н.С. Трубецкого заложена в узком осмыслении этого понятия. Согласно этому определению, к морфеме могут быть отнесены лишь морфонологически чередующиеся фонемы. Более того, к морфеме могут быть отнесены не сами морфонологически чередующиеся фонемы, а только их комплексный образ, абстрактная величина. Ошибка характеристики морфемы как комплексного образа морфонологически чередующихся фонем, как абстрактной величины в некоторых последующих определениях морфемы также повторяется.

Нет необходимости здесь останавливаться на всех высказываниях отечественных и зарубежных специалистов относительно морфемы. Приведем лишь несколько характерных положений из уже упоминавшейся специальной работы Н.Е. Ильиной по морфонологии русского глагола. В этой работе морфеме дается такое определение: "Морфема — обобщенная, абстрактная единица, не обладающая значением. Она служит для конструирования морфем — единиц следующего уровня, расположенного над морфонологическим, тоже абстрактных, но уже значимых" [Ильина 1980, 62].

Здесь общие понятия морфемы и морфемы выведены автором без учета всей совокупности признаков рассматриваемых структурных единиц. Возьмем, например, такие выражения: *я вернусь* и *ты захватишь*. В глагольных формах *вернусь* и *захватишь* представлены аффиксы рефлексивности (возвратности) и лица */-сь/* и */-шь/* (2 л.). Эти аффиксы одновременно являются и морфемами и морфемами. Только непонятно, почему подобные морфемы и морфемы должны считаться абстрактными единицами, почему подобные единицы как морфемы должны считаться лишенными своих значений, а как морфемы — значимыми, почему подобные морфемы должны считаться служащими для конструирования морфем, а не наоборот? Подобные факты наглядно демонстрируют ошибочность и таких положений автора, как: "Содержание морфемы зависит от содержания

фонемы"; "Морфонология базируется на фонемной основе" [Там же, 21].

Как известно, элементы языка обладают двумя взаимосвязанными системами — системой данностей и системой процесса (реляции). Звук, например, характеризуется как единица системы данностей, фонема — как единица системы процесса (реляции), как звук в функции. Фонема как единица системы процесса (реляции) может быть представлена единицей системы данностей, но сама она не может служить в качестве единицы системы данностей для представления иной единицы системы процесса (реляции). Поэтому фонема не может представлять морфону, являющуюся такой же единицей системы процесса (реляции), такой же функциональной единицей, как и сама фонема.

Определяя сущность морфемы, прежде всего следует установить, к какой системе она относится — к системе данностей или же к системе процесса (реляции). На наш взгляд, морфонема — такая же функциональная единица, как и фонема.

Следует также установить, чем морфонема, как единица системы процесса (реляции), может быть представлена в языке. Судя по материалам даргинского языка, морфонема может быть представлена двумя единицами системы данностей — звуком и морфемой. Но если учесть, что в историко-генетическом плане звук восходит к морфеме, источником звука является морфема, то фактически морфонема как функциональная единица системы процесса (реляции) может быть представлена морфемой.

По своему объему морфемы даргинского языка могут быть либо равными звукам (фонемам), либо большими, чем звуки (фонемы). Первого рода морфемы могут быть названы монофонематическими, а второго рода — полифонематическими. Исторически полифонематические морфемы имеют единую структуру открытого слога: "согласный + гласный". Слоговая и морфемная структуры не являются единицами тождества. В слоге закрытой структуры "согласный + + гласный + согласный" (СГС) или "согласный + гласный + согласный + + согласный" (СГСС) могут оказаться две или три морфемы — корневая и аффиксальные. При установлении соотношения морфемы с фонемой и морфонемой речь, разумеется, может идти лишь о монофонематической морфеме. Такое соотношение вполне закономерно: своим обозначающим совпадением морфемы, морфонемы и фонемы вне всякого сомнения. В этом плане их тождество неоспоримо. Они различаются лишь значением: морфонема и фонема являются функциональными единицами, в то время как морфема имеет двоякую природу — данностную (полифонематическая морфема) и процессуальную (монофонематическая морфема). Поскольку с морфонемой и фонемой соотносится процессуальная (монофонематическая) морфема, то эти три единицы фактически совпадают не только обозначающим, но и функционированием.

А.А. Реформатский [1975, 15] пишет: "Ни одному здравомыслящему фонологу (самому даже заядлому "морфематисту" московской ориентации) не приходило на ум отождествлять фонему и морфему,

хотя вне морфем, не в качестве компонентов морфем — фонемы немыслимы". Тем хуже для фонологов, если за такой длительный период существования фонологической теории вне их поля зрения оставался столь очевидный факт. Разве для кого-то секрет, например, что в глагольных аффиксах рефлексивности /-сь/ и 2 л. /-шь/ налицо тождество фонем и морфем. Можно, конечно, затеять спор о том, что здесь морфемы представлены, мол, не одними согласными, но здравомыслящему лингвисту очевидно, что смежные гласные являются варьирующими соединительными элементами или огласовками и не могут быть отнесены к категориальным формантам. Формант рефлексивности /-сь/ одновременно является морфемой и фонемой, такой же морфемой и фонемой является и формант 2 л. /-шь/. Чтобы заметить очевидный факт их тождества, не нужно быть ни заядлым "морфематистом" московской ориентации, ни санкт-петербургским противником "московского морфематизма".

Случаи тождества морфемы и фонемы оставались незамеченными, очевидно, из фундаментальной трудности, связанной с определением этих понятий как абстрактных единиц, лишенных своих значений. Между тем, ни морфема, ни фонема не являются абстрактными единицами, не обладающими значениями. Они являются функциональными единицами. Создается впечатление, что морфему "обобщили", "абстрагировали" и поставили над определенными структурными единицами (типа *друг-/друж-/друз-*), так как сегментное членение и анализ последних оказались не под силу существующей фонологической теории, лишенной историзма. Но ведь в других случаях, например, в случае аффиксов рефлексивности -сь и 2 л. -шь нет никаких "обобщающих" и "абстрагирующих" эти конкретные аффиксы морфем. Между тем, свалив в одну кучу совершенно разные по объему и содержанию, материалы, выводится общее определение морфемы типа: "Морфема — абстрактная единица, ее нельзя услышать, написать, произнести; услышать, написать, произнести можно только одну из морф, осуществляющих морфему" [Болла, Палл, Папп. 1968, 193]. Согласно этому определению, ни морфему рефлексивности -сь, ни морфему 2 л. -шь нельзя ни услышать, ни написать, ни произнести. Предполагается наличие каких-то морф, осуществляющих эти морфемы. Но какие?

Или другой пример. В теории фонологии считается, что фонема /о/ может выступать в различных звучаниях: /о/, /а/, /ы/, /ь/, /и/. Здесь она характеризуется как обобщенная, абстрактная единица, лишенная своего значения. Вместе с тем известно, что гласная фонема /у/ реализуется всегда одним и тем же звуком /у/. Следовательно, в /у/ совпадают звук и фонема, здесь фонема не может считаться обобщенной, абстрактной единицей.

Для звуков /о/, /а/, /ы/, /ь/, /и/ в качестве обобщенной, абстрактной единицы выводится конкретная фонема /о/, а для /г/, /ж/, /з/ (в формах *друг-/друж-/друз-*) или для /д/, /д'/, /ж/ (в формах *вода/водяной/обезвожу*) никакая обобщенная, абстрактная фонема не выводится, а только предполагается как фикция, конструкт.

Объединив все подобного рода факты, выводится общее опре-

деление фонемы как обобщенной, абстрактной единицы, лишенной своего значения.

У людей, носителями какого бы языка они ни были, органы речи едины. Но эти единые органы речи в зависимости от языка по-разному приспособлены к артикулированию. Поэтому, несмотря на то, что в органах речи природно заложены единые возможности производства звуков, результаты их деятельности существенно различаются ввиду различия их исторической отработки. Щелкающие звуки одних языков (африканских готтентотов) не характерны для других, латеральные звуки, легко произносимые и привычные для представителей одного языка (напр., аварского), чрезвычайно трудны даже для представителей территориально соседствующих и генетически родственных языков, шипящие звуки (напр., абхазо-адыгских языков) едва ли легко доступны для точного воспроизводства представителями других артикуляционных систем. Все эти звуковые различия — результат исторически различной артикуляционной отработки природно единых органов речи. Если к изучению звуковых систем языков подойти с учетом исторически сложившихся артикуляционных особенностей органов речи, то нетрудно прийти к выводу о том, что в разных языках представлены разные звуковые системы, что ввиду различия звуковых систем различной должна быть и теория звуков. Здесь следует учесть еще одно обстоятельство: различие в теории звуков зависит не только от различия самих звуков, но и от различия взглядов на них, от подхода к их анализу. Эту методическую или метаязыковую сторону проблемы мы оставляем в стороне, нас интересует сейчас вопрос: объект ли определяет теорию и воздействует на нее или же теория определяет свой объект и воздействует на него? Этот вопрос уже ставился в науке [Ельмслев 1960, 274]. Но его решение связывалось с пониманием самого понятия теории — имеется ли в виду под теорией система гипотез, индукция (переход от сегмента к классу, синтетическое движение, обобщающий метод) или же чисто дедуктивная система (переход от класса к сегменту, аналитическое движение, специфицирующий метод). Если исходить из понимания теории как системы гипотез, индуктивной процедуры синтеза и обобщения (от сегмента к типу), то в этом случае объект определяет теорию и воздействует на нее. Если же исходить из дедуктивной системы как аналитической и специфицирующей процедуры (от типа к сегменту), то в этом случае теория определяет объект и воздействует на него.

Вполне возможно, что в зависимости от индуктивной или дедуктивной процедуры (от сегмента к типу или от типа к сегменту) результаты анализа могут быть различными и далеко неравнозначными. Однако определение роли объекта для создания теории и роли теории в изучении объекта не зависит ни от применения индуктивной или дедуктивной процедуры, ни от характера результатов анализа тем или другим методом. Создавать теорию на основании анализа конкретного объекта или вырабатывать теоретические постулаты об объекте умозрительно — это разные вещи. В первом случае специфический объект может дать оригинальную теорию, во втором же случае —

стандартная теория может вытравить или исказить специфические свойства объекта. Не может быть общей теории для различных объектов, в данном случае общей теории звуков для различных звуковых систем. Теория звуков, построенная на анализе различных звуковых систем, также должна различаться. Поэтому пригодна лишь та теория, которая построена на анализе фактов конкретного языка. Теория фонологии индоевропейских языков не может считаться пригодной для звуковых систем иных языков, скажем, кавказских языков. Здесь должна быть создана своя теория фонологии, отвечающая специфическим свойствам функционирования звуковых единиц данных языков.

В последнее время фонологи больше озабочены тем, как бы создать такое учение, которое органически сочетало бы наиболее адекватные положения так называемой традиционной или классической фонологии и различного рода новые представления последнего времени. Но при этом им нет никакого дела, как такое учение будет согласовываться с фактами того или иного конкретного языка. Язык находится в стороне от теории. Теория не выводится из анализа языковых фактов, она строится умозрительно, абстрактно, мыслительно. Отвечает такая теория требованиям конкретного языкового материала или не отвечает — это мало интересует специалистов по моделированию фонологических систем. Главное тут вывести теоретические, "глубокомысленные" размышления универсального характера, как можно мудренее их изложить и сформулировать.

Решительно можно утверждать, что 1) ни морфема, ни морфонема, ни фонема не являются абстрактными единицами; морфема, морфонема и фонема — функциональные единицы разных уровней — морфологического, морфонологического и фонологического; фонема — функциональный эквивалент звука, морфонема — функциональный эквивалент морфемы; 2) значение морфонемы не зависит от значения фонемы, значения морфонемы и фонемы базируются на значении морфемы; 3) морфонология не базируется на фонемной основе, морфонология и фонология базируются на морфемной основе; 4) генетически звук-морфонема и звук-фонема восходят к морфеме (все согласные восходят к корням); 5) ни морфонема, ни фонема не служат для конструирования морфем, корневая морфема первична как по отношению к морфонеме, так и по отношению к фонеме.

В корне ошибочно мнение, согласно которому базой возникновения или расчленения фонем является не морфема, а "элементарная глобальная единица языка — слово". Здесь упускается из вида тот незыблемый факт, что само возникновение слова базируется на корневой морфеме, формирование той или иной лексико-грамматической единицы — результат длительного исторического процесса преобразования корневой морфемы. Формирование языковых данностей начинается с корневых морфем. Ни фонема, ни морфонема, ни слово немыслимы без корневой морфемы. Корневая морфема — отправной пункт всех фонологических, морфонологических и лексико-грамматических единиц. Корень — всему корень — и фонеме, и морфонеме, и морфеме, и слову. Только при утверждении корневого

начала можно говорить о возможности установления инварианта содержательных и формальных единиц языка. В.Н. Ярцева [1965, 112] пишет: "...До настоящего времени лингвисты обращали внимание главным образом на свойства аффиксов, не уделяя достаточного места в морфологических исследованиях специфике корневых морфем. На этом обычно основывали различие между флективностью и агглютинацией". Между тем, "...устройство корневой морфемы является решающим для определения структуры языка и его принадлежности к тому или иному морфологическому типу".

Здесь должно быть ясно, что речь у нас идет об исходном моноконсонантном корне. Как известно, теория корневого моноконсонантизма в кавказских языках связана с именем известного кавказоведа А.М. Дирра. Эта теория впоследствии нашла поддержку в трудах Н.С. Трубецкого, Л.И. Жиркова, А.С. Чикобава, Г.В. Рогава, Т.Е. Гудава и др. Корневой моноконсонантизм присущ, очевидно, не только кавказским языкам. Думается, что все языки характеризуются моноконсонантным корнем. Моноконсонантность корня — свойство первичных лексических единиц общечеловеческого праязыка. Первенство среди таких моноконсонантных лексических единиц принадлежит дейктонимам. Отсюда и дейктонимическое (прономинальное) происхождение лексико-грамматических единиц. В содержательном плане в основе языкотворческого процесса лежат отношения лица ~ нелица. Решающее значение устройства корневой морфемы, о котором пишет В.Н. Ярцева, касается структуры языка не только в типологическом плане, но и в плане организации всей внутренней фонологической и лексико-грамматической системы. Кстати, еще в начале 30-х годов Н.С. Трубецкой [1967, 117—118] придавал большое значение роли корневой морфемы в морфонологии и роли морфонологии в типологии языков.

Здесь, очевидно, уместно сказать несколько слов о "морфонологии". Поскольку понятие "морфонологии" впервые выдвинул и обосновал Н.С. Трубецкой, будет справедливо сослаться прежде всего на его понимание, на его исходные положения по данному предмету.

Н.С. Трубецкой [1967, 115] писал: "Под морфонологией, или морфофонологией, мы понимаем, как известно, исследование морфологического использования фонологических средств какого-либо языка". В этом основополагающем положении хотелось бы обратить внимание на неточность, на наш взгляд, коренной, фундаментальной предпосылки авторской концепции. Речь идет о том, что в определении морфонологии Н.С. Трубецкой пользуется направлением от фонологии к морфологии: "морфологическое использование фонологических средств". Фонологические единицы автор характеризует здесь как единицы системы, данности, а морфологические единицы — как использование фонологических единиц, т.е. как единицы процесса, функции. На наш взгляд, это — коренная ошибка в морфонологической концепции Н.С. Трубецкого. Все должно было быть наоборот. В нашем понимании, морфонология занимается исследованием морфологического использования морфологических единиц, так как в историко-генетическом плане исходным материалом служат морфологические

средства — корневые морфемы, а не фонологические средства. Корневые морфемы — первичные языковые данности, фонологические единицы — функциональные величины. Вполне допустимо и закономерно использование элементов системы первичных данностей (корневых морфем) в качестве функциональных величин (фонем), но положение об обратном направлении — об использовании функциональных величин (фонем) в качестве элементов системы первичных данностей (корневых морфем), содержит в историческом плане грубую ошибку.

Рассматривая уровневый характер морфонологии, Н.С. Трубецкой [1967, 116] отнес ее к грамматике: "Морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике, подчеркиваю — в любой грамматике, а не только в грамматиках семитских или индоевропейских языков"; или еще: "... Морфонология представляет собой раздел грамматики, который играет важную роль для всех языков, но который не изучен еще почти ни в одном языке" [Там же, 118].

Н.С. Трубецкой определил и теоретические задачи, для решения которых призвана морфонология: "Полная морфонологическая теория состоит из следующих трех разделов: 1) теории фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях, 3) теории звуковых чередований выполняющих морфонологическую функцию" [Там же, 116—117].

Морфонология Н.С. Трубецкого впоследствии оказалась признанной единодушно, ни один лингвист не отверг ее. Однако когда стали анализировать формулировки автора, уточнять ее уровневый статус и подлежащий анализу в ней объект, от единодушия ученых не осталось и следа. Любопытно, что критики морфонологической концепции Н.С. Трубецкого совершенно не обратили внимание на ошибочность основополагающей формулировки автора по определению объекта морфонологии: "исследование морфологического использования фонологических средств". В принципе повторяя эту ошибку, характеризуя фонологические единицы как первичные данности, а не как функциональные величины [Реформатский 1975, 117], исследователи сосредоточили свое внимание в основном на определении места морфонологии в системе уровней языкового анализа — является ли морфонология самостоятельным уровнем (или ярусом), можно ли ее отнести к фонологии или морфологии и т.д. Важный вопрос об объекте морфонологии, вопрос исторического направления "от чего к чему" оказался подмененным вопросом о месте морфонологии в системе анализа. В результате морфонема как объект морфонологии оказалась фактически отвергнутой, а сама морфонология — объявленной "штучным отделом", "мостиком" между фонологией и морфологией без уточнения исторического направления "от чего к чему" ("от фонологии к морфологии" или же "от морфологии к фонологии").

Один из знатоков и критиков морфонологической концепции Н.С. Трубецкого А.А. Реформатский первоначально объявил морфоно-

логию "небазисным" уровнем (в отличие от "базисных" уровней фонологии и морфологии) и лишил ее, как "небазисного" уровня, собственного объекта: «Морфонология как "небазисный", промежуточный уровень, характеризуется не наличием, а отсутствием соответствующей единицы — "морфемы" (любопытно, что отсутствующее понятие называется собственным термином. — 3.4.); поэтому морфонология — не ярус, а лишь уровень, а если "ярус" и "уровень" — синонимы, то "подуровень"» [Реформатский 1975, 101].

В качестве небольшого отступления, не затевая долгую дискуссию о целесообразности или нецелесообразности устанавливать ярусы и уровни анализа, хочется здесь сказать, что между ступенями языковых фактов не существует каких-либо резко очерченных границ. Языковые факты — не кирпичи. Из них, как из кирпичей, не построишь ни арок, ни мансард, ни этажей (ярусов, уровней) и т.п. Они различаются лишь формой и функцией, обнаруживая при этом много точек соприкосновения друг с другом и взаимных переходов. В фонетике все морфологично, в морфологии все синтаксично, и наоборот: в морфологии все фонетично, в синтаксисе все морфологично. Синхронически на современном уровне развития языка эти обе формулировки имеют одинаковую адекватность. Но в историческом плане в центре формирования языковой структуры находится морфология с ее системой корневых морфем. Морфология — система данностей, фонетика (resp. фонология) и синтаксис — системы процессов, функционирования данностей. Поэтому исторически более точной представляется формулировка: в фонетике (resp. фонологии) и синтаксисе все морфологично. Всякие ярусы, уровни и подуровни только осложняют анализ, особенно когда исследователи стараются отгородить их друг от друга. В языке существуют лишь факты разных форм и функций, а не ступени, ярусы и уровни.

Морфонология — это в принципе та же фонология, исследование кратчайших функциональных единиц языка, но только возникших на морфемной базе. В сущности фонология вполне может быть заменена морфонологией; так же, как фонема — морфемой. И это было бы совершенно правильно, так как все согласные фонемы — исторически корневые морфемы и их дивергенты, т.е. морфемы (фонемно функционирующие морфемы). Морфонология глобальна, она — система функциональных единиц. По мнению А.А. Реформатского [1975, 117, 118], с одной стороны, "морфонология имеет дело с готовым набором фонем", с другой — «морфонология не глобальна, а "штучна"». Только не совсем ясно, как соотносить объемы понятий "набор фонем" и "штучность"? Но стоило ли из-за нескольких "штук" фонем утверждать целый "уровень", хоть и "промежуточный", или "подуровень" анализа языка? Может ли такой "подуровень" с набором каких-то отдельных "штук" фонем служить "мостиком", "промежуточным уровнем" между фонологией и морфологией? Почему эти "базисные" уровни должны соединяться именно "мостиком" таких "штучных" фонем?

В морфонологической теории А.А. Реформатского таких нерешенных и противоречивых вопросов немало. Положение автора: «морфоно-

логия — "уже не фонология", но "еще не морфология" создает не совсем точное представление о морфонологических фактах многих языков, не учитывает элемент историзма в формировании этих фактов, устанавливает примат фонологии над морфологией. Между тем морфонологические единицы еще никогда не переставали быть морфологическими и уже давно стали фонологическими. Что же касается позиционной дистрибуции фонем и их варьирования в зависимости от фонологических позиций, к которым апеллирует А.А. Реформатский как к чисто фонологическим признакам, лишенным какого-либо отношения к морфонологии [Реформатский 1975, 116], то для многих языков они не имеют почти никакого значения. Создается впечатление, что позиции слишком большое значение придают тогда, когда морфонологическим фактам не находят должного объяснения.

Нельзя устанавливать общие дефиниции понятийных категорий без знания совокупности всех функциональных признаков, относительно к фактам какого-либо отдельного языка или к каким-либо отдельным фактам одного или нескольких языков. Общая характеристика понятийных категорий может быть адекватной лишь тогда, когда она основывается на совокупности всех функциональных признаков. В каждом конкретном языке та или иная понятийная категория имеет свои специфические особенности. Каждая понятийная категория должна получить свою характеристику лишь относительно к совокупности признаков, присущих фактам данного конкретного языка. Мировое языкознание как единое целое, как всеохватывающая теория не существует, так как не существует единого мирового языка. Языкознание имеет своим объектом разные языки, поэтому и теория языкознания должна различаться. Нет и не может быть всеобщей теории лингвистического анализа, одинаково подходящей ко всем языкам.

Между тем, среди столичных лингвистов, в их числе и кавказоведов, имеются теоретики, издающие книги и статьи, основанные исключительно на изложении и комментариях зарубежных, преимущественно западноевропейских и американских, теорий и решительно чуждые последовательного анализа языковых фактов. Тщетно было бы искать в этих работах системное исследование фонетики или грамматики какого-либо конкретного языка. Главное их достоинство — путем обильного цитирования и комментирования высказываний зарубежных специалистов и нагромождения ссылочного аппарата демонстрация авторских знаний иностранных языков и доступности зарубежной теории. Даже в целой монографии, специально посвященной, скажем, фонеме и морфеме, не найти ни системы фактов конкретного языка, ни авторских дефиниций этих понятий. Незнание конкретных языковых фактов привело к таким теоретическим завихрениям, что даже само понятие даргинского языка в наше время (!) для этих теоретиков-кавказоведов стало условным.

Как тут не вспомнить слова Ф.П. Филина, характеризующие таких теоретиков: "Появляются теоретики-языковеды, которые пишут книги и статьи, не имея за душой ни одного конкретного-лингвистического исследования. В их работах обычно излагаются и комментируются

(с некоторыми критическими замечаниями или без оных) главным образом западноевропейские и американские структурно-абстракционистские "модные" теории или же делаются попытки создавать собственные вариации этих теорий"; "Появляется странная разновидность языковедов, о которых нельзя сказать, какой или какие языки являются их специальностью. А это чревато большими последствиями, прежде всего, утратой профессиональных знаний, без которых немислим ни один лингвист" [Филин 1978, 21].

Таких теоретиков А.С. Чикобава [1985, 23] охарактеризовал еще метче, назвав их "лингвистами без языка".

Теорию следует выводить из языковых фактов, а не языковые факты подводить к готовой теории. Ни фонема, ни морфонема, ни морфема не могут получить всеобщую дефиницию. Все должно быть определено относительно к конкретному языку. "Попытки некоторых лингвистов строить общелингвистические концепции, *пригодные для любых методологий*, претенциозны и бесплодны" [Филин 1978, 25].

Морфонология не имеет дела с готовым набором фонем. Морфонология — живой процесс фонологического функционирования морфем, процесс становления элементов одного ряда (морфологического) элементами другого ряда (фонологического). Этот процесс в разных языках может проходить по-разному и во временном и в качественном отношении. Участие чисто фонологических (позиционных) или грамматических (категориально-семантических) признаков зависит от степени развития морфологического процесса перестройки языковых элементов: чем больше продвинут этот процесс в своем развитии, тем больше участия фонологических признаков и тем меньше участия грамматических признаков, и наоборот — чем первозданнее этот процесс, тем больше участия в нем грамматического и тем меньше участия чисто фонологического. Этой своеобразной переходностью от одного состояния к другому (от морфологии к фонологии) и характеризуется морфонология. Это не застывшее промежуточное звено между морфологией и фонологией, а живой преобразующий процесс. В этом живом процессе отрыв грамматического ("еще не морфология", точнее было бы: "уже не морфология") от фонологического ("уже не фонология", точнее было бы: "еще не фонология") недопустим. Формулировка: "еще не морфология" и "уже не фонология" утверждает примат фонологии над морфологией. Исторически это ошибка. Точнее будет утверждать примат морфологии над фонологией с формулировкой: "уже не морфология" и "еще не фонология", но такая формулировка допустима лишь к известной стадии развития морфонологического процесса, когда грамматическая значимость элементов уже утрачена, а фонологические позиции еще не выработались. Вообще же правильнее будет формулировка: "еще морфология, но уже фонология".

Морфонология глобальна и системна, она охватывает всю консонантную систему языка (вокализм можно в счет не брать: гласные суть огласовки согласных, грамматическое в них — продукт позднего времени). Первичные грамматические признаки заложены в согласных, полученных из корневых морфем.

Первичные корневые морфемы суть дейктонимы — выразители отношений лиц (1 ~ 2, говорящего ~ слушающего, 'я' ~ 'ты') и лица ~ нелица ('я', 'ты' ~ 'он') сначала в пространственной и затем в социальной проекциях. В основе глоттогенеза лежит процесс эгоцентризма: все создавалось и определялось относительно к 'я'.

В свете сказанного можно допустить, что исторически звук и фонема — единицы тождества (существующая асимметрия — это скорее область нормы, нежели закона языка: нормы языка устанавливает человек, а законы языка от него не зависят). Обе эти единицы тождества (звук и фонема) вполне могут быть заменены понятием морфонемы, так же, как фонетика и фонология — морфонологией. Морфонология включает в себе исходное начало, систему данностей — систему корневых морфем и направление развития с конечной целью — формирование системы функциональных единиц — морфонем. В силу того обстоятельства, что все согласные (звуки/фонемы) исторически восходят к корневым морфемам, действительно морфонема является "связующим звеном" между морфемой и фонемой. Каждая согласная фонема — это историческая морфонема, а каждая морфонема — это историческая морфема. Морфема → морфонема → фонема — таков исторический путь формирования кратчайших единиц языка.

- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., Л., 1958.
- Абдуллаев С.Н.* Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
- Абдуллаев С.Н.* Ударение в даргинском языке // Языки Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1954.
- Абдуллаев З.Г.* К вопросу о напряженных согласных в даргинском языке // Учен. зап. ИИЯЛ. Сер. филол. т. XI. Махачкала, 1962.
- Абдуллаев З.Г.* Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке (к проблеме предложения). Махачкала, 1969.
- Абдуллаев З.Г.* К генезису формантов датива в даргинском языке // ВЯ. № 1. 1982.
- Абдуллаев З.Г.* Проблемы эргативности даргинского языка. Аспекты типологического исследования. М., 1986.
- Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Арутюнова Н.Д., Климов Г.А., Кубрякова Е.С.* Американский структурализм // Основные направления структурализма, М., 1964.
- Арутюнова Н.Д.* О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Фонема (1899) // Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые отделы "сравнительной грамматики" славянских языков (1881) // Избр. труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Опыт теории фонетических альтернатив. Глава из психофонетики (1894 — польск. изд., 1895 — немец. изд.) // Избр. труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Введение в языковедение // Избр. труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
- Болла К., Палл Э., Папп Ф.* Курс современного русского языка (под ред. Ф. Паппа). Будапешт, 1968.
- Булыгина Т.В.* Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. М., 1964.
- Быховская С.Л.* Имена существительные в даргинском литературном языке // Язык и мышление. Т. X. М.; Л., 1940.
- Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948.
- Гаприндашвили Ш.Г.* К образованию форм множественного числа имен в даргинском и ласком языках // Иберийско-кавказское языкознание. Т. V, Тбилиси, 1953.
- Гаприндашвили Ш.Г.* К вопросу об аффрикатизации спирантов в некоторых иберийско-кавказских языках // Тез. докл. VI научной сессии Ин-та языкознания АН Груз. ССР. Тбилиси, 1953.
- Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетика даргинского языка по данным диалектов: Машинопись докторской диссертации. Тбилиси, 1955.
- Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетика даргинского языка (по данным диалектов): Автореф. дис... доктора филол. наук. Тбилиси, 1956.

- Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетические изменения гласных и дифтонгов в даргинском языке // Труды Сталинирского госпединститута. Т. V. Тбилиси; Сталинир, 1958.
- Гаприндашвили Ш.Г.* Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966.
- Гудава Т.Е.* Ударение в глаголе аварского языка // Изв. АН Груз. ССР. XIV. № 2. Тбилиси, 1967.
- Далгат Б.* Цудахарские песни // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIV. Тифлис, 1892. Отд. II.
- Жирков Л.И.* Грамматика даргинского языка. М., 1926.
- Жирков Л.И.* Язык аула Кубачи // Учен. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. Т. I. М., 1930.
- Жирков Л.И.* Краткая грамматика аварского языка // Аварско-русский словарь (сост. проф. Л.И. Жирков), М., 1938.
- Жирков Л.И.* Законы лезгинского ударения // Язык и мышление. Т. X. М.; Л., 1940.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Т. I. М., 1960.
- Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Л., 1960.
- Зиндер Л.Р.* Материальная сторона языка и фонема // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1979.
- Ильина Н.Е.* Морфология глагола в современном русском языке. М., 1980.
- Исаков И.А.* Об ударении в аварском языке // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981.
- Касаткин Л.Л.* Фонетика // Современный русский литературный язык (под ред. П.А. Леканта). М., 1982.
- Кацнельсон С.Д.* К происхождению эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Кирик А.Е., Кодзасов С.В., Старостин С.А.* О просодической структуре слов в дагестанских языках. М., 1978.
- Ломтев Т.П.* Фонология современного русского языка на основе теории множеств. М., 1972.
- Магомедов А.А.* Звук *p* в кубачинском диалекте даргинского языка // Сообщ. АН Груз. ССР. Т. XI. № 7. Тбилиси, 1950.
- Магомедов А.А.* Лабиализованные звуки в даргинском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. V. Тбилиси, 1953.
- Магомедов А.А.* Фонетический обзор кубачинского диалекта даргинского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т. IX—X. Тбилиси, 1958.
- Магомедов А.А.* Рец.: Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология), Махачкала, 1954 // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XIII. Тбилиси, 1963.
- Магомедов А.А.* Кубачинский язык (исследование и тексты). Тбилиси, 1963.
- Магомедов А.А.* Фарингализованные гласные в даргинском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. Т. 53. № 3. Тбилиси, 1969.
- Макаев Э.А., Кубрякова Е.С.* О статусе морфологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т. 3.
- Март Н.Я.* Предисловие к сборнику "Языковедение и материализм" // Избр. раб. Т. 2. М., 1936 а.
- Март Н.Я.* Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком // — Избр. работы. Т. 2. 1936 б.
- Матусевич М.И.* Введение в общую фонетику. Изд. 2-е. Л., 1948.
- Матусевич М.И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Михаилов Ш.И.* Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958.
- Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- Реформатский А.А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1960.
- Реформатский А.А.* Фонологические этюды. М., 1975.
- Реформатский А.А.* О реальности модели // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Реформатский А.А.* Очерки по фонологии, морфологии и морфологии. М., 1979.

Саидов М. Краткий грамматический очерк аварского языка // Аварско-русский словарь. М., 1967.

Сосюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание III. Аварский язык. Тифлис, 1889.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

Филин Ф.П. О специальных теориях в языкознании // ВЯ. № 2. 1978.

Чикобава А.С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.

Чикобава А.С. Когда и как это было // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. XII. Тбилиси, 1985.

Шаумян С.К. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.

Шор Р.О. К вопросу о так называемых "геминатах" (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана. I. М., Л., 1935.

Щерба Л.В., Матусевич М.И. Фонетика // Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1953.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Изд. 6-е. М., 1957.

Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983.

Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Т. II. М., 1962.

Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. I. М., 1928.

Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М., Л., 1941.

Ярцева В.Н. О принципах определения морфологического типа языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М., Л., 1965.

Vachek J. Über die phonologische Interpretation der Diphthonge. = Studies in English. By members of the English seminar of the Charles University. Vol. 4, Prague, 1933.

Vachek J. Über das phonologische Problem der Diphthonge // Práce z vedeckých ústavů filosof. fakulty Karlovy University. XXXIII. Pr., 1933a.

Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.

Projet de terminologie phonologique standardisée ("Проект стандартизации фонологической терминологии") // TCLP. IV. 1931.

Schifner A. Versuch über das Awarische // Mémoires de L'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VII-e série, T. V. № 8. St-Petersbourg, 1862.

Schifner A. Ausführlicher Bericht über Baron P. v. Uslar's awarische studien // Mémoires ... VII-e série. T. XVIII. № 6, St.-Petersbourg, 1872.

Trubetzkoy N.S. Sur la "morphonologie" // Travaux du Cercle Linguistique de Prague (TCLP). Vol. 1, 1929.

Trubetzkoy N.S. Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen // Caucasia. F. 8. Leipzig, 1931.

Trubetzkoy N.S. Das morphonologische System der russischen Sprachen // TCLP, V. 1934.

Ułaszyn Henryk. Laut, Phonema, Morphonema // TCLP. IV. 1931.

- Абаев В.И. 158
 Абдуллаев С.Н. 11, 19, 45, 46, 52, 59, 71,
 102, 106, 108, 115, 119, 133, 134,
 136, 137, 138, 144, 147, 151, 157, 159, 192,
 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 224
 Абдуллаев З.Г. 268
 Аванесов Р.И. 244, 261
 Арутюнова Н.Д. 249, 269
 Ашхамаф Д.А. 241, 242, 262, 263, 264, 265
 Ахманова О.С. 261
- Бенвенист Э. 239, 261
 Бернштейн С.И. 261
 Блумфилд Л. 249, 253, 258, 261
 Бодуэн де Куртенэ 239, 240, 241, 252, 261
 Бокарев Е.А. 121
 Бондарко Л.В. 261
 Булыгина Т.В. 266
 Быховская С.Л. 144, 145
- Вахек Й. 203, 261
- Гапринданвили Ш.Г. 11–15, 17–19, 35–40,
 42, 46–49, 51, 52, 87, 97–100, 103–107,
 110–124, 131, 133, 144, 152,
 153, 156–166, 168, 170–172, 175, 178–
 180, 199–203, 207–213, 217
 Глисон Г. 261
 Гудава Т.Е. 216, 265, 275
- Джоунз Д. 261
 Дирр А.М. 169, 216, 265, 275
- Жирков Л.И. 10, 11, 14, 16, 17, 19,
 22–24, 36, 45, 46, 52, 109, 110, 114,
 143, 144, 154, 155, 167, 169, 185, 216,
 219, 233, 265, 275
- Зиндер Л.Р. 203, 244, 246, 247, 259, 261
- Ельмслев Л. 260, 261, 273
- Ильина Н.Е. 270
 Исаков И.А. 216, 218
 Касаткин Л.Л. 249
 Кацнельсон С.Д. 150
 Кибрик А.Е. 219
 Кодзасов С.В. 219
- Косериу Э. 261
 Кубрякова Е.С. 266, 268
 Кузнецов П.С. 261
 Курилович Е. 261
- Ломтев Т.П. 256, 257, 261
- Магомедов А.А. 11, 14, 17, 23–24, 36, 37,
 45, 46, 52, 78, 96, 101, 106, 120, 122,
 123, 125, 139, 156, 181, 182, 184, 185,
 192, 196, 198, 199, 211, 212, 213, 217
- Макаев Э.А. 266, 268
 Мартине А. 261
 Маркс К. 259
 Марр Н.Я. 251
 Мартине А. 261
 Матусевич М.И. 203, 247, 261
 Микаилов Ш.И. 216
- Найда Ю. 10, 261
- Панов М.В. 249, 261
- Реформатский А.А. 244, 250–252, 254, 255,
 257, 261, 266–268, 271, 276–278
- Рогавя Г.В. 265, 275
- Саидов М. 216
 Сепир Э. 261
 Сидоров В.Н. 261
 Соссюр Ф. 251
 Старостин С.А. 219
- Тводделл В.Ф. 242, 243, 261
 Трнка Б. 261
 Трубецкой Н.С. 24, 110, 154, 155, 169, 172–
 176, 178, 181, 203, 216, 223, 242, 243,
 249–255, 261, 262, 265–267, 270, 275,
 276
- Улашин Г. 266, 267, 270
 Уорт Д.С. 255, 266
 Услар П.К. 10, 14–16, 19–22, 24, 26–28, 41–
 43, 48, 49, 51–56, 66, 70, 71, 73, 74–
 79, 81, 85, 109, 110, 113, 114, 135,
 143, 151–153, 155, 156, 167, 169,
 179, 191, 192, 205–207, 209, 212, 216,
 223, 233

Фант Г. 261
Филин Ф.П. 5, 8, 274

Халле М. 261
Харрис З. 261
Хоккерт Ч. 261
Хомский Н. 261

Чикобава А.С. 8, 265, 275, 279

Шаумян С.К. 242–245, 250, 256, 261

Шифнер А. 216
Шор Р.О. 169, 170, 178, 179, 181

Щерба Л.В. 240, 241, 246–249, 261

Энгельс Ф. 259

Якобсон Р. 261
Яковлев Н.Ф. 154, 155, 241, 242, 253, 262–
265
Ярцева В.Н. 275

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ВОКАЛИЗМ	9
Простые гласные	14
гласный -и- (14); гласный -е- (15); гласный -а- (19); гласный -э- (20); гласный -у- (40); гласный -о- (42)	
Долгие гласные	52
долгий -ā- (55); долгий -ē- (72); долгий -ū- (77); долгий -ā̄ (81); дол- гий -ō- (85)	
Фарингальные гласные	95
фарингальный -ū̄- (96); фарингальный -ū̄- (99); фарингальный -ē- (101); фарин- гальный -ā̄- (101)	
КОНСОНАНТИЗМ	102
Смычно-взрывные согласные	104
а) Губно-губные	104
б) Переднеязычные	105
в) Заднеязычные	105
г) Фарингальные	106
д) Ларингальные	107
Спиранты	109
а) Губно-губные	109
б) Переднеязычные	116
в) Среднеязычные	117
г) Заднеязычные	117
д) Аспираты	119
Аффрикаты	121
Звуковые процессы	128
Выпадение согласных	128
Наращение согласных	141
Замещение согласных	147
Напряженные	151
Лабializedованные согласные и их квазирефлексы	184
Квазидифтонги и структура слога	203
УДАРЕНИЕ	216
ЗВУК, ФОНЕМА, МОРФОНЕМА, МОРФЕМА	238
ЛИТЕРАТУРА	281
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	284

Научное издание

Абдуллаев Запир Гасанбекович

ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

I

Фонетика

*Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и искусства
Дагестанского научного центра РАН*

Руководитель фирмы "Наука—Культура"

А.И. Кучинская

Редактор издательства *Т.М. Скрипова*

Художник *Е.Н. Волков*

Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор выполнен в издательстве
на электронно—фотонаборной системе

Подписано к печати 02.03.93. Формат 60×90¹/₁₆

Гарнитура "Таймс". Печать офсетная

Усл.печ.л. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,0. Уч.-изд.л. 21,3

Тираж 500 экз. Тип. зак. 4131. Заказное

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство "Наука" 117864 ГСП-7,

Москва В-485, Профсоюзная ул. д. 90

2-я типография издательства "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6